

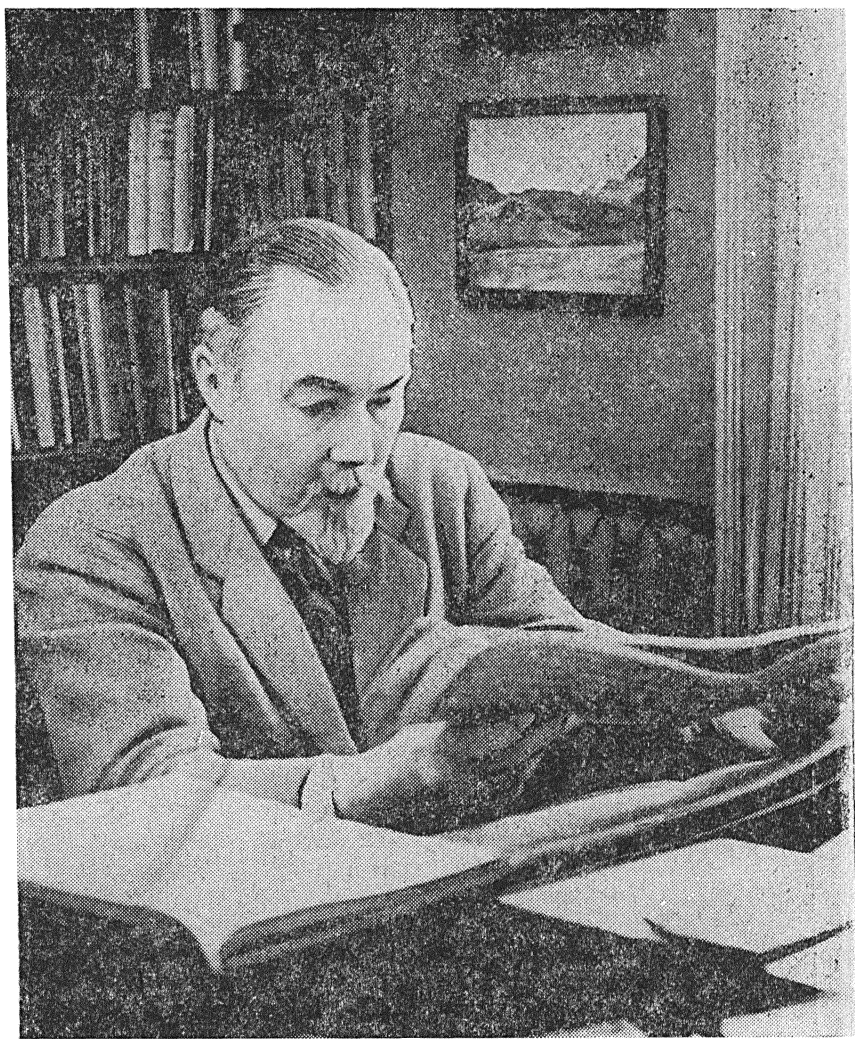
Ю. Н. РЕРИХ
ПО ТРОПАМ
СРЕДИННОЙ АЗИИ

*** П Е Р В О П Р О Х О Д Ц Ы ***

**ХАБАРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1982**

Ю. Н. Рерих. Москва, 1960 г.

Ю. Н. РЕРИХ

ПО ТРОПАМ СРЕДИННОЙ АЗИИ

*Перевод с английского
Н. Н. ЗЕЛИНСКОГО*

ББК 85.14
75
Р42

Под редакцией и с предисловием

Героя Социалистического Труда, лауреата Государственных премий СССР
академика А. П. ОКЛАДНИКОВА
и доктора исторических наук В. Е. ЛАРИЧЕВА

Введение

В. Е. ЛАРИЧЕВА

Послесловие

Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии
НИКОЛАЯ ТИХОНОВА

Комментарий

заслуженного деятеля искусств РСФСР, лауреата премии им. Дж. Неру,
доктора искусствоведения С. И. ТЮЛЯЕВА

Примечания

В. С. ШЕВЧЕНКО

Р 4903020000—51
М160(03)—82

ПРЕДИСЛОВИЕ

В твоих руках, читатель, повествование о полных самоотверженного труда и приключений странствиях, совершенных более полувека назад семейством Рерихов в загадочно-пленительных просторах Центральной Азии. Книга эта, из столь любимого теперь жанра записок о путешествиях в неведомые земли, написана пером славного сына нашей страны, видного русского востоковеда Юрия Николаевича Рериха. Отец автора, руководитель Центральноазиатской экспедиции 1923—1928 годов, выдающийся русский художник, писатель, мыслитель и общественный деятель Николай Константинович Рерих, задумал и на удивление всему миру успешно осуществил поистине грандиозное по своим масштабам предприятие. Маршруты экспедиции пролегали зачастую по неизвестным западноевропейской науке местам Южной, Центральной и Юго-Восточной Азии, пересекали границы Индии, западных и восточных районов Китая, Юга советской Сибири, Центральной Монголии, Северного Тибета. Неисчислимы, иногда попросту невероятные трудности возникали на этом пути через степи, пустыни и горы Азии, но все они были преодолены Рерихами.

Центральноазиатская экспедиция Н. К. Рериха осуществлялась, бесспорно, в духе лучших традиций русской науки, многие деятели которой с давних времен стремились к комплексному изучению природы и истории глубинной Азии. В этом смысле экспедиция 1923—1928 годов представляет собой одно из закономерных звеньев в цепи грандиозных предприятий русской науки в Центральной и Восточной Азии. Русских людей издавна притягивали к себе безбрежные, утопающие в волнах жаркого марева пустыни и степи Монголии и Восточного Туркестана, подпирающие голубое небо пики сурового Тянь-Шаня и неприступного Памира, вздыбившиеся хребты Гималаев и твердыни Тибета. Их вела неутолимая жажда познания земель и народов, с незапамятных времен соседствующих с Россией на Восто-

ке Азии. В самом деле, достаточно упомянуть лишь самые известные из русских научных предприятий, осуществленных до экспедиции Н. К. Рериха, чтобы уяснить, насколько интерес русской географической науки и этнографии к изучению Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии традиционен и глубок.

Напряженные русские исследования центральных районов Азии охватывают два столетия. Блестящие достижения отечественной науки в области геолого-географических и флоро-фаунистических описаний этого интереснейшего региона континента, выполненных большей частью впервые в мире на уровне современных требований, выдающиеся успехи в решении важнейших проблем истории, этнографии, филологии, экономики и культуры народов, населяющих степные, пустынные и горные части Срединной Азии, поистине впечатляют. Не случайно английского путешественника Дугласа Каррутерса, в начале нынешнего века отправившегося в путешествие по Центральной Азии, прежде всего поразили масштабы уже проделанной к тому времени работы: «В ряду повествований об исследованиях нет более захватывающей главы, нежели повествование об изучении русскими Центральной Азии и западной части Китая. Это было величайшее предприятие, оказавшееся вполне по плечу москвитам. Русский привык все делать в крупном масштабе. Его путешествия чаще всего колоссальны. Н. М. Пржевальский, пионер русских путешественников, покрыл, например, 19,5 тысячи миль пути и употребил на это 9 лет и 4 месяца своей жизни, а П. К. Козлов пересек великую Гоби пять раз в трех различных направлениях. Русские исследования во Внутренней Азии были систематическим предприятием, частью того огромного плана, который был задуман Русским Географическим обществом в Петербурге под руководством высокоодаренного его вице-президента П. П. Семенова...»

Здесь уместно напомнить, что первые русские исследования Внутренней, или Срединной, Азии были предприняты еще в XVII веке, когда в степях Монголии побывали «государевы люди» Василий Тюменец, Иван Петлин и Федор Байков, а крайние западные области Тибетского нагорья первым из европейцев посетил Филипп Ефремов, человек удивительной судьбы. Однако подлинно золотой век в изучении Центральной Азии и Тибета наступил приблизительно через столетие. Он характеризуется прежде всего тщательным изучением древних письменных источников, раскрывающих во всей сложности драматических событий многовековую историю народов Срединной Азии. Здесь первое место по праву принадлежит выдающемуся русскому востоковеду Н. Я. Бичурину, автору замечательных трудов «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», «История первых четырех ханов из дома Чингисова», «Записки о Монголии». Его перу принадлежат также первые серьезные из изданных на европейских языках сочинений работы, посвященные Тибету: «Описание Тибета в его нынешнем состоянии» и «История Тибета и

Хухунора (с 2282 года до Р. Х. по 1227 года по Р. Х.)». Н. Я. Бичурин с присущей ему тщательностью отобрал, систематизировал и перевел многочисленные письменные источники, содержавшие богатейший материал по истории, экономике, культуре и административному устройству древнего и современного ему Тибета. Европейский читатель впервые получил в свои руки книги, из которых узнал множество сведений о стране, дотоле неведомой и загадочной.

Важно подчеркнуть, что в России изучение прошлого Центральной Азии и Тибета совмещалось с разработкой грандиозных планов полевых комплексных исследований. Для участия в них Русским Географическим обществом широко привлекались люди талантливые, с горячим сердцем, беззаветно преданные науке, отважные и предприимчивые, готовые пойти на безграничный риск. Плеяда известных всему миру русских замечательных путешественников второй половины XIX века во главе с великим Н. М. Пржевальским показывает, что России талантов не занимать.

Четыре экспедиции провел Н. М. Пржевальский, путешествуя по Центральной Азии и частично захватывая своими маршрутами горную страну Тибет. Уже первая из них, состоявшаяся более века тому назад, настолько обогатила мировую науку сведениями о природе и населении восточной части Монголии, Ордоса, района Кукунора и верховьев Янцзы, что имя молодого путешественника сразу же стало широко известным. Последующие путешествия в район Лобнора и к северным границам Тибетского нагорья (Вторая Центральноазиатская экспедиция), по пустыне Хами, Тибетскому нагорью и собственно Тибету (Третья Центральноазиатская, или Первая Тибетская, экспедиция), а в 80-е годы по Гоби, Алашаню, району истоков Хуанхэ и Восточному Туркестану (Четвертая Центральноазиатская, или Вторая Тибетская, экспедиция) принесли Н. М. Пржевальскому всемирную славу и всеобщее признание. Русский путешественник оказался на высоте задач, поставленных перед ним Географическим обществом; отличная специальная подготовка, предельная целеустремленность, применение в исследованиях передовых методов, требующих систематических наблюдений и сбора коллекций, сравнительного анализа и обобщений, предопределили его успех. Н. М. Пржевальский дал необычайно яркое представление о многих районах, еще не так давно считавшихся «белыми пятнами» на карте Старого Света, нарисовал поразительно живые картины быта и занятий коренного населения степей, пустынь и горных плато Центральной Азии и Тибета. Его отчеты о путешествиях, написанные живым, образным языком, вызвали отклик самых широких кругов читателей как в России, так и за рубежом.

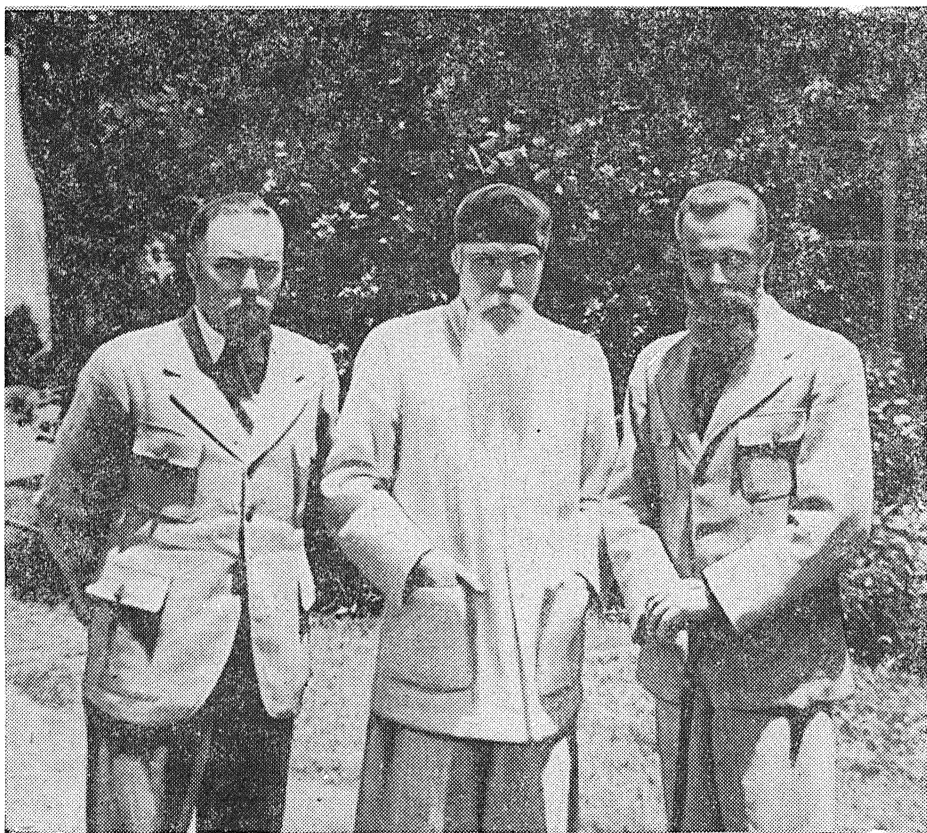
Дело Н. М. Пржевальского продолжили его коллеги и ученики. Третью Тибетскую экспедицию возглавил М. В. Певцов, известный исследователь Джунгарии и Монголии. Он провел работы в Кашгарии и Куньлуне, захватив частично также район северной части Тибетского нагорья. Затем последовали длительные путешествия

В. И. Роборовского, Г. Н. Потанина, П. К. Козлова, В. А. Обручева, Г. Е. Грум-Гржимайло. Проводя географические, геологические и этнографические исследования, они покрыли маршрутами большую часть территории Центральной Азии и Тибета.

Экспедиции Русского Географического общества были комплексными. Помимо решения задач земледовческого характера, русские исследователи уделяли большое внимание этнографии, археологии, истории и современному положению народов Азии. В итоге им принадлежит ряд открытий мирового класса. Здесь прежде всего следует упомянуть замечательные находки памятников с орхонскими руническими текстами (Н. М. Ядринцев и В. В. Радлов), открытие гробниц гуннских шаньюев и средневекового тангутского города Хара-Хото (П. К. Козлов), тщательные этнографические наблюдения и описания многочисленных и разнообразных по типу древних памятников культуры, начиная с каменного века и кончая эпохой Чингисхана и его преемников (Н. М. Ядринцев, В. В. Радлов, Г. И. Боровка, П. К. Козлов, Д. А. Клеменц, В. А. Казакевич, В. Л. Котвич, П. М. Мелиоранский, Н. Ф. Катанов, Г. Н. Потанин, Д. Д. Букиннич, С. Н. Лаптев, П. С. Михно, Б. Э. Петри). Если к этому добавить успехи, достигнутые русскими востоковедами и историками в изучении древних летописных источников по истории Центральной Азии, а также ее этнографических памятников (П. Кафаров, В. П. Васильев, В. М. Алексеев, Э. В. Бретшнейдер, В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, С. А. Козин, С. Е. Малов, Б. Я. Владимирцов, Д. М. Позднеев, А. Ю. Якубовский, Г. Е. Грум-Гржимайло, П. С. Попов), то картина давнего и всеохватывающего внимания русских ученых к историко-культурным проблемам Центральной Азии станет совершенно очевидной.

Что касается Тибета, то особо следует упомянуть путешествие в Лхасу Г. Ц. Цыбыкова, подробный отчет которого содержит богатейший материал о культуре, быте и религии тибетцев, а также описание столицы страны и некоторых других ее крупных городов. Большой интерес представляет также двухтомный труд видного русского востоковеда Н. В. Кюнера «Географическое описание Тибета», изданный во Владивостоке в 1907—1908 годах. В этой работе обобщен огромный материал по географии, экономике, культуре и истории данной страны. Книга Н. В. Кюнера и поныне остается ценным пособием для всех занимающихся историей Тибета.

Как видим, Центральноазиатская экспедиция Н. К. Рериха продолжила давние традиции отечественной науки. Задачи, которые предстояло решить путешественникам, отличались значительным многообразием и учитывали склонности и интересы каждого из них. Для Николая Константиновича «главным устремлением» было познание «души Азии». И эта «душа» с такой готовностью отозвалась на призыв художника, что потребовались годы, чтобы воплотить в картинах и книгах многокрасочные впечатления, вынесенные из странствий по Средней Азии. Увлеченность исследованием памятников древних

Ю. Н. Рерих, Н. К. Рерих и С. Н. Рерих. Кулу

культур этого региона, современного его состояния, изучением языков, традиций, религий, обычаев и «следов великого переселения народов» объединяла и сплачивала в единое целое участников экспедиции, в которую помимо Николая Константиновича входили его жена Елена Ивановна и сын Юрий Николаевич. Всю их последующую научную деятельность вдохновляли и щедро питали впечатления, полученные в ходе пятилетнего путешествия по Индии, Китаю, Монголии и Тибету.

«Бьется ли сердце Азии?» — взволнованно задавали себе вопрос путешественники, раздумывая о прошлом, настоящем и будущем Азии. Вид иссушенного Такла-Макана, этого апофеоза безжизненности природы, засыпанные песком деревья, протянувшие к небесам причудливо искривленные ветви, терявшаяся среди барханов старин-

ная дорога и обрушенные временем некогда грозные крепостные стены мертвых городов, казалось бы, давали совершенно однозначный ответ. И все же встречи участников экспедиции с обитателями Срединной Азии со всей определенностью засвидетельствовали: «Сердце Азии бьется!»

Своеобразны жизнь и мышление тех, кто трудится в «забытых богом» оазисах и кочевьях. Нет более благодарных слушателей, чем то «множество людей», которые жадно воспринимают долгожданные вести от «иных цивилизаций». Этим людям приходится нелегко, но они стремятся к новой жизни, мечтают о переменах к лучшему. И как несовместимы удивительные памятники культуры, созданные творческим гением народов Азии, их сердечность и дружелюбие с закоснелостью форм государственного устройства и оцепенением религиозного сознания!

И все же, несмотря на пресс суеверий и предрассудков, давивший на «сердце Срединной Азии», оно билось, излучая свет и рассеивая мрак варварства. Книга «По тропам Срединной Азии», русский перевод которой* выходит в свет накануне 80-летия со дня рождения ее автора, подтверждает это убедительно и наглядно. Путевые записки Ю. Н. Рериха превосходно дополняют известную книгу Н. К. Рериха «Алтай—Гималаи», опубликованную в 1974 году в серии «XX век: путешествия, открытия, исследования». Ю. Н. Рерих, ученый талантливый и вдохновенный, написал увлекательное повествование о малоизвестных обстоятельствах выдающегося по замыслам и результатам путешествия в глубь Азии.

*Академик А. П. ОКЛАДНИКОВ,
В. Е. ЛАРИЧЕВ,
доктор исторических наук*

* С отдельными фрагментами повествования Ю. Н. Рериха читатели смогли ознакомиться в 1974—1975 гг. (см.: «Дальневосточные путешествия и приключения», вып. 5 и 6).

СЛОВО

О ЮРИИ НИКОЛАЕВИЧЕ РЕРИХЕ

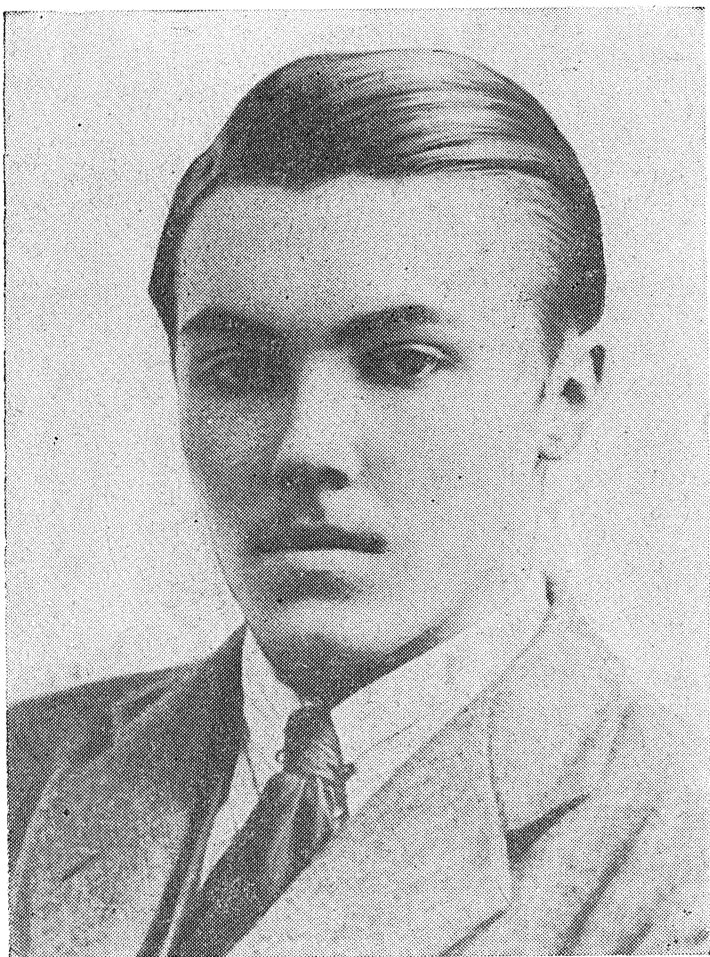
Пять лет искала пути к «сердцу Азии», бережно «сохраненному пустынями», экспедиция великого русского художника Н. К. Рериха. И опаленный солнцем Восток отвечал на этот искренний порыв русских путешественников изъяслениями приязни и дружелюбия. Поднимаясь на вздыбленные вершины Гималаев или бредя по каменистым тропам Тибетского нагорья, спутники Н. К. Рериха, казалось, снова и снова слышали радостный возглас «Урус карош!», которым их приветствовали жители Порт-Санда. Здесь, у «ворот Азии», началась тропа их многолетних странствий. Слева сливался с горизонтом подернутый жемчужной дымкой легендарный Синай, чуть дальше розовели пески безводной пустыни, впереди расстилалась синяя гладь библейского Чермного, или Красного, моря с витиеватыми узорами аравийских заливов... А ночью из мрака подал предостерегающий знак огненный вулкан Стромболи... Так вот он каков, западная окраина Азии — Ближний Восток! Обитатели его не менее своеобразны: бело-голубая, с торжественно ниспадающими складками одежда, смуглые лица, улыбки, ослепляющие жемчугом зубов, и эти, кажется, до сих пор звучащие в воздухе приветствия: «Урус карош!..»

Можно не сомневаться, что первая и потому особенно затронувшая душу встреча с Востоком навеяла на Юрия Николаевича Рериха воспоминания о давних детских годах. Впрочем, эти «давние детские годы» были не столь уж далекими: ведь тогда, в конце ноября 1923 года, когда пароход «Македония» с семейством Рерихов на борту входил в салатно-зеленые воды Суэцкого канала, старшему сыну художника исполнился всего 21 год. В этом возрасте многие только начинают искать жизненное поприще, что же касается Ю. Н. Рериха, то окончательный выбор был сделан им еще в первых классах гимназии: Восток, востоковедение... Неодолимое влечение юноши к Востоку, к его сказочно богатым истории и культуре, полным непередаваемого очарования, возникло, несомненно, под сильным и направляющим влиянием отца, Николая Константиновича Рериха.

Собственно, тягу к Востоку, к постижению его культуры, философии и истории, следует считать традиционной для семейства Рерихов. Н. К. Рерих, великий художник, ученый, писатель и мыслитель, тоже с детских лет увлекался Востоком. Позже, в пору зрелости, занятый раздумьями об исторических судьбах России, он все чаще стал обращать свой взор к глубинам Азии, стараясь отыскать там истоки «неожиданных наслоений в лике русской действительной жизни». Оттуда, с Востока, из его таинственных недр, пришли на Русь сокровища древнейших культур Азии, и, по мнению Н. К. Рериха, характер русской национальной культуры не может быть до конца понят без серьезного учета контактов и взаимовлияния народов России и Востока. Всестороннее изучение Азии всегда представлялось ему наиболее актуальной задачей. Вот почему уже в зрелом возрасте он обратился к индийской теме и вначале написал сказку «Девассари Абунту», а затем создал картины «Девассари Абунту» и «Девассари Абунту с птицами». Позже «восточное направление» в творческих исканиях Н. К. Рериха продолжало углубляться и расширяться. Его внимание привлекли произведения восточных мыслителей, в частности система взглядов Свами Вивекананды, но наибольшее впечатление на Н. К. Рериха произвел Рабиндранат Тагор как особо близкий ему по духу литератор, философ и активный общественный деятель. Насколько глубоко увлекал Н. К. Рериха Восток, свидетельствует круг близких ему лиц, среди которых мы находим видных востоковедов Б. А. Тураева, Ф. И. Щербатского, С. Ф. Ольденбурга, А. Д. Руднева и В. В. Голубева. Не меньший интерес вызывают связи Н. К. Рериха с бурят-эрудитом Агваном Доржиевым, доверенным лицом далай-ламы и чрезвычайным посланником Тибета в России. Именно в эти годы зародилась мечта художника побывать в Индии, а также в Центральной Азии, чтобы самолично прикоснуться к таинственной «колыбели человечества».

В свете сказанного находит объяснение необычайно раннее увлечение Юрия Николаевича историей, археологией и этнографией Азии. С детских лет он общался с крупнейшими русскими учеными-востоковедами, а в доме его родителей постоянно велись разговоры о мотивах Востока в русской литературе и живописи, о востоковедении как важнейшей составной части культуры России, разгорались дискуссии о путях синтеза культурных традиций Востока и Запада. Именно в этом синтезе усматривался выход из тупика, в котором оказалась цивилизация капиталистической Европы, и без него был невозможен поиск новых путей в искусстве. Восток представлялся Рерихам и их окружению той «землей обетованной», где людям удалось создать истинно гуманистические ценности, которые служили человеку и облагораживали его.

Следует также учитывать то важное обстоятельство, что русское востоковедение со всеми его многочисленными отраслями в конце XIX — начале XX века достигло особенно впечатляющих успехов. На

Ю. Н. Рерих в юности

небосклоне русской науки звездами первой величины сияли тогда имена Б. А. Тураева, Б. Я. Владимирцова, И. Ю. Крачковского, В. П. Васильева, Ф. И. Щербатского, П. А. Коковцева, В. С. Голенищева-Кутузова и С. Ф. Ольденбурга, являвшихся гордостью не только русского, но и мирового востоковедения. С одним из этих ученых, другом семьи Рерихов известным монголистом А. Д. Рудневым, Юрий Николаевич еще гимназистом приступил к изучению монгольского языка и литературы, а основы египтологии постигались им с помощью выдающегося знатока и исследователя древнейших цивилизаций Ближнего Востока Б. А. Тураева. Удивительное по везению начало жизненного пути! Но дело не только в «везении». Юрия Николаевича отличали исключительное трудолюбие и целеустремленность, способность проникновения в сущность культур и искусства Востока и, конечно же, незаурядные и разносторонние научные дарования, которые так счастливо совместились в одном лице. Блестящее образование, которое он получил, в особенности свободное владение английским, французским и немецким языками, открывало ему доступ к новейшей западноевропейской востоковедческой литературе, а достижения отечественного востоковедения служили «стартовыми площадками» для его собственных научных исследований. И все же главную роль в судьбе Юрия Николаевича сыграло решение отца «пройти индийский и центральноазиатский пути». Кажется, встреча Н. К. Рериха, который работал тогда над индусской серией панно «Сны Востока», с «гигантом мысли и прекрасных образов» Рабиндранатом Тагором, состоявшаяся в Лондоне в 1920 году, определила многое в будущих событиях. Тогда, в лондонской мастерской на Квинсгэттерае, великий поэт и мыслитель Индии высказал сочувственное отношение к планам Н. К. Рериха. Что касается Юрия Николаевича, то вряд ли следует считать случайностью поступление его уже в следующем, 1921 году в Школу восточных языков индо-иранского отделения Лондонского университета. Сын сознательно готовился стать опорой отца в одном из величайших научных предприятий первой четверти XX века.

Юрий Николаевич со свойственной ему основательностью приступил к изучению санскрита, занятия по которому проводил профессор Д. Росс, а также к овладению персидским языком. Тщательная лингвистическая подготовка была продолжена в 1922 году в США, в Гарвардском университете, под руководством санскритолога профессора Г. Ланмана. Ю. Н. Рерих окончил отделение индийской филологии в том же году и получил степень бакалавра. Помимо санскрита он осваивал также пали и китайский язык. В 1923 году Рерих-младший окончил Школу восточных языков при Сорбонне, где он совершенствовал свои знания санскрита, иранских языков, а также китайского, монгольского, тибетского, ряда живых языков Индии и, кроме того, греческого и латыни. Среди его парижских наставников можно назвать знаменитого Поля Пелльо, благодаря которому Юрий Николаевич говорил потом по-монгольски как рожденный в юрте кочев-

ник. Сорбонна удостоила Юрия Николаевича за его успехи в науках степени магистра индийской филологии. Когда 17 ноября 1923 года пароход «Македония» покинул рейд Марселя и взял курс на Восток, на его палубе рядом с Рерихом-старшим стоял Рерих-младший, который сделал все, чтобы на предстоящие десятилетия стать опорой и ближайшим сотрудником отца. Знание живых языков Востока должно было помочь ему в установлении непосредственного контакта с народами Азии, а многогранность его интересов как историка и археолога, филолога и этнографа — в проникновении в тайны восточно- и центральноазиатских цивилизаций.

2 декабря 1923 года «открыла свой лик Индия» — тонкая полоска берега, тощие деревца, трещины иссушенной почвы... По сходням бомбейского причала сошла на землю группа русских. Перед Юрием Николаевичем открылась во всем многообразии часть того мира, к встрече с которым он столь упорно готовился, изучая проблемы индологии и тюркологии, иранистики и монголоведения, китаеведения и тибетологии. Правда, у него отсутствовал опыт путешествий по горным кручам и долинам гигантского каменного пояса Юга Азии, по бескрайним просторам степей и пустынь срединной зоны континента. Но, как показали последующие события, трудности тысячемильных переходов Юрий Николаевич преодолевал с той же стойкостью и самоотверженностью, с какой прежде постигал тайны санскрита и головоломные ребусы китайского письма. Центральноазиатская экспедиция Рерихов стала достойной продолжательницей лучших традиций русских географических, этнографических и историко-культурных исследований в Азии и вместе с тем привнесла много нового в практику экспедиционных работ. Перед изумленным миром на полотнах Н. К. Рериха предстал в необычных сочетаниях красок древний лик Азии, а благодаря трудам Юрия Николаевича более четко обрисовались «устои» восточных цивилизаций как давних времен, так и неразрывно связанной с ними современности.

Последнее обстоятельство следует особо подчеркнуть. Три тысячи километров преодолели Рерихи за первый месяц путешествия по Индии. Позади остались Калькутта и Бенарес, Джайпур и Сарнатх, Агра и остров Элефанта. Осмотрены десятки древних памятников, состоялись беседы с сотнями людей, среди которых были как известные индийские философы, ученые, художники и писатели, так и никому неведомые брахманы, ламы и паломники. Н. К. Рерих, описывая пребывание в Лехе, сетовал на скрытность монахов. Чтобы раскрыть их «многозначительные тайны», следовало не только знать язык, на котором говорили ламы, но и достигнуть «внутреннего понимания». Сколько несуразностей было разнесено по свету приезжими учеными-европейцами, возмнившими, что они познали «тайны» буддизма! Но Юрий Николаевич, казалось, без особых усилий добивался этого невероятно трудного и сложного «внутреннего понимания» и вел со своими собеседниками самые доверительные беседы. Вот почему обычно

скупой на похвалы отец однажды записал в дневнике: «Как прекрасно, что Юрий знает все тибетские наречия! Только без переводчика люди здесь будут говорить о серьезных вещах. Сейчас нужно брать в полном знании, в ясном реальном подходе. Любопытство неуместно. Только настойчивая любознательность!» В этих словах — ключ к пониманию задач, стоявших перед Центральноазиатской экспедицией Рерихов. В связи с этим нельзя не отдать должное прозорливости Н. К. Рериха, сумевшего увидеть в сыне будущего талантливого учено-востоковеда и всемерно поддерживавшего все его начинания.

Но вернемся на тропу, по которой шла Центральноазиатская экспедиция Рерихов. Более 25 000 километров преодолели ее участники, штурмуя горные перевалы и пересекая безбрежные просторы степей и пустынь. А сколько бесчисленных препятствий создали на их пути те, кто хотел во что бы то ни стало выдворить из Тибета и Восточного Туркестана русских исследователей! Кажется, сама стихия, при всем ее могуществе, не могла бы состязаться с людьми, одержимыми недобрыми замыслами. В такой обстановке постоянного ожидания неприятностей нужно было обладать не только незаурядным мужеством и отчаянной смелостью, но и поистине неиссякаемым терпением, сдержанностью, хладнокровием и величайшим чувством такта.

И все же, несмотря ни на что, исследования продолжались! Изучалась география мест, достичь которых прежде удавалось мало кому из европейских путешественников, в эскизах и этюдах запечатлевался художественный образ неведомой Азии, исследовались быт, обычаи, нравы и наречия жителей гор, степей и пустынь. Во время сотен и тысяч встреч с людьми, которые принадлежали к самым разным социальным слоям и поклонялись разным богам, формировалось особое и бесценное по значимости «видение Востока». И если преграды, встававшие на пути экспедиции, оказались преодоленными, а основные задачи ее решенными, то в этом есть и заслуга Юрия Николаевича Рериха.

С кем бы ни вступал он в контакт — с видным представителем современной интеллигенции страны или погонщиком верблюдов, с магараджей или обитателем степной юрты, с высокообразованным ламой или простым караванщиком, с пандитом, гуру или йогами, ему, человеку чрезвычайно тонкого воспитания и прирожденного обаяния, всегда удавалось создать редкостную по доверительности и искренней заинтересованности атмосферу общения. Его, исследователя глубокого и проникновенного, менее всего могла увлечь азиатская псевдоэкзотика, которая возбуждала поверхностного наблюдателя, рассматривавшего Азию как особый «объект исследования». Юрий Николаевич стремился в первую очередь к постижению сущности религиозных и философских концепций, бытовавших на Востоке, к уяснению основополагающих традиций жизни и деятельности коренного населения Азии. Он вел себя с монголами и тибетцами, киргизами и уйгурами как равный с равными, а не рассматривал их со стороны, и тем

Ю. Н. Рерих и Н. К. Рерих
в Нью-Йоркском музее, 1929 г.

более сверху, как некий этнографический раритет, достойный лишь того, чтобы вызвать снисходительное изумление «просвещенного европейского ума». В личности Юрия Николаевича не могли не восхищать постоянное и ярко выраженное стремление к самосовершенствованию, к достижению высот духовной гармонии, а также его доброта и отзывчивость. Он служил науке вдохновенно и истово.

Работоспособность Юрия Николаевича была поистине редкой. Караваны экспедиции продолжали еще отмерять бесконечные мили в просторах Центральной Азии, а в Париже в 1925 году уже вышла в свет публикация «Тибетская живопись», подготовленная им за время пребывания в горном восточнотибетском княжестве Сикким, этом древнейшем заповеднике буддийской культуры. Спустя несколько лет, в 1931 году, в Лондоне была опубликована книга «По тропам Средней Азии», своего рода летопись Центральноазиатской экспедиции Рерихов. Этими публикациями как бы завершался первый этап научной деятельности Юрия Николаевича, связанный главным образом с полевыми работами. С 1928 года молодой ученый становится во главе созданного Н. К. Рерихом «Урусвати» — Гималайского института научных исследований. Для Юрия Николаевича начался новый период самоотверженной деятельности, ознаменовавшийся выдающимися свершениями. Проводя широкие исследования в Индии, он предпринимает в то же время экспедиции в Тибет, Монголию, Маньчжурию и Китай. Стремясь довести результаты своих археологических, этнографических и лингвистических разысканий до сведения научной общественности, Юрий Николаевич выступает с лекциями в университете Калмцонга, а также в Сорбонне.

Однако главные его усилия направлялись на осуществление комплексного изучения Востока. «Урусвати» виделся Рерихам как центр международного сотрудничества исследователей Азии, результаты научных изысканий которых они намеревались публиковать в «Журнале Урусвати». Так в Кашмире, в древней долине Кулу, или Кулуту, в одном из самых почитаемых мест Индии, где, согласно легендам, жили великие подвижники и мудрецы, в том числе сам Будда и собиратель Махабхараты риши Вьяса, где находился Внасакунд — «место исполнения желаний», был зажжен огонь дружбы и сотрудничества народов Востока и Запада. Юрий Николаевич, директор «Урусвати», искусно направлял деятельность своих немногочисленных сотрудников. Приходится лишь поражаться, насколько разносторонней и продуктивной была она: в «Урусвати» за короткий срок сконцентрировались богатейшие ботанические и зоологические коллекции; собранный местный «лекарственный материал» позволил вскоре составить первый в мире атлас тибетских лекарственных трав и приступить к обобщению сведений по тибетской фармакопее; были созданы показательные питомники, а местные «растительные экстракты» посылались в медицинские учреждения Европы для проверки силы их терапевтического воздействия; на основе обширных лингвистических записей был

Ю. Н. Рерих в своем кабинете. Кулу, 1930 г.

составлен фундаментальный англо-русско-тибетско-санскритский словарь, не имевший прецедента в истории мирового востоковедения; найденные старинные рукописи и редкие издания переводились затем на европейские языки; готовились к изданию словари лахульского и амдоского диалектов тибетского языка; в высокогорьях Гималаев начались исследования по изучению космических лучей; большие надежды возлагались на биохимическую лабораторию, в состав которой входил отдел по изучению рака...

Сотрудники «Урусвати» редко появлялись в кабинетах института — их рабочим местом была вся нагорная Азия. Караваны их отрядов пересекали в разных направлениях долину Кулу, Лахор, Ладак, Спит, Лахул и другие районы Гималаев, и оттуда в «Урусвати» непрерывным потоком поступали сборы, коллекции, гербарии, рукописи. Благодаря стараниям Юрия Николаевича институт завязывал и поддерживал широчайшие международные связи с целью научного обмена. Выдающийся русский ботаник и генетик академик Н. И. Вавилов запрашивал в «Урусвати» информацию по злакам и получал от туда посылки с семенами для своей знаменитой ботанической коллекции. Материалами «Урусвати» пользовались сотрудники Пенджабского и Мичиганского университетов, ботанических садов Нью-Йорка и Ленинграда, музеев естественной истории в Париже и Нью-Йорке, а также Гарвардского университета. Не менее широкие связи, обмен научными изданиями и корреспонденцией осуществлялись через «Журнал Урусвати». С научным центром в Кулу связали свою жизнь русские ученые Г. Ф. Лукин, К. К. Лозина-Лозинский, В. Шибаев, ботаник Султан Ахмед, выдающийся индийский биолог Джагадис Чандра Бош, профессор Е. Д. Мерилл и Кашиап, буддологи Чомпел, Лобзанг Мингюр Дордже, Лобзанг Цондю, Дава Тензинг, махапандит Рахула Санкритияна. «Много, много ценных сотрудников», — писал о них Н. К. Рерих.

Направляющая деятельность Юрия Николаевича в «Урусвати» отнюдь не ограничивалась организаторскими функциями. Исследования в области тибетологии и буддологии, монголоведения и индологии, результаты филологических, историко-культурных и археологических изысканий уже в тридцатые годы прочно утвердили имя Рериха-младшего в ряду наиболее выдающихся востоковедов. Особенно значительными оказались достижения Юрия Николаевича в разработке проблем тибетологии, которая, бесспорно, увлекала его более, чем какая-либо другая отрасль востоковедения. Перу Юрия Николаевича принадлежат поразительные по разнообразию тематики труды, освещающие актуальные вопросы истории, археологии и этнографии Тибета, тибетской исторической литературы, искусства, религиозных ритуалов, тибетского буддизма и его истории и, конечно же, тибетского языкознания. Бесценны, в частности, его описания материальной культуры древних кочевников Севера и Востока Тибета. Путешествие по ранее не исследованным местам высокогорий Центральной и Вос-

точной Азии позволило Юрию Николаевичу провести аналогии с кочевым миром степей и пустынь Монголии и Восточного Туркестана, в результате чего он пришел к выводу о родстве культур этих регионов. Волновавшим его проблемам он посвятил многие страницы книги «По тропам Срединной Азии», которая теперь предлагается вниманию читателей, а также ряд специальных публикаций, в том числе монографию «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» и статью «Кочевые племена Тибета».

История Тибета всегда интересовала Юрия Николаевича. Вот почему он с таким увлечением работал над переводом и комментированием одного из наиболее ценных трудов по средневековой истории этой страны — «Синего Тэптхэра», составленного в конце XV века видным тибетским историком Го-лоцзавой Шоннупалом. В комментарии Юрий Николаевич осветил вопросы периодизации тибетского средневековья и дал оценку источникам, положенным Го-лоцзавой Шоннупалом в основу «Синего Тэптхэра», — «Красному Тэптхэру» и хронике Ба-ше. Перевод текста «Синего Тэптхэра» и введение к нему, написанное Юрием Николаевичем, явились значительным вкладом в историческую литературу. Наряду с исследованиями тибетского средневековья и истории сект и течений тибетского буддизма Юрий Николаевич столь же страстно увлекался изучением героического эпоса о Гэсэре, чрезвычайно популярного среди монголо- и тибетоязычных народов Азии. Опубликовав неведомый ранее вариант сказания о Гэсэре, он написал исследование «Сказание о царе Кесаре Лингском», в котором подробно рассмотрел другие версии эпоса и высказал ряд ценных соображений относительно времени и места его появления.

Не менее значительны заслуги Юрия Николаевича в изучении тибетского и монгольского языков. Особое внимание он уделял сбору и обработке материалов о современных наречиях Тибета, а также составлению лингвистической карты этого района Азии. Богатейшие записи живой разговорной речи, сделанные им в различных областях Тибетского нагорья, позволили ему впервые выделить и определить главные фонетические, морфологические и синтаксические особенности лхасского, северо-восточного и лахульского диалектов тибетского языка. Вопросам диалектологии его посвящены три монографии Юрия Николаевича: «Лажульский диалект тибетского языка», «Учебник разговорного тибетского языка (центральный диалект)» и «Говор Амдо». Общие проблемы тибетского языкознания рассмотрены им в обобщающей монографии «Тибетский язык».

В монгольском языкознании Юрия Николаевича прежде всего привлекали вопросы взаимосвязей и взаимовлияний монгольского и столь отличного от него тибетского языков. Он связывал проникновение в монгольскую лексику тибетской философской и религиозной терминологии с переводом Ганчжура в эпоху позднего средневековья, когда монгольские ламы-переводчики подвергли чисто тибетские термины фонетической обработке, приспособлявая их к монгольскому

произношению. Громадный интерес вызывают также успешные попытки Юрия Николаевича восстановить фонетический строй и произношение древнемонгольского языка. Здесь ему помогло изучение лексики, заимствованной коренным населением Тибета в период, когда монголы осуществляли сюзеренитет над страной. Пригодилось и его знание тибетского и монгольского языков. Юрий Николаевич в совершенстве владел ими и поэтому смог поставить и успешно решить ряд сложнейших филологических проблем.

Интересы Ю. Н. Рериха в области индологии отличались вначале значительной широтой, но постепенно под влиянием отца они сконцентрировались на отдельных важных аспектах буддологии и истории индийской философии. Успехи его в этой отрасли востоковедения производят особенно сильное впечатление. Не случайно его собеседниками были выдающиеся мыслители Индии, в том числе Джавахарлал Неру и С. Радхакришнан. Юрий Николаевич перевел жизнеописание тибетского путешественника, «великого гуру» Дхармасвамины, который посетил Индию в XIII веке; написал статью «К изучению калачакры», положив в основу ее перевод труднейшего для понимания источника с изложением древнего философско-астрологического учения средневекового Тибета, которое неоднократно привлекало внимание востоковедов в связи с легендами о знаменитой Шамбале; издал перевод «Паралокасандхи» — источник, содержащий сведения об одном из направлений махаяны.

Как видим, деятельность Юрия Николаевича как организатора науки и исследователя отличалась широким размахом. И все же, несмотря на предельную занятость, он находил время для общественной работы. В частности, известна его роль в отстаивании идей Пакта охраны культурных ценностей в условиях военного времени. «Образовательные, художественные и научные учреждения, научные миссии, персонал, имущество и коллекции таких учреждений и миссий будут считаться нейтральными и как таковые будут подлежать покровительству и уважаться воюющими...» Эти слова звучали на заседаниях постоянных комитетов Пакта в Комитете по делам музеев при Лиге наций, в Международной комиссии интеллектуального сотрудничества, на международных конференциях Пакта Рериха, в обращениях к правительствам и народам всех стран. Вместе с Рерихом-старшим Рерих-младший боролся против темных сил, готовивших новую мировую войну.

Находясь вдали от Родины, Юрий Николаевич оставался ее верным сыном. Известен четкий ответ его отца на вопрос, не собирается ли он совсем перебраться в СССР. «Но ведь я же и не перебирался за границу, — спокойно отвечал Николай Константинович. — Я путешествовал и намечаю новые путешествия, а совсем уезжать из России — такого вообще не приходило мне в голову». То же самое мог бы сказать и Юрий Николаевич. В самом деле, разве не сердечное чувство любви к Родине побудило Рериха-младшего в июле 1941

Ю. Н. Рерих с монгольскими востоковедами.
Улан-Батор, 1959 г.

года обратиться к советскому послу И. М. Майскому с просьбой зачислить его добровольцем в Красную Армию? В дни, когда над СССР нависла смертельная опасность, а недруги предрекали нашей стране скорую и неминуемую гибель, Юрий Николаевич, не колеблясь, заявил о своей готовности отдать жизнь за Родину. В годы войны дом Рерихов у подножия покрытых сверкающими снегами Гималаев стал подлинным центром Индо-Русской культурной ассоциации. На весь мир раздавались отсюда страстные призывы помочь СССР в борьбе с гитлеризмом. Здесь седобородый мудрец и художник делился с друзьями самой задушевной своей мечтой — вернуться в Россию.

Этому желанию, как известно, не суждено было сбыться — смерть оборвала жизнь великого сына России в разгар приготовлений к отъезду на Родину. Но волю художника осуществил Юрий Николаевич: осенью 1957 года он возвратился в СССР и передал в дар народу заветное собрание отцов картин (418 полотен). 60 из них хранятся теперь в Сибири, составляя золотой фонд Новосибирской картинной галереи, а остальные — в Русском музее в Ленинграде. Бесценная коллекция произведений древней монгольской и тибетской живописи была передана в Эрмитаж. Юрий Николаевич привез также с собой уникальную библиотеку — около 5000 томов редких книг и рукописей. Ученый совет Института востоковедения Академии наук СССР, учитывая выдающиеся заслуги Ю. Н. Рериха в развитии востоковедения, представил его к ученой степени доктора филологических наук, а Высшая аттестационная комиссия утвердила это представле-

ние без защиты диссертации. Юрий Николаевич вскоре возглавил сектор истории религии и философии Индии в Институте востоковедения АН СССР. Так начался третий, самый короткий, но весьма плодотворный период деятельности ученого и путешественника.

Возвратившись на Родину, Юрий Николаевич отдал много сил укреплению дружественных связей советского народа с народами Азии. В особенности весом вклад, внесенный им в становление Советско-Индийского и Советско-Цейлонского обществ дружбы. Здесь он продолжил благородные традиции семейства Рерихов. «Заветной мечтой отца моего, Николая Константиновича Рериха, — писал Юрий Николаевич, — всегда была дружба между народами Советского Союза и Индии, дружба, основанная на взаимном понимании культурных сокровищ обоих народов. Только на этой основе заложат прочное немеркнувшее сотрудничество обоих народов в великом деле построения мира во всем мире, деле, которому посвятила себя наша страна». Юрий Николаевич призывал всемерно помогать народам Азии в строительстве новой жизни, а также поддерживал их стремление сохранить свое национальное культурное наследие. Сотрудничество нашей страны со странами Востока, сбросившими с себя колониальное иго, способствовало, как постоянно отмечал Юрий Николаевич, упрочению мира, развитию науки и становлению подлинно равноправных отношений между народами.

Ю. Н. Рерих считал, что труд востоковеда-исследователя должен служить прогрессу, углублению взаимопонимания и сотрудничества народов Земли. В секторе истории, религии и философии Индии под руководством Юрия Николаевича началась напряженная и кропотливая работа. Он считал необходимым усилить изучение культурных традиций народов Индии, вызвать интерес к индологии у представителей смежных специальностей и в самых широких кругах нашего общества. Забота Юрия Николаевича о возрождении и укреплении индологии как классической отрасли русского востоковедения отвечала духу времени. За самый короткий срок ему удалось решить ряд важных задач. Он успешно продолжал научные исследования, подготавливал к изданию свои труды и осуществлял руководство по изучению, переводу и публикации памятников общественной мысли народов Востока. Но особой заботой окружал Юрий Николаевич молодых исследователей-индологов. Он преподавал им тибетский и три индийских языка. В многочисленных лекциях и беседах со студентами и учениками Юрий Николаевич выступал как мудрый учитель, для которого не существовало тайн в самых сокровенных сферах индийской культуры. Они лишались налета экзотики, абстрактные категории наполнялись жизнью и светом.

За два с половиной года работы в Институте востоковедения АН СССР усилиями Юрия Николаевича была, по существу, создана «рериховская школа» индологов и тибетологов, отличающаяся особым стилем своих исследований. Дело Ю. Н. Рериха ныне успешно про-

Кабинет Ю. Н. Рериха. Москва, 1960 г.

должают его ученики, и их высококвалифицированные труды — лучший памятник своему учителю.

Научный и жизненный подвиг Юрия Николаевича Рериха высоко оценен не только в нашей стране, но и за рубежом. За выдающиеся заслуги в изучении культур Центральной и Южной Азии он был избран почетным членом Географического общества СССР, Королевского азиатского общества Лондона, Азиатского общества Бенгалии, Археологического и этнографического общества Америки, Парижского географического общества и ряда других научных организаций мира. Достаточно привести высказывания известных политических и общественных деятелей, а также видных представителей науки и культуры в связи с 60-летием Ю. Н. Рериха, чтобы уяснить, каким уважением пользовался он как ученый и гражданин*.

Джавахарлал Неру, премьер-министр Республики Индии: «Я встречал доктора Рериха во время его пребывания в Индии, и на меня произвели огромное впечатление его знания и исключительные лингвистические способности, а также та работа, которую он вел. Я рад, что его работа так же высоко оценена Академией наук СССР. Вполне обоснованно чествование таких людей, и, учитывая, что доктор Рерих долго жил в Индии и был тесно связан с этой страной, я хотел бы присоединиться к этому чествованию от лица своего народа».

К. Л. Шримали, министр просвещения Республики Индии: «Доктор Рерих был великим творческим гением, внесшим важный вклад в развитие востоковедческой науки и проложившим путь для развития взаимопонимания и дружбы между двумя странами — Индией и СССР. О докторе Рерихе всегда будут помнить как о выдающемся ученом, великом гуманисте и искреннем друге Индии».

Кришна Менон, президент Общества индийско-советской дружбы: «...Доктора Рериха действительно можно назвать энциклопедистом. Многие города внесли свой вклад в развитие его мысли — Ленинград, Лондон, Париж, Гарвард и Дарджилинг. Однако наибольшее влияние на формирование всей его жизни сказали две страны: Россия, его Родина, и Индия, его вторая отчизна... Никто так глубоко не исследовал Гималаи и не изучал языки и религии, обычаи и нравы гималайских народов, как доктор Юрий Рерих... Эти исследования представляют величайший интерес, ибо Гималаи... пробудились к жизни... Его (Ю. Н. Рериха. — В. Л.) образ будет вдохновлять молодежь Индии и России на великие дела в области физической, культурной и духовной жизни и будет содействовать взаимопониманию между народами».

Мулк Радж Ананд, профессор искусства и литературы (Ин-

* Послания к 60-летию профессора Юрия Николаевича Рериха, отмеченному научной сессией в Институте востоковедения Академии наук СССР 15 октября 1962 года.

дня): «Хочу отметить, что я мог бы назвать лишь немногих людей, которые были пионерами в области такой важной исследовательской работы, как изучение тибетского, китайского, индийского и непальского языков, литературы и культуры, как этот великий сын русского народа. Он расширил горизонты познания, углубил наши знания и оставил богатое наследие работ, которые составят часть и явятся важным дополнением к сокровищнице знаний, накопленных Академией наук СССР».

Венкажачалам, член Академии изящных искусств Индии: «Человек, одаренный природой редчайшими талантами, можно сказать, прирожденный ученый.., он провел всю свою жизнь в исследованиях, учебе и написании трудов. Зная более 12 языков.., он обладал редкостной привилегией, представляя собой один из наиболее гибких умов человечества».

Нирмал Сингх, директор Намгьяльского института тибетологии в Гангтоке (Сикким): «Юрий Николаевич Рерих как ученый является одним из величайших энциклопедистов Запада и Востока. Лингвист, исследователь, археолог, критик-искусствовед, историк, мыслитель и знаток культуры, он не знал границ в области познания; для него не существовало границ между древним и современным, между Востоком и Западом или между различными отраслями наук. Прежде всего его интересовал человек — он был истинным гуманистом. Юрий Николаевич Рерих как человек был даже еще более велик, чем Юрий Николаевич Рерих как ученый. Он выковал золотое звено связи не только между Индией и Россией или между Востоком и Западом, но и между всеми народами всех стран и времен».

Ж. П. Малаласекера, доктор наук (Цейлон): «Он обладал необычным умом, который помогал ему не только передавать обширные знания, но также подходить к вопросам критически, с большим пониманием и симпатией. Его человечность не менее превосходна, чем талант ученого».

Рагху Вира, доктор наук, директор Международной академии индийской культуры: «...Глубокое изучение доктором Рерихом современных и древних языков, и в особенности санскрита, тибетского и монгольских языков, поражало каждого, кто встречался с ним. Его гениальность и теплота трогали сердца всех коллег и людей, сотрудничавших с ним».

Б. А. Рыбаков, Герой Социалистического Труда, академик, директор Института археологии АН СССР: «Удивительную и яркую жизнь прожил Юрий Николаевич Рерих, выдающийся советский востоковед... Его труды изданы в ряде стран и известны востоковедам всего мира. Многогранная бескорыстная деятельность Юрия Николаевича Рериха внесла большой вклад в дело взаимопонимания между народами. Вся семья Рерихов посвятила жизнь сближению народов Индии и нашей страны».

И. Л. Кнунянц, академик, лауреат Ленинской премии: «Мно-

голетние труды Юрия Николаевича Рериха — драгоценный вклад в мировое востоковедение... В будущее была устремлена вся многогранная подвижническая деятельность этого замечательного ученого и патриота».

Эти изъявления искренней признательности и любви Юрию Николаевичу услышать не довелось — он скончался от сердечного приступа 21 мая 1960 года, за два года до юбилейных торжеств, организованных по решению Президиума Академии наук СССР в Институте востоковедения. На могильной плите, установленной на Новодевичьем кладбище, выше надписи «Выдающийся востоковед профессор Юрий Николаевич Рерих. 16.VIII.1902 — 21.V.1960» выбито изображение знамени мира, или «синтеза жизни». — на белом фоне красная окружность с тремя кругами посередине. Один из вариантов толкования символики этой древней эмблемы в свое время был предложен Николаем Константиновичем Рерихом: вечность (большая окружность), выраженная в Прошлом, Настоящем и Будущем человечества (три малых круга). В изучении великого прошлого, воплощенного в достижениях человечества в области материальной и духовной культуры, проявились жизненные устремления Юрия Николаевича Рериха, нашего выдающегося современника. Настоящее и будущее предстоит познать его ученикам, которые продолжают столь счастливо начатое им дело...

*В. Е. ЛАРИЧЕВ,
доктор исторических наук, зав. сектором
истории и археологии стран
зарубежного Востока ИИФФ СО АН СССР*

* ОТ АВТОРА

Срединная Азия с ее могучими горными хребтами и бескрайними пустынями и степями, эта страна резких климатических контрастов и колыбель выносливых кочевых племен, которые некогда колебали границы Китая и стран Ближнего Востока, всегда манила исследователей. Целая плеяда блестящих ученых, открывших для науки недоступные земли Азиатского континента, в течение нескольких десятилетий поддерживала тот дух первооткрывательства, которому столь многим обязана наша цивилизация, и их пример вдохновляет других отваживаться на покорение далеких и неизведанных земель.

Во Внутренней Азии перед взором исследователя предстает одна из самых грандиозных горных систем мира.

Огромную, не имеющую внешнего стока область Внутренней Азии ограничивают с юга могучие Трансгималаи и унылые высокогорья Каракорума. К северу простираются Алтай и горные цепи южной окраины Сибирской низменности. К востоку и западу от этого огромного бессточного бассейна лежат бесконечные пустынные просторы великой монгольской Гоби и степей Средней Азии.

Центральноазиатская экспедиция, возглавлявшаяся профессором Николаем Константиновичем Рерихом, изучала эти земли почти пять лет подряд. Главной целью экспедиции было создание живописной панорамы земель и народов Внутренней Азии. Пятьсот полотен Н. К. Рериха, в настоящее время выставленные в Музее Рериха в Нью-Йорке, являются одним из самых больших ее достижений. Вторая задача экспедиции состояла в проведении археологической разведки, с тем чтобы подготовить основу для дальнейших серьезных исследований этих малоизученных районов Внутренней Азии. И наконец, большое значение мы придавали сбору этнографического и лингвистического материала, характеризующего древние культуры региона.

За годы путешествия по Тянь-Шаню, степным областям Джунгарии, Алтаю, горам Юго-Западной Монголии и высокогорному Тибету экспедиция открыла многочисленные могильники кочевников, относящиеся к периоду между I и VIII веками н. э., в надежде, что в неда-

леком будущем здесь будут проведены планомерные археологические раскопки. Во время пребывания экспедиции в Монголии и Тибете было собрано также большое количество тибетских и монгольских книг.

Экспедиция выехала из Нью-Йорка в мае 1923 года и в декабре того же года прибыла в Дарджилинг. Здесь мы провели весь 1924 год, готовясь к странствиям по Внутренней Азии. Прежде чем выступить в путь, следовало хорошо изучить тибетский язык. Свое повествование о путешествии мы начинаем со дня выхода экспедиции из Дарджилинга.

В течение пяти лет напряженной полевой работы автор часто пользовался помощью и советами своих друзей, которым он выражает глубокую признательность. Благодарности заслуживают также все участники Центральноазиатской экспедиции Рериха, как европейцы, так и азиаты, стойчески выполнявшие свой долг в самых тяжелых условиях.

Я посвящаю эту книгу своим родителям, которые подвигнули меня на стезю науки и с детства вдохнули в мою душу жажду новых открытий и исканий.

Июнь 1931 года

Ю. Н. РЕРИХ

КАШМИР—ЛАДАК

6 марта 1925 года наша экспедиция покинула Дарджилинг¹, а с ним и дружественное княжество Сикким. После уединения в Гималаях вид джунглей с горящими в них по ночам кострами и бесчисленных деревушек, разбросанных вдоль дороги, всегда поражает путешественника. В Силигури² мы приехали ночью, оставив позади огромные пространства болот, этих рассадников тропической лихорадки, и уже затопленных рисовых полей, а на следующий день были в Калькутте.

Облик Калькутты, сочетающей в себе черты Запада и Востока, неповторим. На ее улицах можно увидеть и современные автомобили, и конные экипажи, и рикш, и коров, не говоря уже о пестрой восточной толпе. Посетив штаб-квартиру Бенгальского азиатского общества, мы в тот же день выехали пенджабским поездом на север.

В Равалпинди экспедиция прибыла вечером 8 марта, проскочив через засушливую каменистую местность, изрезанную каньонами. Переночевав в отеле, мы снова двинулись в путь, на этот раз в машинах. Равалпинди — пограничный город, и в этом легко убедиться, наблюдая за уличной толпой. Здесь много солдат; среди пенджабцев и местных жителей выделяются красивые хазарейцы³ и воинственные патаны⁴.

Автомобильная дорога на Сринагар⁵ через Ури слишком хорошо известна, чтобы давать здесь ее описание. Постепенно поднимаясь в горы, она проходит на высоте около 7000 футов* над уровнем моря.

Ночь мы провели на станции в Гархи, небольшой деревушке на территории Кашмира, расположенной на высоте 2628 футов. Вечером местные мусульмане праздновали приход весны. Освещенные факелами процессии, шествовавшие по противоположному берегу реки, отчетливо выделялись на фоне мрачного силуэта гор. Эта картина индийской весны поистине незабываема.

* Фут — мера длины, равная 30,48 см. Здесь и далее подстрочных примечания, кроме оговоренных двух, составлены В. С. Шевченко.

На следующее утро мы приехали в Ури, живописную деревушку с крепостью, и любовались здесь необычайно красивыми снежными горами, отливавшими синевой. Миновав разрушенный храм Бранпутры — типичное строение эпохи индийского средневековья, экспедиция достигла небольшого городка Барамула. День выдался ясный, и казалось, до вершины Нанга-Парбата (26 900 футов)⁶ отсюда рукой подать.

Около трех часов дня мы прибыли в Сринагар, где на нас накинута целая толпа кашмирцев. Отталкивая друг друга и пронзительно крича, они рекламировали дома-лодки и местные достопримечательности.* В общем это было довольно жалкое зрелище. Остановившись в отеле, мы начали готовиться к путешествию в Ладак⁷ и Восточный Туркестан.

Трудное и длительное путешествие в горы требует основательных приготовлений, каждая деталь его должна быть самым тщательным образом продумана. В городе было несколько фирм, занимавшихся пошивом зимнего обмундирования и лагерного снаряжения, но, конечно, мастерам следовало дать самые подробные разъяснения. Для упаковки грузов пришлось заказать яхтаны, или деревянные ящики, обитые кожей, ибо металлические ящики менее надежны. Зная, что ожидает нас в горах, мы запасались меховой одеждой и теплой обувью, не забывая о теплых спальнях мешках. Палатки было решено шить из водонепроницаемой парусины на теплой подкладке, чтобы они могли выдержать сильные ветры в горах. Кроме того, мы решили обзавестись собственными верховыми лошадьми, дабы не зависеть от местного транспорта. В Сринагаре можно купить прекрасных лошадей яркендской или бадахшанской породы⁸, славящихся по всей Центральной Азии и незаменимых во время длительных путешествий. В горных условиях хороши заскарские пони⁹, но они, как правило, отличаются строптивым нравом. С помощью Недоу, хозяина местного отеля, мы купили шесть скакунов, с которыми и прошли от Кашмира до границ Алтая.

Не буду писать подробно о нашей непродолжительной поездке по Кашмиру, так как древности этой страны изучались и описывались такими учеными, как Аурел Стейн¹⁰, но все же не могу не сказать о разительном контрасте между уникальными садами Нишада и Шалимара¹¹, заложенными Великими Моголами Акбаром и Джахангиром¹², и влачащим жалкое существование Сринагаром. Запомнилась нам и прогулка по озеру Вулар. Мы наняли большую лодку-дом «Монарх», принадлежавшую кашмирцу Собра Вангану, и отправились в плавание, медленно продвигаясь между низких берегов канала. Большое озеро Вулар окружено высокими горами, и в ясную погоду на их склонах играют причудливые тени. В Бандипуре мы пристали к берегу. Бандипур — ничем не примечательная деревушка, но здесь начинается дорога, через Гилгит¹³, Хунзу и Сарыкол ведущая в

* О Сринагаре см.: Е. Парнов. Боги лотоса. М., 1980. с. 65.

Кашгар и Таримский бассейн¹⁴. На озере разыгрался сильный шторм, и нам с трудом удалось пристать к берегу.

15 апреля экспедиция передислоцировалась в Гулмарг. Здесь, в прохладе гор, мы должны были завершить приготовления к путешествию. Хотя в горах еще лежал снег, неожиданно разбушевалась гроза и целую неделю над нашим домом сверкали молнии. Никогда еще нам не приходилось видеть такого ливня, да еще в сопровождении сильного града.

В Гулмарге экспедиция провела май, июнь и июль. В конце июля мы получили последнюю партию снаряжения и 8 августа выступили в Гандербал. Участники экспедиции ехали верхом на лошадях, грузы нес караван из 82 пони.

В Гандербал мы пришли поздно вечером и остановились в доме одного из местных жителей. Следующий день прошел в разгрузке лодок, прибывших из Сринагара, и в упаковке поступившего снаряжения. Для наших людей эта работа была внове, и приходилось давать им указания по малейшему поводу. Выехав уже под вечер на машинах, в деревушке Нуннер мы пересели на лошадей. По пути, в маленькой деревушке Кангам, встретили путешественников, расположившихся в просторном бунгало¹⁵. Дорога из Кангана в Балтал, проходящая у подножия Зоджийского перевала¹⁶, описывалась часто, и я ограничусь только некоторыми замечаниями.

Лехская¹⁷ международная трасса, ставшая доступной для караванов после 1891 года, находится под контролем кашмирского правительства. Государственные амбары и просторные караван-саран можно встретить на всех этапах пути, и наша экспедиция не преминула этим воспользоваться.

До Гунды мы дошли благополучно, но вскоре всем нам довелось пережить несколько весьма неприятных часов. Дело в том, что в этих местах растет ядовитая трава, называемая местными жителями гумай. Из-за недосмотра конюхов четыре наши лучшие лошади поели этой травы и к вечеру слегли. Несмотря на все наши усилия, их состояние не улучшалось. Испробовав все местные средства, мы решили дать им хорошую дозу соды.

Произошло чудо: наутро животные почувствовали себя лучше, и мы смогли дойти до Сонамарга¹⁸.

Здесь нам пришлось задержаться из-за ливня; выступили мы только пополудни, когда дождь стал стихать. Сонамарг, сливающий жемчужиной Кашмира, ничем особенным нас не удивил. Мы увидели только несколько цветущих лугов да прекрасный сосновый лес. Ближайшие горы скрывались за облачным покровом.

После тяжелого трехчасового перехода по скользкой дороге показался Балтал¹⁹, раскинувшийся в лесу. Гостиница была занята приезжими из Сринагара, и мы поставили палатки на лужайке. К вечеру снова зарядил дождь и стих только под утро. Караванщики, пришедшие с перевала, сообщили, что там не пройти. Что нам оставалось

делать? Отправив погонщиков на расчистку дороги, мы приняли меры предосторожности и завернули ящики с продуктами в брезент. В полдень снова полил дождь. Поздним вечером наши люди сообщили, что дорога расчищена, но кое-где есть опасность оползней. К счастью, в пять часов утра небо совершенно прояснилось.

Путь из Гандербала в Балтал проходит по типичной кашмирской горной местности. Куда ни глянь — везде зеленеют луга и сосновые леса. Резкая перемена в пейзаже наступает только за перевалом Зоджи. Летом и осенью перевал вполне доступен, но зимой подъем на него чрезвычайно опасен. Массы льда и снега в любой момент могут обрушиться со склонов и увлечь караван в пропасть. Поэтому зимой и ранней весной всякое движение здесь прекращается.

Дорога через перевал Зоджи была известна еще в древности. Первое упоминание о ней мы находим у китайского путешественника У Куна, который посетил Кашмир между 751 и 754 годами*. В прошлом этот путь был свидетелем многочисленных конфликтов. В XIV веке по нему проходили тюрки; вскоре после них правителем Кашмирской долины стал ладакский принц Ринчен. В 1532 году в Кашмир проник знаменитый мирза Мухаммед Хайдар²⁰ и успешно сражался возле перевала.

Зоджийский перевал (11 300 футов) имеет еще одно название — Дуйши-ла. По мнению доктора О. Франке²¹, это сокращенное название имени богини Дуйши-Лхамо, жены мудреца Наропы²². По преданию, Наропа бросил ее, потому что от нее пахло пашминой²³. Негодующая богиня отвернулась от Ладака, и это привело к тому, что Ладак стал страдать от засух, а Кашмир превратился в цветущую долину.

За перевалом открывался типичный тибетский горный ландшафт, и после роскошных лугов и сосновых лесов Кашмира было странно видеть пустыню, усеянную огромными валунами и покрытую скудными пастбищами.

В Митсахое, на девятой миле, мы задержались на час, затем поспешили к станции Матаян. Погода ухудшалась, тяжелые серые тучи цеплялись за вершины гор. Последние шесть миль мы ехали под проливным дождем.

На следующий день экспедиция продолжила путь к Драсу. Проезжая через деревушку Пранд, мы видели несколько ферм, похожих на небольшие крепости. Еще через час лошади вынесли нас в просторную долину реки Драс²⁴. Здесь, в нескольких деревушках, под защитой крепости догров живут дарды²⁵ и балты²⁶. О бурных событиях прошлого напоминают развалины замков, виднеющиеся кое-где в долине и у подножия гор.

По-тибетски Драс называется Хембабс; протекает он на высоте

* Путешествие У Куна относится к эпохе массового паломничества китайских буддистов в Индию (VI—VIII вв.).

около 10 000 футов над уровнем моря. Для меня в Драсе наибольший интерес представляли буддийские изображения, высеченные на камнях у дороги. Всего их четыре, и впервые они были описаны А. Каннингемом²⁷, а также доктором О. Франке. На первом камне можно различить фигуру всадника, вероятно местного раджи, который, как сообщает надпись на обратной стороне камня, заказал два изображения бодхисаттвы²⁸. На соседнем камне высечен Майтрейя в великолепном костюме раджакумары, или принца. В поднятой правой руке он держит четки, а левой опирается на ваджру*, на его голове диадема (мукута). Ниже расположены фигуры подданных. В правом углу камня выбита надпись, к сожалению плохо сохранившаяся. Я уже упоминал в других работах, что культ Майтрейи связан с распространением махаяны. Изображения бодхисаттвы, встречающиеся на пути Кашмир — Ладак и вдоль караванных дорог Центральной Азии, поэтому чрезвычайно интересны.

На третьем камне изображен бодхисаттва Авалокитешвара с двумя учениками. Надпись над головой одного из них, обнаруженная доктором О. Франке, сильно повреждена. На четвертом камне высечен цветок лотоса, который Франке датирует примерно X веком. Судя по всему, эти рельефы в какой-то степени связаны с проникновением буддизма в Западный Тибет и могут относиться к IX веку.

В Драсе нам пришлось заменить пони другими животными, что потребовало длительных переговоров с местными властями. Обычно на ладакском пути транспорт можно получить без проволочек, но нам требовалось не менее 70 вьючных животных. Это много, если учесть, что население здесь не так уж велико. К вечеру все было устроено, и вьючные лошади и цзо (помесь яка с коровой) стояли вокруг нашего дома. Утром мы проделали обычную «церemonию» распределения грузов. Во дворе толпились горцы в темных тюрбанах, и, как всегда, погрузка сопровождалась громкими выкриками, а полчас и спорам. Однако надо отдать должное ладакцам и балтам, которые очень быстро управились.

За Драсом дорога проходит вдоль ячменных полей, обнесенных низкими каменными оградами, и спускается к реке Драс. Мы прошли мимо деревушки Дунделтанг, где не так давно пропал без вести американский путешественник Лэндон²⁹. Его тело впоследствии было найдено и погребено на небольшом европейском кладбище в Лехе.

Пройдя живописное ущелье, к вечеру мы были уже в Шимша-Карбу. Над постоянным двором, где мы ночевали, темнел остов замка, некогда принадлежавшего, по преданию, султану Кри из Сода, местечка возле Каргила. В Шимша-Карбу встречаются уже настоящие ладакцы. На постоялом дворе мы познакомились с яркендскими торговцами и несколькими паломниками, шедшими из Кашгара в далекую Мекку³⁰. Со времени мировой войны им приходится преодолевать высокие перевалы Каракорума, а затем через Бомбей далее следо-

* *Ваджра* (по-тибетски *дорджэ*) — жезл.

вать морем. Многие гибнут в пути, но большинство возвращается, чтобы занять почетное место в своих общинах.

Следующий переход привел нас в процветающий городок Каргил — последнее крупное поселение в районе Дарда. Здесь дорога разветвляется: тракт, ведущий в Каргил, поднимается вверх по берегу реки Суру, а тракт на Скардо проходит по висячему мосту.

В Доннга, находящемся между Шимша-Карбу и Канигундом, я обследовал валуны с множеством высеченных на них горных козлов, охотников с луками и знаков свастики. Такие наскальные изображения широко распространены в Ладаке и соседних горных местностях и встречаются даже в оазисе Санджу, на северном склоне перевала. Вероятно, они имеют отношение к древним верованиям Центральной Азии.

Расположенный на обширном плато Каргил является столицей провинции. На его улицах можно видеть, как низкорослые крепкие ладакцы гонят на рынок лошадей и ослов, а следом за ними идут горбоносые огненнобородые кашмирцы, на ходу заключая сделки с дардами в черных тюрбанах и горцами из Скардо. В разноязычной толпе заметно выделяются рослые яркендцы и смуглые хунзакиты.

Достопримечательности Каргила — замок догров, построенный сравнительно недавно, и расположенный немного севернее от него замок Сод, побывать в котором у нас не хватило времени.

Выйдя из Каргила, мы пересекли обширное песчаное плато и через два часа достигли деревни Пашкьюм — свидетельницы победоносного рейда догров. В следующей деревне, Шарго-Лха, уже начиналось буддийское княжество Ладак. Согласно преданию, в этой деревне родился Ригпачан, министр тибетского короля Сонгцэн Гампо. Его дом у моста сохранился, но нас больше интересовал расположенный поблизости пещерный монастырь. Рассказывают, что он был построен двумя местными вождями, Тог-Дэджо и Янг-Дэджо.

Дорога к деревушке Мульбе зажата живописными скалами, да и сама деревушка приютилась у подошвы скалы, на вершине которой стоит небольшой храм. Ночь мы провели на постоялом дворе в окрестностях деревни.

Древности Мульбы изучались доктором О. Франке, результаты его исследований изложены в статье «Наскальные изображения в Мульбе». Мульба славится старинным замком дардов, двумя храмами и надписями на скале, на которой стоит один из монастырей. И все же главная достопримечательность Мульбы — колоссальная статуя Майтрейи, впервые описанная Муркрофтом³¹ в 1820 году. Бодхисаттва, рост которого не менее 20 футов, изображен в облачении индийского аскета; священный брахманский шнур как бы подтверждает его духовный ранг. Трудно сказать что-либо определенное относительно датировки этой статуи, но ее чисто индийское происхождение очевидно. Как памятник искусства она занимает выдающееся место среди каменных скульптур Ладака. Местная традиция относит ее к

эпохе великого лоцзавы, или переводчика, Ринчэн-Сампо (964—1054). Я полагаю, что эта версия близка к истине и бодхисаттва изваян в X—XI веках. Перед статуей стоит маленький храм, или лхакхан, построенный местным владельцем Вачжра-Соднамом. Стены храма, где служит пожилой священник, расписаны фресками, на которых запечатлены «восемь великих сыновей Ньева», по преданию создавших статую.

Бодхисаттва скрыт за деревьями и храмом, и, когда приближаешься к нему, вид колоссальной статуи производит незабываемое впечатление.

Мы решили осмотреть дом местного князька, построившего храм, и прошли немного вверх по дороге. Вдова князька занимала второй этаж, а на первом размещались конюшни и помещения для слуг. Это была типичная тибетская постройка. Застали мы вдову за молитвой в часовне. Зажиточные тибетцы часто тратят большие деньги на поминовение умерших родственников, надеясь этим облегчить перевоплощение их душ. Нанятый вдовой лама³², читая молитвы, ритмично ударял при этом в барабан. В этой часовне было несколько глиняных и медных изображений Шакьямуни³³, Падмасамбхавы³⁴, Тары³⁵, а также портреты настоятеля монастыря Хемн³⁶, панчен-ламы³⁷ и далай-ламы³⁸.

Служанки мололи на крыше ячмень и сбивали масло. Осмотрев дом, мы поднялись на скалу и вошли в храм. Внутри него находился алтарь с позолоченным глиняным изваянием Падмасамбхавы, а на полках вдоль стен стояли 16 томов Праджняпарамиты, или Юм³⁹. Как оказалось, храм принадлежал секте дугпа старой школы нying-мапа* тибетского буддизма.

На обратном пути мы осмотрели наскальные надписи, среди которых были эдикт, общародованный раджей Бум-Дэ, и свадебные поздравления радже Чжамьяну и его супруге.

Дорога на Бод-Карбу проходит через перевал Намике (13 000 футов) и спускается в долину Карбу, покой которой сторожат развалины многочисленных замков. В 1620—1640 годах, в правление Дэлдан-Намчжала, здесь происходили настоящие сражения. Ночевали мы на постоялом дворе. Вокруг Бод-Карбу, ладакской деревушки, расположенной на высоте 11 000 футов над уровнем моря, зеленели поля, орошаемые речушкой Танджичу. На противоположном берегу реки виднелись развалины замка Тагце. Вниз по долине, к северу, находился древний замок Чигтан, а в деревне того же названия еще в XI веке был построен небольшой монастырь. Старый город Карбу, разрушенный, вероятно, во время войны раджи Дэлдан-Намчжала против султана Кри из Карце (1620—1630), возвышается над дерев-

* *Ньингмапа* — древнейшее течение тантризма в тибетском буддизме (VIII в.), восходящее к вероучителю Падмасамбхаве. См.: Н. Л. Жуковская. Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977.

ней Бод-Карбу. Еще выше города стоит древний замок Карбу, тоже превращенный в руины. Рядом с деревней, в узком ущелье, приютился буддийский монастырь. Здесь нас встретил пожилой лама, молившийся у алтаря.

На другой день мы поднимались на перевал Пото-ла. Панорама горных цепей, над которыми вдали возносились снежные вершины, завораживала. Час перехода по пологому склону, затем через узкое ущелье — и перед нами знаменитый монастырь Ламаюра⁴⁰, живописно разбросанный на скалах. Нас заинтересовали многочисленные пещеры, которыми были буквально изрыты крутые горные склоны. Подобные пещерные жилища, как известно, встречаются в Тибете повсеместно, но особенно много их в западных районах страны. Сама деревня Ламаюра расположена у подножия утесов, немного выше постоянного двора.

В Ламаюре мы пробыли день, не преминув посетить монастырь, ныне принадлежащий ламаистской секте бригунпа⁴¹. По преданию, он был основан Наропой, с именем которого связано столько легенд и событий в истории Ладака. Говорят, что название монастыря происходит от слова «юндрун», синонима бон⁴². Доктор О. Франке пишет: «Когда Наропа прибыл в эту местность, долину заполняло озеро, которое он осушил. Монастырь получил свое название от... священного зерна, которое таинственным образом приняло форму юндрун. Интересно, что у подножия ламаюрских гор видны следы озерных осадков... Ладакцы, должно быть, обладают настоящим геологическим чутьем, если придумывают такие легенды».

Мы побывали в храме монастыря и осмотрели библиотеку, где нашли тома Ганчжура и Данчжура⁴³ нартанского издания. Настоятель Ламаюры был в отъезде, и нам разрешили посетить его покои. Мы обошли также развалины бонского монастыря, о котором упоминает доктор О. Франке. К сожалению, фрески, когда-то украшавшие стены храма, осыпались, и трудно было определить, что на них изображено.

23 августа мы сняли лагерь, надеясь в тот же день дойти до деревушки Нурла. Дорога оказалась не из легких; особенно досаждали нам каменистые осыпи и песчаные пояса, а следы недавних обвалов то и дело преграждали путь. После трехчасового перехода экспедиция благополучно вышла в долину Инда и, перейдя реку по подвесному мосту, оказалась в большой деревне Калацзе.

Древности этого старинного центра дардов известны благодаря описаниям доктора О. Франке. Среди них в первую очередь следует назвать замок Брагнаг, построенный в 1150—1175 годах ладакским раджей Лхачэн-Наглугом. Его развалины до сих пор возвышаются над деревней. Примечательны также древние надписи на кхароштни, брахми⁴⁴ и гупта, обнаруженные Франке в окрестностях Калацзе.

Не без сожаления расставшись с абрикосовыми садами Калацзе, мы во второй половине дня добрались до Нурлы. Путь от Нурлы до

Сасполы проходит по местности, почти лишенной растительности. Из местных памятников старины заслуживает внимания монастырь Алчи, основанный в XI веке на противоположном берегу Инда. Очень ценны его резные деревянные украшения, напоминающие великолепную резьбу кашмирского средневековья. Деревня Саспола примечательна двумя ступами, возведенными при Ринчэн-Сампо. На уцелевшем фундаменте самой большой из них был построен монастырь Чампа-гомпа, где находятся глиняное изваяние Майтрейи и несколько больших статуй бодхисаттв. По преданию, статую Майтрейи изваял сам Ринчэн-Сампо. Весьма вероятно, что она заменила старую статую бодхисаттвы, современницу великого переводчика.

За деревушкой Саспола находится монастырь Лудчжил, или Ликир, основанный королем Лхачэном, правившим в 1050—1080 годах. Дальше, в глубокой долине, у деревушки Басго, расположен один из старейших ладакских монастырей, а также древний замок ладакских раджей. В храме, основанном раджей Сэнгэ, стоят статуи Майтрейи, Авалокитешвары и сохранились любопытные настенные фрески. Еще одна статуя Майтрейи находится в придворном храме; здесь же хранится старинная библиотека, не имеющая даже каталога. В XVI веке замок осаждался могольскими войсками, в долине происходили кровопролитные баталии. День, проведенный в Басго, надолго нам запомнился. До сих пор перед моими глазами стоят эти полуразрушенные крепости и храмы, возвышающиеся на крутых утесах, и разбросанные между монастырями хижины. Самые древние монастыри Ладака расположены именно здесь.

Путь к Ньемо пересекает каменистую местность, и ориентиром служат развалины древней крепости Чункар. Ночевали мы в тенистой роще перед постоянным двором.

От Ньемо до Леха не менее 17 миль. Оставив позади Инд, экспедиция прошла по широкому плато, окруженному горами, и миновала деревню Чиван. Здесь находится монастырь секты бригунпа, построенный раджей Даши (1500—1532). Вскоре мы подошли к ламаистскому монастырю Бетуб, возведенному королем Бум-Дэ в XV веке на крутой скале. Около Леха у него есть филиалы: монастырь Зангар и хорошо известный монастырь Рицзон. Монастырь Бетуб, воздвигнутый в честь Цзонхапы, пользуется широкой известностью в Тибете и славится дисциплиной своих монахов и ученостью настоятеля.

Взобравшись наверх по крутой скале, мы прошли на территорию монастыря и были радушно приняты настоятелем и его помощником. В храме шла служба, и настенные фрески трудно было разглядеть. Перед алтарем горели светильники, вспышки света время от времени выхватывали из тьмы спокойные лики святых. Поднявшись на крышу монастыря, мы долго любовались величественной панорамой долины Инда, к северу от которой лежала столица Ладака.

Лех, столица Ладака, один из тех городов нагорной Азии, которые сохраняют еще облик азиатского караванного центра. На его ба-

заре, окруженном высокими стенами, можно увидеть многочисленные караваны, доставляющие из Индии, Китая, Тибета и Восточного Туркестана самые разнообразные товары. Мы стояли в Лехе с 26 августа по 19 сентября 1925 года, готовясь к предстоящему путешествию в Восточный Туркестан. Нам пришлось отпустить кашмирцев, совершенно беспомощных в горах, и нанять опытных караванщиков. После долгих поисков и консультаций с аксакалом Леха мы подписали контракт с Назар-баем — каргалькским караванщиком, предоставившим в наше распоряжение 36 вьючных лошадей. Он прибыл в июле, и его табун пасся два месяца в окрестностях Леха. Но нам требовалось еще 30 вьючных животных, и в конце концов нам их дал Омар-хан, афганский торговец из Яркенда. Он обещал в оставшиеся три недели поставить их на ноги. На таком трудном и пустынном пути, как каракорумский, лучше пользоваться наемным транспортом. Переход одной лошади из Леха в Яркенд или Хотан обходится от 60 до 80 рупий. Мы платили по 75 рупий из расчета, что лошадь пройдет в пути 24 дня.

Вместе с нами в Восточный Туркестан шли крепкие турки из Каргалька и Хотана. Мы долго не могли привыкнуть к их гортанной речи, непохожей на мягкий индийский урду и беглую скороговорку лхасских тибетцев. Некоторые караванщики знали немного китайский, и наш китайский переводчик мог кое-как с ними изъясняться.

Как только транспортная проблема утряслась, мы решили осмотреть город и его окрестности. Современный Лех расположен на перекрестке важных центральноазиатских караванных трасс. С Лхасой его связывают три пути, первый из которых пересекает Тибетское нагорье и проходит к северу от озер Анцзцо, Чяринцо и Намцо, или Тенгринор на наших картах, соединяясь с великим монголо-лхасским трактом в пограничном пункте Нагчу-цзон. По-тибетски «цзон» означает административный центр района, а не крепость, как обычно считают. Второй путь — к священной горе Кайлас — проходит по высокогорному Тибету к югу от озер Данграюм, Анцзе и Тенгринор. Путешественники, следующие по нему, выходят к Лхасе через высокий перевал Горин-ла в системе Ньенчен-Тангла. Третий путь пролегает по долине Брахмапутры и через Сака-цзон к северу от реки. Далее он проходит либо по берегу Брахмапутры к Лхарцзе-цзону, либо пересекает реку и через Тенгри выходит к испальской границе, причем в обоих случаях путешественник может побывать в Лхасе и Шигацзе. Обычно этим путем пользуются ладакские торговцы и посланники кашмирского магараджи.

Каракорумский путь, который принято считать самой высокогорной торговой трассой в мире, связывает Лех с далеким Китаем и оазисами Восточного Туркестана. Торговцы из Яркенда, Кашгара и Хотана, главных юго-западных оазисов Восточного Туркестана, следуют по нему в Индию. Из Леха центральноазиатские караваны попадают в Кашмир через перевал Зоджи или через Зангар, Лахул,

долину Кулу и княжества Хошнарупур и Амритсар — два больших торговых центра Пенджаба. В течение последних десяти лет этот путь приобрел особое значение, так как туркестанская торговля переключилась на юг Индии.

Такое благоприятное положение Леха обусловило его роль в прошлом и настоящем Ладака. С утра до вечера два главных городских базара заполнены шумной толпой, осаждающей груды товаров. Особенно ценится туркестанский войлок, который привозят из Хотана, Гумы и Яркенда. Некоторые отрезки украшены декоративным рисунком и значительно превосходят по качеству монгольские и китайские кошмы. Здесь же лежат тюки мягкой тибетской шерсти, доставленной с севера, из которой кашмирские умельцы ткнут красивые шали. Большое оживление царит в лавках, торгующих высокими туркестанскими башмаками, очень ценными ладакскими караванщиками. Немало продается на базаре и лошадей. Яркендские караванщики обычно пригоняют в Лех целые табуны, зная, что выносливая и быстрая туркестанская лошадь всегда найдет покупателей в Ладаке, Кашмире или Индии. Возвращаясь домой, они везут европейские товары: английское сукно, английские и немецкие красивые вещества, различные предметы галантереи и индийские специи, а также шафран, в большом количестве экспортируемый из Кашмира в Туркестан и Тибет. Но вернемся на лехский базар. Вся эта пестрая толпа постоянно движется, выкрикивая и жестикулируя; то и дело позвякивают колокольчики вновь прибывших караванов. Иногда в это скопление людей и животных выдвинется табун, погоняемый пастухами, и тогда крики людей заглушит ржание лошадей. Здесь же можно встретить тибетских лам, торгующих разными реликвиями и талисманами. Тюркские караванщики из Каргалыка, у которых я видел любопытные буддийские талисманы, искренне верили в их могущество. Частые гости на базаре и жрецы — хранители древнего учения, и представители коренного населения, кое-где еще сохранившегося среди пришлых племен.

Основное занятие ладакцев — сельское хозяйство. В деревнях, разбросанных в долине Инда и на обширной песчаной равнине, на которой стоит Лех, проживают в основном земледельцы, так как в горах, на высоте более 12 000 футов, заниматься полеводством трудно, да и земли здесь менее плодородны, чем в речных долинах.

Лех (в другой транскрипции Лел или Лес) стал постоянным резиденцией раджей Ладака в правление Бум-Дэ, в XV веке. В Лехе много памятников: дворцов, ступ и храмов, каменных скульптур и древних надгробий. Приближаясь к городу, еще издали видишь очертания бслрой громады дворца, воздвигнутого около 1620 года раджей Сэнгэ — одним из великих ладакских стронтелей, которому помогал лама Тагцан-Райчэн. Ютящиеся внизу домики кажутся каменными ступеньками, ведущими к высокому алтарю. По-видимому, лехский дворец строился по образцу Поталы⁴⁵ в Лхасе, потому что между этими дву-

мя памятниками древнего Тибета есть некоторое сходство. Благодаря любезности ладакского раджи нам посчастливилось провести несколько дней в старинных чертогах.

К знаменитым «львиным» воротам лехского дворца ведет широкая дорога, с обеих сторон обнесенная низкими стенами из неотесанного камня. Подниматься в верхние палаты следует с осторожностью: каменная лестница обветшала, и ступеньки едва держатся. Наши спутники называли лестницу «Сассэри», сравнивая ее с перевалом Сассэр на каракорумском пути. Справа и слева в стенах зияют проемы — все, что осталось от дверей. Окна в коридоре выбиты, и ночью здесь легко сломать себе шею. На втором этаже находится просторный зал с глинобитным полом. Вдоль стен, расписанных изображениями Зеленой Тары, тянется ряд резных деревянных колонн. Поднявшись еще выше, вы попадаете в покои раджи. Это типичные тибетские комнаты с деревянными рамами в больших квадратных окнах и резными колоннами, поддерживающими потолок. Двери массивные, с металлическими орнаментированными пластинами-накладками. С кровли дворца открывается поразительный вид на город, лежащий внизу, на снежные вершины горного хребта на южной стороне долины Инда и на хребет Кардонг, над которым нависли легкие тучки — вестницы приближающейся непогоды.

Когда заходит солнце, песчаную равнину и песчаниковые скалы заливают багровое зарево. Город погружается в фиолетовую дымку, а на равнине, подобно драгоценным камням, горят ряды белых ступ. В эту пору ладакцы читают вечерние молитвы, и дым воскурений медленно плывет над домами. Именно в этот час мира и молитвы странник, пришедший в Лех, может почувствовать своеобразную красоту и притягательную силу небольшой страны, затерянной в горах.

Спустившись с кровли дворца в маленькую часовню, вы можете осмотреть фреску с изображением спасительницы Дуг-Кармы, или Дугкар⁴⁶, работы ладакского художника, весьма успешно справившегося со своей задачей. Тысячерукая богиня держит многочисленные символы, говорящие о ее могуществе. Вдоль стен часовни висят знамена*, некоторые из которых, вероятно, являются современниками минувших эпох. Поскольку Ладак расположен на стыке нескольких высокогорных азиатских путей, его искусство носит отпечаток различных культур. Раскраска некоторых знамен напоминает индо-персидские аналогии⁴⁷, а многие детали, по-видимому, заимствованы из могольской миниатюры. Рисунок других очень похож на одну из композиций в живописи Восточного Туркестана.

Мы провели немало времени, рассматривая эти знамена при тусклом свете свечи.

Дворец не был идеальным местом для стоянки экспедиции, обремененной сотнями чемоданов и тюков. Покинув старинные чертоги

* Т. е. тханки, произведения буддийской иконографии.

ладакских раджей, мы вернулись на постоянный двор и смогли здесь, наконец, разместить грузы и снять конюшню для лошадей.

Другой дворец раджей стоит на крутой скале Намчжал-Цзэмо в окрестностях города. По преданию, его воздвиг раджа Даши в 1520 году. Ныне от этого древнего строения остались развалины, зато поблизости поднялся монастырь, частично построенный из дворцового камня. Немного ниже лежит небольшая деревушка Чуби, основанная тем же раджей.

В настоящее время ладакский раджа живет в своей летней резиденции в Доге*. Он получает небольшую пенсию и ведет уединенный образ жизни, наезжая в Лех только в канун новогодних праздников. Когда этот спокойный, благообразный старец появляется на лехских улицах, его окружает толпа, приветствующая в его лице потомка древнего рода Гэсэра⁴⁸.

Самый древний храм Леха, построенный на скале Намчжал-Цзэмо, посвящен Майтрейе. По преданию, его воздвиг раджа Бум-Дэ. Здесь же высится знаменитый храм Гонкан, посвященный владыкам, или локапалам⁴⁹, четырех стран света и построенный раджей Даши. В храме есть фрески, которые можно точно датировать, что очень важно для изучения истории тибетской живописи. Искусство Тибета, как и любой другой страны, в разные времена испытывало влияния извне, и исследователь должен знать, почему и когда это происходило. Настенная живопись ладакских монастырей производит сильное впечатление, и со временем я надеюсь посвятить ей специальную работу. Интересна, например, фреска, изображающая семью ладакского раджи, причем мужчины одеты по-могольски, а женщины наряжены в ладакские платья. Эта фреска свидетельствует о двойственности, которая все еще присутствует в культуре современного Ладака.

Ниже дворца Сэнгэ стоят два храма, один из которых посвящен грядущему Будде Майтрейе, а другой Авалокитешваре — божественному владыке Тибета. В храме Майтрейи кроме огромного изображения грядущего Будды имеются также древние фрески. Наиболее примечательно изображение Будды созерцания, облаченного в одеяние бодхисаттвы. Поблизости виднеются развалины дома бывшего министра Ладака, или калопы, где еще можно найти древние глиняные изображения и рукописи.

К северу от Леха расположен небольшой монастырь Зангар, филиал монастыря Бетуб, построенный сравнительно недавно. Через квадратный двор, вымощенный массивными каменными плитами, вы проходите к главному храму. Стены его покрыты фресками, прекрасно исполненными известным ладакским художником, ныне живущим в монастыре Трикше. За залом с росписями находится маленькая часовня, где верующие поклоняются Дугкар. Кроме изображения боги-

* В книге Н. К. Рериха «Алтай — Гималаи» (М., 1974, с. 82) эта резиденция названа иначе — Стога.

ни мы увидели большое изваяние Маньчжури⁵⁰, или Чжамьяна, покровителя знания. Остальные монастырские строения заняты под кельи и кладовые.

В самом городе находится резиденция настоятеля Хемийского монастыря. Бывает он здесь крайне редко, и большую часть года дом пустует. Это типичный тибетский особняк, из верхних комнат которого открывается прекрасный вид на долину Инда и снежные вершины гор. На первом этаже размещены конюшни, комнаты для слуг и кладовые. На втором находятся кухня и просторные покои с квадратными окнами. Почему-то стекла были вставлены только в одной комнате, в остальных настоятель довольствовался резными рамами.

Из настенных фресок, виденных мной в частных домах лехцев, мне запомнилось живописное повествование о жизни Миларепы⁵¹, его столкновении с бонским волшебником на священной горе Кайлас и о других известных эпизодах из его биографии. В этом же доме имелась еще одна очень любопытная фреска, изображающая прибытие ладакского посольства ко двору китайского императора, но, к сожалению, она не была датирована. Хозяин называл фреску просто «Китайский император». Это была вторая историческая фреска, которую я обнаружил в Ладаке, но, несомненно, их здесь гораздо больше. Настенная живопись до сих пор ценится в Ладаке, и ладакские художники создают иногда настоящие произведения искусства. Судя по всему, они находятся под влиянием центральнотибетской школы, для которой характерна строгость композиции и рисунка.

В деревне Чанба, в окрестностях Леха, доктор О. Франке нашел интересные фрески, воскрешающие один из подвигов Гэсэра. О войне Гэсэра против Чжанаг-ги гонима-чэнпо — страны на востоке Тибета, повествуют фрески, обнаруженные в летней резиденции калон⁵² Леха. Гэсэрские фрески — явление чрезвычайно редкое во всем Тибете, и с благодарностью вспоминаешь доктора О. Франке, перерисовавшего их в деревне Чанба.

В окрестностях Драизе — деревни у озера Бангон, внимание исследователей привлекают мальтийские кресты с согдийскими надписями. До сих пор неясно, кто и когда их установил. Весьма вероятно, что в период между VIII и X веками н. э., когда вдоль Великого шелкового пути протянулась цепочка несторианских колоний, в Ладаке тоже закрепилась община несториан⁵². Были ли эти пришельцы купцами или паломниками, в настоящее время установить невозможно. В Ладаке и Кашмире бытуют любопытные легенды христианского толка, которые, судя по всему, относятся к несторианскому прошлому. В Центральной Азии несториане были известны под прозвищем эркэгун-аргун. Ладакцы смешанного происхождения (а таких здесь не меньше половины), имеющие среди своих предков тюрков, также называют себя аргун. В империи Моголов несториан называли тарса

* Калоны — министры.

и эркэгун, причем происхождение последнего этнонима установить трудно.

Культура ислама представлена в Лехе большой мечетью, построенной, по-видимому, в правление наваба⁵³ Фате-хана. Из других памятников старины можно упомянуть так называемые дардские могилы, раскопанные в Даусербо миссионерами. В этих подземных помещениях, сложенных из неотесанных камней, были найдены глиняные горшки. В некоторых из них лежали человеческие кости. Однако происхождение этих захоронений неясно. Доктор О. Франке полагает, что они оставлены дардами. В пользу его предположения говорит тот факт, что все найденные черепа принадлежали долихоцефалам⁵⁴, в то время как современные тибетцы — брахицефалы, за исключением населения пограничных районов Тибета. Я склонен считать, что могилы в Даусербо принадлежат древнейшим насельникам страны, отличавшимся продолговатой формой черепа. К сожалению, миссионерам пришлось прекратить раскопки, и множество захоронений до сих пор еще не исследовано. Было бы очень интересно сопоставить результаты этих раскопок с аналогичными находками в районе Великих озер, на севере Трансгималасв.

Знаменитый монастырь Хеми часто описывался путешественниками, как и празднества, происходящие здесь в конце июня. В монастыре есть старинная бронза, но фрески в храмах современные и ничем особенным не примечательны.

Дорога, пролегающая по долине Инда, необычайно живописна. Яркая зелень полей контрастирует здесь с суровыми очертаниями неприступных гор. Деревня Шел, расположенная на правом берегу, когда-то была столицей Ладакского княжества. От этого времени до нас дошли древние петроглифы и каменные скульптуры. На крутой скале стоит запустевший монастырь ламаистской секты пигцэзэ, и живут здесь грязные и невежественные монахи, нагло вымогающие подаяние. Их настоятель, разочаровавшись в монашеской жизни, покинул монастырь несколько лет назад, и с тех пор обитель хиреет. Здесь нам удалось найти несколько древних бронзовых изделий и старые раскрашенные знамена. Сильное впечатление производила колоссальная статуя Майтрейи, освещенная многочисленными светильниками, но груды мусора в углах храма и толстый слой пыли на полу и алтаре свидетельствовали, что у этого монастыря все в прошлом.

Быстро надвигалась осень. Частые порывы ветра, налетавшего с гор, предупреждали нас, что медлить нельзя. По слухам, в горах бушевали метели, и наш караванбаши⁵⁵ предсказывал, что скоро перевалы завалят снежные наносы. Закончив серию картин о Ладаке, Николай Константинович Рерих распорядился ускорить последние приготовления к путешествию. Мы объявили на базарах о найме караванщиков, и ежедневно нас стали осаждать толпы желающих. Из этого сборнища балтов, ладакцев, кашмирцев, аргунов и тюрок* Елена Ива-

* Имеются в виду уйгуры, киргизы, казахи.

новна Рерих выбрала несколько человек, впоследствии оказавших нам неоценимые услуги. Все они хорошо знали дорогу и были готовы разделить с нами трудности и опасности предстоящего путешествия в Восточный Туркестан. Эти люди никогда не унывают, даже во время затяжных буранов в горах, довольствуются малым и никогда не жалуются на усталость. В наших последующих странствованиях мы часто вспоминали ладакских караванщиков, их удивительное мужество и стойкость.

ИЗ ЛЕХА В ХОТАН. ВЕЛИКИЙ КАРАКОРУМСКИЙ ПУТЬ

19 сентября 1925 года — памятный день в жизни нашей экспедиции. Прекрасное осеннее утро. С гор дул легкий ветерок, необычайно освежающий и бодрящий. Толпа местных жителей собралась проводить нас. Переход через перевал Кардонг — первый горный перевал на туркестанском пути — обычно совершается на яках, которых нанимают у горцев. Вершина перевала покрыта льдом, и практически только выючные яки могут идти здесь с грузом; лошади же и цзо преодолевают перевал налегке. Это обычай страны, выработанный многолетним опытом, и мы решили ему следовать. Однако по неизвестной причине лехцы пригнали только двадцать яков из сотра, и нам пришлось прождать все утро и большую часть дня, пока не удалось собрать всех остальных. Наконец около четырех часов дня длинный караван экспедиции растянулся вдоль узкой тропы у подножия лехского дворца. За нами по пятам следовала толпа местных жителей. Как только мы проехали деревню Гонба, к нашей колонне приблизилась группа ладакских женщин и девушек с полными чашами ячьего молока. Мы низко поклонились им, и они окропили молоком наши лбы и лбы животных, тем самым пожелав всем нам счастливого пути.

Три часа мы поднимались в горы, и с каждым шагом местность становилась все более пустынной. Зеленые сады и поля Ладака остались позади, перед нами высились скалистые горы с гребнями, покрытыми снегом и льдом. Со склонов скатывались огромные каменные глыбы; мы пересекали обширные участки, сплошь заваленные обломками горных пород. Караван выючных лошадей, во главе с Назар-баем и Омар-ханом, ушел вперед и остановился на северной стороне перевала Кардонг — в маленькой деревне Халсар.

Ночью мы стали лагерем на каменистом плато, поблизости от какого-то разрушенного домика. Вскоре задул пронизывающий северо-западный ветер, и нам пришлось искать убежища в горах. Наши люди, затаившиеся под утесами, в своих серых овчинах напоминали

жищников, высматривающих добычу. Караван яков выбрал к месту стоянки только к десяти часам вечера; о его приближении предупреждали громкие выкрики и свист погонщиков. Мы увидели темную массу, медленно вползавшую на небольшое открытое плато, где был разбит наш лагерь. Разгрузку животных мы начали в полной темноте, и опытным караванщикам пришлось немало потрудиться, чтобы поставить палатки. Ночь выдалась очень холодная, до самого рассвета заывал ветер.

Великолепное утро 20 сентября вознаградило нас за понесенные тяготы. Вскоре караван уже поднимался по горной тропе. Все мы сидели на яках; кавалерийские седла на лохматых черных животных выглядели как-то странно. Яки незаменимы во время горных переходов, многие путешественники с похвалой отзываются о их выносливости. Подъем на Кардонг сравнительно легок для яков, но для лошадей все же труден. Чтобы достичь покрытой снегом вершины перевала, нам потребовалось целых три часа. Во многих местах мы видели замерзшие капли крови на следах прошедших здесь караванов. У людей и животных на таких высотах часто возникает кровотечение. Сверху горы напоминали волны огромного моря, покрытые сверкающей белой пеной. Спуск оказался трудным. С северного склона перевала сползал ледник, и нам пришлось спешиться. Один як пожелал, видимо, прокатиться и с поразительной ловкостью спустился вниз по крутому склону. Мы были убеждены, что он свалится вместе с грузом в глубокое ущелье, но в критический момент животное неожиданно остановилось и спокойно присоединилось к каравану.

Спускались мы долго. Далеко вдали маняще зеленела долина Шайок, где находилась деревня Халсар — место встречи колонн. Спустившись с перевала, мы после двухчасового перехода вошли в долину Шайок, сжатую с обеих сторон отвесными скалами. В пятом часу дня показалась деревня Халсар, и вскоре нас встретили караванбаши Назар-бай и Омар-хан. Еще через два часа мы расположились в небольшом тенистом саду караван-сарая и наблюдали за прибытием яков с грузами. Отсюда эти грузы в течение двадцати двух дней предстояло нести лошадям.

21 сентября мы продолжили путь по долине Шайок. Всюду, куда ни глянь, высились светло-желтые и красные песчаниковые и гранитные скалы. В трех милях от Халсара мы перешли подвесной мост и благополучно добрались до живописной деревушки Тирит. Здесь у нашего главного проводника Лонбо было поместье с большим комфортабельным домом. Мы оценили радушие Лонбо и остановились на ночь в его жилище.

Верхние комнаты были просторные и светлые. На стенах — декоративные изображения, варьировавшие «восемь счастливых знаков» тибетского религиозного орнамента⁵⁶. С крыши дома открывалась изумительная панорама, и до поздней ночи мы любовались горным ландшафтом и мирной долиной Шайок, утопавшей в лунном свете. Кара-

ванщики, забыв о трудностях и лишениях, ожидавших их впереди, пели у костров, и псалмы последователей буддизма сливались с протяжными, меланхолическими туркестанскими напевами.

22 сентября мы поднялись рано, так как хотели скорее прийти в Панамик — последний населенный пункт на каракорумском пути. Мы выступили в путь еще до того, как из-за гор поднялось солнце. Вскоре дорога свернула в долину Нубры и повела нас мимо многочисленных ферм, деревушек и монастырей. С рассветом дорога ожива: вереницы мулов и ослов, позванивая колокольчиками, потянулись в направлении Ладака. Караваны вели усталые погонщики с обветренными лицами, мечтавшие о заслуженном отдыхе в Лехе. По пути мы посетили интересный монастырь Сандолин, сравнительно редко упоминаемый в книгах о Ладаке. В храме монастыря имелось большое изображение Майтрейи и прекрасная коллекция религиозных знамен — таких же, как в Ладаке. Главный монастырский лама был в отъезде, и молодые послушники исполняли свои обязанности лениво и медлительно.

В Панамик мы пришли вечером и остановились у речушки, которая неожиданно вышла из берегов и подступила к нашему лагерю. В Панамике мы узнали, что здесь задержались два сахйба*. Это были сотрудники шведской миссии в Кашгаре. По словам одного из миссионеров, господина Германсона, положение в Кашгаре было тревожным и город все еще волновался после переворота, совершенного капитаном Ма, и гибели страшного Ма Фусиня.

В окрестностях Панамика мы осмотрели несколько часовен и небольшой монастырь «желтошапочной» секты**. Нам сообщили, что вверху долины есть наскальные изображения, но, к сожалению, побывать там у нас не хватило времени.

На следующем этапе пути, 23 сентября, экспедиция подошла к подножию перевала Караул. В течение дня мы брели по левому берегу реки Нубры и видели издали разбросанные на правом берегу деревушки. Вскоре мы разбили лагерь на краю плато, окаймленного валунами; рядом с нами расположился караван, следовавший из Ладака в Хотан и Яркенд. Еще задолго до рассвета в лагере ладакцев раздались громкие возгласы: «Подъем, подъем, подъем!»; пламя костров осветило лохматые фигуры людей, пивших утренний чай с

* *Сахйб* — господин.

** *«Желтошапочная» секта* — тибетская буддийская секта гелугпа, основанная реформатором буддизма Цзонхапой (конец XIV — нач. XV в.). Отличительные особенности гелугпы: строгая церковная иерархия, культ хубилганов (живых «воплощений» божества), торжественные богослужения, пышные церемонии и религиозные праздники. Монахи — приверженцы гелугпы носят желтые шапки (отсюда и название секты).

Вводя для своих сторонников обязательную одежду с желтым головным убором, Цзонхапа тем самым пытался приблизить их к «изначальному» буддизму, отличавшемуся моральным доктринерством и суровостью монастырского устава (см.: С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1964, с. 451–458).

дзамбой, или цзаммой (поджаренная ячменная мука). Вскоре темная масса яков двинулась к перевалу, а за ладакцами последовали и мы на лошадях.

Подъем на перевал оказался не из особенно трудных, но обрывистые склоны и множество скелетов внизу красноречиво призывали к бдительности. Нашему каравану тоже суждено было заплатить «пошлину»: великолепный бадахшанский жеребец, испугавшись чего-то, вдруг прынул и тут же полетел вниз по каменистому склону. Он упал на скалу под нами еще будучи живым; пуля положила конец его мучениям. Спуск с перевала был недолгим, но продвижение по долине, посреди которой текла небольшая речушка, затруднялось из-за невероятных скоплений валунов. Просто непостижимо, как караваны преодолевают этот участок пути! Особенно опасны здесь острые камни и предательские щели между ними. Целых три часа, разгрузив лошадей, мы плелись между каменными глыбами. Несколько раз нам пришлось переходить вброд стремительную и холодную горную речку. Одну из овец, шедших вместе с караваном, унесло течением, и ее не удалось спасти. Вымотанные тяжелым переходом, мы поставили палатки на клочке земли, не заваленном камнями. От мысли дойти до подножия перевала Сассэр в тот же день пришлось отказаться.

В нашем лагере было довольно-таки неуютно: налетел сильный ветер; в воздухе носился мокрый снег; темные силуэты гор по краям долины производили гнетущее впечатление. Китаец-переводчик, покуривая свою трубку, грустно повторял: «Ну и дорога, ну и дорога! Нигде в Тибете не видел я таких дорог». Вечером две вьючные лошади отравились и ночью сдохли. Поклажу пришлось распределить между остальными животными. Мы попросили караванщиков быть более внимательными, особенно в местах, где росла ядовитая трава.

25 сентября мы совершили короткий переход вверх по долине к перевалу Сассэр, снежные вершины которого белели на северо-западе. Вскоре после нашего прибытия пошел снег и задул пронизывающий ветер. Все вокруг смешалось в снежной замаянке. Мы сидели засыпанные снегом, повернувшись спиной к ветру. Пришлось разгребать снег лопатами и в срочном порядке ставить палатки — задача отнюдь не из легких на высоте 15 400 футов. Хотя ночь выдалась безветренная и исключительно тихая, все же утром мы обнаружили, что палатки совершенно завалены выпавшим снегом. Омар-хан был очень опечален гибелью своих трех лучших лошадей и высказал опасение за судьбу каравана. Однако его друг Назар-бай хранил спокойствие и только предложил нам поторопиться с переходом через перевал, пока не начался снегопад.

Случилось так, что железные колышки наших палаток вмерзли в землю, но ладакские погонщики после двухчасового упорного труда все же вытащили их. Теперь я понимаю разницу между ладакцами и собственно тибетцами: первые стремятся пройти как можно быстрее лишённые растительности нагорья. Их не остановит ни буря, ни сне-

гопад, они будут бороться с природой, вдохновляемые огромным желанием достичь цели. В обычае же тибетцев идти медленно, а бури и снегопады служат только предлогом для дневного отдыха. У них нет никакой цели, и они так же меланхоличны, как и равнины и холмы их родины.

Около десяти утра наш караван начал подъем на перевал. В течение часа снежные вершины и массивы горных склонов, залитые солнечным светом, сверкали яркими красками, но вскоре погода изменилась. Откуда-то налетел резкий ветер, пригнал тучу, и неожиданно на нашу колонну обрушился жестокий снежный буран. Несмотря на белую крутоверть и напор ветра, мы, однако, не остановились. Убрав с дороги труп недавно павшей лошади, который жадно расклевывали огромные черные вороны, погонщики бодро повели караван дальше. Вершина перевала Сассэр была покрыта ледником, и, чтобы его преодолеть, потребовалось более двух часов. К счастью, везде лежал глубокий снег, и все же моя лошадь все время оскальзывалась и в какой-то момент едва не сорвалась в пропасть. В арктическом уединении перевала мы набрали на товары, сваленные в кучу и опечатанные владельцем. Видимо, здесь шел караван, но, потеряв большинство животных, был вынужден бросить грузы. Такие склады довольно часто встречаются в горах, и их никто не трогает.

Все чаще и чаще нам стали попадаться трупы животных, застывшие в странных позах с запрокинутыми головами. Возможно, сами караванщики придали трупам стоячее положение, но выглядели они прямо-таки жутко. На одного из наших людей напала горная болезнь, и он, обливаясь кровью, упал с лошади. Мы оказали ему помощь.

Внезапно солнечный луч пронзил густые облака, и снежные вершины засверкали так ослепительно, что стало больно глазам. Наконец мы достигли северной оконечности ледника и начали медленно спускаться к постоялому двору — жалкому блочному домику с каменной оградой. Неожиданно впереди показалось несколько крупных бактрийских верблюдов, пасшихся на почти голых склонах. Эти трудолюбивые животные принадлежали одному из наших караванбаши, Омар-хану, и оставались здесь на выпасе до подхода лошадей с грузами из Туркестана. Некоторые из ладакцев никогда не видели верблюдов и без конца восклицали: «Вот это животные!» При виде двухгорбых великанов многие наши верховые лошади, особенно заскаренные и ладакские, зафыркали и повернули назад.

Мы продолжали спускаться вниз, пока снова не оказались в долине реки Шайок. Постепенно распогодилось, и песчаниковые скалы запылали в лучах заходящего солнца. Это было поистине великолепное зрелище!

Нам повстречалась небольшая группа яркендских паломников, возвращавшихся в Туркестан. Все мужчины ехали верхом, а в хвосте каравана шли две женщины в черной вуали, закрывавшей их лица. Перейдя через реку, они исчезли среди песчаных холмов. Спустя не-

сколько дней мы нашли трупы двух лошадей, павших во время перехода каравана.

27 сентября. Ночь была холодной, река покрылась тонкой ледяной коркой. Обследовав участок реки, мы выбрали место для брода и громкими криками загнали лошадей в студеною воду; тонкий лед трещал под копытами, шли они с трудом. Вода доходила до стремян. Погонщики, всегда шедшие пешком, теперь ехали верхом. За речкой дорога втягивалась в узкий каньон, посреди которого протекал ручей, терявшийся в россыпях гальки. Узкая тропа вдоль берега была во многих местах завалена трупами павших лошадей и, что еще хуже, верблюдов с разбухшими животами. Умирающим животным туркестанские караванщики обычно перерезают горло, избавляя их тем самым от мучений. Нам пришлось долго расчищать дорогу, прежде чем мы смогли идти дальше. Выйдя из каньона, лошади ступили на болотистую почву черного цвета. Во впадинах между холмами стояла вода. Тропа постепенно поднималась вверх, и вскоре караван вышел в обширную долину, с обеих сторон которой высились снежные горы. Мы разбили лагерь около речушки. Подмораживало, и лужицы и озерки покрылись тонкой коркой льда.

В ночь на 28 сентября было очень холодно, мы зябли в спальных мешках. Ранним утром, полюбовавшись великолепной опаловой зарей, в свете которой белые изломы гор вырисовывались особенно отчетливо, экспедиция снова разделилась на несколько колонн. Как всегда, впереди шел Назар-бай, а сзади медленно двигался Омар-хан. Широкая долина скоро осталась позади; дорога повела нас по ущелью, дно которого было выстлано плоской галькой. Когда-то здесь мчался стремительный поток, но иссяк, оставив после себя многочисленные следы своего буйства. В ущелье мы впервые увидели тибетских газелей. Потревоженные, они выскочили на дорогу и исчезли вдали. Переночевав на берегу небольшого потока, мы вышли очень рано, торопясь пройти перевал Дапсанг. Каково же было наше удивление, когда недалеко от места привала караванщики обнаружили, что на дне «чистой» горной речки, из которой мы накануне брали воду, лежал труп большого верблюда.

Прилегающая равнина представляла собой холмистое нагорье, расположенное на большой высоте. На юго-запад и юго-восток от нее протянулись могучие горные цепи, среди которых возвышался дапсангский пик. На западе, по направлению к вершинам Каракорума и другим пикам этой системы, сверкали снежные шапки величественных гор.

Наш караванбаши Назар-бай надеялся достигнуть перевала Каракорум в тот же день и поэтому торопил нас. Но Омар-хан жаловался на плохое состояние его лошадей, и мы провели ночь на расстоянии двух миль от перевала.

...30 сентября. С раннего утра завыл буран, и горные вершины скрылись в плотном белесом тумане. Подъем на широкий Карако-румский перевал оказался сравнительно нетрудным, но на самой вершине внезапно пала одна из наших выючных лошадей. Хорошо накормленные животные часто гибнут во время переходов, поэтому кормить лошадей за день до подъема на высокогорный перевал не рекомендуется. Такой же обычай существует здесь и для людей.

С перевала мы спустились в широкую долину, где журчала какая-то речушка, и вскоре увидели караван верблюдов, шедший нам навстречу. Это были паломники в далекую Мекку. Колонну возглавлял всадник в тяжелом тулупе. Приветствуя нас, он низко поклонился. На одном из верблюдов восседал седобородый старик, следом за ним ехало несколько женщин в парандже.

В местечке Балтибранкс мы ненадолго остановились для отдыха, а затем продолжили путь в направлении Баксум-Булака. Сильный северо-западный ветер нагнал тучи; ехать нам пришлось по глубокому снегу. К концу дня мы пришли в Баксум-Булак и разбили лагерь на щебнистой равнине. Горы стыли в снегах, непроницаемый туман скрывал контуры рельефа. Вечером к нам присоединился торговый караван, державший путь в Кокьяр и Каргалык.

Утром, выйдя на заснеженную равнину, мы неожиданно учуяли тонкий запах индийских специй и шафрана. Он исходил от выюков, которые несли на себе ослики торговцев. Через восемь часов мы достигли места соединения путей на Кокьяр и Санджу⁵⁷. Это щебнистая равнина, защищенная с севера могучей горной грядой. Очень сильный ветер мешал нам раскинуть палатки, и пришлось ждать захода солнца, когда немного стихло.

2 октября. Назар-бай очень хотел в тот же день одолеть перевал Сугет и как можно скорее дойти до китайских пограничных постов. И вот мы уже идем вверх по речке, сбегаящей с перевала. Подъем постепенный, к тому же снега здесь не было. Но неожиданно, почти у самой вершины, запуржило. Все вокруг потонуло в снежных вихрях; фигуры людей, шедших впереди, можно было различить с трудом. Мы пересекли широкую и плоскую плешь перевала, загроможденную валунами, и остановились: весь северный склон горы покрывал снег глубиной до нескольких футов. О возвращении назад не могло быть и речи, надо было искать выход на месте.

Поразмыслив, мы решили разгрузить цзо и отправить их вниз, чтобы пробить тропу для каравана. Выносливые животные прекрасно справились со своей задачей: погрузившись в снег по брюхо, они спустились по крутому склону прямо к подножию перевала. За ними последовали выючные лошади и мы сами. Воздух оглашался возгласами, лошади спотыкались, люди, держась за их хвосты, старались не угодить под копыта.

Со дна ущелья мы увидели темную вереницу животных и людей, растянувшуюся по всему склону. К счастью, во время этого опасного

перехода жертв не было, но трудности пути не позволили нам насладиться вдоволь суровым пейзажем. Резко контрастируя с серым небом, сверкали белоснежные короны, венчавшие темные, почти черные, зубчатые вершины. В ущелье завывал ветер, фантастические узоры змеились на отвесных стенах. «По милости божьей сошли мы вниз!» — кричали наши погонщики-мусульмане. Вскоре нас обволокла непроглядная мгла.

Назар-бай выехал вперед, и его широкоплечая фигура, как будто сросшаяся с вороным конем, растворилась во мраке. После изнурительного перехода люди бормотали что-то бессвязное, а животные совершенно обессилели. Мои часы показывали девять часов вечера, потом десять, а Назар-бай все не возвращался. Первыми заволновались погонщики. «Может быть, — говорили они, — старый Назар-бай был не в своем уме, заставив людей и животных идти более двенадцати часов?»

Надо было что-то предпринимать, и с одним из караванщиков я отправился на розыски караванбаши. Неожиданно мы вышли к ручью, а еще через какое-то время ручей обернулся ревущим потоком. Сев в седло, мы перебрались на противоположный берег и вдруг услышали крик. Это давал знать о себе Назар-бай, нашедший, наконец, подходящее место для лагеря. Вскоре измученные люди и лошади потянулись к стоянке. Караванщики, однако, не переставали спорить между собой, причем ладакцы обвиняли тюрков в темных намерениях. В этот день мы провели в седле более четырнадцати часов.

3 октября вышли в путь немного позже обычного, так как надо было собрать лошадей, которые разбрелись в поисках корма. Из ущелья дорога вывела караван на обширную равнину. На севере громоздились могучие горы — западная ветвь Куньлуня. На северо-западе зияло широкое ущелье, вытянувшееся по направлению к перевалу Санджу. Приятно было после долгого перерыва увидеть кустарник, зеленевший на берегах певучей речушки, услышать, как плещутся в воде утиные выводки.

Немногочисленные обитатели этого района были представлены киргизами-скотоводами, да, по слухам, на севере долины находился небольшой оазис. Правда, здесь выращивали только ячмень, да и то в основном ради нужд караванов.

После двухчасового перехода мы оказались вблизи китайской крепостцы, за квадратной стеной которой виднелось несколько кирпичных домиков. В воротах появилась какая-то фигура и тут же метнулась назад. Караван, очевидно, заметили. Наш китайский переводчик поспешил вперед, чтобы известить о прибытии экспедиции.

Офицер, заведовавший постом, устроил нам сердечный прием. Его команда состояла из переводчика и двадцати солдат из местных киргизов, находившихся в настоящее время в горах. Помимо экспедиции во дворе расположился также яркентский караван. Когда со всеми формальностями было покончено, офицер отправил в Санджу и

далее в Гуму гонца с извещением о нашем прибытии. Мы решили пробыть здесь один день, а назавтра продолжить путешествие. Поздно вечером на стенах поста заиграли блики огромных костров, вокруг них сидели на корточках караванщики, пересказывая друг другу новости из Яркенда, Леха и Кашмира. Здесь была самая настоящая караванная Азия, где даже прозаические вести, пройдя по великим торговым путям, воспринимаются как героические легенды.

4 октября. Очень трудно лишать людей отдыха. Вышли мы только после полудня, поскольку переход до форта Шахидулла довольно короткий. Караван сопровождали двое конных солдат-киргизов, обязанных следить за нашим благоустройством во время путешествия. Миновав широкую равнину, мы подошли к Каракашдарье («Черной нефритовой реке»), одной из трех рек, питающих богатые хотанские оазисы. После двухчасового перехода караванщики разбили лагерь. Здесь были великолепные пастбища, и наши лошади получили долгожданный и заслуженный отдых. Позади лагеря на крутой скале чернели какие-то развалины и мазар, или гробница, мусульманского святого. Многие из этих усыпальниц занимают места, на которых прежде стояли чортены, или буддийские ступы⁵⁸.

5 октября мы спустились вниз по каракашской долине. Дорога была каменистой и местами очень узкой, к тому же кое-где дождевые потоки размыли ее, и приходилось не менее четырнадцати раз в день переходить реку вброд. Мы прошли мимо первого постоянного двора — грязной хижины со стожком сена на крыше, принадлежавшего киргизской семье. У дороги стояли женщины в высоких белых тюрбанах и длинных чапанах, или халатах. Недалеко от этого места выючные пони Назар-бая чего-то испугались и затопали ногами, сбрасывая груз. Оказалось, что у двух из них повреждены передние ноги. Пришлось сбавить темп, и только к концу дня мы дошли до ближайшего жилища и расположились на отдых. Было трогательно смотреть на двух лошадок, хромавших позади каравана. Мы просили Назар-бая оставить их у местных киргизов, хорошо умевших лечить переломы.

Местность становилась все более обжитой. Кроме паломников-мусульман, спешивших на юг, тут и там маячили кавалькады киргизов. Везде зеленели ячменные поля, и наши голодные животные получили дневную порцию корма. К вечеру над горным хребтом сгустились тяжелые лёссовые тучи и обрушились в долину. Это давая о себе знать огромный пустынный бассейн Внутренней Азии: каждый порыв ветра передавал дыхание его раскаленной груди.

6 октября мы еще шли по долине Каракаша. Местность стала еще более пустынной; песчаниковые утесы, унылые и безжизненные, навевали тоску. Мы прошли мимо большого киргизского кладбища — величественных мазаров подлинного иранского стиля, перед которыми стояли длинные шесты с конскими и ячьими хвостами.

На седьмой миле мы увидели высеченные в горе многочисленные пещеры. Говорят, зимой местные киргизы в них живут, а летом

хранят продукты. Эти каменные соты напоминают буддийские пещерные монастыри Восточного Туркестана.

Узкая каменная тропа вела нас к подножию перевала Санджу. Долина заметно сужалась. Часть пути мы прошли по ущелью, а потом свернули в боковую долину, усеянную колоссальными валунами и обломками горных пород. Это и было подножие перевала Санджу. Здесь мы расположились на ночь, но из-за неровностей почвы спали плохо. К тому же вечером начался ураган, заваливший наши палатки мокрым снегом. Яки, которые должны были тащить наш груз через перевал, пришли только ночью и в непроглядной тьме едва не снесли лагерь. Киргизы-погонщики не знали точно местоположения стана и гнали животных прямо на палатки. Когда мы стали защищать свои жилища, яки испугались и умчались в горы. Едва-едва удалось их вернуть.

7 октября. Развьюченных лошадей угнали еще до рассвета, когда яки еще паслись. За ними последовали мы верхом на мохнатых рогаках. Подъем на перевал очень крутой, а в некоторых местах тропа была покрыта тонкой коркой льда и петляла из стороны в сторону. Зимой перевал, по-видимому, опасен, так как нередко снежные и каменные обвалы. Чтобы добраться до вершины, нам потребовалось три часа. Тропа шла среди острых скалистых уступов, а на самой вершине зияла широкая и глубокая расщелина, через которую животным надо было прыгать. Здесь один из наших спутников свалился с яка и повредил ногу. Пологий спуск с перевала привел караван в широкую долину, оцепленную травянистыми холмами. Это было типичное пастбище, повсюду виднелись киргизские кишлаки. Теперь нас сопровождал местный аксакал⁵⁹ — сорокалетний мужчина с мушкетом и в солидной меховой шапке.

Мы продолжили путь уже по берегу горной речки и вскоре подошли к киргизскому стану. Белые и серые войлочные юрты кочевников были заметны еще издали; толпа уже ожидала нас. Мы разбили лагерь поблизости. Хозяева были настроены гостеприимно и предложили нам сочные дыни — угощение, которого мы давно не видели. Женщины и дети производили хорошее впечатление своей опрятностью; войлочные палатки были искусно убраны внутри коврами и вышивками. В некоторых палатках стояли большие, богато украшенные андижанские сундуки. Зажиточность местных кочевников бросалась в глаза; казалось, что санджуские киргизы жили гораздо лучше многих своих собратьев. Киргизские женщины окружили Елену Ивановну Рерих, восторгаясь ее костюмом. В общем, это были дружелюбно настроенные люди.

Санджуские киргизы разводят главным образом яков и овец. Лошадей здесь сравнительно немного, а верблюды встречаются еще реже. Верблюды, пасшиеся поблизости, принадлежали богатым яркендским и хотанским торговцам.

8 октября. Наш путь шел вниз по течению горной речки Санд-

жу-су. Тропа перескакала речку несколько раз. По ней можно идти только зимой или поздней осенью. Летом же, когда река несет очень много воды, караванщики пользуются другой дорогой, пересекающей невысокий перевал и очень тяжелой при подъеме. Идти долиной намного лучше. Постепенно понижаясь, дорога выводит вас прямо в оазис Санджу.

После шестичасового перехода мы разбили лагерь недалеко от одинокой киргизской юрты. Хозяин принес молока и изюму и старался оказать нам посильное внимание. Поблизости зеленели заросли ивы; у подножия холмов пасся большой табун лошадей.

Местные киргизы подчинялись начальнику Гумского округа, а в Санджу-Базаре, самом населенном пункте оазиса Санджу, находился таможенный чиновник, следивший за торговыми караванами на санджуском пути.

Мы интересовались, есть ли в окрестностях какие-либо памятники старины: пещеры, древние могилы, или мазары. Все мы слышали о разрушенных городах пустыни Такла-Макан и о богатых находках Аурела Стейна около Хотана и на востоке этого оазиса. Однако в горах севернее перевала Санджу, как известно, ничего нет.

9 октября экспедиция подошла к первой деревушке оазиса Санджу, за которым лежали пустыни Туркестана. Ущелье, по которому текла река, расширилось; высокие скалистые горы перешли в низкие волнообразные холмы, уходящие далеко на север, где над горизонтом никогда не рассеивается пыльная мгла. Мы смотрели на юг, в сторону зубчатых вершин, и прощались с царством гор.

Здесь было тепло, и наши крепкие ладакцы спустили до пояса свои тяжелые овчинные тулупы. Словно почувствовав конец пути, люди и животные прибавили шагу. Неожиданно вдали показались какие-то темные пятна, мерцавшие в зыбком воздухе пустыни. Были ли это деревья или кусты? Ладакцы, шедшие впереди, закричали: «Тополя, тополя!» Это были действительно тополя, целая роща у обочины дороги. Перед рощей мы увидели огромный валун с любопытными рисунками, привлечшими наше внимание. На камне были высечены изображения козлов, лучников и хороводов танцующих людей. Подобные наскальные изображения встречаются в Каландзе и в других местах Западного Тибета. Доктор О. Франке отмечал их ритуальное назначение, что находит объяснение в древнем тибетском обычае поклонения силам природы. Трудно точно датировать эти рисунки, потому что их высекают на камнях и по сей день. Вероятно, они довольно широко распространены по всему Западному Тибету и прилегающим районам и выбиты либо в далекой древности, либо сравнительно недавно.

Рисунки на поверхности валуна, изъеденной морозами, ветрами и дождями, были тронуты временем. Именно об этом камне наши ла-

дакцы ничего не знали, хотя многие из них бывали здесь и раньше. По-видимому, они просто его не замечали. Они говорили нам, что подобные камни с изображениями встречаются в Тибете повсеместно. Интересно отметить, что горные козлы почитались древними монголами и играли важную роль в культе огня. Такие камни, разбросанные по всей Внутренней Азии, скорее всего являются памятниками старины и связаны с древними формами шаманизма, распространенного в высокогорных районах Азии.

Мы уже собирались ставить палатки, как вдруг увидели несколько всадников, скачущих в нашем направлении. Это были санджуские аксакалы с даргой⁶⁰⁻⁶¹ Гумского магистрата. Они спешили и, тряхнув бородами по туркестанскому обычаю, поздравили нас с благополучным прибытием, а затем предложили проехать в рошу, где уже было приготовлено угощение, или дастархан. На красном цветном войлоке, или нимдахе, было выставлено все, чем богат край. Издалека дастархан напоминал натюрморт, написанный французским импрессионистом. Здесь покоились горы дынь и абрикосов, сочные груши соседствовали с красными и голубыми яйцами, жареными цыплятами и бараниной. Были также предложены туркестанский хлеб и чай. Нам предстояло отведать всего этого, и степенные хозяева в темно-синих и зеленых чапанах образовали почетный полукруг. Дарга вручил нам большую красную визитную карточку гумского амбана*.

Начальник приказал ему сопровождать экспедицию до Хотана и следить за тем, чтобы на южном караванном пути нас встречали подобающе. Этот дарга, тюрк по национальности, служил в местном гарнизоне и носил старомодную форму китайских императорских войск — широкую черную блузу с огромными красными иероглифами: на груди «Синьцзян», или «Новое владение», а на спине — «Гума».

После часовой остановки мы продолжили переход по пологому склону долины. Повсюду виднелись тополиные роши и абрикосовые сады. На возделанных полях зеленели пшеница и ячмень. Земля орошалась многочисленными каналами; местность напоминала цветущий сад. В густой роще, где рядом с тополями и ивами росли фруктовые деревья, показалась уютная деревушка. Здесь нас ожидала толпа мужчин и женщин в ярких одеждах. Для экспедиции был отведен большой тенистый сад, или баг. Мы поставили под деревьями палатки и впервые за многие недели с удовольствием прошлись по мягкой траве. В саду собрались любопытствующие деревенские жители, но вели они себя сдержанно, никто не осмеливался заглянуть внутрь палаток. Мы подарили аксакалу часы, и старик, просияв от радости, тут же отблагодарил нас сочными дынями, персиками и грушами.

10 октября встали рано и сразу же вышли в путь. Река, прорезав

* Амбань — в старом Китае уездный начальник; в дореволюционной Монголии и Синьцзяне — наместник или администратор иной категории. — Прим. С. И. Тюляева.

несколько широких и глубоких русел в мягком лёссе, разветвлялась. Повсюду зеленели ухоженные поля и сады. Проезжая через тенистые деревушки, мы обратили внимание на относительную зажиточность местного населения (тут не было ни китайских чиновников, ни китайских торговцев). В одном из таких гостеприимных селений нас снова ожидал дастархан, устроенный бывшим андижанским аксакалом, потерявшим свой пост в связи с политическими событиями на родине. Отдыхая в прохладе его сада, мы наслаждались превосходными персиками. Хозяин, высокий, опрятный, со спокойными приятными манерами, рассказывал нам об экспедиции Рузвельта, проследовавшей этой же дорогой в Яркенд и Кашгар.

Проведя не без удовольствия несколько часов в деревне, мы двинулись дальше. Кавалькада беков и аксакалов довольно долго сопровождала нас. У наших лошадей, вкусивших вчера свежей люцерны и зерна, поднялось настроение, и они бодро вздымали клубы пыли, в которой можно было задохнуться. Через несколько часов мы въехали в Санджу-Базар, деревушку с несколькими китайскими лавками, в которых томились бледные сыновья великой восточной страны. Стояла ужасная жара, санджусцы прятались под навесами из циновок, хоть в какой-то мере защищавших их от палящего солнца. В самом центре селения, на квадратной площадке, нас снова ждало угощение. Мы предпочли бы сад на окраине деревни, но, конечно же, не смогли отказаться.

Громкое позвякивание колокольчика возвестило о прибытии китайского таможенного чиновника — бледнолицего молодого человека в голубом шелковом халате и черной шапке. Он спрыгнул с вороного коня, уселся перед нашими палатками и, закулив сигарету, начал что-то говорить. Наш китайский переводчик, верный древним обычаям Китая, решил, что он плохо воспитан, и шепнул мне: «Обратите внимание на его манеры». Китаец расспрашивал нас о путешествии и советовал идти сначала в Кашгар. По его словам, даотай⁶² Кашгара имел большой опыт общения с европейцами, а Хотан замечательное место, но новый правитель Ма тяжелый человек и его лучше избегать. Мы оценили совет этого молодого человека только после конфликта с жестоким губернатором Хотана Ма Дажэнем. Китайский чиновник пригласил нас отобедать в его ямине⁶³ и уехал. Николай Константинович Рерих с супругой предпочли остаться в лагере, поэтому на званый обед пришлось отправиться мне вместе с переводчиком Цаем.

Хотя до ямыны было каких-нибудь пятьсот ярдов*, тем не менее Цай настоял, чтобы мы ехали верхом. Что поделаешь, таков этикет! Во время обеда я расспрашивал чиновника, есть ли в окрестностях Санджу памятники старины. Он сказал, что все древности были вывезены европейскими исследователями, а на рынке уже много лет ничего не появлялось. Глиняные изображения можно найти лишь в Зан-

* Ярд — мера длины, равная 0,9144 м.

гуйе, но ничего по-настоящему интересного нет. Профессия такламанчи, или людей, занимающихся поисками сокровищ в песках пустыни Такла-Макан, очень редкая, — мало кто отваживается вести раскопки в песчаных дюнах. Китаец рассказал нам об исследованиях в Кашгаре доктора Л. Лекока⁶⁴, о том, как его помощник спустился на канате в пещерный храм Учмургана. Рассказы о европейских ученых — обычная тема разговора за обедом. Однако было уже поздно, и, поблагодарив чиновника за гостеприимство, мы поспешили в лагерь.

11 октября. Оставив позади Санджу-Базар, мы вышли на обширное плато, и перед нами открылись просторы южной границы Такла-Макана — безбрежной и выжженной солнцем пустыни. На северо-восток вела хорошая тропа, протоптанная караванами. Равнина казалась совершенно безжизненной, как вдруг вдали неожиданно появился одинокий всадник. Он спешил, стреножил лошадь и положил на раскаленный песок белый войлок, а сверху — несколько дынь. Всадник оказался бедным путешественником, который счел своим долгом поприветствовать гостей из других стран. Мы слезли с лошадей и с удовольствием отведали его дынь, приятно освежавших в палящий полдень. В свою очередь мы преподнесли ему охотничий нож.

Весь день мы шли по песчаной и щебнистой равнине. Легкие туманные силуэты гор на юге давали знать о великой горной стране Куньлуня. На закате мы подошли к пыльной деревне Зангуйе и сразу заметили разницу между жизнью в оазисе и пустыне. Позади остались опрятные деревушки верхнего Санджу с их нарядными и зажиточными селянами. Здесь же, в Зангуйе, все было пропитано пылью, а жители напоминали нищих. Нам предложили дастархан, мы расставили палатки в пыльном фруктовом саду. Лошади Омар-хана находились в таком плохом состоянии, что для доставки грузов в Хотан надо было нанимать верблюдов.

12 октября. Утро очень жаркое, а впереди — долгий и утомительный переход в Пялму. Наши предшественники немало писали о трудностях путешествия в древнее царство нефрита. К экспедиции присоединился китайский капитан, ехавший в отпуск в далекий Ланьчжоу в Ганьсу. Его сопровождал денщик, присматривавший за большими тороками — этим бедствием караванов, так как они причиняют увечья лошадям и якам. Капитан рассказывал нам о библиотеке Дуньхуана⁶⁵, о сказочных дворцах около Аксу⁶⁶ и о тибетских племенах возле Сининфу⁶⁷. Устав от разговора, мы замолкли, а наш неутомимый попутчик начал петь китайские песни, но как?! Резкие странные звуки, дикие восклицания заставили зафыркать даже лошадей, а моя серая настойчиво пыталась отойти в сторону. Мне приходилось слушать китайские песни, и я даже научился ценить некоторые древние религиозные напевы, но завывания капитана были какой-то безжалостной пародией на них. Даже Цай качал головой и выглядел

подавленным. Позднее он признался, что поющий капитан вызывал у него отвращение.

Мы шли десять часов, солнце буквально испепеляло пустынную дорогу. Поздно вечером экспедиция достигла деревни Пялма, где и расположилась в отведенном для нас саду.

Ранним утром 13 октября мы отправились из Пялмы в Зава-Курган. Дорога была очень тяжелая и вела через пояса песчаных дюн. Первые два часа мы шли по широкой щебнистой равнине, в чистом предрассветном воздухе ясно виднелись снежные вершины Куньлуня. Потом начались песчаные дюны, и мы едва плелись. Нам удалось повстречать несколько семей китайских солдат, направлявшихся в Яркенд. Мужчины шли пешком с огромными тюками за спиной, женщины и дети ехали на маленьких осликах.

Перед Зава-Курганом мы увидели зеленые островки пастбищ и участков возделанной земли, а вскоре над нами с шумом пронесли стаи диких голубей. Двухмильный переход привел нас к мазару, или месту поклонения на хотанской дороге, известному как Каптармазар, или «Голубиный храм». В деревянных домиках во дворе гнездятся тысячи голубей. По преданию, все они произошли от пары голубей, чудесным образом появившихся из сердца имама Шахид Падшаха, погибшего здесь во время битвы. Говорят, что эти голуби сопровождают заблудившихся в пустыне путешественников. За голубями присматривал старик, у которого мы купили несколько фунтов зерна для птиц. Этот благочестивый акт совершается всеми странниками на хотанском пути.

У Зава-Кургана проходит западная граница Хотанского оазиса. Мы расположились в небольшом саду около постоянного двора. Здесь у нас случилось несчастье — мы потеряли преданного пса Амдонга. Пес не вынес жары пустыни — его принесли в лагерь бездыханным.

14 октября. Дорога из Завы в Хотан проходит по возделанной земле. Повсюду — деревни, фермы и мазары. Мы миновали несколько базаров с воротами, на которых красовались надписи, восхвалявшие деятельность прежних властей Хотана. К городу вела аллея. Мы въехали в ворота китайского города, или Ханьчэна, и нас окружила крикливая толпа китайских солдат и торговцев. Солдат с красными и желтыми погонами можно было видеть везде, особенно много околачивалось их на базарах. Говорили, что Ма Дажэнь — большой поклонник военного искусства. Нас встретил мелкий чиновник из губернаторского ямыня и провел экспедицию в сад с китайскими павильонами, когда-то принадлежавший разбогатевшему за счет «трудов праведных» члену городского правления. Сад был маленький и пыльный, к тому же находился в самом центре скверно пахнущего китайского города. Мы выразили желание расположиться где-нибудь в другом месте, и нас тут же перевели в ухоженный сад Бадруддин-хана —

аксакала индийских торговцев и старого друга и помощника Аурела Стейна. Пожилой аксакал предложил нам чай, и мы приятно провели время в кругу его семьи, слушая рассказы о древностях Хотана.

Расположилась экспедиция в саду, но большая толпа мешала ставить палатки. Всем хотелось посмотреть на нашего огромного пса Тумбала. Чтобы пес не околел во время перехода по знойной пустыне, мы посадили его в тачку на цепь. Четверо ладакцев доставили Тумбала в город. Появление черного пса привело хотанский базар в смятение. Женщины начали кричать, магазины позакрывались. Все были убеждены, что иностранцы привезли с собой большого черного медведя. Губернатор Хотана даже послал к нам своего личного секретаря с визитной карточкой, чтобы навести справки. Успокоив секретаря, я отправил гонца к коменданту хотанского гарнизона с просьбой прислать двух или трех солдат для поддержания порядка.

Солдаты вскоре явились, но все их старания оказались тщетными. Толпа увеличилась вдвое; потребовалось подкрепление, которое струдом проникло в сад. Нашему молодому ладакскому караванбаши вдруг пришла в голову великолепная мысль, и он громко крикнул: «Собака сорвалась с цепи!» Эти слова произвели магическое действие. Люди в панике бросились врассыпную, и через несколько мгновений исчезли все, даже личный секретарь хотанского губернатора, хотя мы хотели, чтобы он остался. Мы пытались удержать солдат, но они улетучились вместе с толпой, бросив винтовки у ворот сада. Чтобы предотвратить дальнейшие вторжения, пришлось поставить у ворот двух ладакцев. Наша первая ночь в Хотане была не из приятных. Страдая от тяжелых испарений, наполнявших городской воздух, мы испытывали много других неудобств.

ХОТАН

Трудно было поверить, что мы находимся в Хотане, древнем царстве нефрита и одном из самых цветущих оазисов провинции Синьцзян. Современный город с крытыми базарами и пыльными улочками скрывал облик древнего Хотана, бывшего когда-то очагом буддийского учения и крупнейшим средоточием торговли Центральной Азии. В древних китайских анналах Хотан называется Юй-тянь; местное название его Кустана, или, в китайской транскрипции, — Цюсадань (а в другой транскрипции — Цюдань).

Во время своих археологических экспедиций в Хотан и его окрестности Аурел Стейн обнаружил массу табличек с надписями на кхароштии — индийской письменности, распространенной в Северо-Западной Индии в начале нашей эры. Эти находки помогают лучше понять прошлое великого торгового центра на южном караванном пути.

В домусульманский период истории Центральной Азии Хотан был населен иранцами, говорившими на диалекте, условно названном восточноиранским. В древнем Хотане и других оазисах на торговом пути находились большие колонии индийских купцов, ведших значительную торговлю с Северо-Западной Индией. Возможно, именно эти колонии и ввели алфавит кхароштки. В то время население Хотана исповедовало махаянистскую форму буддизма. Китайские паломники*, пренебрегавшие опасностями скитаний по центральноазиатским пустыням ради приобщения к индийской мудрости, оставили потомкам подробные сведения о процветании буддизма в Хотанском царстве и о поразительном религиозном рвении его монахов.

Мусульманские источники о средневековом Хотане сообщают мало. По-видимому, Хотан оставался буддийским даже после мусульманского завоевания около 1000 года. Мусульманский автор Гардизи говорит, что население Хотана исповедовало буддизм, но он упоминает также о кладбище мусульман на севере Хотана и о двух христианских церквях в самом городе (однако до сих пор в Хотане не найдено ни манихейских, ни христианских реликвий). Ибн ал-Асир говорит о Кадыр-хане Юсуфе, умершем в 1032 году, как о мусульманском завоевателе Хотана**. В период с X по XII столетие в Хотане властвовали Ильханы и кара-китаи⁶⁸. В XIII веке древнее царство присягнуло на верность Юаньской династии и продолжало полусамостоятельное существование до XVIII столетия, когда оно стало частью государства ходжей (святых). Ходжи пришли после джунгар, удерживавших Хотан до 1758 года, когда ойратская держава⁶⁹ распалась под ударами маньчжурских войск***. С этого времени Хотан находился под цинским контролем, за исключением короткого периода после 1863 года, когда оазис был завоеван Якуб-беком⁷⁰. После его насильственной смерти в 1877 году Хотан снова оказался во власти Китая и находится под его суверенитетом по настоящее время. Таковы важнейшие исторические вехи в жизни знаменитого оазиса.

* Речь идет о китайских паломниках Фа Сяне и Сюань Цзане. Фа Сянь побывал в Хотане в 400 г. н. э. на пути из Китая в Индию, Сюань Цзан — в 644 г., возвращаясь из Индии в Китай. Подробнее об их путешествиях можно узнать из книги К. П. Ш. Менона «Древней тропею» (М., 1958). См. также: Р и х а р д Х е н н и г. Неведомые земли, т. II М., 1961, гл. 69 и 77.

** Как считает акад. В. В. Бартольд, «ислам распространился в Хотане намного позже, чем в Кашгаре, и был принесен туда в результате насильственного завоевания» (В. В. Бартольд. Сочинения, т. III, М., 1965, с. 554). Арабы вторглись в Среднюю Азию еще в 670—676 гг., в 704 г. проникли в Фергану и в 751 г. нанесли сокрушительное поражение китайским войскам при Таласе. Но до Кашгара и Хотана арабы не доходили. Зеленое знамя ислама поднял над Хотаном Кадыр-хан Юсуф, правитель Кашгара и Яркенда. Первым мусульманским ханом Кашгара считается Сатук Богра-хан Абд ал-Керим, член династии Караханидов, принявший ислам и распространивший его в своем государстве (умер в 955/56 г.). Кадыр-хан Юсуф — правук Сатук Богра-хана.

*** Маньчжурская династия Цинь, в 1644 г. утвердившаяся в Пекине, вела агрессивные войны против народов Центральной Азии. Поработив в XVII в. Южную и Северную Монголию, маньчжуры обрушились на Джунгарию, в состав которой

На расстоянии пяти миль к западу от современного города лежат развалины домусульманского Хотана. Аурел Стейн собрал там интересную коллекцию древних вещей и монет. Непреодолимое препятствие для систематических археологических раскопок — то, что древний город частично покрыт современными постройками и мусульманскими кладбищами, тревожить которые нельзя. Случающиеся временами оползни открывают взору терракотовые фигурки и массу древних монет, обычно попадающих в руки местных искателей сокровищ. За последние годы археологические находки были весьма незначительны. Местные жители легко научились подделывать терракотовые изображения ступ и даже животных, и на хотанском рынке можно увидеть немало таких подделок. Сейчас профессия искателя сокровищ почти исчезла, и только отдельные лица отваживаются посещать пустынные районы. Некоторые знатные люди Хотана, знающие толк в подлинных антикварных вещах, собирают обширные коллекции с одной целью — продать их богатым иностранцам, и как можно дороже. Говорят, одну из таких коллекций приобрело Индийское археологическое общество.

Во время нашего пребывания в Хотане Бадруддин-хан, бывший помощник Аурела Стейна, показал нам большую коллекцию древностей, собранную им и его спутниками в Йоткане, Раваке, Ние, мазаре имама Джафар Садыка и далеко в Миране, — все эти места были исследованы Стейном. Коллекция Бадруддин-хана состояла из хорошо сохранившихся гипсовых головок Будды, кувшинов с ручками, украшенных скульптурными группами людей и животных, фрагментов фресок, глиняных ступ, светильников, фигурок животных и т. д. Здесь же было несколько деревянных табличек с надписями на кхароштии, фрагменты текста на восточноиранском языке, бумажные листы с тибетскими письменами, найденные в Миране, об отпусках солдат тибетского гарнизона (любопытная деталь — многократное употребление слова «дбао», означающего «солдат»; теперь это слово перево-

кроме северной части современного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР входил и Восточный Туркестан (южная часть района) на правах данника. Джунгары — западные монголы, или ойраты, успешно отражали натиск маньчжуро-китайских войск, по с 1754 г., после смерти Галдан-Цэрена, единство Джунгарского ханства было подорвано распрями претендентов на престол.

Оправившись от ряда крупных поражений, цинские армии в середине XVIII в. перешли в наступление и в 1757 г. захватили главный район Джунгарии — Илийский край. Как отмечали китайские историки: «Эта победа была одержана путем самого безжалостного, почти поголовного истребления населения Джунгара. В период расцвета в Джунгаре проживало более 200 тыс. семейств, или свыше 600 тыс. человек, после военного разгрома три десятых населения было истреблено цинскими войсками, четыре десятых вымерли от оспы, а вырвавшиеся из лап смерти джунгары были вынуждены бежать к казахам в пределы России» (Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн. М., 1959, с. 549). Богдыхан Цяньлун (годы правления 1736—1796) переименовал Джунгарию в Синьцзян, или «Новое владение», а Урумчи — в Дихуа, или «Приобщение к цивилизации». Ныне это издевательское название отменено.

дится как «герой»). У Бадруддин-хана была также солидная рукопись в переплете, испещренная центральноазиатскими наклонными письменами, которую привезли из местности, расположенной между Аксу и Куча*. Все это представляло, конечно, большой научный интерес, но цена, запрошенная аксакалом за собрание древностей, оказалась чрезмерной. Стесненность в средствах, затруднения в получении переводов и периодически возникавшие трения с местными властями заставили нас отказаться от приобретения интересной коллекции. Впоследствии я узнал, что ее купили какие-то путешественники, побывавшие в Хотане уже после нашего отъезда.

В современном оазисе Хотан живет около 150 000 человек, в том числе большая колония китайских чиновников с семьями, торговцы и солдаты. Город состоит из двух частей: Конешара, или Древнего города, где живут мусульмане, и Янгишара, или Нового города, называемого также Ханьчэн. Последний является китайским городом и обнесен стеной, возведенной в 1883 году**. На протяжении всей своей истории Хотан был важным торговым центром на древнем шелковом пути, а искусство хотанских ремесленников славится и поныне. Хотанские шелка, ковры, войлок, шерсть, мех и нефрит пользуются огромным спросом и высоко котируются в Центральной Азии, Индии и далеком Китае. До революции 1917 года значительная торговля этими товарами велась также и с Россией через пограничный пост Иркештам. Производство хотанского шелка определяет состояние экономики страны; хотанские шелковые изделия продаются на всех рынках Восточного Туркестана. Помимо шелковых изделий Хотан производит также хлопчатобумажные ткани. На хотанских шелковых и хлопчатобумажных фабриках заняты в основном женщины и дети. Мы слышали о нескольких крупных купцах, на фабриках которых работало около двухсот девочек. Пережиточная форма рабства до сих пор остается отличительной чертой местной жизни. Родители продают своих дочерей и сыновей в зажиточные семьи, мотивируя это тем, что там за ними будут присматривать. Многие становятся рабами из-за долгов. Обычно за четырнадцатилетнюю девочку дают от пят-

* Правильнее — *Кучар*, однако в русской и советской литературе более распространено приведенное выше написание.

** Народы Восточного Туркестана, поработанные Цинями в середине XVIII в., неоднократно восставали против угнетателей. В результате восстания 1864 г. маньчжуры и китайцы были изгнаны и здесь возникло мусульманское феодально-теократическое государство, во главе которого стал Бузрук-хан, потомок династии ходжей, правившей Кашгарией до маньчжурского завоевания.

Якуб-бек, один из полководцев Бузрук-хана, с 1873 г. возглавил восстание и установил контакт с британскими колониальными властями в Индии, подстрекавшими его против России.

В 1878 г. восстание народов Восточного Туркестана и Джунгарии было подавлено цинскими войсками, а территории их в 1884 г. снова вошли в состав провинции Синьцзян Цинской империи. «В целом при подавлении крестьянской войны тайпинов, восстаний ияньцзюней и пеханьских народов было убито свыше 30 млн. человек» (Новая история Китая. М., 1972, с. 218).

надцати до тридцати мексиканских долларов, а четырехлетнего ребенка часто продают за два доллара...

Кроме шелка и хлопчатобумажных тканей Хотан производит много ковров. Однако древнее искусство давно забыто, и современные фабрики специализируются на имитациях под китайские и древнеперсидские ковры. Хотанские ковры встречаются в Центральной Азии повсюду. Киргизские и торгоутские торговцы ежедневно перебрасывают огромные массы этой продукции в Джунгарию и Карашар⁷¹, где она расходуется по кишлакам и монастырям.

В последние годы пользуется спросом хотанский войлок, который выделяется повсеместно на южном торговом пути между Яркендом и Хотаном. Этот войлок очень пестро раскрашен и имеет броский рисунок. Основная торговля им ведется с Индией, где спрос на него непрерывно растет. В Восточном Туркестане ценятся также хотанские овчины, из которых обычно шьют тулупы и зимние шапки. Шкуры эти прекрасно выдублены и не уступают меховой продукции Кашгара, Аксу и Кучи.

Нынешние закупки нефрита в Хотане весьма незначительны, так как кашгарский дитай Ма Фусинь, приказав вывезти опытных мастеров в Кашгар, серьезно подорвал древний промысел. В Хотанском оазисе развито и сельское хозяйство. Поля хорошо орошаются, а лёссовые наносы удивительно плодородны. Здесь возделываются такие сельскохозяйственные культуры, как пшеница, кукуруза, ячмень и рис. Кроме того, оазис славится плодовыми садами, где в изобилии вызревают яблоки, груши, абрикосы, персики, виноград.

Современный Хотан для путника, которому наскучило однообразие горных ландшафтов, не принесет облегчения. Часами вы едете по пыльным улицам, обрамленным тополями, с обеих сторон тянутся полуразвалившиеся глиняные строения — усадьбы типа ферм, мазары, или гробницы, мечети, нескончаемые кирпичные стены, огораживающие участки невозделанной земли. Крытые городские базары распространяют дурной запах, и только исключительная сухость воздуха предотвращает худшее. Базарные ряды узкие и всегда заставлены лотками с фруктами. Тут же, в толпе, бродят разносчики, зазывая покупателей. Большинство лавок открыто, и товары выложены на прилавках, причем во многих лавках хозяйничают женщины.

В эти часы почти невозможно пробраться по улицам, запруженным людьми. Караваны лошадей, мулов, ослов и верблюдов могут подолгу загораживать дорогу, а когда два каравана столкнутся в каком-нибудь узком месте, то поднимается невообразимый гвалт. Местные жители пробиваются сквозь толпу с боем, и так же поступают китайские солдаты. Временами слышишь крики и видишь людей, разбегающихся в разные стороны и переворачивающих прилавки, а еще через мгновение в толпу врзается повозка, путь для которой прокла-

дывают несколько конных солдат длинными кнутами. Удивительно, что никто не возражает против подобного обращения, принимая его как одну из прерогатив власти. Вечером базары красочно освещаются масляными светильниками, и в особенности разноцветными бумажными фонарями.

Что касается общественной жизни Хотана, то достаточно сказать, что со времен Марко Поло⁷² она почти не претерпела изменений. Сведения, оставленные великим венецианцем, и по сей день верно отражают образ жизни и обычаи хотанцев.

Наше пребывание в Хотане началось по-деловому: надо было нанести визит даотаю, сходить в ямынь, или местное правление, и побывать у дунлина, офицера, командовавшего хотанским гарнизоном. Мы начали визиты рано утром и сначала отправились в ямынь даотая. Профессор Н. К. Рерих и я ехали верхом в сопровождении Цая, а несколько беков, или старшин, с китайскими солдатами прокладывали впереди путь в толпе. Следом за нами двигалась орава сгоравших от любопытства хотанцев, остановленная только у ворот губернаторского дома. Даотай воздал нам своеобразные почести. Едва мы подъехали к массивным воротам, как солдаты в темно-серых мундирах с красными погонами кинулись к следующим воротам и снова встали на караул.

Эта церемония была проделана трижды, после чего даотай приветствовал нас во дворе своей резиденции.

Ма Дажэнь, завоеватель Кашгара и убийца дитая, был невысокого роста, с орлиными чертами лица и вежливыми, спокойными манерами. После обычных вопросов о здоровье и дороге он предложил нам пройти в просторную комнату для приема, где на маленьком столике был сервирован чай.

Обставлена гостиная была по меньшей мере странно. В углу стояла обычная кровать, а у стены — маленькие черные китайские столики. Немецкие маузеры в деревянных кобурах и казацкие сабли, развешанные по стенам, свидетельствовали о воинственности губернатора. Этому арсеналу явно не соответствовало множество ручных часов, выставленных тут же. За спиной каждого из нас стоял телохранитель губернатора, вооруженный саблей, двумя маузерами и опоясанный тяжелым патронташем. В дверях собралась толпа тюркских аксакалов и помощников даотая.

Ма Дажэнь произнес краткое приветствие. Он сказал, что рад оказать честь таким видным иностранцам, как мы, выразил надежду, что наше пребывание в Хотане будет длительным и мы отдохнем после тяжелого перехода через Каракорум, и обещал всемерно содействовать экспедиции. По его словам, он сам проявлял большой интерес к прошлому Хотана и слышал о замечательной работе, проделанной в этом районе Аурелом Стейном, поэтому его желание — всячески помогать иностранным ученым в их исследованиях. Во время этой речи, пересыпанной изысканными выражениями, я имел возможность

рассмотреть губернатора и припомнить недавние события в его бес-
покойной жизни.

Ма Дажэнь принадлежал к известной семье китайских мусуль-
ман*. Его отец когда-то был заместителем правителя провинции Юнь-
нань и погиб во время восстания против китайского владычества. Ма
Дажэнь провел молодость в далекой Юньнани, потом был изгнан в
знойные пустыни Западного Ганьсу и Синьцзяна. Из этой семьи вы-
шло несколько чиновников, занимавших высокие должности в про-
винциальной администрации. Одним из них был Ма Фусинь, покой-
ный кашгарский дитай, и «сильный человек» Синина генерал Ма при-
надлежал к этому же роду**. На протяжении многих лет нынешний
губернатор Хотана командовал гарнизоном в Учтурфане, и как-то
между ним и его старшим родственником кашгарским дитаем вспых-
нула вражда. Дитай являлся характерной фигурой китайской адми-
нистрации. Это был деспот, не знавший пощады ни к китайцам, ни к
местным тюркам. Он выстроил себе огромный дворец в китайском го-
роде, или кашгарском Ханьчэне, и владел несколькими летними рези-
денциями в окрестностях Кашгара. Он построил мосты и дороги и
посадил вдоль них деревья, причем местному жителю, который осме-
ливался задеть дерево своей повозкой, отрубали на обеих руках паль-
цы. Дитай имел собственные предприятия вблизи Хотана, интересо-
вался перегонкой нефти и держал большую фабрику по обработке не-
фрита, где работали лучшие хотанские мастера. Ма Фусинь безжа-
лостно устранял конкурентов в коммерческих делах. Несчастных вы-
зывали во дворец губернатора, и там их казнили или увечили, отру-
бая руки. Сейчас многие из этих жертв умерли, но некоторые все еще
просят милостыню на кашгарских базарах, являясь свидетелями кро-
вавого деспотизма.

Дитай славился своим гаремом, в котором было пятьдесят жен.
Любая хорошенькая крестьянская девушка жила под постоянной угро-
зой стать обесчещенной. Когда дитай уставал от своих жен, он обыч-
но дарил их друзьям и офицерам, отличившимся у него на службе.
Он был известен своими необузданными развлечениями и особенно
пристрастием к крепкой китайской водке, которую всегда пил за обе-
дом. В течение нескольких лет, предшествовавших его падению в
1924 году, он лелеял надежду стать независимым правителем Каш-
гара, и его отношения с Янь Цзэнсином, генерал-губернатором про-
винции Синьцзян, были очень напряженными. В 1924 году нависла

* «Ма Дажэнь принадлежал к известной семье китайских мусульман...» Дун-
гане (китайские мусульмане) в 1862 г. восстали против тирании цинских властей.
Руководили восстанием, продолжавшимся 12 лет, светские и духовные феодалы Ма
Хуалун, Ма Чжаньбао, Ма Дэсинь и др.

После Синьхайской революции 1911 г. из семьи Ма вышла клика братьев-ми-
литаристов Ма Буфана, Ма Хункуя и Ма Буцина, властвовавшая в провинциях
Ганьсу, Цинхай и Нинся.

** По всей вероятности, имеется в виду Ма Буцин.

опасность войны. Прошли слухи, что дитай замышляет восстание против генерал-губернатора, и провинциальное правительство решило положить конец его опасной деятельности. В Урумчи была собрана большая сила — около 18 000 всадников и пехотинцев, а командование возложили на эр даоиня города Аксу, одного из самых способных областных начальников Синьцзяна. Войско двинулось на Кашгар в феврале 1924 года, однако не следует думать, что оно действительно состояло из 18 000 человек. Такая цифра, несомненно, значилась только на бумаге, а на самом деле было не более пятисот солдат. У властей Синьцзяна есть любопытный способ подсчитывать свои военные силы. Количество солдат определяют не по числу сабель — важно, что много фуражек, и именно эти фуражки фигурируют в официальных отчетах.

Ма Дажэнь, командовавший гарнизоном в Учтурфане, решил обратиться к генерал-губернатору за разрешением принять участие в военной экспедиции. С этой целью он покрыл расстояние от Учтурфана до Урумчи — столицы провинции в поразительно короткий срок — за семь дней. Просьба его была удовлетворена, и он поспешил назад, чтобы возглавить авангард экспедиционных войск. Выйдя в оазис окольными путями через горы, авангард Ма Дажэня 1 июня 1924 года захватил Кашгар. Дитай не был готов к отражению нападения и оказал очень незначительное сопротивление. Ханьчэн был быстро занят, и солдаты Ма Дажэня обрушились на дворец дитая. Сын дитая, занимавший пост ситая, сражался храбро и пал во дворе своей цитадели. Говорят, что пожилой диктатор упорно сопротивлялся, но в конце концов был обезоружен и арестован в одной из комнат дворца. Во время перестрелки он был ранен в правую руку. Пленника вывели через главные ворота крепости и распяли на деревянном кресте.

По словам очевидцев, торжествующий Ма Дажэнь приблизился к распятому дитаю и закричал: «Ты узнаешь меня, Ма Фусинь?» — «Ма Дажэнь», — простонал раненый дитай. После этого весьма краткого диалога Ма Дажэнь выстрелил в дитая из револьвера. Хлынувшая из раны кровь забрызгала одежду победителя, что у китайцев считается плохим предзнаменованием. Возбужденные солдаты стали стрелять в дитая без приказа своего командира, стоявшего между ними и распятым диктатором, и чуть было не убили его самого. В течение нескольких дней труп наместника был выставлен для глумления. Тысячи людей стекались сюда, чтобы отомстить за себя. Они плевали в лицо мертвеца, рвали его бороду и швыряли в него отбросы и камни. После этого тело исчезло неизвестно куда.

Хозяином Кашгара стал Ма Дажэнь, и иностранцы говорят, что он с помощью ряда суровых мер восстановил порядок и покончил с разбоем. Очевидно, самым заветным желанием Ма Дажэня было остаться в Кашгаре, но генерал-губернатор провинции сознавал опасность возвышения этого офицера и решил сослать его в более отда-

ленный район. В результате в Хотане создали местное самоуправление, а Ма Дажэня назначили даоинем района, простирающегося от Каргалыка до далекого Дуньхуана на границе Ганьсу.

Эр даоинь Аксу со своим «восемнадцатитысячным» войском никогда не доходил до Кашгара, и говорят, что между ним и Ма Дажэнем была вражда. Во время нашего пребывания в Хотане мы слышали о том, что Ма Дажэнь получил приказ отвести свои войска обратно в Урумчи, но отказался подчиниться и оставил их в Хотане, чем и объяснялось присутствие здесь множества солдат.

Такова история «подвига» Ма Дажэня, благодаря которому он приобрел известность во всей обширной провинции. Это была семейная вражда, длившаяся много лет, и последний акт драмы, видимо, еще не сыгран. В течение всего нашего пребывания в Хотане даотай опасался выступления генерала Ма из Синина, жаждавшего отомстить за смерть своего двоюродного брата. Говорили, что в Дуньхуане накапливаются войска, а генерал Ма ведет переговоры с провинциальным правительством Ланьчжоу о совместном наступлении на Синьцзян. Вот все, что мы знали о Ма Дажэне, когда впервые встретили его в Хотане. Человек незаурядных способностей, но мстительный и интриган, он был изгнан в далекий оазис, отделенный от других населенных пунктов Синьцзяна обширными пространствами пустыни.

Наша первая встреча с Ма Дажэнем была вполне дружественной, что нас весьма обнадежило. Мы откланялись губернатору и посетили городской магистрат, где беседовали с типичным китайским чиновником внутреннего Китая, чутко уловившим настроение губернатора и вызвавшимся всемерно содействовать экспедиции. После этого навестили коменданта. Это был молодой человек с приятными манерами, который во время наших последующих затруднений занимал нейтральную позицию. Повсюду нас встречали с церемониями и почетным караулом.

Проведя утро в деловых визитах, мы вернулись в лагерь. Днем к нам приехал Ма-даотай в сопровождении члена городского правления и коменданта. Губернатор прибыл в крытом экипаже, окрашенном снаружи в зеленый цвет и выложенном внутри фиолетовым бархатом, в который были запряжены три лошади. Экипаж сопровождали на вороных конях сорок кавалеристов из личной охраны губернатора. Говорят, что даотай содержит ее на собственные средства. Все кавалеристы были прекрасно вооружены. Губернатор еще раз заверил нас, что в Хотане мы можем чувствовать себя как дома.

Оставаться в саду Бадруддин-хана с большим караваном было неудобно, и мы решили подыскать более подходящее место. Вскоре начались затруднения, вызванные вне всяких сомнений, происками властей. Нам посчастливилось найти просторный и красивый летний дом, принадлежавший покойному аксакалу афганской колонии

в Хотане и расположенный в трех милях от города. Мы сразу же решили здесь обосноваться. Здание было построено в персидском стиле и пустовало после смерти владельца, так как вдова жила в городе. Я сообщил о нашем решении местному переводчику Керим-беку, прикрепленному к экспедиции хотанскими властями. Однако он не одобрил наш выбор и намекнул, что губернатор желает, чтобы мы расположились поближе к его резиденции. Все это было странно, и мы послали Цая в губернаторский ямынь для выяснения вопроса. Цай вскоре возвратился, сообщив, что губернатор не имеет ничего против нашего выбора и что бек неверно истолковал его распоряжение. Мы пригласили Керим-бека, чтобы обсудить детали предстоящей аренды, но он отказался от посредничества, сославшись на то, что с семьей аксакала иметь дело очень трудно. После этого разговора прошло несколько дней, заполненных безуспешными попытками найти какое-либо приемлемое решение. Именно в эти дни мы познакомились с местным торговцем Кудай Берди-баем, ставшим нашим другом.

Дело с арендой дома принимало, по-видимому, безнадежный оборот, и мы решили вести переговоры сами. К своему великому удивлению, мы обнаружили, что вдова ничего не имела против и кто-то просто пытался отговорить нас обосноваться в ее доме. Однако мы так и не смогли установить, кто же был этой тенью, постоянно омрачавшей все дни пребывания экспедиции в Хотане. В конце концов мы подписали соглашение, внесли плату за месяц вперед и, к ужасу Керим-бека, обрели пристанище.

Обосновавшись на новом месте, мы стали обдумывать планы работ как в самом Хотане, так и в его окрестностях. Помимо древнего района Хотана — Йоткана, интересного следами строений, вскрытых оползнями, следовало также побывать в мазаре ймама Джафар Садыка и в месте нахождения ступы Равак.

Наши ладакцы, эти замечательные горцы, что-то затосковали в Хотане, и мы решили отпустить их домой, предварительно хорошо вознаградив за усердие. Позднее мы узнали, что все они благополучно достигли Леха, но на перевале Санджу их застиг сильный снежный буран.

Кроме занятий археологией профессор Н. К. Рерих намеревался продолжить работу над своими картинами*. Думали мы также и о дальнейшем путешествии во внутренний Китай, и уже сейчас следовало приступить к формированию нового каравана. В разгар этой разносторонней деятельности над экспедицией собрались грозовые тучи. Наши друзья предупредили нас, что на даотая оказывают давление некоторые его советники, которые, по-видимому, плетут нити загово-

* В Хотане Н. К. Рерих создал серию картин «Майтрейя» («Шамбала идет», «Конь счастья», «Твердыня стен», «Знамя грядущего», «Мощь пещер», «Шепоты пустыни» и «Майтрейя Победитель»).

ра против экспедиции*. Повсюду ходили странные слухи, но никто не знал, откуда они распространяются.

Пока все было спокойно. Даотай дал обед в честь профессора Н. К. Рериха, на котором присутствовали все местные чиновники, а также некто К. Молдаван, армянин, проживавший уже много лет в Хотане, один из самых близких друзей губернатора. Супруга Н. К. Рериха не смогла присутствовать на приеме, и весь обед из пятидесяти блюд был отправлен ей на дом. Это было нелегкое предприятие, начавшееся около трех часов дня и продолжавшееся до позднего вечера. После обеда китайцы засели за свои настольные игры, причем каждый проигравший обязан был выпить стакан крепкой китайской водки. Даотай развлекал гостей рассказами о своих подвигах и показывал фотографии прирученных леопардов, которыми очень гордился. Потом кое-кто начал петь китайские песни. К сожалению, певцы были не очень искусны и мы не смогли по-настоящему оценить их репертуар.

Обед закончился поздно вечером. Нас проводили во двор, причем сам губернатор возглавлял процессию, впереди которой шли солдаты с китайскими бумажными фонарями в руках. У внутренних ворот ямыня стояли оседланные лошади. Сопровождаемые двадцатью кавалеристами из личной охраны губернатора, мы быстро ехали по улицам Хотана, заполненным толпами, несмотря на поздний час. В какой-то момент вороные кони эскорта прянули в испуге и перевернули несколько фруктовых стоек. Стоял чудесный прохладный вечер, воздух пустыни, обычно подернутой дымкой, стал ясным, прозрачным, так что к югу от шумного Хотана можно было разглядеть резкие, отчетливые контуры далеких гор.

В последующие дни наши отношения с властями, несмотря на первые признаки напряженности, оставались внешне дружественными. Спустя несколько дней после приема заболел младший сын губернатора, и супруга Н. К. Рериха оказала ему помощь. Мальчик вскоре поправился. Впоследствии губернатор намекнул, что доброта Елены Ивановны спасла нас от многих неприятностей. В Хотане, с населением в несколько тысяч человек, не было ни одного врача. Доктор Нистрем, сотрудник шведской миссии, жил в Яркенде и обычно, получив срочный вызов, добирался до Хотана не менее пяти суток.

Мы обратились в магистрат за разрешением на зарисовки и съемки достопримечательностей города и его окрестностей, но получили отказ. Пришлось заявить протест, напомнив даотаю о его обещании оказывать экспедиции содействие в ее работе. Тем временем из Урумчи прибыл новый член городского правления, и повсюду поползли тревожные слухи. Новый чиновник очень враждебно относился к ино-

* Интриги против экспедиции, как пишут об этом П. Ф. Беликов и В. П. Князева, плели агенты британской разведки, еще в Кашмире провоцировавшие вооруженные нападения на спутников русского художника (см.: П. Беликов, В. Князева. Рерих. М., 1973, с. 170, 174).

странцам, хотя и кичился своими современными взглядами. Спустя несколько дней после его прибытия к нам приехал губернатор, чтобы поблагодарить Елену Ивановну Рерих. Ма Дажэнь, как всегда, сопровождала вооруженная охрана. С самого начала разговора мы почувствовали, что у даотай и нового члена магистрата есть какие-то задние мысли. Мы пригласили их в мою комнату и закрыли дверь, чтобы никто не мешал. Переступив порог, китайцы встревожились, помрачнели, потом внимательно осмотрели комнату и обменялись краткими репликами насчет наших ящиков у стены. Внезапно даотай кашлянул три раза, дверь распахнулась — и комнату заполнили солдаты, выстроившиеся вдоль стен. Мы очень удивились и выразили недоумение; даотай улыбнулся и предложил не обращать на солдат никакого внимания. Я понял, что Ма Дажэнь боялся оставаться в комнате один.

Мы разговаривали на общие темы, когда вдруг член городского правления заинтересовался нашими паспортами. Мы еще раз предъявили свои пекинские паспорта, пересланные нам в Индию китайцем Ван Цзяобу через Чэнь Ло, китайского посла. Даотай и его спутник заметили с усмешкой, что здесь эти паспорта недействительны, что пекинское правительство ничего не сообщало о нас в Синьцзян и что Чэнь Ло не имел права давать нам разрешение на въезд. Китайцы приняли угрожающий вид, стали жестикулировать, плевать на пол и ухмыляться. Мы решили не уступать и сказали им, что они не имеют права угрожать экспедиции и неуважительно относиться к паспортам. Мы предупредили Ма Дажэнь, что безотлагательно свяжемся с британским консулом в Кашгаре и потребуем у генерал-губернатора Синьцзяна разрешения продолжить свою работу. После этого бурного обмена любезностями даотай со своей свитой откланялся.

На следующий день приехал новый член городского правления Чжан и сообщил, что от генерал-губернатора получена телеграмма. По его словам, от нас требовали вернуться в Индию через перевал Санджу. Однако это было невозможно, так как перевал уже давно завалило снегом. Мы сразу поняли, что телеграмму состряпали в губернаторском ямыне. Во время визита Чжана произошел эпизод, поднявший настроение наших людей. Вышеупомянутое лицо прибыло в сопровождении пышной свиты, поджидавшей его около дома. Чтобы не пугать китайцев, своего тибетского мастифа Тумбала мы отвели в сад и привязали его там к дереву. Вдруг тишину взорвал отчаянный вопль, за которым последовало стремительное топанье. Оказывается, Тумбал сбросил с себя цепь и медленно направился к подъезду. Часовой, испугавшись его вида, убежал, а солдаты забаррикадировались в ванной. Дверь в нашу комнату была открыта, и мы увидели, как пес поднимается по ступенькам террасы. Член городского правления, потеряв самообладание, вскочил на стул, на котором сидел, и уже приготовился прыгнуть на стол, где был сервирован чай. Не сразу мы смогли убедить испуганного Чжана, что в нашем присутствии Тумбал не опасен.

После визита Чжана мы отправили письмо майору Гиллану — британскому консулу в Кашгаре с просьбой о помощи. Письмо было послано через хотанское почтовое отделение, но пришло обратно с припиской, где было сказано, что даотай отдал распоряжение перехватывать нашу корреспонденцию в Кашгар. Наши письма и телеграммы в Нью-Йорк, Париж и Пекин тоже возвращались обратно. Положение становилось серьезным. Мы полностью отдавали себе отчет в том, что это только начало длительной кампании преследований, бесконечных переговоров и оскорблений. Экспедиция оказалась совершенно отрезанной от внешнего мира и должна была искать хоть какой-нибудь способ дать знать о себе.

Несколько торговцев вызвались отвезти наши письма в Кашгар. Кроме того, нам предложили свои услуги двое доброжелателей, калмыков, которые придумали бесхитростный план, основанный на знании ими беспечности местных чиновников. А план был таков: один из калмыков стоит с письмом в руках около почты. В последний момент, когда почтальон уже седлает лошадь, калмык подходит к нему и вручает ему письмо с адресом, написанным по-тюркски и по-китайски. Китайский почтальон сердито восклицает: «Почему вы всегда опаздываете?» — и, не глядя на адрес, бросает письмо в одну из сумок. Такой способ отправки писем себя оправдал, и они доходили до места назначения. Однако ответ приходил обычно через шестнадцать дней и по частному каналу.

29 декабря 1925 года к нам нагрянули с обыском член городского правления и несколько младших офицеров, представителей даотая. Нам сказали, что в экспедиции имеется огромное количество боеприпасов и что-то вроде «стреляющего колеса», с помощью которого можно уничтожить весь хотанский гарнизон и все население Хотана менее чем за десять минут. В итоге все наше вооружение, состоявшее из двух винтовок, одного двустольного ружья, трех револьверов и одного ящика боеприпасов, было опечатано и увезено. Профессор Н. К. Рерих в своей книге «Алтай — Гималаи» подробно описал этот смехотворный обыск.

Мы решили в Хотане больше не задерживаться, а отправиться в Кашгар* и послать оттуда телеграмму генерал-губернатору. Мы также намеревались вернуть оружие, без которого нечего и пытаться пройти через районы внутреннего Китая, кишащие грабителями. Власть дали свое молчаливое согласие, и мы наняли караван верблюдов, чтобы отвезти багаж в Кашгар. Снова двор нашего дома заполнился

* В это тяжелое время на помощь экспедиции пришел советский консул в Кашгаре М. Ф. Думпис. Он прибегнул к дипломатическому вмешательству, и под его нажимом генерал-губернатор Синьцзяна распорядился выпустить Н. К. Рериха и его спутников из Хотана в Кашгар.

людьми и стоящими на коленях верблюдами. Это зрелище приятно для каждого путешественника.

1 января все было готово к отправлению, как вдруг явился представитель даотая, холодно сообщивший, что даотай приказывает нам идти к Дуньхуану в Ганьсу⁷³, а не в Кашгар. Мы возразили, сказав, что у нас отобрали оружие, что в кашгарском почтовом отделении нас ждут денежные переводы, а мы ждем ответа на посланные телеграммы. Однако все наши доводы были оставлены без малейшего внимания, и чиновник тупо повторял одно и то же: «Ма-даотай передумал и приказывает вашей экспедиции идти через пустыню к Дуньхуану». Потом он все-таки сказал, что нам следует поехать к даотаю и переговорить с ним лично. Мы последовали его совету. Состоялся долгий и скучный разговор, во время которого мы настоятельно пытались получить письменное объяснение действий даотая.

Мы сидели перед даотаем за маленьким столиком. Солдаты, стоявшие за его спиной, строили гримасы и указывали пальцами на голову своего повелителя. Даотай оставался непреклонным. Трудно сказать, что заставило его изменить свое отношение к нам. Одни говорили, что на него находил дух убитого кашгарского дитая и тогда он терял контроль над собой, другие повторяли рассказ о том, как кто-то однажды усомнился в умственных способностях даотая. Так или иначе было ясно, что положение наше очень серьезное и надо искать какой-то выход.

Вернувшись домой, мы отправили письмо кашгарскому консулу, в котором информировали его о создавшемся положении и просили его связаться с генерал-губернатором Синьцзяна. Теперь нас часто посещал член городского правления Чжан.

Каждый день он доставлял какую-нибудь поразительную телеграмму с приказом о нашем немедленном аресте и высылке.

20 января мы получили дружеское письмо от майора Гиллана*, в котором он сообщал, что генерал-губернатор распорядился немедленно выпустить нас из Хотана. Это были приятные новости, и все члены экспедиции радовались им. Вечером того же дня приехал Кудай Берди-бай и сказал, что из Урумчи пришло письмо с разрешением идти в Кашгар. Это был беспрецедентный случай, когда приказ генерал-губернатора оглашало частное лицо. Видимо, даотай себя дискредитировал и не мог поэтому отправить распоряжение лично или через члена городского правления. Власти продолжали хранить молчание, и только начальник гарнизона и старый амбань прислали свои визитные карточки с добрыми пожеланиями счастливого путешествия. К нам приехал офицер в чине шаовэя, или лейтенанта, чтобы спра-

* Дело, конечно, не в умственных способностях даотая, а в слухах о «красном Рерихе», советском агенте, которые усиленно распространяли британские агенты. Очевидно, майор Гиллан, узнав о результатах вмешательства М. Ф. Думписа, своим «дружеским письмом» пытался отвести подозрения, падавшие на английскую дипломатическую службу в Синьцзяне.

виться о дне нашего отправления. Ему было приказано сопровождать нас до Яркенда.

Мы спешили как можно скорее оставить негостеприимный Хотан. Большая часть багажа была уже давно упакована, и теперь мы нуждались только в надежном караванбаши. Кудай Берди-бай рекомендовал нанять Темур-бая — караванщика, разбогатевшего на перевозках товаров из Хотана в Лех. Темур-бай обещал поставить экспедиции семьдесят четыре вьючные лошади по шесть китайских долларов за каждую, учитывая, что придем мы в Кашгар на четырнадцатый день пути. Помимо вьючных лошадей, надо было нанять два китайских экипажа, или мафа, за двадцать пять долларов. Один из них предназначался для нашего китайского переводчика Цая. Здесь же находилось и оружие, возвращенное нам накануне отъезда. Несчастный Цай пристрастился к курению опиума. Старик, достоинство которого страдало, с горечью говорил о возмутительных действиях хотанской администрации. В результате курения он настолько ослаб, что не мог держаться в седле и был вынужден ехать в экипаже. Цай тщательно скрывал свою пагубную привычку и старался курить только ночью. Во втором экипаже томился тибетский мастиф Тумбал.

Три месяца пребывания экспедиции в Хотане подошли к концу, и мы думали о новых краях, ждавших нас впереди. Во дворе дома собрались друзья, пришедшие проститься с нами. Да, несмотря на все неприязни, мы приобрели здесь немало хороших друзей, и мне хотелось бы выразить благодарность всем, кто оказывал помощь экспедиции во время трудной зимы в Хотане.

ХОТАН—КАШГАР

Ранним утром 28 января 1926 года наш двор и сад заполнили вьючные лошади и караванщики в тяжелых овчинных тулупах и темно-красных чапанах. Царила суeta, и прошло целых пять часов, прежде чем караван тронулся в путь. Палатки и часть лагерного снаряжения надо было отправить заранее, однако нашим караванщикам, главным образом хотанским тюркам, явно не хватало инициативы, и они крайне плохо справлялись со своими обязанностями. Большинство вьючных лошадей находились в хорошем состоянии, позволявшем надеяться, что мы быстро дойдем до Кашгара. Туркестанские вьючные седла гораздо лучше ладакских деревянных и состоят из двух толстых кусков материи, на которых покоится набитая соломой седельная подушка у-образной формы. Груз крепится к седлу канатами, свитыми из верблюжьей или овечьей шерсти. Пеньковые китайские веревки для этого не годятся, ибо они натирают до крови спины и бока животных.

До Яркенда, оазиса с китайским гарнизоном на южном торговом пути, нас сопровождала вооруженная охрана. Подскакав к дому афганского аксакала, солдаты выстроились перед подъездом, и их командир высоко поднял свою красную визитную карточку. Всадников было больше пятидесяти, все они были одеты в широкие серые халаты, а на их головах красовались меховые шапки с большими ушами. Их вооружение состояло из старых маузеров; у офицера была старинная китайская сабля. Нас очень удивил возраст этих вояк. Мы поинтересовались, не собираются ли они в отставку. Ветераны ответствовали, что в кавалеристы их произвели недавно за доблестную службу. В Синьцзяне молодой солдат обязан служить в пехоте, пока ему позволяет возраст, и только спустя много лет, а также если он отличился, его производят в чин всадника, или мапиня. В Синьцзяне, как и во многих районах Китая, лошадь является лишь средством передвижения. Китайского кавалериста учат сидеть на лошади, но никогда не обучают искусству верховой езды.

Для оказания помощи в пути к экспедиции приставили бека из Каракаша и двух дарг, которые должны были сопровождать нас до Гума-Базара — ближайшего административного центра на хотанско-яркендском пути. Мы выступили в полдень и быстро миновали мусульманские и китайские районы Хотана. В этот день были открыты базары, улицы запруживала пестрая толпа.

Первую остановку мы сделали в Заве. Расположившись в саду постоянного двора, члены экспедиции только поздним вечером дождались прибытия каравана с грузом. Ночь выдалась холодная, мы грелись у костров, разложенных местными жителями. Перед отбытием из Хотана Цай сшил желтый флаг, на который нанес две буквы «Ло» — сокращенное официальное название нашей экспедиции. Флаг мы доверили дарге, который ехал впереди и ставил его в местах, отведенных для лагеря. Как оказалось, Цай поступил очень мудро, ибо местные чиновники проникались к куску материи уважением большим, нежели к нашим пекинским паспортам.

Вечером мы обнаружили, что наши солдаты и некоторые китайцы — завзятые курильщики опиума. Они поздно вставали и затрудняли работу в лагере. Курильщики опиума — большое несчастье для экспедиции, и мы решили при первом же удобном случае от них избавиться. О пути из Завы в Пялму уже говорилось. Мы сделали короткую остановку в Шрайн Кум-Рабат Падшахите, где на месте древнего храма священных крыс, построенного правителем Хотана, расположена современная мусульманская гробница. Храм был возведен в память о победе короля над сюнну⁷⁴, одержанной благодаря чудотворной помощи крыс, уничтоживших снаряжение врага. После «Голубиной гробницы» наш путь пересекал пояс песчаных дюн и выходил на широкую щебнистую равнину. В Ак-лянгаре, заброшенном постоялом дворе, выстроенном при жизни Якуб-бека, мы сделали остановку, чтобы напоить животных; там был колодец с солоноватой

водой. В Пялму мы пришли поздно вечером, когда на небе, подобно драгоценным камням, засверкали звезды, и разбили лагерь в саду, принадлежавшем богатому помещику. К сожалению, здесь почти не было питьевой воды, и мы были вынуждены растоплять снег, а лошадей водить на водопой за четыре мили от табора.

Поздно вечером приехал доктор Нистрем из шведской миссии в Яркенде. Он спешил в Хотан, где два офицера из личной охраны губернатора ранили друг друга. Один из них вскоре скончался, другой выздоровел, но потом был казнен по приказу губернатора. Нистрем ехал уже сутки и одну ночь на китайской повозке, останавливаясь изредка, чтобы напоить лошадей.

Труден был путь из Пялмы в Зангуйю. Останавливались мы в домах зажиточных крестьян, стараясь избегать китайских постоянных дворов с их шумом и грязью. Вскоре после прибытия в Зангуйю пришел лейтенант из нашей охраны и попросил меня осмотреть его лошадей, которые неожиданно заболели. Они лежали в конюшне, будучи не в состоянии стоять на ногах. Откормленные животные, которых всегда держали в конюшне и ни разу не тренировали, за три дня перехода стали тощими и жалкими. Было ясно, что они не смогут идти дальше. Поэтому я посоветовал расстроенному лейтенанту нанять лошадей у местных жителей, а своих скакунов оставить в Зангуйе под надзором солдат. Он последовал моему совету, и утром я увидел лейтенанта и его солдат верхом на косматых пегасах с длинными гривами и хвостами. На местных полудиких лошадях, вероятно, редко ездили верхом, и наш эскорт представлял забавное зрелище.

Гума-Базар — важный административный центр, под контролем которого находятся обширные горные районы вокруг оазиса Санджу. Славится он также своими многочисленными плодовыми садами и тузовыми рощами. Основная отрасль хозяйства — производство грубой бумаги.

В наше распоряжение власти отвели обширный сад с летним домом. Ворота его были украшены полосками красной и желтой материи; в саду нас ожидали местные чиновники. Вскоре пожаловал и член городского правления, прибывший в сопровождении сына и отряда полиции. Странные мундиры, в которых красовались стражи порядка, и их старинные, заряжающиеся с дула, ружья вызывали улыбку. Чиновник выразил свое сочувствие в связи с нашими мытарствами в Хотане и дал понять, что Ма Дажэнь — человек подозрительный и даже опасный. Гумский деятель даже слышал от кого-то рассказ о том, как хотанский губернатор напал на наш лагерь и был отброшен с большими потерями. Кто выдумал эту историю, — неизвестно. В Восточном Туркестане всякие слухи часто обрастают невероятными домыслами. Мы попросили члена городского правления позаботиться о нашем заболевшем помощнике Тане, и он

обещал отправить его в Хотан, как только ему станет лучше. Тан был убежденным курильщиком опиума и за последние четыре дня перехода по пустыне совсем сдал. Вечером нас посетила труппа странствующих актеров и дала театрализованное представление, или тамаша, иллюминированное факелами и китайскими бумажными фонарями.

Большинство актеров оказались местными тюрками.

В Гуме нам дали другого бека и даргу, которые должны были сопровождать экспедицию до Каргалыка. Мы планировали расположиться лагерем в Чолак-лянгаре, находящемся в восемнадцати милях от Гумы, но, по только что полученным сведениям, запасы воды в Чолаке совершенно иссякли. Поэтому нам пришлось разбить лагерь в Силиг-лянгаре, что в десяти милях к западу от Гумы. Силиг-лянгар состоял из нескольких жалких грязных лачуг с маленькими дворами, заваленными охапками сена и связками дров. Ночью мимо нас прошел караван верблюдов, направлявшийся в Дуньхуан, с крепко спавшими в седлах погонщиками. О его приближении возвестило дребезжащее позвякивание колокольчика. Прежде чем мы сообразили, что происходит, темный силуэт большого каравана уже вклинился в наш лагерь и ноги верблюдов начали рвать канаты палаток. Только энергичные действия хотанцев предотвратили дальнейшие разрушения. Испуганные животные разбежались.

Следующую остановку мы сделали в Акин-лянгаре, перевалочном пункте на тридцатичетырехмильном пути между Гумой и Каргалыком. Пока что стояла великолепная погода с теплыми днями и прохладными ночами, но в Акин-лянгаре погода внезапно переменилась: к вечеру подул холодный ветер, температура упала ниже нуля. Ночью пошел снег, и к утру вся пустыня покрылась тонким слоем снега. День был пасмурный, над щербистыми просторами пустыни неслись тяжелые тучи. Очень холодный западный ветер затруднял продвижение, и мы испытали облегчение только в обжитой зоне Беш-арыка.

Город Каргалык не произвел на нас впечатления крупного центра. Он стоит на одном из притоков Тизнафдарьи, и через него проходит южный кокьяр-каракорумский торговый путь. Большинство владельцев караванов на лехо-яркендском пути являются коренными жителями Каргалыка. Город страдает от нехватки питьевой воды, и мы видели, как в самом центре базара люди рубили лед в грязном водоеме. Член местного городского правления отвел нам для отдыха гостиницу, но она оказалась слишком мала для такого каравана, как наш. Поэтому мы расположились в саду, принадлежавшем богатому помещику. Вечером актеры снова развлекали нас тамаша, а в заключение выступили два китайских жонглера, продемонстрировавших свое искусство манипулирования тяжелыми саблями и пиками. Поздним вечером мы водворились в свои палатки.

Наутро мы испытали большие затруднения с заменой лошадей

для солдат конвоя и лагерных помощников. Как это ни странно, но в сложных ситуациях солдаты всегда обращались к нам за советом. Так и сейчас, когда они не смогли найти лошадей, нам пришлось пойти к местному беку, благодаря помощи которого лошади были в конце концов получены и наш караван двинулся в Посгам.

В Посгаме мы встретились с группой шикарпурских ростовщиков и несколькими торговцами из Хошиарпура, которые проводили нас в дом местного минбаши*. Деревянная резьба на колоннах этого дома напомнила мне фрагменты, обнаруженные Аурелом Стейном на южном караванном пути. Подобная резьба очень похожа на деревянные рельефы в старых церквах на юге России. Этот особый стиль, должно быть, когда-то был широко распространен на гигантском пути от Карпат до Великой китайской стены.

6 февраля мы вышли очень рано, чтобы до полудня быть в Яркенде. В семи милях от Посгама нас встретил слуга ладакского аксакала и передал приглашение остановиться в его летнем доме, расположенном на окраине Яркенда, которое мы с радостью приняли. Через Яркенддарью экспедиция переправлялась на плотках, на что ушло целых два часа, а затем, растянувшись по пыльной узкой дороге, обсаженной тограками, или тополями пустыни, стала медленно приближаться к Яркенду.

Дом ладакского аксакала Абдулл Разака оказался идеальным местом для отдыха — чистый, с обширным садом, просторным двором и хорошими конюшнями. Абдулл довольно бегло говорил на лхасском диалекте тибетского языка, проведя несколько лет в Лхасе; его семью хорошо знали в торговом мире Центральной Азии. Один из его старших братьев был аксакалом в Кашгаре, другой — в Лехе, а третий возглавлял крупное торговое представительство в далекой Лхасе. Помощь аксакала оказалась для нас неоценимой. Мы не без удовольствия провели вечер с человеком, великолепно знавшим племена самых разных районов Центральной Азии. Утро следующего дня было заполнено деловыми визитами к местным властям.

Яркенд показался нам более деловым и процветающим городом, чем Хотан. Это главный центр индийской и афганской торговли; в его крытых базарах и чайханах, или ресторанах, всегда стоит разноязычный гомон. Яркенд — самый большой оазис в стране. Он прекрасно орошается посредством системы каналов, здесь возделывается рис, экспортируемый в Хотан и Кашгар. Кроме риса в оазисе выращивают кукурузу, пшеницу, ячмень, хлопок, лен, коноплю, кунжут и табак.

По последней официальной переписи, в оазисе проживает более 200 000 человек. Сам Яркенд разделен на две части: мусульманский город, или Конешар, окруженный кирпичной стеной с несколькими

* *Минбаши* — один из распорядителей корпорации торговцев. — *Прим. С. И. Тюляева.*

башнями, и китайский, лежащий к северо-западу от центра. Афганское правительство держит в Яркенде консула, который, хотя официально и не признается китайцами, наблюдает за жизнью афганской колонии и блюдет ее интересы в оазисе. Самыми ценными товарами афганского экспорта считаются опиум и бадахшанские лошади. Торговля эта ведется тайно, контрабандистов обычно наказывают. Несколько лет назад вывоз бадахшанских лошадей был запрещен эмиром. Афганские торговцы, отправляясь в Восточный Туркестан или Китай, обязаны давать подписку, что они вернутся со своими лошадьми обратно. Однако, несмотря на эти строгие меры, породистых скакунов можно легко приобрести на яркендском рынке, причем торговля ведется через киргизских посредников. Основная доля экспорта и импорта Яркенда приходится на Индию, и поэтому индийская колония самая многочисленная в оазисе.

Местные власти делали все возможное для снаряжения экспедиции. Член яркендского городского правления, по происхождению кантонец, представлял тип чиновника, равнодушного к географическим и археологическим исследованиям. Он заверил нас, что из Пекина были получены письма, извещавшие о нашем прибытии, и он не может понять отношения к нам хотанских властей. Кантонец добавил, что Ма Дажэнь после убийства кашгарского дитая лишился рассудка.

Завершив официальные визиты, мы направились в шведскую миссию, где находились церковь, школа, больница и дома для сотрудников. Это было наше первое соприкосновение с Европой после полугодового путешествия. Днем нам нанес ответный визит член городского правления, который прибыл в сопровождении кавалерийского отряда, вооруженного русскими винтовками и саблями. Белогвардейские войска, отступив в Синьцзян, побросали большое количество оружия и боеприпасов, и поэтому у китайских солдат было русское оружие. Кантонец проявил интерес к картинам профессора Н. К. Рериха и высоко оценил серию полотен, написанных на китайские темы. За деловым днем последовал спокойный вечер. Возвращая в Хотан конвой, мы дали солдатам по три доллара. Они выразили желание продолжать службу в нашей экспедиции и просили, чтобы мы сообщили об этом генерал-губернатору. А пока что нас охраняли солдаты в черных тюрбанах, присланные из местного гарнизона.

Было чудесное ясное утро, когда мы вышли из Яркенда. К западу и северо-западу от оазиса на бледном небе четко выделялись снежные хребты. Там, далеко за снежными грядками, лежали высокогорные твердыни Памира. Первый этап нашего пути пролегал вдоль возделанных полей и цветущих деревушек оазиса. К полудню мы подошли к Кок-Рабату, где и стали на отдых. В лагерь немедленно явилась толпа местных жителей, разошедшихся только к вечеру. В деревнях о нас ходили всевозможные слухи, и всем хотелось

взглянуть на пришельцев. На следующий день экспедиция была в Кизил-Базаре — полуразрушенной деревне на пустынной равнине, называемой Каракум. К концу дня мы достигли Янгигисара и были тепло приняты доктором Андерсоном и его семьей.

Расстояние от Янгигисара до Япчана наш караван преодолел за шесть часов. Еще в дороге мы почувствовали силу притяжения большого процветающего города: мимо нашей колонны тянулись вереницы повозок, груженных товарами, проносились кавалькады всадников. Япчан является последним большим селением перед Кашгаром. Мы расположились в поле около деревни, и, как всегда, сразу же собрались местные жители. В лагерь пришел мальчик с национальным струнным инструментом и исполнил народные песни, многие из которых были сочинены в дни злосчастного Якуб-бека.

12 февраля наши караванщики поднялись задолго до рассвета. Для Темур-бая это был конец пути, и он во что бы то ни стало хотел быть в Кашгаре в первой половине дня. Мы уже догнали наш караван с грузом, благополучно двигавшийся по направлению к Кашгару.

Разместились мы в просторном помещении Русско-Азиатского банка*. Консул считал, что нам совершенно необходимо побывать в Урумчи, чтобы лично переговорить с генерал-губернатором. Это меняло наши планы: вместо Дуньхуана и Ганьсу — Урумчи и местность к северу от Тянь-Шаня... Однако обстоятельства часто бывают сильнее желания. В провинции Синьцзян назревали беспорядки; нам сообщили, что граница между Синьцзяном и Ганьсу закрыта. Говорили, что через провинцию Ганьсу идет маршал Фэн Юйсян⁷⁵, а верховный комиссар Синина Ма Ци** намерен выступить вместе с ним. Все интересовались, смогут ли плохо дисциплинированные войска Янь Цзэнсиня сдержать наступление армии Фэна.

Кашгар является старой столицей Синьцзяна (с 1884 г. — *Прим. ред.*) и расположен на юге Тянь-Шаня. Вплоть до конца 1917 года он был главным центром торговли с русским Туркестаном. Фактическое закрытие русской границы во время гражданской войны привело к переориентации кашгарской торговли на Индию — через трудное Каракорумское высокогорье. Мы слышали, что иркештамский путь в русский Туркестан снова открыт и на запад, по веками проторенному пути, хлынул поток караванов и торговцев. Большинство караванов, перебрасывающих товары из Кашгара в Андижан, формируется здесь, и не так-то просто было нанять лошадей для продолжения путешествия.

По утрам мы прогуливались по улицам и базарам Кашгара и,

* Прибыв в Кашгар, Н. К. Рерих первым делом выразил советскому консулу искреннюю признательность за помощь (см.: П. Беликов, В. Князева. Указ. соч., с. 175).

** Ма Буцин.

поглядывая на юго-запад, любовались белой гривой Кашгарского хребта. Кашгар с его садами, рисовыми плантациями на берегах реки Тумэн и снежными вершинами вдали — типичный центрально-азиатский город.

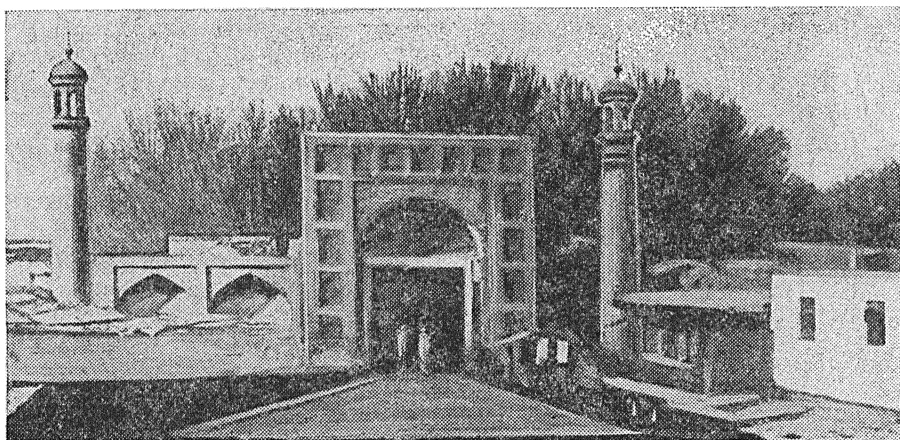
Кашгарские базары, с навесами из мешковины и соломенных циновок, с их шумными пестрыми толпами, которые непрерывно перемещаются вдоль узких рядов, напоминают настоящий этнографический музей, где исследователь всегда может найти что-нибудь интересное. Вот в тени притаилась лавчонка с бухарскими и хивинскими товарами и самаркандскими коврами. Среди разноцветных сундуков восседает чернобородый андижанский торговец, вовсе не ведающий, что его сундуки напоминают сундуки раннего Ренессанса в городах Италии, поддерживавших обширные связи со странами Востока. В другой лавке седобородый афганец предлагает товары своей страны и индийские специи. Его сосед китаец продает большие старомодные очки в массивной оправе. В отдаленных районах Центральной Азии такие очки являются одним из обязательных атрибутов престижа, и киргизские и монгольские аксакалы носят их независимо от того, нужны они им или нет. Одна из расположенных по соседству лавок — настоящий музей денег. Здесь можно увидеть монеты и бумажные деньги буквально из всех стран: индийские рупии, старые русские рубли, китайские банкноты, знаки, выпущенные во время гражданской войны в России, — все это выставлено на полках и погребено в железных сундуках. По общей массе этих денег владелец лавки был миллионером, да он и считал себя таковым, учитывая эти кучи разноцветной гербовой бумаги в своих сделках. Следующая лавка совсем уж необычна. Владелец ее специализировался на военных мундирах, отдавая предпочтение генеральской форме с огромными эполетами и роскошными галунами. Некоторые местные чиновники и киргизские аксакалы очень любят эти наряды. Среди выставленных сюртуков, кителей, френчей, мундиров я увидел форму учащегося русской высшей школы и подумал, в какой горный аул или кочевое селение суждено ей попасть, чтобы привести в замешательство этнографа.

Кашгар славится мастерскими, где делают крытые экипажи старинного образца. Эти причудливые кареты окрашивают в яркие цвета: зеленый, голубой или под охру — и обычно обивают внутри фиолетовым или темно-красным бархатом.

Между тем толпа на базаре прибывает. Здесь и киргизские кочевники с границы и андижанские негодянты в разноцветных полосатых халатах, и китайцы в темных курмах* и городские торговцы в длинных темно-голубых чапанах. В базарные дни толпа бывает настолько плотной, что невозможно проехать верхом, а уши устают от непрерывных криков и свиста кнутов.

Кашгар не богат памятниками старины. Наиболее древние раз-

* Т. е. кофтах.

Кашгарский рынок

валины и ступы описаны Аурелом Стейном и экспедицией доктора Л. Лекока.

15 февраля мы нанесли официальный визит местному правителю, веселому толстяку, который посочувствовал нашим затруднениям в Хотане. Однако оружие нам не вернули, а оставили его опечатанным в ящике, под охраной. Разрешения на раскопки правитель так и не дал, однако намекнул, что работу продолжать мы можем, но в случае, если местные власти попросят нас воздержаться от занятий живописью и археологией, экспедиция должна подчиниться.

19 февраля пришел долгожданный ответ от генерал-губернатора. Его превосходительство выразил желание познакомиться с нами лично и сердечно приглашал к себе в столицу. Однако о каких-либо возможностях продолжения работы экспедиции ничего не говорилось.

Несмотря на все наши усилия, караван вьючных лошадей сформировать не удалось. Оставалось нанять несколько китайских двухколесных повозок, в которые впрягают четырех лошадей, трех в ряд и одну впереди. Путь от Кашгара до Урумчи такая колесница одолевает примерно за семьдесят четыре дня, проходя в день от восемнадцати до двадцати миль. Кашгарцы взялись доставить наши грузы в Кучу, а там мы должны были раздобыть повозки до Урумчи. Кроме того, следовало обменять индийские рупии на урумчинские ланы, или ляны, курс которых на две трети уступал курсу кашгарских сар, так как в оазисах на северном пути имеют хождение только урумчинские ланы.

При обмене надо следить, чтобы вам не подсунули рваных денег. Иногда деньги имеют такой вид, что напоминают лохмотья, сплошь заклеенные кусками разноцветной бумаги.

В Кашгаре пришлось оставить Цая, который не бросал курить опиум и едва держался на ногах. Мы дали переводчику денег на случай, если бы он решил вернуться в свою родную провинцию Сычуань, и распрощались с ним. Оставлять его в экспедиции не имело смысла. Он постоянно ссорился со всеми и не мог держать себя в руках. Нам удалось нанять десять вьючных пони, принадлежавших двум ладакцам, для доставки лагерного снаряжения из Кашгара в Карашар, где мы надеялись нанять новый караван лошадей или мулов. Персонал экспедиции теперь состоял из представителей различных национальностей: одного оренбургского казака, одного монгола, одного балта, одного китайца, четырех ладакцев и трех казахов, один из которых оказался исключительно добросовестным работником и сопровождал экспедицию до границ Сибири.

26 февраля вся европейская колония Кашгара собралась на проводы экспедиции. Наши повозки уже отбыли ранним утром, охраняемые тремя вооруженными всадниками из местного гарнизона.

ВЕЛИКИЙ СЕВЕРНЫЙ ПУТЬ В УРУМЧИ

Файзабад — городок с китайским управлением и небольшим военным гарнизоном. Дорога из Кашгара в Файзабад однообразна: повсюду песок, покрытый соляной коркой, песчаные дюны, местами кустарниковые заросли. Ближе к городу кое-где встречались ивовые рощи и пыльные, грязные деревушки. Файзабад — последнее крупное поселение Кашгарского оазиса, дальше на север простирается пустыня. Расстояние от Файзабада до Маралбаши мы покрыли в четыре перехода. Путь местами пролегал сквозь кустарники, которые, по словам местных жителей, изобилуют дичью. Должно быть, в прошлом здесь шумели леса, а теперь заросли отступают к северу. Продвижению мешали многочисленные сухие пни и корни деревьев, совершенно засыпанные песком. О них все время спотыкались лошади, а одна из наших повозок едва не перевернулась, налетев с ходу на неожиданное препятствие. В конце зимы эта часть Восточного Туркестана к югу от Тянь-Шаня абсолютно безжизненна, и скелеты деревьев только усиливают впечатление полной заброшенности. Встречавшиеся на пути грязные деревушки и множество развалившихся лагуч указывали на то, что сельское население здесь далеко от благоденствия.

3 марта мы вошли в большой оазис Маралбаши, связанный двумя важными путями с Кашгаром и Яркендом. Оазис хорошо орошается и обладает огромными запасами воды. С юга к нему подходит Яркенддарья, а на северо-западе и севере поднимаются невысокие скалистые горные хребты — южные отроги внешнего Тянь-Шаня. На-

ши караванщики хотели задержаться в Маралбаши на сутки, но мы решили здесь переночевать, а утром продолжить переход в сторону Ак-Тумшука, или Тумшука. Покинув зеленую зону оазиса, мы вышли на обширную песчаную равнину, покрытую кустарником. Этот отрезок пути оказался довольно длинным, примерно в тридцать миль, и в деревню Тумшук мы пришли около одиннадцати часов вечера. Неподалеку от деревни выявлена китайская стела с надписью, относящаяся ко времени покорения Синьцзяна в 1877 году*. На севере и юго-востоке Тумшука производил раскопки известный французский востоковед профессор Поль Пелльо⁷⁶ во время своей экспедиции в 1906—1908 годах.

Следующие четыре перехода привели нас из Тумшука в Аксу. Дорога пролежала в основном по пескам, поросшим тамариском. Копыта лошадей тонули в толще лёссовой пыли, прилипавшей к коже и разъедавшей глаза. Оазис Аксу расположен у слияния двух значительных рек — Тушкана и Кумдарьи. Весной и летом реки, питающиеся стоком ледников главной цепи Тянь-Шаня, несут массу воды, орошая обширную возделываемую зону. Мы разбили лагерь в мусульманском городе Аксу, в саду бывшего андижанского аксакала. Владелец умер несколько лет тому назад, и дом выглядел заброшенным. Местные власти разрешают останавливаться здесь лишь некоторым иностранным путешественникам.

Назойливая толпа дунган, или китайских мусульман, пыталась проникнуть во двор, чтобы поглазеть на нас. В Аксу обосновалась большая колония дунган, и все путешественники единодушны в своих оценках их нахального поведения. Местные хулиганы избили одного из наших погонщиков, но были схвачены и отправлены в городское правление. Погонщики требовали дать лошадям однодневную передышку. Мы согласились. Мне доставила удовольствие встреча с Панем — членом городского правления, нанесшим нам визит. Он хорошо говорил по-английски и сетовал на одинокую жизнь в Аксу. Пань, испытывая беспокойство за будущее провинции, понимал необходимость обновления местной администрации.

11 марта, когда уже совсем стемнело, мы покинули Аксу и пошли в деревушку Кара-Кудук. Выючные лошади с лагерным снаряжением достигли деревушки только около полуночи. В два часа ночи мы забрались в палатки, а в семь утра надо было снова отправляться в путь. Из Кара-Кудука, или Кара-Юлгуна, мы направились в Тогракдон, пустынное местечко у подножия хребта. Весь день мы шли по об-

* Имеется в виду жестокое подавление войсками Цзо Цзунтана антиманьчжурского восстания местных жителей, выразившееся в массовом истреблении населения цинскими войсками, грабежах и насилиях. Русский капитан А. Н. Куропаткин так писал о положении в Восточном Туркестане в этот период: «Обширные, плодородные, густо населенные пространства были обращены в пустыню. Богатые города лежали в развалинах» (цитир. по кн.: М. И. Сладковский. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974, с. 274).

ширной щебнистой равнине, пересеченной невысокими холмами из песчаника. Тогракдон интересен несколькими пещерными храмами, вырубленными в песчаниковом утесе неподалеку от местного постоянного двора. Штукатурка, некогда покрывавшая стены кельи, и фрески были сбиты мусульманскими фанатиками. Некоторые пещеры осыпались. Возможно, здесь когда-то была небольшая буддийская вихара. Отсюда, как и из большинства древних монастырей и мест поклонения, расположенных на южных склонах Тянь-Шаня, открывался великолепный вид на суровую гряду гор, подпирающих небо пустыни. Далее в сторону Куштим, или Куштама, дорога проходила по гористой безлюдной местности. В Яка-Арыке, на берегу реки Музарт, мы обратили внимание на участок возделанной земли. В это время года русло реки пересыхает, но летом Музарт несет большое количество воды, орошая оазисы Бай и Куча.

Разбили мы лагерь в тограковой роще поблизости от лянгара, или постоянного двора, так как в местной гостинице обосновалась шайка профессиональных картежников — этого подлинного бедствия Синьцзяна. Все главные города с базарами на караванных путях имеют такие притоны, причем некоторые из них даже выпускают собственные деньги в виде маленьких бамбуковых палочек. Эта валюта, на которой проставлены адреса притонов, принимается всюду и имеет определенный номинал...

Путь из Куштим в Бай пролегал вдоль левого берега реки Музарт, занятого плантациями. Небольшой городок Бай с несколькими грязными и пыльными базарами был далеко не идеальным местом для стоянки, и мы переправились на противоположный берег реки, где находился постоянный двор. В свое время в окрестностях Бая профессор Поль Пелльо обнаружил тохарские рукописи на кучарском диалекте и нашел обрывки дорожных пропусков, которые были тщательно исследованы Сильвеном Леви⁷⁷, профессором санскрита в Париже.

Около деревушки Кизил — следующего этапа нашего пути — находятся интересные вихары, или пещерные храмы с фресками, датируемыми V и VIII столетиями н. э. Профессор П. Пелльо бывал в этих пещерах, а доктор Л. Лекок подробно обследовал их во время своей экспедиции 1905 года. Выйдя из Кизила, мы пересекли щебнистую пустыню, пересеченную холмами из песчаника, и прибыли в Кизилкар, известный своими разрушенными храмами к северу от дороги. Часть фресок в храмах уничтожили мусульмане, часть была вывезена немецкой экспедицией под руководством доктора Л. Лекока. В 1916 году пещеры пострадали от сильного землетрясения, но кое-что все же сохранилось.

Мы видели небольшие фрагменты настенной живописи: изображения Будды в позе созерцания, изуродованные мусульманскими фанатиками фрагменты человеческих фигур (жертвователей?) с краткими наклонными надписями, а также уйгурские красочные орнаменты на дверных сводах. Эти пещеры, возможно, являются современниками

больших пещерных храмов на юго-востоке городка Кизилортана.

Посещение пещер задержало экспедицию, и мы достигли Кучи только к вечеру. Найти подходящее место для лагеря было не так-то просто, но нам помог некий доброжелатель, указавший нам на летний дом с тенистым садом, принадлежавший богатому помещику. В доме, однако, было слишком сыро, и мы раскинули палатки в просторном саду.

Оазис Куча и сам город с широкими аллеями из тополей производил более благоприятное впечатление, чем другие районы Синьцзяна к югу от Тянь-Шаня. Благодаря своему географическому положению Куча еще в древности стал важным экономическим и политическим центром. Избыток ледниковой воды, которую несут с гор Тянь-Шаня реки Музарт и Куча, и многочисленные источники способствовали процветанию здесь земледелия и садоводства. Кроме того, оазис Куча всегда славился своей торговлей с кочевниками Центрального Тянь-Шаня и джунгарских степей. В настоящее время оазис ведет оживленную торговлю с калмыками, торгоутами и олётами — племенами, обитающими в высокогорных долинах Тянь-Шаня и в степном районе вблизи Карашара.

Древности Кучи уже изучались европейскими и японскими экспедициями: сначала русскими под руководством Д. А. Клеменца и М. М. Березовского⁷⁸, затем японский Отани (1902—1903) и немецкими под руководством профессора А. Грюнведеля⁷⁹ и доктора Л. Лекока, двумя английскими экспедициями Аурела Стейна и одной французской под руководством профессора Поля Пелльо.

Автор ряда фундаментальных исследований доктор Л. Лекок считает, что стиль фресок разрушенных пещерных храмов Кучарского оазиса и фресок Турфана (Кейю, Туйок, Сангим, Беззеклик и Чиккан-Гол) характеризуется следующими признаками:

1. Ранний стиль, обнаруживающий влияние греко-буддийской, или гандхарской, школы Северо-Западной Индии⁸⁰. 2. «Стиль рыцарей с длинными мечами». По мнению доктора Л. Лекока, первый и второй стили характерны для индо-скифского периода* и тесно связаны между собой; следующие три стили обнаруживают преобладающее влияние Востока, характерное для конца VIII столетия н. э. Это период господства уйгуров**, на чью культуру сильно повлияла дальневосточ-

* *Индо-скифский период* — середина II в. до н. э. — I в. н. э. Скифы, или саки, вторгшись в Индию, основали ряд царств, центрами которых на севере были Таксила и Матхура, а на западе — Гуджарат и Мальва. Западные саки продержались в Индии до IV в. н. э., когда они были сокрушены династией Гуптов.

** Государство уйгуров возникло в 744 г. н. э. на территории современной Монгольской Народной Республики. В период наибольшего могущества (середина VIII—первая половина IX в.) под контролем Уйгурского каганата находились огромные территории от Алтая до Большого Хингана и от Саян до Гоби. После разгрома каганата снисейскими кыргызами уйгуры переселились из Монголии в Забайкалье, Западную Маньчжурию, в район большой излучины р. Хуанхэ, в Прилашанье, При-наньшанье, в Турфанский оазис и район Кучи, в Джунгарию и Семиречье. В Гань-

ная цивилизация. 3. Древний тюркский стиль*, отмеченный воздействием искусства Китая. 4. Новый тюркский, или собственно уйгурский, стиль, где китайские элементы ослаблены тенденциями местного искусства. 5. Тибетский стиль, который встречается только в Турфане и имеет позднее происхождение. Изучение этого стиля актуально для истории тибетского изобразительного искусства и исследований его влияния за пределами этнографических границ Тибета.

Китайские анналы содержат массу сведений о передвижениях тибетских племен**. Мы знаем о их союзе с сюнну — могущественным союзом племен, занимавшим степи современной Монголии, а также о периодических набегах тибетцев на китайскую территорию. На протяжении VII и VIII веков тибетские племена неоднократно переходили границы Западного Китая, Туркестана и Южной Монголии и даже завоевали столицу Китая Чанъань. В конце VII века тибетские племена, соединившись с арабами, двигались по направлению к далекой долине Окса⁸¹. Мы слышали о тибетских военных правителях Хотанского оазиса и о их крепостях на южном торговом пути Восточного Туркестана. В 750 году тибетцы захватили Дуньхуан, где не так давно Аурел Стейн и профессор Поль Пеллю прославили свои имена открытием древних рукописей. Турфанские фрагменты тибетских писем, привезенные профессором А. Грюнведем и доктором Л. Лекоком, палеограф доктор О. Франке относит к VII веку. Наличие в Турфане подобных рукописей свидетельствует о тибетской экспансии и объясняет причины появления буддийских фресок в пещерных храмах.

Три дня, проведенных нами в Куче, были заполнены экскурсиями и

чжоу, Турфане, Куче и других местах образовались уйгурские княжества, часть которых позднее вошла в состав Уйгурского турфанского княжества, просуществовавшего до XIII в. (см.: А. Г. Малявкин. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974, с. 5—7).

* Этот стиль можно датировать периодом Великого тюркского каганата, с 550 по 569 г. н. э. овладевшего степями от Желтого моря до Черного. В состав этой могущественной кочевой державы входил и современный Синьцзян. В результате интриг и заговоров китайских политиков мощь Великого тюркского каганата была подорвана изнутри. Отражая территориальную экспансию Танской династии, степняки создали Второй восточнотюркский каганат, просуществовавший с 679 по 744 г. После распада Второго восточнотюркского каганата его место в Центральной Азии занял Уйгурский каганат.

** В первых десятилетиях VII в. н. э. в Тибете активизируется процесс консолидации группы племен цянского происхождения и возникает тибетское царство Туфань, немедленно приступившее к широкомасштабным территориальным захватам. Объектами экспансии тибетцев стали Юньнань, Сычуань, Восточный Туркестан, Кашмир, Бенгалия, Бутан, Непал. Войны Тибета с Китаем, Тюркскими каганатами длились около столетия. По договору Китая с Тибетом, заключенному в 822 г., Восточный Туркестан признавался владением последнего. В первой половине IX в. начался распад Тибетской империи, на развалинах которой образовались многочисленные княжества светских и духовных феодалов. Проникновение буддизма (хиянаы) в Тибет в VII в. завершилось в 787 г. признанием его государственной религией. Однако полную победу буддизма здесь (махаяны) следует отнести к IX в. и в особенности к XI в. (тантризм).

переговорами с владельцами повозок. Местные жители говорили, что старинные вещи и рукописи встречаются теперь редко и единственное место, откуда еще продолжают поступать находки, это район Лоб, к западу от озера Лобнор. Незадолго до нашего прибытия в Кучу какой-то торговец привез в раскрашенном деревянном сундучке свертки рукописей, а также монеты и разные древние вещицы. Мы очень заинтересовались этой коллекцией, но найти торговца так и не удалось.

Быстро приближалась весна, в садах и парках зазеленела молодая трава. Надо было попасть в Урумчи прежде, чем начнется разлив рек. Мы вышли из Кучи 20 марта, имея в виду сделать остановку в деревушке Яка-Арыке, последнем населенном пункте на крайнем востоке Кучарского оазиса.

Вскоре после того как мы пересекли щебнистую равнину, небо внезапно затянулось тучами и налетел сильный северо-западный ветер. В это время года песчаные бури здесь не редкость.

Расположились мы на ночь в саду на окраине Яка-Арыка, но долго не могли заснуть из-за ветра, бешено терзавшего наши палатки. Рано утром снова двинулись в путь. Миновав деревушку Янгиабад с ее садами, мы пошли по голой щебнистой равнине, исполосованной узкими поясами лёсса. На севере возвышались горные хребты — самые южные отроги великого Тянь-Шаня. Глинистая и местами каменистая пустыня навевала уныние, и мы с облегчением вступили под сень садов городка Бугур-Базара.

На следующий день нам предстоял долгий пятидесятимильный переход в небольшой оазис ЧаDIR к востоку от Янгиабада. Большую часть дня мы шли по пескам, поросшим кустарником, и только поздним вечером разбили лагерь. Из ЧаDIRа экспедиция двигалась по торговому пути с остановками в Чарчи и Тиме, стойчески преодолевая скуку пустынного ландшафта. На севере виднелись горы.

В пути между Чарчи и Тимой мы повстречали молодого тюрка, оказавшегося приверженцем древних шаманистских традиций. Молодой человек ехал верхом на лошади и, ритмично ударяя в большой барабан, напевал заклинания по-тюркски.

26 марта мы прошли вдоль северной окраины оазиса Курля и свернули на северо-восток по течению Кончедары. Тропа пролежала по равнине, усеянной разноцветной галькой, и постепенно поднималась к горам. Здесь мы встретили первых торгоутов⁸². Из-за невысокого отрога неожиданно показались три всадника, которые быстро приближались к нам. Все они были облачены в синие халаты, у двоих на голове красовались черные платки. Гарцуя на великолепных лошадях, они внимательно рассматривали наш караван. Ответив на их приветствие, мы высказали желание посетить резиденцию их правителя. Всадники одобрительно кивнули и мгновенно исчезли, подняв за собой тучи пыли. У монголов хороший всадник всегда берет с места в карьер, что-

бы продемонстрировать аллюр своей лошади. Вскоре тропа втянулась в узкое ущелье, у входа в которое стояла китайская застава, и нам пришлось предъявить свои пропуска. По непонятной причине этот район находился под тщательным наблюдением китайцев.

Экспедиция стала лагерем на берегу реки. Воздух здесь был прохладный и чистый, мы хорошо отдохнули после перехода по пыльной пустыне. Ранним утром сняли лагерь и направились к Карашару, до которого отсюда оставалось двадцать миль. Недалеко от стоянки река Кончедарья поворачивает на запад, а за низким холмом начинается спуск к озеру Баграшкуль. Весь этот отрезок пути мы шли по песчаному тракту, поросшему тамариском. Нас сопровождали два торгоутских всадника, направлявшихся в горы. Оба были безнадежно пьяны, но, несмотря на это, продолжали тянуть спиртное из бурдюка. Пьянство — подлинный бич торгоутов.

Из достопримечательностей на этом отрезке пути в Карашар можно отметить развалины у деревни Шорчук, исследованные немецкой и английской экспедициями. После пятичасового перехода мы достигли Карашардарьи. Дожидаясь парома, вместе с нами стояло несколько торговых караванов. Паромом управляли торгоуты, грубоватые парни в поношенной одежде. В толпе мы заметили несколько киргизов из города Пржевальска на озере Иссык-Куль.

От других оазисов Восточного Туркестана Карашар отличается наплывом множества торгоутских кочевников из высокогорных долин Тянь-Шаня. В районе Карашара кочуют два калмыцких племени: торгоуты и хошуты⁸³. Торгоуты занимают пространство у подножия гор и летние пастбища, или юлдузы, в самом сердце Тянь-Шаня. Зимой кочевники спускаются с высокогорных пастбищ и раскидывают айлы в степи у подножия Тянь-Шаня. Они подчиняются наследственному хану, который живет в Хотон-Сумбуле, а последние несколько лет Тойн-ламе*, дяде молодого хана. Хошутские племена населяют район вокруг озера Баграшкуль, к юго-востоку от Карашара и горы вблизи Ушкаты, деревни, находящейся на пути Карашар—Турфан. Правят ими наследные князья. Оба племени разводят лошадей, верблюдов и рогатый скот. Их лошади ценятся во всей Центральной Азии и в Китае. Карашарская лошадь — сильное животное от ста двадцати до ста тридцати сантиметров в холке, с хорошо развитой грудной клеткой, мощной шеей, слегка изогнутым носом и стройными ногами. Большая часть лошадей для китайской кавалерии Синьцзяна поставляется с карашарских пастбищ. Некоторые из этих скакунов являются потомками прототипов знаменитых глиняных статуэток эпохи Тан**, украшающих ныне наши музеи.

* Тойн-лама — лама аристократического происхождения.

** Эпоха Тан — 618—907 гг. н. э. При династии Тан завершилась централизация управления в Китае, была введена система государственных экзаменов для отбора претендентов на административные должности, укрепились позиции буддийского духовенства в стране. Орудием экспансионистской внешней политики тан-

Мы собирались побывать в калмыцких лагерях и в большом монастыре Балгантай-Шар-сумэ, расположенном в горах у городка Хотон-Сумбул, и уже оттуда идти в Урумчи. Становилось жарко, мы опасались чрезмерной духоты в Турфанской впадине и волновались за здоровье Елены Ивановны Рерих, которая всегда тяжело переносила зной. Еще находясь в Кашгаре, мы известили генерал-губернатора о своем намерении, и местные власти заверили нас, что правительство Урумчи, конечно же, препятствовать нам в этом не будет.

Пожилой даоинь Карашара был болен, однако его личный секретарь заявил, что мы можем выступать к Хотон-Сумбулу немедленно. Он посоветовал нам обратиться к члену местного городского правления. Чиновник был в отъезде, и нас принял его секретарь. Выразив готовность всемерно содействовать экспедиции, он, однако, добавил, что его шефа беспокоят снежные наносы на перевалах.

Из опыта наших предшественников нам было известно, что китайские власти не любят, когда в горах ведутся научные исследования. Поздно вечером к нам неожиданно приехали начальник местного почтового отделения и секретарь члена городского правления. Почтмейстер, ссылаясь на решение магистрата, сообщил, что, к большому сожалению, через горы идти нам нельзя. Было бесполезно обсуждать с ними этот вопрос, и мы решили послать телеграмму генерал-губернатору.

Утром мы перенесли лагерь в Хотон-Сумбул, зимнюю резиденцию торгоутского правителя. По обе стороны дороги белели войлочные юрты и паслись большие табуны лошадей и стада рогатого скота. Хотон-Сумбул — небольшой городок с белеными кирпичными домами, опрятными улочками и базаром. Дворец ламы, выстроенный в европейском стиле, и ряд других построек полуевропейской архитектуры свидетельствовали о просвещенном вкусе правителя.

По прибытии в дворец нас провели в большую комнату, где стояли столики и стулья черного дерева. Едва мы вошли, как комнату заполнили советники ламы в черных халатах и тут же начали задавать вопросы, откуда мы пришли и куда направляемся. Чиновники разошлись только к вечеру, но их немедленно сменили старики и женщины с детьми. Все они курили сигареты и трубки. Курящая мать держала на руках трехлетнего мальчика, который, моргая, с явным удовольствием вдыхал дым. Нас оставили в покое только поздним вечером, разрешив поставить палатки около дворца.

Утром экспедицию навестил личный секретарь правителя и сооб-

ского Китая служила наемная армия, в том числе отряды конницы степняков. Из последних публикаций см.: А. Г. Малявкин. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии, — «Дальний Восток и соседние территории в средние века». Новосибирск, 1980, с. 103—136); его же. Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1981.

шил, что лама ждет нас в дворце. Мы встретились с Тойн-ламой, как его называют жители Восточного Туркестана и Джунгарии, в комнате, обставленной по-европейски, с большим столом посередине. На камине красовались две банки консервов.

Тойн-лама, которого несколько лет назад называли «сильным человеком торгоутов», взял в свои руки власть после смерти младшего брата, торгоутского хана. С самого начала в его политике проявились националистические тенденции, и он сумел искоренить мощное китайское влияние при дворе. В 1920—1922 годах Тойн-лама, приступая к реорганизации войска, пригласил к себе русского инструктора, бывшего офицера царской армии, который обучил четыре эскадрона торгоутской кавалерии.

Китайцы следили за его деятельностью с опаской. В 1924 году, во время беспорядков в Кашгаре, правительство Урумчи потребовало, чтобы Тойн-лама послал свою кавалерию против Ма-дитая и поставил китайским войскам верблюдов. Однако правитель торгоутов категорически отказался исполнить этот приказ, и с тех пор китайцы постепенно прибирали его к рукам вместе со всем его племенем. В начале 1925 года Тойн-ламе было приказано отправить в Урумчи кавалерию для отражения наступления армии маршала Фэн Юйсяна. Торгоуты входили в состав резерва Синьцзяна, и власти не замедлили этим воспользоваться: русского инструктора арестовали во время его поездки в Урумчи и выслали из Синьцзяна, а командиром эскадронов назначили китайского офицера. На этот раз Тойн-лама подчинился требованиям китайцев и послал в столицу провинции три своих эскадрона. Два эскадрона были оставлены в Урумчи для охраны генерал-губернатора, а третий китайцы загнали в далекий Чарклык для наблюдения за тайной торгоутской дорогой в Лхасу. Спустя некоторое время эта дорога была закрыта, и генерал-губернатор запретил карашарским паломникам покидать родные кочевья.

Во время нашего пребывания в Хотон-Сумбуле Тойн-лама опасался новых демаршей китайских властей. Позднее мы слыхали о том, что китайцы решили передать государственную печать, или тамгу, юному хану, тринадцатилетнему мальчику, а как сложилась дальнейшая судьба ламы-регента, узнать так и не удалось. Последователи Тойн-ламы считают его воплощением известного ламы Сэнчэна Дорджэчана*, одного из просвещенных иерархов Шигацзе⁸⁴. Японский путешественник Экай Кавагучи рассказал о трагической гибели этого почтенного пастыря, арестованного лхасскими властями по обвинению в содействии исследованиям известного индийского путешественника Сарат Чандра

* По свидетельству Г. Ц. Цыбикова, в 1900—1902 гг. исследовавшего Тибет под видом буддиста-паломника, покровительство С. Ч. Дасу дорого обошлось многим видным сановникам страны: их лишили чинов и сана и публично избили на площади; С. Дорджэчан был умерщвлен, тело его бросили в реку; губернатора Гьянцзе заточили в тюрьму. Таким путем правящие круги Тибета пытались сохранить в неприкосновенности режим феодально-теократического государства.

Даса⁸⁵. В июне 1887 года ламу утопили в реке Джичу после длительно-го тюремного заключения.

Говорят, что лама, бывший когда-то наставником панчен-ламы, предсказал свою судьбу по росписям, выполненным по его указаниям на стенах покоев. Тибетское правительство заявило, что душа ламы перевоплощению не подлежит (это самое страшное наказание в Тибете), и тем не менее его воплощение появилось в далеком Туркестане в семье хана карашарских торгоутов. Сэнчэн Дорджэчан прорицал перед смертью, что родится снова в стране войлочных палаток и стад рогатого скота. И действительно, у новорожденного была замечена такая же слабая деформация колена, как и у покойного ламы.

Весть о перевоплощении Сэнчэна вызвала негодование в Лхасе, и когда мальчика привезли в столицу Тибета, чтобы посвятить в монахи, его не допустили в монастырь. Однако торгоуты были слишком могущественными, а их подношения — весьма ценными, чтобы с ними можно было не считаться открыто. После длительных колебаний мальчика приняли в Галдан⁸⁶, хотя тибетское правительство так и не признало полностью его перевоплощения. В 1921 году лама-«перевроплощенец», ставший предводителем карашарских торгоутов, нанес кратковременный визит в Лхасу⁸⁷, и его появление там вызвало немало толков.

Тойн-лама отнесся с большим вниманием к нуждам экспедиции, и обещал оказать нам посильную помощь. Он согласился дать соответствующие распоряжения настоятелю Балгантай-Шар-сумэ и обеспечить нас надежными проводниками. Мы покидали дворец обнадеженными, но когда вернулись в лагерь, то узнали от китайского офицера, прибывшего из Карашара, о приказе следовать обратно в город. Мы, естественно, отказались и заявили офицеру, что не сдвинемся с места, пока не получим письменного объяснения от генерал-губернатора. Офицер уехал, но вскоре вернулся в сопровождении торгоутских чиновников и продолжал настаивать на нашем отъезде в Карашар.

Экспедиция готовилась к новым испытаниям. Наши люди откуда-то узнали, что китайцы намерены применить против нас силу. Хотя оружие было опечатано, мы решили держаться до конца. Во второй половине дня лагерь стала окружать, постепенно приближаясь к палаткам, толпа. «Давайте разоружим иностранцев!» — крикнул кто-то — и толпа сделала шаг вперед. «Они откроют огонь!» — раздался чей-то голос — и толпа отступила назад.

Мы уже собирались снять печати с ящика с оружием, чтобы раздать его нашим людям, как вдруг появился китайский офицер и стал убеждать нас вернуться в Карашар, ссылаясь на угрозу со стороны торгоутов. Мы снова повторили свой отказ. И опять толпа зашевелилась, а несколько парней, находившихся, по-видимому, в состоянии сильного опьянения, призвали к нападению на иностранцев. Напряжение росло, все сотрудники экспедиции приготовились к обороне. Мы подозвали китайского офицера и посоветовали ему принять меры, ибо в противном случае нам придется это сделать самим. Пораженный на-

шей выдержкой, он приказал своим солдатам разогнать толпу, и мы увидели, как китайцы с помощью кнутов и прикладов винтовок стали выдворять местных жителей из лагеря.

Сразу же после этой сцены торгоуты намекнули, что инцидент был спровоцирован китайцами, чтобы заставить нас вернуться в Карашар. Тойн-лама прислал к нам своего секретаря с просьбой посетить его. Он принял профессора Н. К. Рериха в своем кабинете и извинился за поведение соплеменников, а затем вручил письмо, в котором утверждалось, что ни он сам, ни его народ ничего против экспедиции не имеют, но на него оказал нажим член городского правления*. Получив такие заверения, мы выразили готовность вернуться в Карашар и обсудить все вопросы на месте.

Утром следующего дня мы выступили в Карашар, где посетили члена городского правления. Этот деятель не отрицал, что именно он отдал приказ о возвращении экспедиции в Карашар, и выглядел смущенным. Мы выразили протест и потребовали от него объяснить мотивы своих действий в письменной форме**.

Как обычно, сборы проходили в хлопотах. Буквально в последнюю минуту перед выходом из Карашара нам удалось нанять четыре китайские повозки и десять мулов, принадлежавших торговцу из Гучэна. Мы покинули Карашар 2 апреля и в тот же день пришли в деревушку Тавилга, где стали на ночлег. Над пыльным трактом, поросшим по обочинам кустарником, вились тучи москитов, беспокоивших людей и животных. Наш караван шел безлюдной местностью, лишь временами в степной дали неожиданно появлялись и так же исчезали одинокие всадники.

4 апреля характер ландшафта изменился. Прямо к тропе подступали скалы с обнажениями гранита, порфира и базальта. В лучах заходящего солнца узкие ущелья горели разноцветными огнями. Ночь мы провели на постоялом дворе в Аргай-Булаке, а утром уже шли в сторону Токсуна. За Аргай-Булаком раскинулась обширная каменистая равнина, постепенно понижавшаяся в направлении Турфанской впадины. После семичасового перехода, под вечер, экспедиция всту-

* Вскоре после этого инцидента Н. К. Рерих записал в своем дневнике: «В Сикиме нас встречали с трубами и знаменами, а на китайской земле — с веревками. Конечно, карашарский амбань никакого письма мне не дал. И не нужно. У нас есть письмо с печатью калмыцкого хана, где ясно указан приказ китайских властей. Скорей, дальше от китайской гримасы» (Н. К. Рерих. Алтай—Гималаи. М., 1974, с. 186).

** Н. К. Рерих писал о встрече с даотаем более эмоционально: «Препирались нескончаемо. Невозможно было проследить сложный излом невежественности и безумия. Даотай расстреливал пашу симпатию к Китаю. Вспомнил один наш знакомый, прогрессивный китаец в Америке. Слушая мою защиту Китая, он как-то поник и грустно спросил: «А вы сами были уже в Китае?» Я ответил: «Собираюсь ехать». Он добавил: «Поговорим после вашего возвращения» (там же, с. 121).

пила под сень благоухающих садов и парков Токсуна. Разбив лагерь на берегу реки у городских ворот, наши ладакцы в растерянности бродили среди палаток. Там, в горах и пустынях, ранняя весна с холодными ночами и ветренными днями, здесь же — лето с жаркими днями и душными ночами...

Ночью мы не спали из-за жары и москитов и утром, чтобы как можно скорее пересечь равнину Токсуна, выступили пораньше.

В отрогах Восточного Тянь-Шаня снова повеяло прохладой. За все время пути нам повстречался лишь один караван верблюдов, направлявшийся в Кашгар. После утомительного одиннадцатичасового перехода мы остановились на отдых в Дабанчэне.

Дальше караван экспедиции шел песчаной равниной, покрытой соляной коркой. Порывы пронизывающего ветра с северо-востока нагнали тяжелые черные тучи; вскоре разгулялся песчаный шторм. Едва мы успели поставить палатки, как на лагерь обрушилась лавина песка и камней. Чтобы ветер не сорвал палатки, пришлось целых два часа не выпускать из рук опорные шесты и канаты. Утром, ветренным, но ясным, так похолодало, что все мы надели тулупы.

Вот и Урумчи. С вершины невысокого горного хребта хорошо была видна столица Синьцзяна на берегу реки Урумчи. С трех сторон к городу подступали цепи Восточного Тянь-Шаня, на востоке белела могучая Богдо-Ола⁸⁸, впервые обследованная братьями М. Е. и Г. Е. Грум-Гржимайло⁸⁹ в 1889—1890 годах. При приближении к Урумчи на дороге словно из-под земли появились всадники и вереницы верблюдов и лошадей. За растянувшимся обозом брели солдаты в темно-серых мундирах. Скрип повозок, топот копыт и пронзительные крики погонщиков прямо-таки оглушали. Оказывается, между Синьцзяном и Ганьсу началась война и генерал-губернатор спешно перебрасывал подкрепления на границу провинции.

У ворот отведенного для экспедиции дома к нам подошел китайский офицер и хотел реквизировать повозки для военных нужд. После долгого спора удалось убедить его повременить с этим*. Вечером нас пригласили на званый ужин в местное отделение фирмы Бреннера Броса. За столом обсуждались военные приготовления генерал-губернатора, пославшего около десяти тысяч солдат на границу с Ганьсу, чтобы воспрепятствовать наступлению маршала Фэн Юйсяна и его союзников. Говорили, что неподалеку от Урумчи проходят подготовку новобранцы, а в арсенале спешно приводится в порядок оружие...

Атмосфера в Урумчи была заряжена беспокойством, на границах провинции сгущались грозовые тучи.

* Н. К. Рерих записал в своем дневнике в этот день: «Низкий белый дом. Две компаты и прихожая. Но вот затруднение: для нашего внедрения выселили двух русских, это так неприятно... Оказывается, в Урумчи все переполнено. Домов нет. Придется стоять в юртах за городом. Тем лучше. Юрий с Гмыркиным скажут искать место для ставки. Ходят какие-то люди. Всем им настойчиво нужно знать, кто мы, откуда, зачем, надолго ли, сколько людей с нами, что в ящиках?» (там же, с. 194).

УРУМЧИ И ДЖУНГАРИЯ

Поскольку наш дом и подворье не давали возможности разместить всех сотрудников, грузы и лошадей, мы решили подыскать другое жилище — трудное, почти безнадежное дело в густонаселенном Урумчи.

Прежде всего было решено нанести визит министру почт Синьцзяна Кавальери, итальянцу по национальности. К его комфортабельному дому, находившемуся поблизости от резиденции генерал-губернатора, пришлось ехать через мусульманский квартал и мимо бывшей русской концессии. Снег растаял, черная грязь налипала на копыта лошадей и колеса повозок. В глаза сразу бросалось множество сновавших по улицам дунган и китайцев. Как нам рассказывали, дунгане еще недавно играли важную роль при дворе генерал-губернатора. Однако, в связи с воинственными намерениями генерала Ма из Синина, дунган Синьцзяна заподозрили в заговоре, и многие из них вынуждены были бежать из столицы, опасаясь гнева своего повелителя. В толпе заметно выделялись киргизы, наехавшие в город из соседних районов. На них были своеобразные, наподобие шлема, меховые шапки, тяжелые тулупы и кожаные сапоги. Среди солдатни, осаждавшей чайные и рестораны и предававшейся там азартным играм и пьянству перед отправкой на фронт, обращали на себя внимание своей выправкой и независимым видом калмыки...

Господин Кавальери был очень любезен с нами. Он слышал о наших затруднениях в Хотане и рекомендовал нам во время встречи с генерал-губернатором раз и навсегда исключить возможность дальнейших осложнений. Мы рассказали ему о препятствиях, мешавших нашей научной и художественной деятельности, и о том, что местные власти не в состоянии отличить живопись от картографии. Кавальери упорно советовал идти в Пекин через Чугучак и Сибирь, так как считал, что это единственный безопасный путь для иностранцев. Во время аудиенции он послал записку личному секретарю генерал-губернатора Чжу Дахэню, и тот сразу же откликнулся на просьбу. Чжу оказался приятным молодым человеком, хорошо владевшим русским и немного английским.

Мы рассказали ему подробно о наших затруднениях в Хотане и Карашаре. По-видимому, местные власти превышали свои полномочия, и это вызывало недовольство администрации Синьцзяна. Чжу сказал нам, что генерал-губернатор очень обеспокоен притеснениями экспедиции в его провинции и намерен встретиться с нами лично.

Мы откланялись и перешли в резиденцию генерал-губернатора, благо она находилась поблизости. Во дворе в одном месте мы увидели кучу солдатских фуражек, в другом — стоявшую в строю пехотную полуроту с горнистами и знаменосцами. Правительственный ямынь явно требовал ремонта: стекла во многих окнах первого этажа были

выбиты, их заменяла грязная бумага. Зато у входа стояли, грозно насупив брови, часовые с маузерами и саблями на боку.

Генерал-губернатор Янь Цзэнсинь принял нас в своем небольшом рабочем кабинете. Приветствуя нас, он привстал и предложил нам присаживаться поближе к столу. Было ему около шестидесяти пяти лет, но он казался старше из-за длинной седой бороды. На нем был простой серый пиджак, на голове — черная шапочка. Говорил он медленно, иногда повышая голос, чтобы подчеркнуть важность сказанного. Более пятнадцати лет правил Янь Цзэнсинь обширным краем, сумев удержаться на посту генерал-губернатора вопреки всем превратностям времени. Методы его управления отличались решительностью и суровостью, враги не осмеливались открыто выступать против него.*

Основная цель политики Яня состояла в изоляции Синьцзяна. Поддерживая внешне дружественные и лояльные отношения с пекинским правительством и регулярно высылая налоги, он тем не менее не терпел никакого вмешательства в дела провинции. Границы Синьцзяна были фактически закрыты: ко всем приезжим, даже к китайцам из собственно Китая, подручные Яня относились с большим подозрением и часто арестовывали их и выставляли вон. Особенно не любил генерал-губернатор китайцев, которые, получив образование в зарубежных университетах, пропагандировали «крамольные» идеи в Китае.

Янь не мог представить себе Китай живущим по-современному. Он считал провинцию своим личным владением, его администрация была настроена реакционно и по своим деловым качествам уступала даже старой бюрократии времен империи. Политика полной изоляции постепенно удушала провинцию, отражаясь прежде всего на развитии промышленности. Запрещая открытие фабрик и заводов, Янь стремился не допустить образования пролетариата в Синьцзяне и изменений в социальной структуре провинции.

В своей решимости держать Синьцзян в изоляции этот правитель дошел до того, что не позволял даже строить хорошие дороги и использовать автомобили и самолеты для связи с внешним миром. Радиостанции в Урумчи и Кашгаре и телеграфная линия, связывавшая Синьцзян с Китаем, находились под контролем властей, частным лицам почти не разрешалось пользоваться радиоприемниками. Издание газет и журналов запрещалось, иностранные журналы и переписка подвергались предварительному досмотру. Очень часто газеты и журналы изымались из продажи и уничтожались. Такими крутыми мерами создавалась видимость спокойной жизни в провинции.

Кроме этих «деяний» Янь «прославился» расправами над своими врагами. В Урумчи мы послушали немало разных рассказов об обе-

* Свою «решительность» Янь продемонстрировал и в отношении экспедиции. Именно во время беседы Яня с Н. К. Рерихом полицейские агенты обыскали багаж художника и допрашивали Е. И. Рерих. См.: Н. К. Рерих. Указ. соч., с. 195.

дах, которые сопровождались кровопролитием*. Уже давно народ роптал, и даже среди чиновников росло недовольство режимом. В 1924 году по приказу генерал-губернатора был схвачен и казнен дитай Кашгара генерал Ма — двоюродный брат знаменитого Ма Ци, пограничного верховного комиссара и наместника Синина, правившего на китайско-тибетской границе с 1915 года. Ходили слухи, что генерал Ма собирается идти на Синьцзян. Поэтому Янь был вынужден мобилизовать войска и укрепить границу Синьцзяна с Ганьсу. Трудно сказать, насколько серьезными были эти военные приготовления. Приезжавшие из Ганьсу рассказывали, что войска в Синьсинься⁹⁰ находятся в ужасном состоянии и масса солдат дезертирует, сея панику среди населения.

И в то же время Янь считал себя еще и писателем! В Британском музее можно ознакомиться с его мемуарами и указами, составившими солидный трехтомник.

Два года спустя мы узнали, при каких обстоятельствах закончилось «царствование» генерал-губернатора Янь Цзэнсиня. 7 июля 1928 года его застрелил телохранитель Фань Яоханя, комиссара Синьцзяна по иностранным делам. По сообщениям из Китая, это случилось во время церемонии вручения премий в административной школе. Весьма возможно, что Янь пал жертвой тщательно подготовленного заговора. Сразу же после покушения Пекин назначил Фаня генерал-губернатором Синьцзяна, но судьба обернулась против него. Прибыв во дворец генерал-губернатора для исполнения своих высоких обязанностей, он был схвачен и брошен в тюрьму личным секретарем покойного правителя. Дочь Фаня тоже заточили в тюрьму, большинство его сообщников казнили. Спустя несколько дней после ареста Фань Яоханя и его дочь приговорили к казни посредством расстреливания на 10 000 кусков, причем отца заставили наблюдать муки дочери. Кончилось все тем, что, пока из Нанкина не прибыл вновь назначенный генерал-губернатор, всеми делами в провинции управлял временный совет сановников.

Мы долго беседовали с генерал-губернатором Янь Цзэнсином. Он заявил, что даоинь Хотана Ма Дажэнь совершенно никому не подчиняется, и образно сравнил Хотан с бандитским гнездом. По его словам, карашарские торгоуты сущие разбойники, поэтому ничего хорошего ждать от них не приходится. Когда же мы назвали имя главного виновника инцидентов в Карашаре — члена городского правления, лицо генерал-губернатора выразило удивление и он с осуждением покачал головой. Его превосходительство заверил нас, что здесь, в Урумчи, мы можем делать все, что нам захочется. В ответ на нашу

* Н. К. Рерих свидетельствует: «В 1913 г. правитель заподозрил измену своих восьми родственников. Поэтому он устроил парадный обед, пригласил всех должностных лиц и во время обеда собственноручно застрелил главного заподозренного, а стража тут же за столом прикончила семь остальных. В 1918 году дуту возымел злобу против одного из амбаней. Он послал опального в Хамн, а по пути амбане

Е. И. Рерих, Н. К. Рерих и Ю. Н. Рерих среди сотрудников
советского генерального консульства в Урумчи

просьбу вернуть экспедиции оружие он воскликнул: «Какая неприятность! Конечно, оружие будет вам возвращено. Вы, иностранцы, великие люди и должны прощать нас, маленьких людишек».

Мы рассказали Янь Цзэнсию о своих планах на будущее. Выслушав нас, генерал-губернатор заявил, что, по его мнению, единственный надежный путь в Пекин проходил через Сибирь. После поучительной аудиенции у генерал-губернатора мы отправились к Фань Яоханю, временно исполнявшему обязанности даоиня. Фань несколько лет учился в японском университете и считался хорошим дипломатом. Он обещал всемерно содействовать экспедиции, но тоже усомнился в отношении предполагаемого путешествия в Ганьсу и сказал, что было бы лучше получить разрешение идти через Сибирь.

В тот же день профессор Н. К. Рерих подал просьбу о разрешении на въезд в СССР*. Ему сказали, что ответ поступит примерно через две недели. Это время мы проводили в разъездах и встречах

был «заклеен бумагой» и таким необыкновенным путем задушен. В «Саду пыток» Мирбо это измышление зла было упущено» (см.: Н. К. Рерих. Указ. соч., с. 197).

* В Урумчи экспедиции Н. К. Рериха большая помощь была оказана генеральным консулом СССР А. Е. Быстровым, через которого велась переписка с Г. В. Чичериным. Николай Константинович так писал о Быстрове: «Вспоминаем Быстрова — исключительный тип нового человека. Крестьянин, отважный воин со

с местными чиновниками. Положение на границе с Ганьсу обострялось, по улицам Урумчи ежедневно проходили войска. Впереди походной колонны обычно шел оркестр, вслед за музыкантами — знаменосцы. Рядом с солдатами часто вышагивали мальчики лет двенадцати, которые несли на плече сразу три винтовки. Это означало, что они подменяли своих господ, в данный момент наслаждавшихся курением опиума в ближайшем ресторане. По синьцзянским законам состоятельные люди от службы освобождались, поэтому армия состояла из сброда, набранного по приказу генерал-губернатора в ночных клубах и игорных домах в городе и его окрестностях. Всех, кого там заставляли, тут же арестовывали и отправляли в казармы. Ежемесячное жалованье солдата не превышало пяти лан, или примерно трех мексиканских долларов, но очень часто вместо денег им выдавали опиум. Не на высоте было и вооружение армии, состоявшее из винтовок самых разных калибров и систем, что крайне затрудняло снабжение войск боеприпасами.

20 апреля начался сильный снежный буран, не прекращавшийся три дня. Резко похолодало, горы покрылись снегом.

25 апреля Фань Яохань пригласил проживавших в Урумчи иностранцев на банкет, который был дан в летнем дворце генерал-губернатора. Этот дворец примечателен огромным чугунным памятником у входа, воздвигнутым Янь Цзэнсинем в собственную честь, причем расходы по созданию и перевозке монумента из Китая в Урумчи легли на плечи «благодарных» жителей города.

5 мая Фань Яохань подтвердил, что единственно возможный путь экспедиции проходит через Сибирь, и мы окончательно решили двигаться к озеру Зайсан, а затем на пароходе в Омск.

10 мая город расцвистился флагами, солдаты прекратили военные учения. Пришли сообщения, что синьцзянский генерал Ма разбит тибетцами. Несколько месяцев назад дунганские кавалеристы разграбили богатый и почитаемый монастырь Лавран⁶¹, и «перерожденца» — настоятель монастыря был вынужден бежать в Кам, или Восточный Тибет. Лама разослал письма всем вождям на китайско-тибетской границе с призывом защитить монастырь от дунган. Племена выставили по два воина от каждого стойбища, и вскоре грозные тибетские эскадроны обрушились на аванпосты дунган. Оказавшись в критическом положении, генерал Ма бросил все свои боеспособные части против

всеми Георгиями на войне с 1914 года, природно интеллигентный, без суеверий и предрассудков, широко подвижный и разумно решительный. Россия может гордиться такими новгородцами» (Н. К. Рерих. Указ. соч., с. 219—220).

Тогда же Н. К. Рерих спроектировал пьедестал для бюста В. И. Ленина, который предполагалось установить во дворе консульства. В связи с запретом Янь Цзэнсиня Николай Константинович отметил: «Так обидно, что имя Ленина не удалось написать на подножии «запрещенного» памятника. Ведь к этому имени тянется весь мыслящий Восток и самые различные люди встречаются на этом имени» (там же, с. 210).

наступавших тибетцев, и напряжение на границе с Ганьсу немного спало.

11 мая мы беседовали с доктором В. Фильхнером⁹², автором нескольких книг о Северо-Восточном Тибете и Китае. Он рассказал нам о произволе местных властей, не понимавших и не признававших целей геофизических исследований в Центральной Азии.

13 мая генерал-губернатор дал в нашу честь завтрак. Янь сообщил, что документы будут готовы на следующий день, и пожелал экспедиции счастливого пути. Выданный вскоре паспорт являл собой лист длиной в шесть футов, в котором, помимо перечня личного состава и снаряжения, подробно излагались художественные и научные задачи нашей экспедиции. Оружие нам вернули только накануне отправления.

16 мая мы вышли из Урумчи, разместив свой скarb на трех телегах. Погрузка отняла много времени, к тому же у возницы оказался очень тяжелый характер. Путь из Урумчи в Чугучак и Дурбульджин часто описывался в литературе. Выйдя за пределы Тянь-Шаня, мы вступили в замкнутый Джунгарский бассейн, страну песчаных степей, соленых болот и озер. Именно отсюда почти две тысячи лет подряд катились волны миграций кочевников, копытами своих лошадей вытаптывавших целые цивилизации. Не одно и не два столетия пространство между Тянь-Шанем и степями Прикаспия и Причерноморья оглашалось воплями скачущих орд, а мы до сих пор не в состоянии выявить истоки этого могучего движения народов...

Смещение одного камня в горах часто вызывает грандиозные обвалы. То же мы видим и в истории Азии. Вот одно племя переживает период подъема, непрерывно вторгаясь на пастбища своих соседей. Вот путем завоеваний и набегов оно спланивает вокруг себя соседние племена... И вот вздымается мощная волна нашествия, несущая с собой разрушения и голод во многие страны Европы и Ближнего Востока. Эти потрясения, которые современники называли божьим наказанием, не только сопровождали закат классического мира, но и возвестили о начале средневековья. Сильный шок от монгольского нашествия, повергнувшего в ужас всю Европу, наложил отпечаток на умонастроения эпохи, вплоть до периода позднего Ренессанса.

Могучие кочевые империи появились и канули в вечность, не оставив после себя ни величественных памятников, ни письменных источников. Все, что мы знаем о них, это следы, которые они оставили в соседних странах, совершая свои переходы. До последнего времени история кочевой культуры была для нас закрытой книгой, и ее метеоритный блеск только раздражал любопытство ученых. Да и ныне археология Центральной Азии находится в зачаточном состоянии и сотни древних могильников, разбросанных в просторах азиатских степей, все еще ждут лопат археологов. На наших глазах возникает

новая отрасль исторической науки, задачей которой станет познание законов, обусловивших возникновение кочевых государств, и изучение реликвий великого прошлого*.

В программу исследований нашей экспедиции входили регистрация и изучение могильных курганов и других следов кочевой культуры вдоль северной границы Тянь-Шаня, Нефритовых гор и Алтая. Исторические памятники на великих торговых путях к югу от Небесных гор неоднократно исследовались археологами, и надежды совершить открытия здесь почти не было. Оставалось искать на непроходимых тропах, и искать там, где неустойчивая погода и разбой до сих пор препятствовали проведению интенсивных раскопок.

...Лето быстро вступало в свои права, начиналась жара. Вдали мерцали миражи, безоблачное небо сияло над пустыней.

17 мая мы сделали остановку в Манассе, небольшом городке, окруженном разрушенными деревнями и фортами, этим напоминанием о дунганском восстании 1864 года. На каждом этапе пути наши документы проверяли местные чиновники. Песчаные участки, поросшие тамариском, перемежались широкими поясами зарослей, где водилась дичь.

24 мая показались волнистые очертания Нефритовых гор. Дорога в Чугучак считалась небезопасной из-за частых нападений в узких ущельях. Все горные переходы тщательно охранялись китайскими солдатами и местной милицией, и тем не менее разбой не прекращался. Несколько недель тому назад здесь убили богатого торговца из Кульджи, хотя его личный конвой насчитывал не менее сорока вооруженных солдат. Нам довелось постоянно вести разведку местности, зорко наблюдая за странными всадниками, то и дело появлявшимися и исчезающими на гребнях ближайших гор. Особенно опасным слыл переход через ущелье Гундесин, который совершался обычно ночью.

Постепенно мы приближались к обширному горному району Тарбагатай. В 1863—1873 годах Тарбагатай и близлежащие Нефритовые горы заселили олёты — калмыцкие племена, пришедшие с юга. Вскоре неподалеку от Дурбульджина все чаще стали попадаться калмыцкие стойбища, где мы видели даже несколько кочевых монастырей в юртах.

26 мая экспедиция была в Дурбульджине, небольшом городке к востоку от Чугучака — центра пограничной торговли, а на следую-

* Советскими исследователями накоплен обширный материал по истории кочевых цивилизаций Центральной Азии, объяснен механизм возникновения племенных объединений и государственных образований в Великой степи, изучены сложнейшие процессы социального, политического и культурного развития степняков от глубокой древности до наших дней, а также причины их миграций и войн. Читатель может обратиться к фундаментальным монографиям и сборникам статей, вышедшим за последние два десятилетия (например, к трудам В. В. Бартольда, А. П. Окладникова, С. Л. Тихвинского, С. И. Руденко, В. М. Массона, Е. И. Кычанова, М. И. Артамонова, Н. Ц. Мункуева и др.) и получить исчерпывающие ответы на вопросы, поставленные Ю. Н. Рерихом.

ший день выступила в направлении сибирской границы. Дорога проходила по волнистым холмам, покрытым великолепными пастбищами. Здесь жили почти одни киргизы, хотя поблизости стояло немало калмыцких лагерей. Мы миновали несколько киргизских кишлаков в хорошо защищенных от ветров боковых долинах и обратили внимание на огромные табуны лошадей и стада рогатого скота. Не случайно в этой благодатной местности можно встретить могильные курганы, окруженные оградами из каменных плит, и другие следы кочевого прошлого.

Начальник китайского таможенного поста оказался совершенно безграмотным парнем, и мы с трудом втолковали ему содержание толстого свитка. На следующий день, 28 мая, в сопровождении сильной охраны экспедиция направилась к границе, район которой считался особенно опасным из-за нападений шаек грабителей. Два дня мы провели на советских пограничных постах, завершая все формальности, и 1 июня на пароходе «Лобков» отплыли с Зайсана⁹³ в Семипалатинск и Омск*.

МОНГОЛИЯ

Наш экспресс мчался по равнинам Сибири, покрытым девственными лесами.** Ранним утром поезд миновал Иркутск с его кафедральным собором, четко выделявшимся на фоне предзвездного неба, и вскоре перед нами распахнулась ширь великого Байкала. Всех нас поразила суровая красота горных цепей, окружавших озеро. Мы въезжали в Бурятию, на вокзалах все чаще мелькали фигуры бурят в остроконечных меховых шапках и голубых халатах. Поздно вечером поезд прибыл в столицу Бурятской автономной республики Верхнеудинск***. Здесь мы провели три дня.

Ранним утром 9 сентября экспедиция выехала из Верхнеудинска на двух «доджах». Мы благополучно переправились через широкую Селенгу на пароме и взяли курс на Троицкосавск. Местность становилась лесистой, мы ехали по опушкам великолепных сосновых боров. День выдался пасмурный, с моросящим дождем и холодным ветром. Объезжая лужи на дороге, часто приходилось ехать по степи. На всем протяжении от Верхнеудинска до границы мы не видели ни

* После того как экспедиция Н. К. Рериха была вынуждена прервать исследования в Снъцзяне, художник и его спутники добрались до Омска, а оттуда выехали в Москву. Здесь они пробыли с 13 июня по 22 июля 1926 г. В Москве Н. К. Рерих встречался с А. В. Луначарским и Г. В. Чичериным. Видные деятели Советского государства заинтересованно отнеслись к планам художника и обещали оказать ему необходимую помощь. 22 июля Рерихи отбыли на Алтай, а с Алтая в начале сентября — в Улан-Удэ и затем в Монголию.

** Глава публикуется с сокращениями.

*** С 1934 г. — Улан-Удэ.

души, если не считать одного бурята-всадника да бурята, ехавшего в маленькой двуколке.

Днем мы миновали Гусиное озеро, на берегу которого стоит Гусиноозерский монастырь, или дацан. Этот монастырь является резиденцией бурятского бандидо-хамбо; здесь есть типография, выпускающая прекрасные ксилографы. Вскоре мы подъехали к Селенгинску, где когда-то отбывали ссылку декабристы. В нескольких милях от Селенгинска нам снова пришлось переправляться через Селенгу, но уже не на пароме, а на лодках. Машины мы перевозили по очереди, причем один «додж» едва не сорвался в реку из-за неосторожности водителя.

Ландшафт менялся на глазах. Дорога, проложенная в долине, петляла среди низких холмов, покрытых сосновыми лесами. Мы ехали очень медленно, придерживая машины на спусках. Кроме того, у одного «доджа» не включались фары, что очень затрудняло продвижение. Около полуночи в полной темноте мы въехали в Троицковск и направились к гостинице.

На следующий день экспедиция была уже на пограничном посту. Когда со всеми формальностями было покончено, мы пересекли границу. У монгольского поста один из солдат сел в машину и проехал с нами до города Алтан-Булака, известного прежде под китайским названием Маймачэн.

Монгольский пограничный комиссар был в отъезде, и нам пришлось дожидаться его в управлении. В комнатах небольшого деревянного дома стояли длинные столы, за которыми сидели монголы-служащие. На них были халаты, подпоясанные широкими красными и желтыми кушаками, и меховые сапоги с загнутыми носами, или гуталы. Монголы невозмутимо курили длинные трубки и внимательно рассматривали нас. Один из них расхаживал по комнате, останавливаясь перед нами и задумчиво произносил: «Америка». Другой служащий, молодой бичэчи, или секретарь, уставившись в развернутый свиток, читал вслух. Благодаря этой привычке монгольских служащих можно безошибочно найти местное управление: из его открытых окон и дверей всегда доносится жужжание голосов.

Около четырех часов дня мы отправились в дальнейший путь. Экспедиция переступила великий географический рубеж: позади остались таежные просторы Сибири, впереди лежали степи Центральной Азии. Местность, по которой мы ехали, казалась почти необитаемой. Но вот навстречу вам скачет монгол. Он в ярком кафтане, высокой шапке, лихо заломленной и открывающей загорелое лицо с тонкими чертами. Всадник на мгновение останавливается, бросает на нас любопытный взгляд и исчезает в степи. А завтра в радиусе нескольких сот миль все будут знать, что здесь проезжали на двух алтэргэ, или «огненных телегах», какие-то иностранцы. Для монгола покрыть сотню миль, чтобы навестить друга, — в порядке вещей. Я уже давно заметил, что в Центральной Азии новости разносятся

быстрее, чем где-либо. И все же к Монголии непросто привыкнуть: едешь часами — и не видишь никого, кроме рабочих, строящих новое шоссе из Кяхты в Улан-Батор.

Вечером в полной темноте мы достигли реки Иро, одного из притоков Селенги. На противоположном берегу стояли монгольские юрты, в которых жили рабочие. Переправившись на пароме через реку, экспедиция расположилась поблизости от них. Ночь выдалась холодная, мы развели костры. С реки напал туман, на юге вздымались мрачные силуэты гор. В соседнем монастыре ламы протрубили в раковины: началась вечерняя молитва.

Здесь, на берегах реки Иро, недавно родился мальчик, появление на свет которого сопровождалось знаменем: его мать-шаманка слышала таинственные голоса, а сам ребенок произносил удивительные предсказания о славном будущем Монголии. Весть об этом мгновенно распространилась по всей Монголии, и ламы везде говорили о приходе нового воплощения Джэбдзун-Дамба-хутухты⁹⁴. Монгольское правительство даже создало комиссию для проверки этих слухов и, чтобы успокоить население, распорядилось вывесить в Улан-Баторе специальные объявления. Однако бороться со слухами с помощью печати порой бывает нелегко, и вести о новом богдо-гэгэне продолжали волновать умы верующих монголов*. Этот мальчик — не единственный кандидат на престол покойного богдо-гэгэна⁹⁵. Есть еще один, родившийся во Внутренней Монголии**, который учится сейчас в одном из монастырей около китайской границы.

Мы сняли лагерь еще до рассвета. Дорога была ужасна, машины то и дело застревали в грязи, и нам приходилось их вытаскивать. С вершины перевала, на который мы поднялись, открылся чудесный вид на широкую долину Баян-Гола. У небольшой речки с топкими берегами стояли табором шоферы из Улан-Батора: при попытке найти брод вода залила двигатели, и машины застряли. Они отговаривали нас, но мы решили рискнуть. Сложив багаж в кузов и покрыв радиаторы брезентом, мы привязали к бамперам канаты, а сопровождавшие нас монголы закрепили концы на луке седел. Потом все уселись, водители включили зажигание, лошади поплыли к противоположному берегу. Вскоре «доджи» благополучно достигли цели.

За Баян-Голом лежали прекрасные пастбища. На склонах гор

* После смерти последнего богдо-гэгэна в 1924 г. конституционная монархия в Монголии была отменена, но верхушка ламаньской церкви и поддерживавшие ее феодальные круги не оставляли надежд вернуть утраченные позиции. Слухи о «перевоспещении» Джэбдзун-Дамба-хутухты распространялись врагами народно-демократического строя, эксплуатировавшими религиозные предрассудки значительной части аратов.

** Т. е. на территории Китая, в Южной Монголии. Эта часть Монголии получила наименование Внутренней Монголии после завоевания ее маньчжурами в 1634 г. Халха, или Северная Монголия, стала называться Внешней Монголией после 1691 г., когда северомонгольские феодалы признали маньчжурский сюзеренитет. См. об этом: Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики. М., 1980.

паслись табуны лошадей и стада верблюдов. Перевалив через горную гряду, экспедиция оказалась в широкой долине Хара-Гола, притока Селенги. Ночевали мы у моста. Было очень холодно, утром лужицы покрылись тонкой коркой льда.

Местность, по которой пролегал наш путь, всегда вызывала восторги путешественников. Особенно прекрасны отроги Хэнтэя, где выдающийся русский исследователь Центральной Азии П. К. Козлов⁹⁶ сделал свои замечательные открытия древних тканей*. Дорога, проравшись сквозь горы, выходит в широкую долину реки Толы, к югу от которой возвышается величественная Богдо-Ула, и спустя некоторое время путник въезжает в Улан-Батор...

Нам посчастливилось найти небольшой четырехкомнатный дом с двумя просторными дворами и конюшнями. Здесь нет возможности описывать разнообразную ежедневную деятельность нашей экспедиции. Надо было готовиться к длительному путешествию по Центральной Азии, через Монголию и Тибет в Индию, и тщательно изучить маршрут. Кроме того, профессор Н. К. Рерих писал картины, отражающие жизнь и чаяния Монголии.

Улан-Батор — город резких контрастов, типичных для страны, избравшей путь коренных реформ. Находится Улан-Батор у места слияния рек Толы и Сельбы, примерно в ста семидесяти милях от сибирской границы. Он расположен на территории Тушетуханского аймака, или провинции, в широкой долине реки Толы, протянувшейся на двадцать миль с востока на запад и на девять миль с севера на юг. Над долиной возвышается Богдо-Ула, через которую проходит южная граница лесов этой части Монголии. На востоке долину прикрывают пологие отроги хребта Баян-Хутула, заметно поднимающиеся в сторону Улан-Батора. На севере лежат сильно пересеченные системы Чингилту-Улы и ее северо-западного ответвления Далап-Дабхура. На западе высятся горы Сангийн-Улы. В верховьях Толы долина открыта на юго-запад. На берегах реки, у подножия Богдо-Улы и в направлении гор Сангийн-Улы изредка встречаются небольшие рощи. Величественные горы Богдо-Улы — подлинный национальный парк Монголии, где, начиная с XVIII века, запрещены рубка деревьев и охота. Это место считается священным, прежде здесь совершались жертвоприношения.

Для естествоиспытателя лесной заповедник Богдо-Улы представляет огромный интерес. Здесь, на лесных склонах священной горы, он может изучать флору Монголии и наблюдать жизнь многих животных, почти исчезнувших в других районах страны. Закон, запрещающий охоту на зверей и рубку деревьев, действителен и при новом, республиканском правительстве Монголии.

* Известный русский и советский исследователь Центральной Азии П. К. Козлов в 1923—1926 гг. проводил исследования в Монголии. Открытие им ноён-улинских погребений гунской знати явилось событием мирового значения. Осенью 1926 г. встречался в Улан-Баторе с Н. К. Рерихом.

Улан-Батор занимает обширную площадь. В центре его находится собственно город, со всех сторон окруженный множеством юрт, где в холодную зиму живет большинство горожан. Раньше Улан-Батор был известен как Урга, что соответствует монгольскому слову «урго» (т. е. ставка). Но монголы никогда не употребляли это название, хотя возможно, что оно существовало еще в древности, когда долина Толы была резиденцией важных сановников. Монголы неизменно называли город Их-хурэ, что значит «Великий монастырь», а в обиходе просто Хурэ. В ноябре 1924 года Великий Народный Хурал Монголии переименовал Ургу в Улан-Батор-Хато, или «Город Красный Богатырь»*. Однако старое название еще не забылось.

Самые первые исторические справки об Урге, относящиеся к 1649 году, можно найти в монгольской хронике «Эрденийн Эрихэ»**. Там говорится, что первый халхаский Джэбдзун-Дамба-хутухта, возвратившись из Тибета, основал в Их-хурэ семь монастырских факультетов, или дацанов. Их-хурэ в долине реки Толы был, вероятно, только временной резиденцией знатного халхасского «перерожденца». Известно, что его преемники жили в разных районах Внешней Монголии. Да и сам Ундэр-гэгэн не имел постоянного местопребывания и с 1719 года то и дело перекочевывал с места на место. В 1741 году постоянной резиденцией хутухты стал Их-хурэ, или Урга, и с этого времени начинается расцвет монастыря. В 1756 году была основана первая теологическая школа для изучения цанит, или высшей метафизики буддизма⁹⁷. Эта школа имела право присуждать ученые степени, и в монастырь стекались ламы. Постепенно Урга превратилась в постоянное поселение; вскоре в окрестностях монастыря возникли русская и китайская торговые колонии. Со временем Урга стала религиозным и административным центром Монголии. В XIX веке значение ее еще более возросло в связи с развитием русско-китайской торговли. В 1861 году здесь открылось русское консульство. В 1919 году Урга была официально объявлена столицей Автономной Монголии. Современный Улан-Батор также является столицей Монгольской Республики, провозглашенной в 1924 году. Такова вкратце история этого города.

Каждый вновь прибывший в Ургу не может не обратить внимания на ее полуоседлый, полукочевой облик. Город возник в переходный период, когда страна еще была отсталой, но уже приобщалась к цивилизации. В границах древнего поселения формируется новый город. Между величественными храмами, крыши которых сверкают в лучах яркого монгольского солнца, разбросаны выдавшие виды юрты. Высокие деревянные палисадники, ограждающие большинство домов, и красные ворота, различающиеся только маленькими дощечками с

* Это название было принято Великим Народным Хуралом Монголии по предложению представителя Коминтерна.

** Т. е. «Драгоценные четки». Составлена хроника халхаским князем Галданом в 60-х годах XIX в.

номерами, теснят и без того узкие улицы. Если подворье принадлежит монголу или буряту, то около дома стоит одна или несколько юрт. Монголы живут в доме только летом; на зиму они перебираются в теплые юрты с деревянным полом и железной или кирпичной печкой. В зажиточных семьях эти войлочные жилища расшиты по краям широким белым войлочным орнаментом. В юртах можно часто увидеть стеклянный ящик со священными изображениями, служащий алтарем, перед которым стоят «восемь счастливых», то есть семь металлических чаш с священной водой и зажженный светильник, или чокунг, посередине. У богатых чаши серебряные, у остальных простые медные. У некоторых верующих монголов есть хорошие собрания религиозной литературы, приобретенной за большие деньги в Тибете, обычно в Лхасе, Гумбуме⁹⁸ и Лавране. Однако большинство этих изданий, особенно Ганчжур и Данчжур, низкого качества. Отдельные страницы сплошь залиты типографской краской, многих вообще недостает. Эти книги гораздо лучше издают в Дэрэ, обычно на плотной бумаге, набирая текст на типографских машинах, и они не столь массивны, как нартанские издания. Искусство книгопечатания пришло в Тибет из Китая*. Первые тибетские книги были изданы в Пекине в 1069 году, а первый тибетский Трипитака⁹⁹ появился, по-видимому, между 1311 и 1319 годами. Последнее нартанское издание Ганчжура и Данчжура датируется 1747 годом. С течением времени многие деревянные шрифты стерлись, и несколько лет назад далай-лама распорядился вырезать новые в типографии дворца Потала¹⁰⁰. Говорят, что новый потальский Ганчжур будет состоять из ста восьми томов, но неизвестно, не уступит ли он по качеству прежним изданиям.

Юрты образованных монголов освещены электричеством, но европейская мебель в них встречается редко. Монголы обычно сидят на корточках у очага или на толстых матрацах вдоль стен юрты. Скарб хранится у входа в больших деревянных сундуках, окрашенных в ярко-красный, желтый или голубой цвета. Многие европейцы живут в таких юртах, так как в них очень тепло зимой и можно укрыться от ветров, свирепствующих в долине Толы. Недавно были предприняты попытки использовать форму юрты при строительстве каменных зданий и, таким образом, создать национальный стиль в архитектуре. На широкой площади Улан-Батора поднялось своеобразное здание с огромным куполом, возлежащим на низких стенах. Все сооружение напоминает гигантскую монгольскую юрту. Снаружи здание украшено изображениями «восьми счастливых знаков». Это национальный монгольский театр и народный клуб. Во время нашего пребывания в Улан-Баторе здание еще строилось, и я не бывал внутри помещения.

* Как показывают новейшие исследования, книгопечатание в Тибете возникло не позднее XII в., но ксилография стала известна народам Центральной Азии еще в VII—IX вв. В Китае же книгопечатание появилось только в X в. и достигло расцвета в XI—XIII вв.

И все же мне кажется, что это куполообразное сооружение не отвечает современным требованиям, в лучшем случае напоминая мусульманскую мечеть, но без ее поразительно точных линий.

На северо-западе Улан-Батора находятся рынок и торговые кварталы. Здесь сосредоточены все главные торговые учреждения столицы: правление Монгольского центрального и Улан-Баторского кооперативных обществ и несколько частных магазинов, в основном филиалы харбинских фирм. Немного в стороне, около монастыря Гандан, раскинулся большой торговый квартал. Узкие улочки зажаты здесь между высокими каменными стенами; на огромных воротах вывешены названия фирм с надписями на китайском, монгольском и тибетском языках. Лавки и склады укрыты во дворах, вдали от шума улиц; дворы, как правило, чистые, а лавки очень уютные. На западном конце квартала ютятся лавчонки ремесленников, серебряных дел мастеров, металлистов, плотников, гробовщиков, портных и торговцев мехами. Здесь же находятся магазины, в которых продаются книги религиозного содержания и произведения искусства. По концам улиц высятся ворота. Когда их запирают на ночь, квартал сразу превращается в крепость. Вокруг торгового центра и рынка разбросаны бесчисленные домики и лачуги, в которых обитает большинство населения Улан-Батора. На некоторых улицах и двум всадникам не разминуться. Можно представить, что здесь происходит, когда по улочкам, утопая в грязи, проползает автомобиль.

В последние годы городские власти делают все, что в их силах, для улучшения санитарного состояния Улан-Батора, но работы предстоит еще много. На улицах не проложены тротуары, в городе нет канализационной сети и водопровода, воду приходится носить с Толы. Весной вода в реке обычно грязная, с неприятным запахом, и только благодаря сухости климата здесь не вспыхивают эпидемии. По улицам бродят своры бездомных собак. Власти пытались бороться с этим злом, но не встретили поддержки со стороны жителей, считающих за грех убивать животных. Тогда был найден выход из положения: собак загнали за деревянную ограду и перевели на иждивение казны. Однако и эти меры не освободили город от напасти. Однажды мне пришлось отбиваться от собачьей своры. Хотя я и был в седле, псы пытались стянуть меня за ноги, но, к счастью, все обошлось благополучно.

Улан-Батор является главным торговым центром страны. В 1922 году в Монголии развернулось кооперативное движение; в настоящее время Монгольское кооперативное общество, или Монценкооп, насчитывает 26 филиалов, 102 небольших отделения и четыре агентства в Москве, Тяньцзине, Калгане и Хайларе. Монгольское правительство оказывает кооперативам финансовую помощь. В 1923—1924 годах импорт Монценкоопа исчислялся в сумме 531 000 мексиканских долларов, экспорт — 523 000. Государственный план на 1927 год предусматривает доведение экспорта до двух миллионов тугриков (по обменному курсу 1926 года один тугрик равен одному мексиканскому долла-

ру), а импорта — до трех миллионов трехсот тысяч тугриков. До сих пор импорт значительно превышал экспорт. В целях укрепления экономики страны в Алтан-Булаке была построена сыромятная фабрика, которая обошлась государству в 420 000 тугриков. Эта фабрика снабжает армию и население кожаными изделиями (седлами, сапогами и т. д.), а также овчиной и теплыми войлочными ботинками. Говорят, что правительство собирается построить еще одну сыромятню, чтобы увеличить выпуск продукции. Кроме того, обсуждается возможность строительства кирпичного и металлургического заводов. Для финансирования этих предприятий решено основать Монгольский государственный банк. Из правительственного отчета за 1926 год видно, что проявляется забота об освоении природных ресурсов страны и должны быть изданы законы, ограничивающие предоставление концессий иностранцам.

Со времени гражданской войны 1918—1922 годов количество земледельцев в стране значительно сократилось. Площадь угодий, обрабатываемых монголами, невелика, и правительство проводит целенаправленную политику по оказанию помощи монголам-земледельцам.

Другая серьезная забота монгольского правительства — это улучшение пород рогатого скота. По данным 1926 года, в стадах Монголии его насчитывалось 19 211 736 голов. Монголы с незапамятных времен занимаются скотоводством и коневодством, но за выносливыми от природы монгольскими животными долгое время не было хорошего ухода. Селекцией их никто не занимался, хотя постановка таких исследований жизненно важна не только для самой Монголии, но и для соседних стран, зависящих от монгольского экспорта. Если правительству Монгольской Народной Республики удастся добиться успехов, Монголия вскоре может стать одним из крупнейших скотоводческих районов Центральной Азии.

Улан-Батор связан автомобильными дорогами с важнейшими районами Монголии и пограничными районами Сибири и Китая. Главные дороги — это Улан-Батор — Улясутай¹⁰¹ — Кобдо¹⁰² протяженностью в 900 миль, Кяхта — Улан-Батор — 180 миль, Улан-Батор — Маньчжурия (эта дорога связывает столицу Монголии с городом Маньчжурия на Китайско-Восточной железной дороге) — 800 миль и 800-мильный тракт Улан-Батор — Калган. В 1918 году между Ургой и Калганом было установлено регулярное автомобильное сообщение. Конечно, это не дороги в нашем понимании, и только строящееся шоссе из Кяхты в Улан-Батор отвечает современным требованиям. В основном же путешественнику приходится пересекать степи и песчаные пустыни, форсировать реки и преодолевать горные перевалы. До сих пор в Монголии нет железной дороги, но сейчас ставится вопрос о строительстве ветки Улан-Батор — Верхнеудинск.

После временного пребывания далай-ламы в Монголии в 1904 году в Урге было создано тибетское управление для охраны стад и цен-

ностей, пожертвованных первосвященнику монгольскими буддистами. Во главе его был поставлен донир¹⁰³. В его обязанности входило: представлять тибетское правительство и присматривать за личным имуществом далай-ламы, передавать в Лхасу важную политическую информацию, наблюдать за тибетской торговлей в Монголии и выдавать пропуска паломникам, идущим через Цайдам и Синин в Нагчу и Лхасу. При богдо-гэгэне проживающие в Монголии тибетцы находились в полном подчинении донира, и судить их мог только он. Основным наказанием была порка, но иногда преступнику разрешали внести выкуп, освобождавший его от телесного наказания.

Статус донира мало чем отличался от статуса наших консулов. Кроме того, донир надзирал за деятельностью богдо-гэгэна, поскольку хорошо известно, что буддийские власти Тибета были не очень довольны ургинским хутухтой и далай-лама уже несколько раз намекал ему о желательности возвращения в Тибет. Донир имел в своем распоряжении доверенных лиц, разъезжавших по стране и повсеместно собиравших пожертвования. Крупные денежные суммы сдавались на хранение в Да-хурэ-цзи-кхан, или Барун-сан, как тибетцы и монголы называют тибетское казначейство. Эти деньги часто пускались в оборот, принося большой доход ростовщикам, но недавно монгольское правительство запретило эти незаконные операции.

Тибетская торговля ведется преимущественно правительственными агентами, имеющими специальные лицензии. Этих агентов называют шунги-цзонпа, или правительственные торговцы.

В Улан-Баторе всегда существовала большая колония тибетцев. Среди тибетских лам немало врачей, пользующихся известностью в столице. Другие — «воплощенные» ламы монгольских монастырей, третьи — духовники, или наставники, крупных чиновников, на которых они оказывают значительное влияние*. Но многие ламы оставили

* Демократические преобразования в Монгольской Народной Республике, последовавшие после победы монгольской антимпериалистической и антифеодальной революции 1921 г., были длительными и сложными. Достаточно сказать, что к началу 20-х годов не менее 40—45% мужского населения страны составляли монахи. Только в 1925—1926 гг., на основе решений III съезда Монгольской народно-революционной партии, была проведена первая чистка партийных рядов, во время которой из партии были исключены классово чуждые элементы — феодалы, ламы и т. п. Вопрос о социальном составе партии стоял в повестке дня и IV съезда МНРП (1925). Но и после проведения этих важных мероприятий в руководстве МНРП и правительстве МНР оставалось немало деятелей, пытавшихся ослабить борьбу против церковных и светских феодалов проповедью отождествления марксизма-ленинизма с «обновленным» буддизмом.

Стремясь оказать помощь МНРП, Дальневосточный секретариат ИККИ в резолюции от 24 января 1927 г. советовал монгольским товарищам более четко определить свое отношение к ламскому вопросу и стремлению старого чиновничества закрепиться в аппарате монгольского государства.

Правые уклонисты были разоблачены на III Пленуме ЦК МНРП (октябрь 1928 г.) и окончательно разгромлены на VII съезде МНРП (23 октября — 10 декабря 1928 г.). См.: Роль и значение помощи международного коммунистического движения в становлении и развитии МНРП. М.—У.-Б., 1978, с. 160—172.

монашескую жизнь, женились на монголках и занимаются торговлей. Монголы называют их дало, или «вернувшие монашеские обеты»; последние образуют особую прослойку. Остальная часть колонии состоит из торговцев, поддерживавших торговлю между Улан-Батором, Пекином и Синином. Среди них можно встретить преступников, бежавших из Тибета и укрывшихся от суда на гостеприимной монгольской земле. Зажиточные лхасы имеют в Монголии своих посредников, торгующих от имени хозяев. В частности, такой представитель в Урге был у известного государственного деятеля Тибета Лончэн-Шатра. Этот человек нажил солидный капитал и считался одним из самых больших богатеев в тибетской колонии. Однако в годы гражданской войны, потеряв все свое состояние, он лишился рассудка. Я часто встречал его на улицах Улан-Батора. Облаченный в великолепный шелковый халат, в большой меховой шапке на голове, безумец скитался по базарам и, когда к нему обращались, повторял одну и ту же фразу: «Верните мне мои деньги». Как сие ни удивительно, но он помнил всех виновников своего несчастья. Позднее я слышал, что этот разорившийся торговец пытался покончить жизнь самоубийством и донир поставил у его юрты охрану.

До начала гражданской войны Тибет вел усиленную торговлю с Монголией, экспортируя изображения святых, лхасские благовония, блочные шрифты религиозных книг, меха, буддийские мантии и ценную пуру — высококачественную хлопчатобумажную ткань. Монгольский экспорт состоял в основном из шелка, европейских товаров, юфти, меховых изделий и русской парчи. Ныне эта торговля пошла на убыль.

На протяжении последнего десятилетия дороги, связывающие Тибет с Монголией, были небезопасными для торговых караванов. В 1926—1927 годах в Улан-Батор прошли только два каравана из Тибета, да и те доставили немного товаров. Судя по всему, традиционные торговые пути Центральной Азии ныне утрачивают свое значение.

В Улан-Баторе проживает немало китайцев, главным образом мучанов, или плотников, и тучанов, или рабочих, занятых в промышленности. Важную прослойку китайских ремесленников составляют сапожники, или по-монгольски гуталчи, которые шьют гуталы — высокие монгольские сапоги с загнутыми носками и торгуют дорогими орнаментированными сапогами калганской работы. Затем идут скорняки, или элдурчи, которые выделывают шкуры. Зажиточные монголы носят дорогие шелковые пальто с подкладкой из овчины. Монголы среднего достатка предпочитают тулупы из овчины местной выделки, совершенно незаменимые во время зимних путешествий по Гоби. Китайские портные, или цайфены, обслуживают в основном европейцев. Монголы, если они не отдают предпочтение иноземной моде, носят национальную одежду, которая, по их мнению, прочнее. Кроме того, в Улан-Баторе работают серебряных дел мастера, изготавливаю-

шие бронзовые и глиняные статуэтки святых для монастырей и частных лиц, а также серебряные жертвенные чаши и церковную утварь. Однако все эти изделия оставляют желать лучшего.

В Улан-Баторе есть также лавки, называемые на полутибетском, полукитайском языке Рибо-цзэ-нга-пу-цзу, где продаются изображения святых и предметы религиозного культа, изготовляемые в Долонноре¹⁰⁴ или в знаменитом монастыре Утайшанс. Здесь можно увидеть позолоченные бронзовые изображения Шахьямуни, главных идамов¹⁰⁵, номинальных божеств «желтой» секты будхисаттв Авалокитешвары, Манжушири и Майдари¹⁰⁶, Тары и основателя «желтой» веры Цзонхапы. Изображения из Утайшаня лучше долоннорских. Иногда встречаются раскрашенные статуэтки, выполненные по специальным заказам монгольскими художниками, или дзурачинами, но эти работы гораздо хуже камских и дэргэских. В богатых семьях хранятся великолепные образцы дэргэского или камского искусства. В лавках можно увидеть также различные жертвенные светильники, бумбы, или вазы, павлиньи перья, дамару, или бубны, незаменимые при исполнении тантрийских обрядов, большие трубы, или дунчжэны, раковины, тибетские и китайские благовония (особенно ценятся благовонные палочки из лхасского монастыря Сэра) и толстые тюфяки, на которых обычно восседают ламы.

За последние годы большие перемены произошли в духовной жизни монголов. В Улан-Баторе издается ежедневная газета на монгольском языке, а недавно на прилавках появились учебники для средних школ. За всем этим стоит неустанная деятельность ученого секретаря Монгольского научного комитета* доктора Ц. Ж. Жамцарано. Если принять во внимание скромные возможности местной типографии, то изданы эти учебники весьма неплохо. В стране постоянно растет спрос на книги, помогающие монгольской молодежи познавать окружающий мир. Приятно отметить это разбуженное стремление к знанию у народа. Нация, соединяющая в себе отвагу потомственных наездников со стремлением овладеть сокровищами культуры, имеет большое будущее.

Культурный подъем переживает и провинция. В отчете правительства за 1926 год говорится, что в настоящее время в Монголии около ста начальных школ, насчитывающих 2904 учащихся. Но разбросанность населенных пунктов и плохие пути сообщения осложняют нормальную работу учебных заведений. Проблема кадров стоит также очень остро, и все-таки страна делает большие успехи на поприще просвещения. По рассказам, еще несколько лет назад трудно было

* Ученый комитет (Книжная палата) Монголии был создан 9 ноября 1921 г. и сразу же установил дружественные отношения с Академией наук Советской России, от которой неизменно получал поддержку. С помощью советских ученых на монгольский язык было переведено около 50 научно-популярных книг.

В декабре 1930 г. преобразован в Комитет наук МНР (с 1961 г. — Академия наук МНР).

заставить детей кочевников сидеть за партой и изучать географию и естественные науки. Учащиеся скучали и то и дело убегали в просторы родных степей. Не следует, однако, думать, что монголы непокорны и недисциплинированы. Чувство дисциплины развито у них очень сильно, и, находясь в хороших отношениях со своими наставниками, в школе они становятся прилежными учениками, а на военной службе — прекрасными солдатами. Плохая посещаемость объяснялась тем, что школьная жизнь не отвечала представлениям о ней.

Большие надежды возлагаются на Оютын сургууль, или первый в Монголии народный университет, выпускающий учителей и будущих государственных служащих*. Его программа не очень обширна и в лучшем случае соответствует средней специальной школе. Юношей и девушек посылают также за границу для изучения сельского хозяйства и инженерного и военного дела. Некоторые уже вернулись и занялись перестройкой экономики Монголии на современной основе. Страна переживает переходный период: кочевники тянутся из степей в город; большие скопления юрт на окраинах Улан-Батора свидетельствуют о происходящих переменах в жизни Монголии. В свое время через эту стадию развития прошла и Европа, исторгнув многие тысячи людей из деревень в города.

Высшее научное учреждение Монголии — Монгольский научный комитет. Он же контролирует исследования иностранных научных экспедиций. Со временем комитет, несомненно, будет располагать ценными материалами и коллекциями. Уже сейчас создается национальный музей, значительную часть экспонатов которого составляет собрание покойного богдо-гэгэна, национализированное государством. Гордость музея могут стать уникальные ноён-улинские находки П. К. Козлова и полное собрание Данчжура, изданное на монгольском языке. Долгое время ученые сомневались в существовании Данчжура на монгольском языке.

Полное собрание Данчжура, являющееся теперь собственностью Научного комитета, было найдено в окрестностях Калгана. Помимо двух больших коллекций буддийских произведений с комментариями и хорошего собрания монгольских рукописей и книг в библиотеке Научного комитета также хранятся собрания тибетских комментариев. Большинство этих книг выпущено крупными издательствами Лаврана, Гумбума и Дэргэ, а также Лхасы и Шигагце, и число их продолжает расти. Во время нашего пребывания в Улан-Баторе хранитель отдела тибетской литературы Шакжи работал над большим монгольским словарем, который, несомненно, окажет неоценимую помощь всем ученым-монголоведам. Вообще Улан-Батор предоставляет уникальные возможности для изысканий ученых-тибетологов. Научные работники монгольской столицы, более доступной, чем Лхаса, всегда готовы помочь коллегам. Я испытывал истинное наслаждение, бесе-

* Монгольский государственный университет был открыт только в 1942 г.

дую с доктором Жамцарано, ученым секретарем Учкома, человеком обаятельным и глубоко эрудированным.

Недавно Научный комитет осуществил обширную программу исследований по истории Монголии. Были продолжены раскопки тумули, или могильников, в горах Ноён-Улы. Результаты их проливают новый свет на ноён-улинскую культуру и обеспечивают датировку находок П. К. Козлова. Древности Ноён-Улы имеют много общего с древностями Забайкалья, открытыми русским археологом Ю. Д. Талько-Гринцевичем¹⁰⁷ на самом восточном краю обширного пояса кочевой культуры, протянувшегося через Ми-

нусинск, Алтай, Иссык-Куль и аральско-каспийские степи. В поросших лесом долинах к северу от Улан-Батора разбросаны могильники степной знати. Большинство из них разрыты искателями сокровищ, многие вещи расхищены. Сейчас трудно установить, кому принадлежали эти захоронения: вождям сюнну или других племен.

Из находок П. К. Козлова особую ценность представляют несколько хорошо сохранившихся кусков ткани — первые из когда-либо обнаруженных изделий такого рода. В их очень сложном рисунке четко прослеживаются греческие, иранские, местные скифо-сибирские и другие элементы. Племена Центральной Азии поддерживали широкие связи с самыми разными народами. Найденная Козловым ткань очень напоминает шелк, обнаруженный Аурелом Стейном в Лоулане в Таримском бассейне и довольно точно датированный I веком до н. э. На одном из кусков ткани изображена схватка животных, а между ними священное дерево Месопотамии, что указывает на явно средиземноморское происхождение сюжета. Другие рисунки напоминают по стилю китайскую графику периодов Чжоу и Хань¹⁰⁸. В некоторых фрагментах прослеживается скифо-сибирский мотив, но чувствуется китайское влияние. По-видимому, китайские художники были хорошо знакомы с искусством кочевников и изготавливали различные предметы в их стиле, так же как это делали греческие художники для скифского населения Украины и Южной России. Несмотря на сложность искусства кочевников, мы можем утверждать, что существовал общий ис-

Металлическая бляшка, найденная
в ноён-улинских погребениях
гуннской знати

Металлическая бляшка из Дэргэ

точник, из которого черпали свое вдохновение художники Великой степи. Есть мнение, что этот очаг кочевой культуры находился где-то в самой Центральной Азии. В следующих главах мы расскажем об искусстве «звериного стиля»¹⁰⁹, существующем и поныне у племен Северного и Северо-Восточного Тибета.

Восторги всех путешественников неизменно вызывают золоченые крыши монастырей, сверкающие над монгольской столицей. Древнейший из них — Их-хурэ. Мы уже говорили, что это был центр, вокруг которого росла Урга, и резиденция Джэбдзун-Дамба-хутухты. В настоящее время Их-хурэ

разделен на двадцать девять монастырских школ.

Важнейшее из монастырских зданий Их-хурэ цогчэн. По преданию, строительство цогчэна было начато при Ундэр-гэгэне¹¹⁰, первом и самом знаменитом гэгэне Урги. Квадратное деревянное здание его впоследствии много раз перестраивалось. Крыша храма украшена позолоченным ганджиром в виде вазы, а на углах ее развешиваются черные и белые знамена веры, или чжалцаны, происхождение которых следует искать в далеком прошлом кочевников Монголии и Тибета. Внутри храма, у его северной стены, возвышается трон хутухты, по обе стороны которого стоят большие стеклянные ящики с изваяниями Шакьямуни, реформатора буддизма Цзонхапы, его главных учеников Кхайдуб-чжэ и Чжалцаб-чжэ и Ундэр-гэгэна. Большинство этих статуэток вылеплено из глины и покрыто позолотой, а сверху на них брошены дорогие шелковые мантии. Над стеклянными ящиками висят живописные изображения божеств, или тханка.

Крышу храма поддерживают сто восемь колонн, что считается благоприятным числом, по количеству томов Ганчжура. Между колоннами лежат тюфяки, на которых восседают ламы во время службы. В храме есть сокровищница, или сан, где хранится много предметов религиозного культа времен Ундэр-гэгэна. Возле монастыря построена высокая деревянная платформа, по-монгольски дурайн-шата, для ритуальных танцев. Больших праздников в монастыре четыре: встре-

ча Нового года, празднество Чойкхор-дуйчэн, великий праздник Май-дари в третьем и четвертом месяцах нового года и совершение благопожеланий.

Все эти праздники проходят торжественно и производят очень сильное впечатление. Сначала появляются ламы в высоких шапках и в ниспадающих пурпурных и желтых облачениях. Они поднимаются на «рупорную платформу» и глубокими протяжными звуками длинных труб созывают монахов. Тут же к храму направляются процессии лам, во главе которых идут седовласые гэланы и габжу, или ученые ламы, соблюдающие десять заповедей. У входа в храм толпятся молодые гэцулы, или послушники. Вышие ламы занимают места слева и справа от трона богдо-гэгэна, покрытого красной мантией, на которой лежит его головной убор. Настоятель монастыря садится у входа, а остальные ламы располагаются вдоль северной стены. Ламы-музыканты с длинными трубами, гобоями и барабанами обычно занимают места неподалеку от настоятеля. Начинается служба: произносимые нараспев молитвы периодически прерываются глухим ворчанием труб и пронзительными криками гобоев. Затем раздается дробь барабанов, сопровождаемая ударами тарелок. Низким голосам пожилых монахов вторят высокие голоса послушников, ритмично покачивающихся во время пения. Это не похоже на песнопения в тибетских монастырях, но напоминает пение цайдамских монголов. Вся атмосфера храма, навевающая мысли о шаманистической древности, оставляет у посетителя неизгладимое впечатление.

Другой важный монастырь — Дачин-галбайн-сумэ, основанный в 1739 году. В 1892 году монастырь сгорел, но потом был выстроен заново. В свое время здесь жил богдо-гэгэн, позднее в монастырском храме совершали богослужения тибетские ламы. Богдо-гэгэн жил также в своем летнем дворце на берегах реки Толы. С его смертью монастырь утратил прежнее значение. Сам храм построен в китайском стиле; его позолоченная крыша выделяется на фоне других построек, но внутри он не представляет интереса. К югу от храма находится большая площадь, где покойный богдо-гэгэн принимал благопожелания своей паствы и благословлял верующих. Сейчас в центре площади стоят несколько триумфальных арок, возведенных в 1883 году в честь восьмого воплощения Джэбдзун-Дамба-хутухты, о чем сообщают китайская надпись и ее монгольский перевод. Интересен храм Барун-Урго, посвященный известному представителю ламаистского буддизма в Монголии. Однако после того как многие изображения святых были перевезены в летний дворец богдо-гэгэна, значение храма подумало, чего нельзя сказать о храме Майдари (Майтрейи).

Еще одним важным храмом является Чжудын-сумэ, посвященный тантрийскому культу¹¹¹. Эмчийн-сумэ, или храм врачей, предназначен для лам, изучающих медицину. Многие выпускники знаменитой медицинской школы Чаг-по-ри в Лхасе регулярно читают здесь курсы лекций по медицине. Филиал этого храма — Манлайн-сумэ, или

храм, посвященный Будде исцеляющему. Этот образ Будды чрезвычайно популярен среди буддистов Монголии и Тибета. Широко известен также Цзурхайн-сумэ, или храм астрологов, построенный в 1798 году. Он считается священным. Чтобы попасть внутрь храма, необходимо иметь специальное разрешение. В храме служит особая группа лам, выдержавших специальный экзамен по ламаистской астрологии и смежным дисциплинам. Здесь есть росписи и раскрашенные свитки с изображением мистической сферы влияния системы калачакры, или «колеса времени»¹¹². Для правильного понимания этой доктрины требуются фундаментальные знания кар-цзий, или астрологии. Это мистическое учение было привнесено в Тибет в XI веке Дипанкарой Шриджияпой, знаменитым ученым из индийского монастыря Викрамашила. Оно зародилось в королевстве Шамбала¹¹³, на севере собственно Тибета, и в конце X века получило распространение в Индии. Средоточием его был монастырь Ташилхунпо, и одна из монастырских школ, занимавшаяся изучением калачакры, известна под названием Дуйнхор-чжи (Агпа), или школа калачакры. Эта школа долго оставалась главным центром, где способные ученики могли посвятить себя изучению важнейших аспектов доктрины. Пользоваться литературой, излагающей сущность учения, могут только особо посвященные, а все остальные должны иметь специальное разрешение далай-ламы. Такие книги издаются редко. Получив разрешение, заказчик имеет право отпечатать книгу бесплатно в монастырской типографии, предоставив для этого свою бумагу.

Одним из правителей Шамбалы был великий лама Ташилхунпо, ставший при втором воплощении ригдан Чжамбал-Дагбой и правивший королевством в течение ста лет. Панчен-лама в своем новом воплощении должен родиться ригдан Джэбо¹¹⁴, будущим правителем Шамбалы, призванным победить зло и установить царство Майтрейи — грядущего Будды. Учение Шамбалы — это тайное учение Монголии и Тибета, панчен-лама является главным проповедником этой доктрины. После его побега в 1923 году, вызвавшего столько слухов и толков, и во Внутренней Монголии, а также в буддийском Китае возникло много калачакрских школ.

Шамбала является не только очагом тайного буддийского учения, но и источником грядущей галбы, или космической эры*. Европейский ученый склонен преуменьшать значение слова «Шамбала», но те, кто знаком с буддизмом, знают, какую огромную силу имеет оно среди буддистов высокогорной Азии. На протяжении всей истории это слово не только вдохновляло религиозные движения, но даже двигало армиями, военным кличем которых была Шамбала. Солдаты Сухэ-Батора, изгнавшие из Монголии генерала Сюя** с его армией и принес-

* То же — *калла*, мировой период в индуистской космогонии.

** Воины Д. Сухэ-Батора изгнали из Монголии не только армию китайского милитариста Сюя Шучжэна, в ноябре 1919 г. низложившего правительство Автономной Монголии, но и банды барона Унгерна, в октябре 1920 г. вторгшегося в

шие в свою страну свободу, сочинили песню, которую и сейчас поют монгольские кавалеристы. Песня начинается словами «Чанг-Шамбалын-дайн», или «Война северной Шамбалы», и призывает монгольских воинов подняться на священную войну за освобождение своей страны от вражеских полчищ. «Пусть мы все умрем в этой войне, но мы родимся снова воинами Шамбалын-хана», — поется в этой песне.

В прошлом великие учителя буддизма в Монголии и Тибете посвятили доктринам калачакры и Шамбалы целые тома. Среди этих имен прежде всего следует назвать Атишу¹¹⁵ и Бромтона, Кхайдубчжэ, третьего панчен-ламу Балдан-Ешэя и Джэбдзун-Таранатху. В наши дни возрождается мощный фольклор, иногда в виде пророчеств, песен, намтаров, или легенд, и лам-йигов, или напутствий. Барды поют балладу о будущей войне Шамбалы, которая покончит со злом. Не следует недооценивать значения этой разбуженной силы, тающейся в юртах кочевников и во многих монастырях ламаистской Центральной Азии*. Однако воздержимся от высказывания каких-либо мнений, пока не будет переведена вся обширная литература о калачакре, изучена устная традиция буддизма и пока не удастся выявить ее истоки. Я хотел бы в своей будущей книге проследить развитие калачакрского учения и связанной с ним литературы и подробно изучить его влияние на массы буддистов Центральной Азии.

Существует несколько иконографических изображений Шамбалы и калачакры. Король Шамбалы, или ригдан Джэбо, обычно восседает на троне. В левой руке, опущенной на колено, он держит «колесо закона», правая рука находится в положении вара-мудра («знак милосердия»). Иногда в его руках покоятся стебель лотоса, книга и меч — символы принца знания Маньчжушри. На некоторых древних росписях владыка изображен в остроконечном шлеме и нагрудных доспехах, а на более поздних — в развевающейся мантии с золотыми узорами. У подножия трона сидят его отец и мать, иногда ригдан Падма-

Монголию и 4 февраля 1921 г. захватившего Нийслэл-Хурэ (так стала именоваться Урга после провозглашения независимости Монголии в декабре 1911 г.). Сам Сюй Шучжэн бежал в Пекин еще летом 1920 г., а его армия отступила в Кяхтинский Маймачэн, откуда 18 марта 1921 г. была выбита частями Монгольской народно-революционной армии.

Незадолго перед этим, 1—3 марта 1921 г., в Кяхте в условиях конспирации состоялось совещание представителей партизанских отрядов, аратов и монгольских революционеров, выезжавших в Москву с просьбой о помощи в освобождении Монголии от банд Унгерна и китайских милитаристов, вошедшее в историю как I (Учредительный) съезд Монгольской народно-революционной партии. Совещание приняло первую программу МНРП, избрало ЦК партии и назначило Д. Сухэ-Батора главнокомандующим МНРА.

Вскоре части МНРА с помощью отрядов Красной Армии разбили основные силы Унгерна под Кяхтой и в начале июля 1921 г. заняли Ургу.

* Ю. Н. Рерих преувеличивает — и в частности, и по существу. Будущее Монголии предопределила революционная борьба аратов за национальную независимость и социальные и политические преобразования. С ламаизмом, державшим сознание масс в состоянии оцепенения, трудовой Монголии вскоре предстояло решительно порвать.

Карпо, первый проповедник калачакрского учения в Индии, и бодхисаттва Падмапани¹¹⁶. В нижнем углу иногда можно увидеть Атишу, учителя калачакры в Тибете, а под троном короля Шамбалы — эпизоды священной войны против короля дьяволов Лалой-Чжалпо.

Мы видим короля Шамбалы на вороном коне, поражающего короля лалосцев. Очень интересны здесь детали, дающие представление о военном снаряжении тибетских воинов: нагрудные доспехи, шлемы с маленькими флажками, тяжелые мечи, кремневые ружья, луки и стрелы и даже бамбуковые пушки на причудливых лафетах. На других росписях представлена мандала: владыка Шамбалы сидит перед одной из дворцовых башен. Дворец — большое здание на фоне высоких снежных гор. В «Шамбала лам-биг», или «Путеводителе Шамбалы», сказано, что королевство Шамбала находится в горном районе. В верхнем углу этих росписей мы видим Балдап-Ешэя, или третьего панчен-ламу, держащего в руках чашу, и одноголового идама калачакры. Очень часто идама изображают с четырьмя головами и двенадцатью или двадцатью четырьмя руками. Его тело всегда голубого цвета, а шакти, или юм*, — темно-желтого и иногда красного. Если идам калачакры представлен как бодхисаттва, тогда на нем облачение бодхисаттвы и он держит в сложенных руках «колесо закона»; в этом случае его тело цвета желтой охры. В западной литературе утверждается, что идам — бог калачакры. На самом деле он символизирует мистическую силу этой системы и его никак нельзя считать богом.

На северо-западе Улан-Батора находится знаменитый монастырь Гандан. Когда въезжаешь в город по кяхтинской дороге, сразу обращаешь внимание на храм Авалокитешвары, на подступах к которому с севера и востока выстроились двадцать восемь белых ступ. Скопища жалких деревянных лагун, обнесенных покосившимися палисадниками, служат пристанищем для монашеской братии. Храм Арьябало, или Авалокитешвары, строительство которого было закончено в 1913 году, поражает воображение своими размерами. Особенно красивы деревянные колонны у входа, расписанные искусной резьбой. Два ряда окон в тибетском стиле с рамами, суживающимися кверху, пропускают достаточно света в помещение, в центре которого стоит огромная статуя милосердного владыки бодхисаттвы Авалокитешвары, отлитая из меди. Вдоль стен выставлены ящики с тысячами медных будд. Возле храма находятся могилы богдо-гэгэнов старой Урги. Здесь погребены пятый, седьмой и последний богдо-гэгэны. Шестой захоронен в монастыре Дамба-Дорчжэ. К востоку от храма расположено деревянное здание, напоминающее квадратную палатку. Здесь ежедневно совершаются службы, и когда проходишь поблизости, можно услышать монашеские песнопения, раздающиеся в морозном воздухе.

* *Шакти* (санскр.) — энергия божества, персонифицированная в его супруге. То же по-тибетски юм.

В монастыре Гандан, основанном в 1809 году, находится школа по изучению цангит, или абхидхармы, — буддийской метафизики; здесь живет большинство образованных монахов столицы. Во время нашего пребывания в Улан-Баторе я часто бывал в монастыре и беседовал с ламами о сложных вопросах буддийского воззрения на мир...

Еще одно живописное сооружение в Урге — это храм Чойчжон-ламайн-сумэ, выстроенный в 1910 году. Он был резиденцией брата богдо-гэгэна, главного государственного оракула Монголии.

Самым значительным монастырем в окрестностях монгольской столицы является Манжушири-хит. Он стоит на южных склонах священной горы Богдо-Ула и обращен в сторону Гоби. Этот монастырь, построенный в стиле тибетской архитектуры, известен строгой дисциплиной своих монахов. Манжушири-хитын-ширэту, или настоятель монастыря, славится ученостью и пользуется большим авторитетом.

Таковы главные монастыри и храмы Улан-Батора.

ПОДГОТОВКА К ПУТЕШЕСТВИЮ

В начале марта 1927 года у нас начались трудные дни. Следовало обсудить маршрут будущего путешествия, нанять людей и обеспечить себя транспортом, а также частично обновить экспедиционное снаряжение и починить палатки. Кроме того, надо было пополнить запасы продовольствия. Наше путешествие по Центральной Азии еще не завершилось, но о посещении Китая не могло быть и речи, так как эта страна была охвачена войной. Оставался Тибет — страна снегов, Тибет, в течение стольких веков манивший путешественников. Сотрудники Музея имени Рериха очень советовали нам побывать в Тибете. Мы не могли еще сказать, какой маршрут более отвечает задачам экспедиции. Центральный Тибет с его большими городскими монастырями был идеальным местом для изучения древностей этой высокогорной страны. Неподалеку от Лхасы и Шигацзе находились типографии, где мы надеялись достать интересные рукописи и ксилографы.

Мы решили двигаться в Центральный Тибет и уж затем обдумать дальнейший путь. Из Центрального Тибета можно было пройти на юго-восток, в провинцию Китая Юньнань, а оттуда в Индокитай либо Бирму. Правда, путь в Бирму пролегал через труднопроходимую лесную местность, изрезанную глубокими речными долинами. Другой возможный маршрут проходил по старому торговому тракту Гьянцзе — Чумби — Сикким. И наконец, оставалось несколько дорог через Юго-Западный Тибет, в Алмору и Симлу в Гималаях.

Длительный и тяжелый маршрут в Ладак и восточный путь через Чамдо и Бутан в Сычуань¹¹⁷ были поначалу отвергнуты как из-за трудностей, так и потому, что по ним уже прошло несколько евро-

пейских экспедиций. В значительной мере все зависело от решения тибетских властей, и хотя они заверили нас в своей готовности оказать помощь экспедиции, мы не были уверены в благополучном исходе путешествия из собственно Тибета в Индию или Южный Китай и во французские колонии. Обстановка в Центральной Азии и Китае сулила мало хорошего, и поэтому нам оставалось положиться на провидение и не особенно задумываться над возможными последствиями своего решения.

Чтобы обеспечить беспрепятственный переход через Тибет, надо было заставить пропусками. Мы знали, что экспедиции, намеревавшиеся штурмовать Эверест*, испрашивали в Лхасе специального разрешения. Поэтому мы еще в ноябре 1926 года сообщили о своих планах тибетскому представителю в Улан-Баторе. Этот чиновник сказал нам, что все зависит от воли лхасского правительства. Когда один из тибетских караванов отправился в Лхасу, с ним была послана подробная программа работ нашей экспедиции. Мы просили как можно скорее телеграфировать ответ через Калькутту и Пекин.

В феврале 1927 года тибетский представитель отправил телеграмму в Лхасу с соответствующим запросом. Ответ пришел только в конце марта. Получив разрешение выдать нашей экспедиции паспорта, донир быстро оформил и передал нам документы, необходимые для путешествия во Внутренний Тибет, или Бод-Нан. Кроме того, он послал письмо пограничным властям и рекомендательное письмо далай-ламе. Тем временем из Улан-Батора в Лхасу вышел очередной торговый караван, и мы препроводили с ним еще одно письмо, уведомлявшее лхасские и пограничные власти о нашем прибытии. Трудно было получить надежные сведения о дорогах из Монголии в Тибет. Хорошо известный путь Улан-Батор — Гурван-Сайхан — Алашань, по которому ходили знаменитые путешественники Н. М. Пржевальский¹¹⁸ и П. К. Козлов, был закрыт. Оставался караванный путь Юм-бэйсэ¹¹⁹ — Аньси, но он был мало кому известен, за исключением нескольких тибетских торговцев и монгольских лам.

В течение многих дней мы старались собрать сведения об интересующих нас местностях, возможных лагерных стоянках, запасах воды в пустынных районах и средствах передвижения. Мы знали, что из европейцев первым обследовал юго-западную часть Гоби от Сучжоу и пересек ее по направлению к Монгольскому Алтаю помощник П. К. Козлова А. Н. Казнаков. Горы на севере Аньси были исследованы Аурелом Стейном во время его Центральноазиатской экспедиции 1915 года. В целом юго-западная часть Гоби является одним из наименее известных пустынных районов Центральной Азии. По имеющимся картам мы могли получить очень смутное представление об этой местности. К тому же некоторые монгольские ламы и тибетские торговцы, немного знакомые с трактом Юм-бэйсэ — Аньси, называли

* Джомолунгму.

различные места по-разному, что окончательно сбивало с толку. Единственными надежными ориентирами, которые удалось отметить на карте, были монастырь Юм-бэйсэ, оазис Шара-Хулсуни-Булак, Аньси и Шибочэн в горах Наньшаня — южной оконечности караванного пути. Оставалась еще одна дорога, по которой в 1899 году шел Г. Н. Потанин¹²⁰. Она пролежала к западу от Гурван-Сайханского хребта и вела через пустыню Гоби к озеру Гашун-Нур и реке Эдзин-Гол. Узкие полоски растительности по берегам реки могли служить пастбищем для караванных животных. Именно этим путем воспользовался Чингисхан, готовясь к нападению на тагутское государство Си Ся. Однако пограничная местность между Ганьсу и Внутренней Монголией кишела грабителями. Поэтому мы решили идти в Юм-бэйсэ. Отрезок пути Улан-Батор — Юм-бэйсэ мы хотели проехать на автомобилях, но никто не мог сказать нам ничего определенного о состоянии дороги. Дорога Улан-Батор — Цайншаби — Ламайи-гэгэн — Юм-бэйсэ была почти непроходимой весной и летом. Другой путь в Юм-бэйсэ, проходя через Агван-Цэрэн-хурэ — монастырь Тухумнор-дуган — Уцзэнь-ван — Хара-нидун, огибал трудные для переправы реки и пересекал Онгин-Гол в ее верхнем течении. Третий путь соединялся со вторым у монастыря Агван и оттуда вел на юго-запад, к озерам Цаганнор и Орогнор. Пролегал он по каменной пустыне, а в районе озер встречались зыбучие пески и болота.

Мы не знали, сколько потребуется дней, чтобы достичь Юм-бэйсэ. По хорошей дороге можно было делать шестьдесят миль в день, но в песках не очень-то разгонишься. Осведомленные люди советовали нам выступить в начале апреля. Так как новые машины достать не удалось, решено было выезжать на старых. Чтобы обеспечить себя бензином на отрезок пути от Юм-бэйсэ до Аньси, мы наняли караван верблюдов, который 15 марта вышел с грузом из Улан-Батора. Надо было ускорить наше отправление еще и потому, что заканчивался верблюжий сезон. Начинается он во второй половине августа и продолжается до апреля и даже мая. В декабре—феврале нередко можно увидеть караванщиков с обмороженными лицами, ушами и руками. Однажды я встретил большой тибетско-монгольский караван. Вышли караванщики из Синьина в сентябре и четыре месяца пробивались через Гоби, принимая на себя удары штормовых ветров. Многие из них схватили воспаление легких и умерли в пути, так и не дойдя до Улан-Батора. У оставшихся в живых были обморожены носы и щеки, а вероятно распухшие и почерневшие руки и ноги покрыты язвами. Но, несмотря на это, караванщики не теряли бодрости духа и даже считали, что путешествие прошло успешно, потому что на них не напали грабители в районе к северу от Ганьсу. Так рассуждали эти люди, готовые на все, лишь бы их товары и верблюды уцелели.

По-видимому, переходы через Гоби чем-то привлекали смельчаков, так как они снова и снова подвергали себя опасностям и прохо-

дили сотни миль, чтобы продать несколько кусков тибетской ткани или флаконов с благовониями. Имнi вовсе не руководила страсть к наживе, обороты монголо-тибетской торговли никогда не были особенно большими. Объяснение этому надо искать в странном, почти жутком очаровании пустыни, которое ведомо каждому, кто хоть раз путешествовал по ее просторам. Подобно тому как моряка всегда влечет море, караванщика манит пустыня, завораживающая его своей безбрежностью и ощущением свободы. В Улан-Баторе, как и в других крупных торговых городах Центральной Азии, караванщики составляют особую касту, некое подобие товарищества бичей в портовых городах. Среди них вы встретите русских и немцев, французов и монголов, китайцев и калмыков из Восточного Туркестана, киргизов и тибетцев — людей разных национальностей и различного происхождения. Здесь и сыновья видных государственных деятелей, и бывшие военные, и торговцы, и охотники, и контрабандисты, и преступники, скрывающиеся в дебрях Гоби. Вся эта пестрая толпа бродит по Улан-Батору в поисках какой-нибудь работы.

Руководителю экспедиции надо быть настороже, имея дело с «романтиками» пустыни.

Они будут приходить и заверять его в своих лучших намерениях, называть его отцом или братом, обещая положить жизнь за начальника. Я не сомневаюсь, что большинство из них обладают мужеством и не раз участвовали в опасных предприятиях. Однако для научной экспедиции, целью которой являются исследования, а не рискованные авантюры, такие люди нежелательны.

Когда мы подбирали караванщиков и стрелков, которые должны были обеспечить безопасность экспедиции во время перехода через кишаний грабителями район Внутренней Монголии, сотни русских, эстонцев, монголов, китайцев и тибетцев устремились в нашу гостиницу. Кто-то пустился в городе и его окрестностях слух, что экспедиции требуется девятьсот человек, и на нас накатился бурный людской поток. Все эти люди говорили нам, что им нечего терять в жизни и они жаждут принять участие в научной экспедиции. В конце концов удалось нанять двенадцать крепких монголов, чье прошлое и настоящее не вызвали сомнений.

Вскоре во дворе штаба экспедиции мы поставили несколько юрт, где разместили конвой и сложили снаряжение и запасы продуктов. В соседнем дворе стояли лошади конвоя. На мою долю выпало обучать стрелков, поскольку в будущем не исключалась возможность вооруженных столкновений. Кроме того, они должны были уметь подавать сигналы и вести разведку. Большинство нанятых монголов были меткими стрелками и хорошими наездниками, что очень важно в экспедиции. Мы научили их быстро ставить и сворачивать палатки.

Тогда же к нам присоединились неплохой знаток Гоби Портнягин¹²¹ и две юные казачки, Рая и Людмила Богдановы¹²². Особеннос-

тью нашей экспедиции стало присутствие трех женщин, которые несли все тяготы путешествия наравне с мужчинами, и нельзя не отдать должное их поразительной стойкости в тяжелую годину.

28 марта в Улан-Батор прибыли наши американские коллеги мистер и миссис Лихтманы¹²³, доставившие продовольствие и снаряжение для экспедиции. Сопровождать нас в странствиях вызвался доктор Рябинин, чьи познания терапевта и стоматолога могли впоследствии весьма пригодиться. Кроме палаток и лагерного снаряжения Лихтманы передали нам добротную зимнюю одежду и ящики с медикаментами от Л. Л. Хорша* и С. Н. Рериха. Палатки всем понравились. Конической формы, поддерживаемые изнутри шестом с двумя распорками и с обшитым квадратным полом, они оказались очень легкими. Одну такую палатку можно было без труда нести на себе, а выючная лошадь или мул могли взять сразу четыре. Наши старые палатки пришлось подлатать, а деревянные колышки, непригодные в условиях каменистой пустыни, заменить железными. Мы купили также несколько китайских майханов, или палаток, сшитых из голубого полотна и очень устойчивых. Ими часто пользуются в караванах. Мы не взяли с собой монгольских юрт, потому что установка деревянного остова отнимает много времени, а после дождя или бурана войлок обшивки размокает. Позднее, зимуя на Тибетском нагорье, мы очень сожалели об этом своем упущении.

На починку старых палаток и приведение в порядок лагерного снаряжения ушел целый месяц, к тому же немало хлопот нам доставили седла. Монголы не могли сидеть в английском седле, пришлось срочно раздобывать казацкие седла. Они очень удобны и не натирают спину лошади. Вообще чрезвычайно важно иметь хорошие седла для верховых и выючных лошадей. Уздечки тоже надо выбирать тщательно. Стенная лошадь обычно упряма и поровниста, нужны крепкие удила, чтобы она не понесла.

Проблема зимней экипировки персонала экспедиции требовала неотложного решения. Мы купили добротных овец и шкуры, необходимый комплект теплых спальных мешков и полушубков. Кроме того, удалось раздобыть на рынке несколько сибирских тулунов. Каждый член экспедиции получил теплые меховые сапоги, или чинги, привычные для жителей Монголии и Сибири. Необходимо было также пополнить продовольственные запасы. Все это отняло очень много времени и сил.

Наше пребывание в Улан-Баторе подходило к концу. До 13 апреля, когда экспедиция должна была выступить в путь, оставались считанные дни.

* Луи Хорш — американский бизнесмен, заведовавший хозяйственной частью Музея им. Рериха в Нью-Йорке. В 30-е годы обманным путем захватил бразды правления в свои руки и похитил более тысячи картин Н. К. Рериха.

13 апреля мы поднялись еще до рассвета, рассчитывая покрыть за день как можно большее расстояние. Первый участок пути, проходивший по долине реки Толы, был, по словам караванщиков, сравнительно нетруден для груженных машин. Три грузовика экспедиции стояли наготове, оставалось только перенести багаж в легковые «должи». К одиннадцати часам все было готово, и ворота экспедиционного штаба распахнулись настежь. К нам пришли проститься и пожелать счастливого пути улан-баторские друзья. Монголы напутствовали своих родственников, а ламы читали молитвы и вешали хадаки¹²⁴ на машины. Тибетцев, вызвавшихся идти с нами, окружала толпа соотечественников. Воинственные горцы очень гордились своими винтовками и настаивали, чтобы мы разрешили иметь с поднятыми штыками и развевающимися хадаками. В защитного цвета тулупах и с патронташами на поясе наши спутники выглядели весьма мужественно. В целом это была довольно красочная картина, в которой смешались европейские и азиатские элементы.

Неожиданно один из водителей преподнес нам неприятный сюрприз: он забыл сдать свой монгольский паспорт и получить пограничный пропуск. За две недели до отправления мы предупредили водителей, что все их документы должны быть готовы к 13 апреля. Дня два назад я спросил их об этом, и они заверили меня, что у них все в порядке. Что оставалось делать? Обычно эта процедура занимает дня три-четыре, но с помощью наших улан-баторских друзей и министра финансов Монголии необходимые пропуска были выданы во второй половине дня. В пятом часу, наконец, мы выступили. Часть пути нас сопровождали мистер Лихтман с супругой, секретарь Монгольского научного комитета доктор Ц. Ж. Жамцарано и другие монгольские друзья. Переехав по мосту на противоположный берег Толы, мы вышли из машины и еще раз простились с цивилизованным миром.

Первые пять миль мы одолели легко, несмотря на снег и местами гололед на дороге. На седьмой миле один из наших «доджей» застрял в сугробе. Тем временем грузовики, задержавшиеся у моста, выбрали обходный путь по берегу Толы и ушли вперед. Мы дали несколько выстрелов, чтобы привлечь внимание водителей. Один грузовик остановился, и вскоре общими усилиями удалось вытащить машину. В десятом часу вечера, когда совсем стемнело, решено было остановиться на отдых. Место для стоянки мы выбрали под ивами на берегу реки. Это были последние деревья, виденные нами в Монголии. В полной темноте мы поставили палатки и понемногу стали приходить в себя после утомительного дня. В нескольких милях от табора мерцал слабый огонек Сангийнского ветеринарного пункта. К юго-востоку высились западные отроги Богдо-Улы, а на юго-западе вырисовывались неясные очертания гор, между которыми раскинулась

долина реки Толы. Ночь выдалась необычайно ясная, но очень холодная: термометр показывал —25°.

Прекрасным солнечным утром, когда силуэты гор резко обозначились на бледноватом фоне северного неба, мы сняли лагерь. Местность представляла собой типичный монгольский ландшафт. Куда ни глянешь — везде невысокие волнистые холмы, покрытые травой. Ширина долины Толы здесь три-четыре мили; во многих местах к реке спускаются террасы. Ехали мы без помех, но кое-где приходилось пересекать пояса песчаных дюн, и тогда машины начинали буксовать. Хорошо еще, что снег на дороге стоял и лежал только в узких боковых долинах и лощинах. Под вечер мы увидели две монгольские юрты, около которых паслись овцы. Больше ничего не удалось встретить. Ночевали на открытом плато, пройдя за день более шестидесяти миль. Ночь снова выдалась холодная: —15°, дул пронизывающий северо-западный ветер.

15 апреля выступили пораньше, рассчитывая в этот же день достичь монастыря Агван-Цэрэн-хурэ, расположенного у излучины Толы в северо-западном направлении. Пейзаж не менялся, на однообразных, покрытых травой холмах лишь изредка встречались вкрапления гранита и порфира. Мы быстро продвигались по дороге, которой в 1922/23 году шла Третья Азиатская экспедиция американского Музея истории естествознания. Геологи этой экспедиции профессор Чарльз Верки и доктор Фредерик К. Моррис подробно описали бассейн Толы, поэтому нет необходимости рассказывать о районе, где уже побывали русские и американские ученые. Мы сделали остановку немного раньше, чем намечали, недалеко от заснеженной лощины.

Встреченные нами монголы сообщили, что Тола еще не освободилась ото льда и к тому же находится далеко от дороги. Чтобы добыть воду, пришлось топить снег. Ночью было около —15°; ветер, начавшийся сразу после захода солнца, стих к полуночи.

16 апреля ехали в течение двух часов по хорошей дороге и вскоре увидели вдаль монастырь Агван-Цэрэн. Неподалеку от монастыря пришлось перевалить через невысокий хребет — самый восточный отрог Долон-Карских гор. В полдень мы подъехали к монастырю Тухумнор-сумэ, расположенному к северу от соленого озера Ихэ-Тухумнор, занимающего впадину около четырех миль в длину и трех миль в ширину. Озеро еще было сковано льдом, на его берегах лежала толстая соляная корка. Монастырь Тухумнор-сумэ известен своим храмом в тибетском стиле. Зимой он почти всегда пустует, но летом здесь людно. В этом монастыре побывал П. К. Козлов во время своей знаменитой экспедиции 1907—1909 годов. Осмотрев монастырь, мы направились к Мише-гуну. После двухчасового пути, на котором пришлось форсировать несколько мелких речушек, мы прибыли в большой ламаистский монастырь Мише-гун. Здесь экспедиция сделала остановку. Передохнув, мы с трудом преодолели невысокий, но крутой перевал, проехали двадцать миль по степи и вскоре разбили лагерь на

берегах двух небольших соленых озер, лежащих во впадине между невысокими горами. Здесь были солончаки и местами болота. Солнце пригревало, кое-где сутились пробудившиеся от зимней спячки сурки.

На следующий день мы выехали на пустынное плоскогорье, незаметно поднимавшееся к юго-западу, в сторону Хангая. Неожиданно разгулялся западный ветер и крепко отхлестал нас по лицу. От него не спасали даже тяжелые тулупы. Наши машины шли по каменистой пустыне, покой которой охраняли башни выветрившихся скал.

На двенадцатой миле мы проехали мимо огромной, высеченной из камня фигуры. Подобные изваяния часто встречаются в степях Северной Монголии и на севере Тянь-Шаня. Возможно, это памятники умершим вождям. В руке изваяния — чаша, из которой вырывается пламя, — символ, связанный с древним культом огня у монголов. Предание говорит, что в древности жил могущественный вождь разбойников, наводивший на всех ужас, опустошавший анлы кочевников и угонявший их стада. Но, состарившись, он поклялся трудиться на благо своих соотечественников. Вскоре он умер, и его дух воплотился в каменном изваянии. Кочевники верят, что оно охраняет скот и людей от злых духов, и совершают жертвоприношения в виде кусков разноцветной материи и возлияния маслом. Эту легенду рассказал мне тибетский проводник, который много лет жил здесь.

На пути нам повстречался караван верблюдов, шедший по южной дороге из Улясутая в Улан-Батор. Мы очень беспокоились за наш караван, выступивший из Улан-Батора еще в марте. Погонщики ничего не могли нам сообщить, так как они его не видели. Вероятно, проводник нашего каравана избрал другой путь и пошел по северной дороге мимо монастыря Эрдэни-Цзу. Во второй половине дня мы подъехали к северному рукаву реки Онгин-Гол. На подходе к реке путь пролегал по широкой щебнистой равнине. У переправы стояли три монгольские юрты, обитатели которых вызвались нам помочь. Поскольку грузовики отстали из-за разных неполадок, решено было переправиться через реку в «доджах» и дожидаться их на противоположном берегу.

Переправа обошлась без приключений, разве что моя машина увязла на песчаной отмели и ее пришлось вытаскивать. Грузовики прибыли поздним вечером. Уже в полной темноте мы увидели дорожки света от фар, метавшиеся по степи. Переправляться в эту пору было рискованно, и водители заночевали на том берегу. Все наше снаряжение и припасы остались там же, что, принимая во внимание холодную ночь и пронизывающий ветер, было не очень-то приятно. Мы решили нанять у монголов лошадей и перевезти к себе палатки, постельные принадлежности и часть продуктов. После переговоров и споров о цене в лагерь пригнали восемь лошадей, мы поехали к реке. Нелегко было заставить животных войти в холодную воду, они фыркали и становились на дыбы. После невероятных усилий мы все-таки перешли реку и погрузили на лошадей палатки и ящики с про-

довольствием, а к седлам приторочили вьюки с вещами. Лошади испугались и понеслись вскачь, громыхая ящиками. Одному из шоферов очень понравилась такая езда верхом.

Около полуночи мы наконец забрались в палатки. Ночь была ясная; ветер разогнал тучи над горами к юго-западу от нашего лагеря. Все утро следующего дня ушло на переправу грузовиков. Первые два переехали реку благополучно, но третий застрял в песке, и его едва удалось вытащить. В полдень весь экспедиционный транспорт собрался на западном берегу реки. Мы решили съездить в Уцзэнь-ван и нанять проводника, знающего дорогу в Юм-бэйсэ. Через час мы были в Уцзэнь-ване, где находились ламаистский монастырь, местный административный центр, несколько небольших русских торговых предприятий и филнал Монценкоопа. Пока мы занимались поисками надежного проводника, вокруг машин собралась толпа лам и жителей городка. Все интересовались, куда мы направляемся и каковы цели экспедиции. В конце концов наш выбор остановился на пожилом монголе лет шестидесяти, в меховой ламской шапке и каких-то выцветших желтых лохмотьях. Нам сказали, что это опытный проводник, хорошо знающий местность. Оставив позади Уцзэнь-ван, мы продолжали идти по щебнистой равнине на юг. Затем дорога повернула на юго-запад, и мы шли уже по гористой местности. Штурм крутых песчаных холмов давался с трудом. На один из таких перевалов грузовики поднимались несколько часов. Спуск был постепенный и вывел нас на обширную щебнистую равнину, где мы и расположились на ночь. Эта равнина находится в тридцати милях к юго-западу от Уцзэнь-вана, неподалеку от главного русла Онгин-Гола. К счастью, вечер и ночь выдались безветренные; в противном случае палатки бы снесло. Ночью в лагерь забрела стая волков. Прогнанные прочь, они были в степи до рассвета. Утром мы увидели первые станицы серых

Миновав Онгин-Гол, текущий среди широкой долины, мы снова оказались в сильно пересеченной гористой местности, очень тяжелой для машин. Удивительно, как наши «доджи» выдержали частые подъемы по каменистым горным тропам и крутые повороты у края обрывов. Мы находились теперь в юго-восточных горах Хангая — большой горной страны, лежащей между озерным районом Северо-Западной Монголии и бассейном реки Толы. Центральный массив Хангая проходит около города Улясутая и известен под названием Тарбагатай. Его главная вершина — пик Очирвани (высота 12 000 футов)*. В горах Хангая зарождаются такие крупные реки Монголии, как, например, Орхон. Здесь же много потухших вулканов. Южные склоны гор в Монголии обычно неровные и скалистые, часто выветрившиеся

* В современной литературе известна под названием Отгон-Тэнгри.

и носят следы сильной эрозии. Северные склоны их покрыты травой и иногда лесом. Переехав через речку Тацын-Гол в ее верхнем течении, мы вышли к южному подножию хребта Арцайн-Ула. Неподалеку от развалин домика, служившего когда-то складом для китайской торговой фирмы, пришлось сделать вынужденную остановку и заняться ремонтом одной из машин.

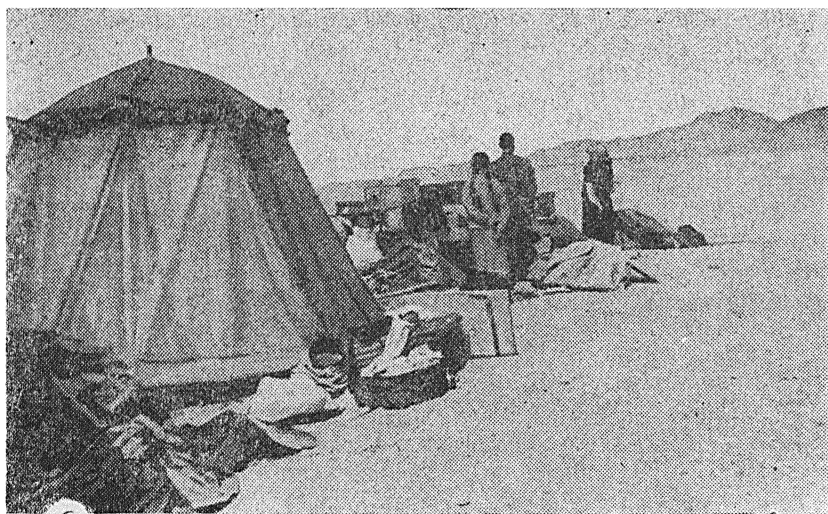
Пока водитель возился с двигателем, я совершил прогулку и обнаружил в окрестности много древних могильников. Я насчитал восемнадцать больших и малых погребений, которые напоминали пирамиды и были окружены огромными кольцами из каменных плит. Возможно, это были могильники, описанные профессором А. М. Позднеевым¹²⁵ в его книге «Монголия и монголы», но ученый не указал их точного местоположения. По внешнему виду они напоминали курганы в горах Ноён-Улы, раскопанные экспедицией П. К. Козлова.

После двухчасовой задержки снова двинулись в путь. На отдых решено было остановиться в узкой долине на берегу звонкого потока. Рядом с нашим лагерем проходил великий караванный путь Сайр-усу—Улясутай.

20 апреля нам пришлось тяжело, как никогда. Многочисленные овраги, засыпанные песком, то и дело перерезали дорогу. Машины буксовали; надо было их вытаскивать, подкладывая под колеса доски или большие куски полотна. Вытащив одну машину, мы бросались к следующей, и так продолжалось до тех пор, пока все мы не выбились из сил. Посоветовавшись, вместе с Портнягиным и одним из водителей я отправился на разведку. Но сколько мы ни ходили, везде просматривалась безжизненная горная местность, изрезанная старыми речными руслами, загроможденными валунами и засыпанными песком. Узкие горные долины были сплошь забиты каменными осыпями. После безуспешных поисков мы вернулись в лагерь.

На следующий день нам повстречался караван, шедший из Тибета и принадлежавший богатому лхасскому купцу кушо Кудрубе, одному из тех «государственных купцов», которые вели торговлю от имени далай-ламы. Купца сопровождали слуги. Путь его лежал в Улан-Батор, а затем в Пекин, где он собирался закупить шелк, парчу и другие товары. Караванщики рассказали нам о вооруженных бандах, бесчинствовавших в пустыне Гоби к северу от Аньсичжоу. Среди погонщиков каравана мы увидели двух курлыкских монголов — старика и юношу лет двадцати. На них были яркие блузы с воротниками из меха выдры, широкие кожаные штаны и остроконечные шапки. Разглядывая машины, которые они видели впервые в жизни, монголы выразили сомнение, сможем ли мы доехать до Юм-бэйсэ, потому что эта дорога считалась трудной даже для верблюдов.

По пути мы проехали мимо большого монгольского лагеря. Монголы уже поставили несколько юрт и ждали, когда подойдет караван. Вскоре в долине показалась вереница верблюдов; женщины и

Разбивка лагеря в Гоби

дети выглядывали из-под балдахинов. Толпа монголов наблюдала за нами, пока мы переезжали через речку с илистым дном.

Монголы Северной Монголии заметно отличаются от монголов-кочевников, живущих в Гоби к югу от Хангайских гор и к северу от Монгольского Алтая. Северные монголы халха крепче сложены и лучше одеты. Они очень любят яркие шелка и ткани. Кочевники, живущие в Алтайской Гоби, физически развиты хуже, что, возможно, объясняется неблагоприятными условиями жизни в пустыне. На встреченных нами монголах были старые тулупы, выброшенные прямо на голое тело. Длинные пряди черных волос, ниспадавшие на плечи, придавали им дикий вид. В целом они больше напоминали хорпов¹²⁶ Северного Тибета, чем видных собой монголов халха.

21 апреля мы выступили пораньше, надеясь поскорее выбраться из западни. Машины то и дело увязали в песке, и нам приходилось их подталкивать. Поразительно, как наши автомобили выдержали это суровое испытание. В одиннадцатом часу мы подъехали к илистой Туйн-Гол и долго искали подходящее для переправы место. Берег реки оказался слишком крутым, его пришлось выравнивать. После трехчасовой тяжелой работы все пять машин благополучно переправились на противоположный берег.

Просехав около десяти миль, мы застряли среди непроходимых песчаных холмов и были вынуждены повернуть на юг. Наш монгольский проводник спорил с тибетцем, считавшим, что следует идти по верблюжьей тропе на юг. В конце концов решено было придерживаться русла высохшей реки, которое должно было привести нас к

перевалу. Ехали мы очень медленно: машины постоянно застревали в песке, много времени уходило на их вытаскивание. Около пяти часов дня разбили лагерь поблизости от старого русла и послали монголов на разведку. Они вернулись через час, сообщив, что русло реки забито скоплениями обломков горных пород, но можно проехать вверх по соседней долине. Мы решили двигаться этим путем. Местность вокруг была совершенно пустынной. На берегах высохшего горного потока, когда-то шумевшего в долине, росли редкие кусты саксаула и хармыка — растений, типичных для Гоби.

На другой день, следуя указаниям монгольского проводника, мы направились вверх по руслу реки. Через час свернули в соседнюю долину и поднялись на низкий горный склон. Мы надеялись, что, перевалив через хребет, выйдем на обширную равнину, лежащую к югу, но наши надежды не сбылись. За перевалом мы снова увидели гряду неровных песчаных холмов. Единственным открытым выходом была узкая горная долина, ведущая на запад. Проехав по ней пять миль, мы оказались в небольшой долине, зажатой со всех сторон горами. Стало ясно, что из одной западной экспедиция угодила в другую. Монгольский проводник рекомендовал идти на юго-запад, однако мы отнеслись к его совету с сомнением.

Поднявшись на одну из ближайших вершин вместе с шофером, я обнаружил тропу, протянувшуюся у самого края каньона. Шофер считал, что рискнуть можно. Вскоре машины поднимались по крутому склону. Мы ехали с предельной осторожностью: малейшее неверное движение — и быть нам на дне пропасти. Вслед за «доджами» опасный переход совершили грузовики, обрушивая в ущелье камнепад и тучи песка. Добравшись до вершины, все мы испытывали огромное облегчение. Перед нами лежала песчаная равнина, а вдали на юго-западе виднелись очертания скалистых гор.

Ночевали на перевале. Ночь выдалась теплая, впервые за время странствий. Ранним утром мы снова двинулись в путь, то поднимаясь, то спускаясь по бесконечным ущельям и склонам. Около трех часов дня экспедиция миновала низкий песчаниковый хребет, и машины выехали на обширную каменистую равнину.

Монгольский проводник считал, что дальше идти следует на запад, а тибетец, хорошо знавший тропу верблюжьих караванов, отстаивал южное направление. Мы последовали его указаниям и двинулись на юг.

Монголки, встреченные нами в одном из ущелий, ничего не знали, а их мужья отсутствовали. Мчась по равнине на предельной скорости, мы вдруг заметили вдали стадо диких ослов. Куланы постояли с минуту, разглядывая машины, — и только мы их и видели. Вскоре мы пересекли дорогу Хух-Хото—Гучэн, на которой виднелись глубокие борозды от колес тяжело груженных китайских телег. Смеркалось, и только отблески заката освещали путь.

Ночевала экспедиция на берегу небольшого, почти высохшего

озера Боро-Нор, лежащего в глубокой впадине. По словам местных монголов, наполняется озеро в сезон летних дождей. Здесь мы видели много чаек и серых гусей, а также куланов, приходивших на водопой.

Утром экспедиция снова была в пути. За озером дорога поворачивала в сторону гор, идти пришлось по высохшему речному руслу. Острые камни, скопления гальки и песка чрезвычайно затрудняли продвижение. Мы постоянно подталкивали буксующие машины, на что уходило немало сил, в результате многие из нас заметно осунулись. И все же эти задержки отнимали гораздо меньше времени, чем в начале путешествия. Неожиданно с моей машиной произошла весьма неприятная история: она загорелась. Создалось серьезное положение, поскольку в машине находились канистры с бензином и маслом и несколько ящиков с боеприпасами. Мы лихорадочно принялись тушить огонь, и нам удалось его сбить, прежде чем он перекинулся на канистры. В дело пошла даже вода из фляжек. К счастью, повреждения были незначительны.

Последний этап пути в Юм-бэйсэ оказался исключительно тяжелым. Мы ехали по сильно пересеченной горной местности, стремясь придерживаться старых речных русел. Достигнув вершины крутого хребта, мы внезапно увидели долгожданный монастырь Юм-бэйсэ. Он стоял в глубокой долине, защищенной горами от жестоких зимних и весенних востров. В монастыре мы насчитали несколько домов, над которыми возвышались два храма. Заслышав автомобильные гудки, из монастыря выбежали ламы и окружили наши машины. Нам посоветовали разбить лагерь за пределами монастыря, в местности Цаган-Толгой, или «Белая голова». Мы расположились на берегах небольшой речки Цаган-Толгой-усу. С северо-запада и запада лагерь был хорошо защищен горами Цаган-Обо, а на востоке и юге открывался волнистый ландшафт Гоби.

Мы провели в Юм-бэйсэ несколько дней, собираясь с силами перед путешествием через юго-западную часть Гоби в Аньсичжоу. Наш караван верблюдов с запасом бензина прибыл в Юм-бэйсэ в тот же день, что и мы. Он шел по северной дороге мимо Эрдэни-Цзу и монастыря Ламайн-гэгэн, и этим объяснялась его задержка. Местные жители считали, что на машинах к югу от Юм-бэйсэ не пройти, так как из-за бездорожья ни одна из попыток пересечь этот участок Гоби на автомобилях ни разу не удалась. Приняв во внимание плохое состояние нашего автопарка, мы решили отправить машины обратно и двигаться дальше на верблюдах.

Особенно труднопроходимыми слыли долины Монгольского Алтая, густо заросшие саксаулом (по-монгольски дзак). Валы сыпучего песка перед зарослями саксаула были серьезным препятствием даже для верблюдов. Не менее тяжелыми считались и тропы алтайской пустыни, сплошь усеянные валунами и галькой. У подножия гор пустыни залегали широкие пояса песчаных дюн и аллювиальных нано-

сов, тоже почти непреодолимых для машин. Незадолго до нас монголы провели разведку местности к югу от Юм-бэйсэ и, следуя кружным путем, добрались до пункта в четырех милях к северу от Шара-Хулсуни, но дальше проехать не смогли. Выезжали они в двухместном туристском автомобиле.

В конце дня к нам в лагерь прибыл настоятель монастыря, который обещал поставить экспедиции хороших верблюдов. Кроме того, настоятель сказал, что даст нам погонщиков до Шибочэна — оазиса в горах Наньшана к югу от Аньсичжоу. По его словам, дорога, по которой мы собирались идти дальше, была совершенно непроходима для машин и пользовались ею в основном тибетские караваны и монгольские паломники. Оказывается, эти глухие дебри испокон века служили убежищем для грабителей, а память о «подвигах» воинственного Джа-ламы¹²⁷ и поныне наводит ужас на местных кочевников. Летом здесь невозможно пройти из-за невыносимой жары; караваны выходят в путь только в октябре, а возвращаются в апреле.

Когда мы шли по этой каменистой земле, я часто вспоминал одно место из статьи Аурела Стейна о Центральной Азии. Говоря о пустыне Такла-Макан, он замечает: «Для большей части этой зоны характерно почти полное отсутствие воды, в связи с чем ее можно назвать «настоящей пустыней». Мне хотелось бы подчеркнуть слово «настоящая», чтобы стало ясно, что земля, о которой я буду говорить в своей работе об исторических миграциях, отличается от тех пустынь, с которыми, в известном смысле слова, нас познакомили библейские предания и описания африканской природы. Эти «покоренные пустыни», как я осмеливаюсь их называть, могут произвести известное впечатление на городского жителя, особенно если он прибыл из перенаселенных городов, и он находит в них уединение и покой. Но пустыни, где целые племена кочуют подолгу в поисках воды и пастбищ для своих стад в определенные времена года, пустыни, где люди, согнанные с насиженных мест врагом, могут легко найти временное прибежище, не имеют ничего общего с пустынями, простирающимися между Небесными горами и Куньлунем». Эти слова относятся и к Западной Гоби, огромной пустыне, лежащей к югу от Юм-бэйсэ и к северу от Алтан-усу в горах Арцайн-Нуру. Абсолютная сухость этого района исключает возможность какой-либо жизни. Только караваны верблюдов, которым под силу выдерживать длительные переходы без воды, отваживаются проникать в просторы пустыни.

Настоятель монастыря советовал нам идти тропой, пролежавшей к востоку от караванного пути Юм-бэйсэ — Аньсичжоу. По его словам, эта дорога была короче. До последнего времени ее считали опасной из-за шашек грабителей в окрестностях, но хорошо вооруженная экспедиция могла пойти на риск. По этому пути часто ходили контрабандисты, его хорошо знали монастырские ламы. Настоятель обещал дать нам такого проводника, на которого можно было бы положиться при выборе мест для лагерных стоянок и в поиске колодез.

Ранним утром следующего дня вместе с тибетским проводником я пошел в монастырь, чтобы договориться с настоятелем о цене на верблюдов и о дне нашего отправления. Монастырь находился в миле к северу от лагеря. Мы прошли узкими улочками, по обе стороны которых стояли юрты лам, к большой площади, где возвышались два храма. Они были сложены из кирпича, а фасады их украшали восемь деревянных колонн, расписанных ярким цветочным орнаментом. Углы храмов были защищены чжалцанами, или «победными знаменами», а над главным входом красовались «колесо закона» и два оленя¹²⁸. За храмом виднелась позолоченная крыша часовни, увенчанная ганджиром в виде вазы.

Настоятель жил в просторной юрте в огороженном дворе. Внутреннее убранство юрт лам почти везде одно и то же: у северной стены — алтарь с двумя или тремя позолоченными глиняными или медными изображениями святых, часто с фотографиями тибетских иерархов, богдо-гэгэна и других выдающихся деятелей ламаистской церкви Тибета и Монголии. На полу — толстый матрац, на котором обычно сидят гости. В центре юрты — очаг, а у противоположной стены — медные чайники и всякие принадлежности домашнего обихода.

Настоятель встретил нас у входа, и, после взаимных приветствий и вежливых вопросов о здоровье и о дороге, мы приступили к делу. По словам настоятеля, к концу сезона очень трудно найти верблюдов. Мы могли рассчитывать на двадцать его верблюдов, а остальных следовало нанять у богатых монастырских лам. Я попросил его помочь в переговорах. Он согласился, и мы пошли к известному караванщику ламе Самбу, который большую часть своей жизни водил караваны из Юм-бэйсэ в Аньси. Самбу оказался крупным мужчиной, с волевым подбородком, крутыми скулами и полной красноватой шеей, обладавшим чувством юмора. Он охотно согласился сопровождать экспедицию в качестве проводника и дать своих животных. После длительных переговоров мы остановились на цене 22 мексиканских доллара за верблюда. Самбу рассчитывал дойти до Шибочэна за 22 дня, если в пути все будет благополучно. Настоятель и Самбу согласились также продать нам несколько верблюжьих седел алашаньской работы. Основа такого седла — толстая подушка, по обе стороны которой ниспадают широкие ковровые борта. Кожаные стремяна крепятся под подушкой, служащей сиденьем. Длинная широкая подпруга удерживает седло между верблюжьими горбами. Некоторые седла превосходно отделаны и очень дорогие.

Мы с Портнягиным намеревались ехать верхом на верблюдах, чтобы пользоваться большей свободой для ведения разведки местности; для остальных членов экспедиции удалось раздобыть специальные сиденья.

Условившись с ламами о цене на верблюдов и о дне выступления, мы вернулись в лагерь. Перед заходом солнца задул очень сильный северо-восточный ветер, перешедший в ураган. Тучи песка обруши-

лись на лагерь, и мы не могли заснуть из-за рева ветра и хлопанья полотнищ палаток.

Незадолго до рассвета ураган усилился, моя палатка затрещала и внезапно обрушилась на меня. С трудом выбравшись из-под кучи песка и обрывков палатки, я не смог ничего разглядеть в бушующем мраке. Ветер крепчал, вскоре снесло и палатку караванщиков, однако они продолжали спокойно спать. Палатка Портнягина чудом держалась на шесте и одном колышке.

Мы с Портнягиным обходили лагерь, привязывая канаты и укрепляя колышки. Внезапно раздался грохот, словно сотни невидимых всадников налетели на лагерь, сметая все на своем пути. Это взлетела на воздух палатка-кухня, и все миски и ведра разметало по пустыне. Тотчас все проснулись, послышались крики: «Что случилось?», «Держите палатки!», «Не могу выйти!» На рассвете ураган стих, и мы навели в лагере порядок. Было ясно, что оставаться здесь больше нельзя. Мы нашли другое, более спокойное место у подножия гор Цаган-Обо, и профессор Н. К. Рерих распорядился перенести туда лагерь.

Горный хребет Цаган-Обо, сложенный из гранита, рассечен узкими долинами, заваленными обломками горных пород. Главная вершина его Цаган-Толгой нависала над нашей стоянкой.

Днем из монастыря пришли ламы и поинтересовались, как мы перенесли песчаный шторм. Они сказали, что ураган нанес большой ущерб монастырю, раскидав много юрт и сорвав флаги с крыш храмов. По их словам, ураганы и пыльные бури всегда предвещают наступление ранней весны.

Пользуясь наступившим затишьем, на следующий день мы отправились в монастырь. В большом храме мы наблюдали, как ламы и послушники раскрашивают деревянные доски для 333 томов Ганчжура и Данчжура. К сожалению, в храме не оказалось великолепных знамен из Восточного Тибета и Дэргэ, а большинство изображений святых было доставлено из Улан-Батора и Долоннора.

После осмотра монастыря мы вернулись в лагерь и занялись военными учениями. Впереди лежал район, кишачий грабителями, надо было быть начеку. Стреляли мы долго и в основном метко, но неожиданно появились ламы и попросили нас не тревожить дух Цаган-Толгой, не то он снова найдет ураган и песчаную бурю. Пришлось вернуться в лагерь.

Предсказание лам сбылось. Вскоре поднялся сильный ветер, и мы спешно принялись закреплять колышки палаток. Ночью ветер усилился, две палатки унесло в пустыню. Все вокруг заволочла плотная желтая мгла.

Утром 30 апреля снова установилась ясная и безветренная погода. Немного придя в себя после неистового песчаного шторма, мы занялись своими делами. На следующий день экспедиция рассчитывала выступить в путь.

ПО ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГОБИ

Затишье продолжалось недолго. Вскоре налетел сильный северо-восточный ветер, над вершинами Цаган-Обо сгустилась мгла. Повалил мокрый снег. В десятом часу лама Самбу привел караван верблюдов — молодых крепких животных, способных выдержать тяжелый переход через пустыню. Большинство из них почти целый год провели на пастбищах и были в хорошей форме. В половине двенадцатого мы сняли табор и, разделившись на три колонны, начали свой поход. Верблюды шагали понуро, на животных, замыкавших колонны, печально позвякивали большие колокольчики. Ветер улегся к полудню; мы спокойно шли по обширной каменной равнине.

Местность была однообразной и наводила уныние. После пятичасового перехода мы остановились у колодца, окруженного зарослями саксаула, и решили здесь заночевать. На севере высились суровые цепи Баян-Ундэра — ответвления Цаган-Обо, далеко на востоке угадывались смутные очертания Элгийн-Улы — одного из хребтов Гобийского Алтая. По поверью монголов, название лагерной стоянки произносить на месте вслух нельзя, иначе караван может постигнуть несчастье и верблюды погибнут. Именно по этой причине название нашей стоянки Цаган-худук, или «Чистый колодец», стало известно мне только на следующий день.

Вышли мы в путь, как обычно, утром. Перейдя равнину в южном направлении, караваны достигли границы низких песчаных холмов, протянувшихся более чем на пять миль к юго-востоку и югу. Еще южнее лежала обширная пустыня, покрытая лёссом и поросшая дёресуном*.

По пути мы прошли мимо нескольких монгольских аилов, относившихся к тому же хошуну¹²⁹, что и монастырь Юм-бэйсэ. Как и во всех пограничных районах Центральной Азии, население здесь было пестрое. Мы опознали торгоутов из Монгольского Алтая, монголов халха по крайней мере из шести хошунов и даже тибетцев из Амдо. Некоторые из них оказались бывшими ламами большого монастыря Гумбум в районе Синина провинции Ганьсу. Вскоре мы подошли к небольшой реке, на берегах которой стояли монгольские юрты. Здесь нам предложили купить великолепного белого верблюда. К сожалению, он был слишком молод и не годился для длительного перехода.

Перейдя через речку, мы вышли в пересеченную местность. Повсюду виднелись обнажения гранита, порфира и других горных пород. После двадцатипятимильного перехода экспедиция расположилась на отдых в круглой впадине среди холмов, хорошо защищенной от вет-

* *Дэресун*, или *чий*, — злак, растущий в пустынных местностях. Наиболее распространен в увлажненных понижениях.

ров. Место нашей стоянки называлось Хара-Боро; проводники говорили, что летом здесь выпадает довольно много осадков.

За Хара-Боро нам пришлось преодолеть несколько хребтов, окаймленных поясами дюн. Между этими хребтами лежали щебнистые и песчаные широтные долины, поросшие саксаулом. Постоянные ветры навсели холмики из песка и лёсса вокруг растений, затруднявшие продвижение верблюдов. Наш переход был очень долгим, потому что мы хотели непременно выйти к колодцу. Около семи вечера мы стали лагерем на небольшом щебнистом плато, прикрытом низкими холмами. На севере и северо-востоке плато было открыто, и вдали вырисовывались очертания гор Баян-Ундэра. Местечко стоянки называлось Цого-усу, что означает «Вкусная вода». «Цого» по-монгольски — отведать. По преданию, здесь стоял лагерь далай-ламы, бежавшего из Лхасы в 1904 году¹³⁰. Он шел по тому же пути, что и мы, но в обратном направлении. Местные монголы, хорошо помнящие это событие, дали стоянкам далай-ламы причудливые названия.

На другой день мы поднялись на низкий хребет и спустились в долину усохшей реки. Горы «росли» на глазах, и все мы восхищались мощью природы, создавшей фантастические нагромождения базальтовых и гранитных скал. Проводники обратили наше внимание на глубокие ямы, вырытые в россыпях гальки, и сказали, что это старые золотые прински, разрабатывавшиеся лет десять—двенадцать тому назад и разграбленные Джа-ламой.

К заходу солнца мы спустились с гор и остановились на северной границе каменистой равнины, поросшей саксаулом. Мы собирались уже ставить палатки, как неожиданно налетел холодный ветер, предвещавший приближение песчаной бури. Через несколько мгновений на лагерь обрушился ураган. К счастью, он бушевал недолго и перебросился на равнину. Ночь прошла спокойно, но на всякий случай были приняты меры предосторожности. Подобные песчаные бури всегда являются большим бедствием для путешественников. Страшной силы ветер ломает шесты, рвет полотнища палаток и забрасывает постели песком.

Наутро мы снова шли на юг по усохшему руслу реки. Стояли жаркие дни, и верблюды начали линять. После восьмичасового перехода мы остановились у колодца с водой отвратительного вкуса. Вокруг вздымались горы, далеко на юге виднелись вершины Шара-Хулсуни. По словам проводников, Шара-Хулсуни примечателен узким, поросшим лесом ущельем, по которому протекает небольшая горная речка. Ходит немало рассказов об этом одиноком оазисе в центре пустыни Гоби. Гоби между Юм-бэйсэ и Аньси пересечена целой системой горных хребтов, сложенных из кристаллических пород.

Я убежден, что многочисленные ущелья этих хребтов хранят множество останков ископаемой фауны, так же как и районы Сайн-Ноёна, Цаган-Нура, восточных отрогов Монгольского Алтая, хребтов Бага-Богдо, Арцайн-Богдо и Гурван-Сайхана, обследованные в 1922—

1923 годах экспедицией под руководством доктора Роя Эндрюса¹³¹. До последнего времени юго-западная Гоби почти не привлекала внимания ученых, если не считать нескольких европейских путешественников, побывавших в этих краях. Много еще надо сделать, чтобы восстановить картину геологического прошлого Гоби.

5 мая мы рассчитывали быть у Шара-Хулсуни и потому выступили пораньше. День выдался очень жаркий. Первые два часа пришлось идти по широким плитам из спрессованного песка и ила, изборозженным трещинами и перемежавшимся скоплениями гальки. Мы шли очень медленно, так как верблюды то и дело проваливались в песок, да и дальнейший путь оказался не легче. Постепенно равнина поднималась, и вскоре можно было отчетливо различить вершины Шара-Хулсуни. Тропу часто преграждали валуны, обломки скал и высохшие стволы деревьев. Монгольские проводники уверяли нас, что в период летних дождей здесь бушуют потоки, скатывающиеся с гор. Сильные дожди в Гоби выпадают обычно в июле и августе. Уже в Наньшане, спустя несколько месяцев, мы стали очевидцами разгула водной стихии.

Около четырех часов дня, когда люди и животные совершенно изнемогли от жары, мы заметили темные точки у подножия гор у входа в узкое ущелье. Кто-то из монголов крикнул: «Деревья!» Мы не поверили. Однако точки действительно оказались деревьями. Как было приятно войти в прохладу ущелья и раскинуть палатки на зеленых лужайках! Погонщики быстро разгрузили верблюдов и отвели их в густые заросли ивы, немного выше по реке. Мы перешли речку и вскоре нашли замечательное место для лагеря в тополной роще. Сколько времени прошло с тех пор, а не забылась ее прохлада! Даже рододендроновые леса в Сиккиме не оставили такой памяти. Мы решили перенести лагерь в рощу.

Звонко пела небольшая горная речка, шумели тополя и заросли тростника на ее берегах. Когда-то здесь выпадало гораздо больше осадков и оазис занимал большую площадь. На берегах Шара-Хулсуни-Гола мы видели волков и куланов, а также дзеренов. Здесь водятся и зайцы. Пернатые представлены огромными черными грифами, парящими высоко над ущельем, и гусями.

Известный исследователь Центральной Азии П. К. Козлов в 1901 году любовался великолепными лугами и лесами на склонах Атик-Богдо, по-видимому являющегося отрогом гор Шара-Хулсуни*. Еще одно такое благословенное место было открыто английским исследователем Дугласом Каррутерсом¹³², обнаружившим в южных и восточных отрогах хребта Карлыкдаг лиственные и сосновые леса. Изучение оазисов Гоби, затерянных в ее беспредельных просторах, очень важно для науки.

Мы не удивились, когда на берегах реки увидели остатки строений и запущенные плантации. По словам проводников, несколько де-

* См.: П. К. Козлов. Монголия и Кам. М., 1947.

сятелетий назад сюда приходили китайцы из Аньси, чтобы выращивать мак.

Оазис находится на стыке двух важных караванных путей Центральной Азии: Юм-бэйсэ — Аньси и Хух-Хото — Гучэн. Кроме того, по ущелью пролегает еще тропа торгоутов, по которой они выходят на тракт Хух-Хото — Гучэн. Именно поэтому ущелье всегда привлекало грабителей, и Джа-лама расставлял здесь посты, чтобы выслеживать караваны, идущие из Китая, Тибета и Монголии. Даже после его смерти грабежи в ущелье были в порядке вещей. Всего месяц назад здесь был ограблен большой караван верблюдов, шедший в Гучэн, и убит один из погонщиков. Наши монгольские проводники забили тревогу, и мы решили выставить ночной дозор. Положение осложнялось тем, что в случае нападения нам пришлось бы оборонять два лагеря, поскольку экспедиция расположилась на обоих берегах реки. Однако именно это обстоятельство избавило нас от возможных жертв, о чем я сейчас и хочу рассказать.

Уже поздним вечером, когда стемнело, в лагерь прибежал погонщик верблюдов и с волнением сообщил, что видел только что в ущелье вооруженных всадников. Необходимо было тут же выяснить, кто эти люди. Но не успели мы обменяться мнениями, как вдруг неподалеку раздался выстрел, за ним последовал второй. Часовой на противоположном берегу реки поднял тревогу, все кинулись к оружию. Часовой различил в темноте двух всадников с винтовками, один из которых сидел на белом коне; стреляли они в сторону нашего лагеря.

Николай Константинович Рерих приказал готовиться к обороне. Было решено оставить снаряжение под охраной четырех человек, с тем чтобы остальные заняли позицию к югу от второго лагеря. Эта позиция позволяла не только оборонять оба лагеря, но и контратаковать противника. Несколько минут прошло в напряженном ожидании. По шуму, доносившемуся сверху ущелья, можно было заключить, что к лагерю движется большой вооруженный отряд. Послав в разведку тибетца, я поручил Портнягину прикрывать лагерь, а сам с двумя стрелками занял удобную позицию в кустах на берегу реки. В ущелье воцарилась томительная тишина. Вдруг мы услышали лай собак. Елена Ивановна Рерих высказала мысль, что собаки могут быть только у караванщиков или паломников. Вскоре вернулся тибетец и рассеял нашу тревогу. Оказалось, что это был большой караван, державший путь из Хух-Хото в Гучэн и Урумчи.

Неожиданное появление тибетца так напугало караванщиков, что они вскочили, затушили костер и встретили его в полной тишине. Они просили не причинять им вреда и даже пообещали ему щедрое вознаграждение деньгами или товарами. Тибетцу стоило большого труда разъяснить им, что мы не разбойники, а участники научной экспедиции. Наконец караванщики поверили ему и сказали, что приняли нас за грабителей, и предводители каравана, китаец и татарин из Кульджи, поехали верхом к нашему лагерю и дали два выстрела, чтобы

напугать нас. Хорошо, что все мы находились во втором лагере; иначе пришлось бы открыть ответный огонь, что могло привести к жертвам.

Мы вернулись в палатки довольные, что все обошлось благополучно, но кое-кто из наших людей ворчал. Еще бы! Бандиты оказались вовсе не бандитами, а насмерть перепуганными торговцами. Наутро китаец и татарин явились в лагерь и принесли свои извинения.

На другой день, дав верблюдам нагуляться на привольных пастбищах Шара-Хулсуни, мы пошли дальше. Ущелье сперва сузилось, потом немного расширилось. Растительность вскоре исчезла, мы шли по безжизненной местности. По дороге нам попало несколько верблюдов, брошенных караваном. У животных были стерты ноги, и их мог спасти только длительный отдых.

Вышли мы на равнину уже поздним вечером. Справа и слева тянулись невысокие холмы, но характер местности было невозможно определить. В час ночи стали лагерем у ручья Билгек. Отсюда на юго-запад ведет караванная тропа, а кружной путь, по которому мы собирались идти, ответвлялся к югу. На устройство табора ушло много времени, и только в третьем часу ночи нам удалось подкрепиться чаем.

7 мая день обещал быть жарким. Куда ни глянешь — везде унылые песчаные дюны, уходящие далеко на юг. В полдень мы начали готовиться к переходу. Погонщики поили верблюдов и смазывали мазью язвы на боках животных, натертые седлами. Если верблюды заболеют — гибели экспедиции не избежать.

Трудно дался нам переход через пояс песчаных дюн. Преодолев его, мы вышли в степь, покрытую черным плащом мелкого камня. В знойном воздухе мерцали миражи, манившие к неведомым озерам и островам; черная поверхность пустыни отливала опалом.

Караван втягивается в узкое ущелье, заваленное огромными валунами, и переваливает через низкий хребет Ханин-Нур, протянувшийся с северо-запада на юго-восток. Острые гранитные скалы сменяются черными скоплениями базальта. На вершинах гор притаились фантастические замки и крепости, изваянные природой. Верблюды шагают мерно, мрачно поглядывая по сторонам. Следом за ними так же угрюмо идут погонщики. Изредка на тропе попадают фаллические изображения, выложенные белыми камешками. Монголы уверяли меня, что это дело рук китайских торговцев.

Но зато как величественны в пустыне восходы и закаты солнца! Внезапно небо заливают багрянец пожара, и безбрежная равнина тут же отзывается мощной вспышкой огня. Спустя несколько секунд краски гаснут, необозримые просторы пустыни погружаются в крошечную тьму.

На поразительно черном небе тотчас появляются звезды, и кажется, что это тысячи светильников сияют вокруг невидимого алтаря. Особенно прекрасна луна, заливающая нежным голубым светом

пустыню, это сердце Центральной Азии, покрытое мрачным камнем.

В полночь мы останавливаемся, ставим палатки и привязываем верблюдов. Как тяжело было наблюдать страдания этих животных, истомленных мучительной жаждой!

Завтра — то же, что и сегодня, и вчера. Мы идем весь день и весь вечер, а черному царству камня, кажется, нет конца. Около полуночи останавливаемся, но сил поставить палатки нет. Ночь проводим под открытым небом, на рассвете снова завьючиваем верблюдов и идем дальше. Некоторые верблюды ослабели, мы пойм их из фляжек. В полдень жара становится невыносимой, все в караване считают часы, когда мы выйдем к хребту на юге пустыни.

Но вот мы у цели и жадно пьем воду из колодца Алтан-усу, вырытого у подножия хребта. Лет двадцать назад здесь работали золотискатели, но Джа-лама положил конец промыслу. По словам монголов, это место пользуется дурной славой, так как и поныне здесь орудуют грабители. Пришлось принять меры предосторожности и выставить дозор.

Первую половину дня 9 мая мы отдыхали, а в четвертом часу вышли в путь. Поднявшись на плоский мыс, караван втиснулся в узкое ущелье. Местами на тропе можно было различить следы лошадиных копыт; по-видимому, где-то недалеко были люди. Наши проводники то и дело поднимались на скалы и внимательно осматривали местность. Караванщики, у которых не было винтовок, несли шесты для палаток в ружейных чехлах, и издали казалось, что все наши люди вооружены до зубов. Мы прошли мимо стоянки со следами костров и кучами лошадиного навоза. Навоз был свежий, и это говорило о том, что люди ушли отсюда несколько дней назад. По словам проводников, при Джа-ламе ущелье охранялось отрядом вооруженных грабителей.

Преодолев крутой перевал, мы пересекли широкое плато и к полуночи остановились у высохшего речного русла. К юго-западу возвышались массивный Ихэ-Мацзы-шань и Бага-Мацзы-шань. Не так давно в этой округе орудовал Джа-лама, а некоторые его сообщники и поныне грабят здесь караваны. Вблизи лагеря мы обнаружили множество стреляных гильз, свидетельствовавших о происшедшем здесь сражении, а чуть подальше, в лощине, — трупы лошадей и верблюдов.

Ночь прошла спокойно. После полудня мы отправились в путь. Верблюды, учуяв, что где-то неподалеку должна быть вода, бодро шагали по земле, покрытой соляной коркой. Караван двигался бесшумно, с привязанными колокольчиками. Посланные вперед разведчики должны были подыскать подходящее место для стоянки. Мы знали, что находились неподалеку от крепости Джа-ламы, и поныне служащей пристанищем для остатков его шайки.

Вдруг вдали вспыхнул огонь. Что это — стан грабителей или костер наших людей? Караван остановился, и мы с Портнягиным отправились на разведку. Вскоре мы услышали голоса наших стрелков.

Город Джа-ламы

Чтобы не испытывать судьбу, решено было стать лагерем у ручья, протекавшего поблизости. Через час здесь уже стояли палатки, а костры словно бросали вызов цитадели грабителей. Ночью лагерь охраняли двое часовых; стрелкам я приказал быть начеку и не расставаться с оружием.

Утром, когда рассвело, крепость Джа-ламы оказалась совсем рядом. Если бы там засели грабители, они могли бы легко напасть на лагерь. Николай Константинович Рерих распорядился осмотреть замок, и я предложил стрелкам конвоя сопровождать меня и Портнягина. Однако люди, которые всегда отличались дисциплинированностью, на этот раз наотрез отказались выполнять приказ. Они говорили, что готовы драться с кем угодно, но только не с подручными Джа-ламы. Мы были вынуждены идти одни, условившись, что, если в замке никого не окажется, помашем с башни винтовками, выстрелами же дадим знать, что замок занят.

Войдя в крепость, мы быстро поднялись на сторожевую башню и оттуда осмотрели замок, который казался совершенно безлюдным. Потом спустились во двор. Мертвая тишина. Ни собак, ни людей, только кучи мусора. Резиденцией Джа-ламы, судя по всему, служил двухэтажный квадратный дом с плоской крышей и сторожевыми башнями на углах. К зданию прилегали два двора, обнесенные высокими кирпичными стенами. Здесь находились помещения для телохранителей, конюшни и кладовые. Открыв массивную дверь, мы вошли в про-

сторный зал с очагом посередине. На второй этаж, где располагались личные покои Джа-ламы, вела каменная лестница. Стены и потолки комнат почернели от дыма, в окнах не было рам, а пол мог выдержать не более двух-трех человек.

И все же эта разбойничья цитадель производила впечатление. Мало того, что ее охватывало несколько поясов стен с башнями, сторожевые вышки виднелись и на ближайших скалах и холмах, и в каждой из них, по-видимому, располагался небольшой гарнизон. Здесь же, поблизости от крепости, некогда стояло несколько сот юрт. Осмотрев крепость и сторожевые вышки, мы снова поднялись на башню и подали условный знак. На обратном пути в лагерь мы встретили стрелков конвоя, которые шли нам на выручку, зная, что в крепости никого нет.

Неожиданно в долине показался китайский караван, шедший из Хух-Хото в Гучэн. Это были торговцы из Хух-Хото, предварительно подписавшие с грабителями «договор о ненападении». Мы послали одного из своих спутников переговорить с китайцами. Беседуя с торговцами, он обратил внимание на вооруженного торгоута, оказавшегося сообщником Джа-ламы. Торгоут, интересовавшийся, сколько в экспедиции людей и винтовок, жаловался, что плохо вооружен. Однако кроме старого мушкета у него был еще и немецкий карабин. По словам торгоута, в горах северного и юго-западного Мацзышаня все еще орудует около двухсот грабителей, да и здесь их немало.

Позднее несколько бандитов пришли в наш лагерь. В шкурах на плечах, повязанные голубыми платками или в меховых шапках на голове, держались они подчеркнуто независимо. Их вооружение состояло из старых берданок, карабинов и мушкетов. Покончив, по их словам, со своим прошлым, они занимались скотоводством и охотой, поставляя пушнину на рынки Аньси и Юймыньсяня. На «гостей», по-видимому, произвели большое впечатление наши винтовки, и они довольно скоро удалились.

Около трех часов дня наш караван выступил в путь и после двухчасового перехода вошел в узкую долину реки Балгантая. По дороге мы встретили торгоутов, ехавших на охоту. Один из них оказался нашим вчерашним «гостем», а у другого было отрезано правое ухо. Все вместе они производили неприятное впечатление. Торгоуты сообщили нам, что большинство их друзей ушли на север, так как они боялись генерала Фэн Юйсяня, шедшего в Хами.

На другой день мы снова шли по долине Балгантая. В верховьях реки, на крутых горных склонах можно было видеть горных козлов.

Ночевали мы на небольшом плато вблизи дороги Хух-Хото—Хами. Долина Балгантая, постепенно расширяясь, переходила в низменность, покрытую скудной травой. Поздно вечером экспедиция остановилась у подножия отвесной скалы, на вершине которой виднелись развалины китайской сторожевой вышки. Маленький ручеек утолил жажду верблюдов и лошадей. Наутро мы с трудом поднялись на ска-

лу и осмотрели развалины. От башни осталась только часть стены. Днем мы снова шли по долине, которая незаметно переходила в высохшее речное русло. Монгольские проводники говорили, что в дождливое время года здесь протекает река. Наше внимание привлек небольшой храм на одном из утесов, но внутри его оказались только груды обломков.

15 мая мы оставили позади холмы Бэйшаня, поднимавшиеся к северу от низменностей Ганьсу, и в последний раз оглянулись на развалины сторожевых башен, когда-то охранявших эти пустынные земли. Караван шел под палящим солнцем на юг по беспредельной пустыне. На востоке простирался невысокий хребет Бэйсяньшань, далеко на юге угадывались очертания северных валов Наньшаня. Местность была безжизненной: нигде ни ручья, ни колодца, но впереди лежали китайские деревни. Мы приближались к провинции Ганьсу. После захода солнца воздух стал гораздо прохладнее и верблюды прибавили шагу. Повсюду виднелась глубокая колея, выбитая колесами тяжелых китайских телег. Поздним вечером экспедиция вышла к реке Аньси, или Сулэхэ, текущей в направлении Дуньхуана, по берегу которой проходил древний путь. Мы решили здесь немного передохнуть. Развьючив верблюдов, все сидели у костров и наслаждались покоем и прохладой. Тишину неожиданно нарушило блеяние овец, погоняемых пожилой монголкой. Женщина сказала, что принадлежит к монголам халха, но раньше жила на границе Ганьсу, поставляя овец и шерсть на рынки Аньси и Сучжоу.

Через два часа караван двинулся к реке, берега которой были занесены песком. Широкое русло Сулэхэ, к счастью для нас, обмелело, так как вода была отведена в оросительные каналы. Перейдя через реку, мы вышли на широкую дорогу, связывавшую Пекин с Синьцзяном. По сути, это была даже не дорога, а целый ряд параллельных трактов, изрезанных колесами телег*.

Мы ожидали увидеть на дороге войска, но она оказалась пустынной. Чуть поодаль на покосившихся столбах провисли провода телеграфной линии Пекин—Урумчи. В полдень наш караван остановился в небольшом лесу на берегах притока Сулэхэ. Тибетец отправился навестить своих друзей в ближайшей деревне, а мы расположились в тени деревьев. Стояла гнетущая духота, воздух был насыщен мель-

* Экспедиция должна была зайти в Аньси, но в последний момент решила обойти его стороной. Н. К. Рерих так писал об этом: «Подходим к Аньси. Неясные слухи о каких-то китайских войсках. Встретиться с ними хуже, чем с людьми Джаламы. Обойдем Аньси ночью. Но нирва (проводник. — Ред.) теряет дорогу. Рассвет застает нас перед стенами Аньси. Поворачиваем верблюдов и спешим перейти широкий, быстрый арык. К вечеру уже выйдем за пределы Ганьсу и вступим в область Кукунора. На горах развалины крепостей — памятники бывших восстаний дунган.

Быстрые речки. Впереди снежная цепь Наньшаня (см. Н. К. Рерих. Указ. соч., с. 252).

чайшей лёссовой пылью. Вернувшись в лагерь, тибетец сообщил, что дорога в Шибочэн хорошая и нам следует поторопиться.

Не мешкая, мы завьючили верблюдов, и караван вскоре снова брел вдоль подножия Наньшаня. Ни ветра, ни облачка. Верблюды шагали медленно и часто протяжно кричали, как бы давая знать, что они очень устали. Они быстро облезали, и это нас беспокоило. Успеем ли мы дойти до Шибочэна прежде, чем верблюды перелиняют?

Пустыня была залита таким ослепительным светом, что люди прикрывали глаза ветками. После изматывающего двухчасового перехода мы вошли в узкое ущелье. В горах стало прохладнее, верблюды пошли быстрее. Караван спустился в широкую болотистую долину, к югу от которой белела величественная вершина Цаган-Чулуту. В долине мы увидели несколько монгольских айлов и табуны лошадей. Здесь же паслись коровы и овцы. Монголы встретили нас дружелюбно. Они оказались халхасцами, эмигрировавшими в Ганьсу десять лет назад. Среди них было несколько эдзин-гольских торгоутов, одного из которых мы зачислили в конвой. Здесь же нам удалось познакомиться с цайдамскими монголами, вообще редко посещающими северные склоны Наньшаня. Эта стоянка нам запомнилась и тем, что в караване появилась первая лошадь — гнедой жеребец, благополучно дошедший до Чунака в Тибете и там околевавший от голода.

Мы поставили только две палатки, и большинство наших спутников спали под открытым небом. Стояла изумительная звездная ночь, и снежный покров Цаган-Чулуту ясно выделялся на фоне темно-опалового неба. На другой день мы вышли поздно. Казалось, от лагеря до подножия гор рукой подать, но потребовалось целых три часа, прежде чем караван вошел в ущелье, по которому течет река Шибочэн. Поздним вечером мы расположились на травянистой террасе под сенью старых тополей и немного пришли в себя после гнетущей жары в Ганьсу. А утром снова была дорога, сулившая нам самые неожиданные приключения.

Вот что произошло в ущелье. Караван спокойно шел по тропе, как вдруг из-за кустов выскочил маленький ослик. Верблюд, шедший впереди, подпрыгнул, сбросил седока и помчался куда глаза глядят. Остальные животные последовали его примеру. К счастью, верблюд, на котором ехала Елена Ивановна Рерих, и еще несколько животных вовремя остановились. Нагнав караван, я поскакал за перепуганными верблюдами и нашел погонщика лежащим на дороге без сознания. Вызвав врача, мы привели его в чувство. Верблюдов удалось вернуть в караван только через час. У многих животных шла носом кровь, так как палочка, за которую их привязывают друг к другу, разорвала им ноздри.

Когда волнение, вызванное этим происшествием, улеглось, мы пошли дальше. Нас заинтересовала скала с ростовым изображением Майтрейи, высеченным в IX или X веке. Далай-лама, проезжавший здесь в 1904 году, признал, что это изображение таинственным обра-

зом появилось на поверхности скалы, и велел построить над ним небольшую часовню.

Преодолев гряду низких холмов, мы форсировали речку, а всего за время этого перехода нам пришлось искать брод не менее десяти раз. Неожиданно впереди показался монгол верхом на верблюде. На нем были темно-синий халат, опущенный мехом выдры, и маленькая белая войлочная шапка. Монгола сопровождала жена, ехавшая на лошади. Оказалось, что у них украли верблюда, и супруги отправились на поиски похитителя. После короткого разговора с этой четой, хорошо известной нашим проводникам, мы продолжили путь. Монголы сказали нам, что в оазисе Шибочэн можно нанять неплохих верблюдов.

Песчаниковые холмы поднимались все выше, их выветренные вершины напоминали причудливые замки и крепости. Недалеко отсюда находятся «Пещеры тысячи будд», где побывал Аурел Стейн во время своей второй экспедиции в 1908—1909 годах. Поздно вечером мы разбили лагерь на небольшом плато у реки. На противоположном берегу стояли палатки китайского каравана из Юймыньсяня — маленького городка к востоку от Аньси. Китайские дельцы из Ганьсу проводят лето в высокогорных долинах Наньшаня, продавая монголам китайский шелк, европейскую одежду, металлические изделия, а также рис и муку, и покупают верблюдов, овец, рогатый скот и лошадей. Торговля ведется на основе товарообмена с широким использованием кредита, но не в таком масштабе, как во Внешней Монголии до ее независимости*. По соседству с монгольскими аялами и юртами племенных вождей всегда можно увидеть голубую палатку китайского купца.

В десятом часу утра наш караван уже поднимался вверх по речной долине, поросшей можжевельником и тальником. Горы постепенно отступили от реки, и мы снова увидели величественную Цаган-Чулуту. Выйдя на равнину, мы пошли дорогой, по обе стороны которой лежали возделанные поля. Это и был долгожданный оазис Шибочэн. Дальше, за зеленой чертой оазиса, снова раздавалась вширь исполнинская грудь пустыни. С большим трудом мы распутали сеть протоков реки, где верблюды то и дело проваливались по колено в топком болоте, и, выйдя на песчаное плато, решили здесь остановиться. Наше путешествие на нанятых верблюдах подошло к концу, мы должны были отпустить погонщиков и проверить сохранность грузов. Один из караванщиков в последнее время жаловался на недомогание. Врач нашел у него воспаление легких и сердечную недостаточность. Ника-

* «...Деятельность китайских торговых фирм в Монголии, — пишет советский историк Г. С. Горохова (Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства. М., 1980, с. 88), — привела к тому, что скот — основное богатство Монголии — перестал быть собственностью монгольских аратов, а подчас даже и некоторых монгольских феодалов».

кие лекарства не помогали, надежды на выздоровление не было, и на следующий день монгол умер.

В день прибытия экспедиции в оазис нас посетил монгольский старейшина — полный, хитроватый с виду мужчина лет пятидесяти. Он обещал дать нам верблюдов и лошадей до Нагчу. По его словам, в Шибочэне довольно сложно достать провизию и будет лучше для нас, если мы поручим ему закупить продовольствие в Аньси или Чан-мабаоцзы, большой китайской деревне к востоку от оазиса. Мы расстались друзьями.

ВОИНСТВЕННЫЙ ДЖА-ЛАМА

В просторах Центральной Азии порой встречаются удивительные личности, оказывающие таинственное влияние на своих соотечественников. В этой главе я расскажу о Джа-ламе, «воплощении» Амурсаны¹³³ — западномонгольского вождя XVIII века. Дэнбэй Жалцзэнь, или просто Джа-лама, был одной из характерных фигур монгольской национально-освободительной революции 1911—1912 годов. Его жизнь покрыта тайной, и никто не знает точно, откуда он родом и каковы были его истинные намерения. Очень трудно собрать воедино все имеющиеся сведения о его жизни, настолько пестрой была она и такими далекими были его путешествия. Ареной его деятельности служила вся Азия — от Астрахани до Пекина и от Урги до Индии.

Мне удалось узнать много интересного о Джа-ламе у монгольских лам и пастухов, чьи судьбы сталкивались с судьбой страшного воина-монаха. Эта единственная в своем роде личность в течение тридцати пяти лет буквально держала под гипнозом всю Монголию. Даже теперь, спустя шесть лет после его смерти, монголы испытывают ужас при одном упоминании имени Джа-ламы и вместе с тем поклоняются ему как воплощению одного из своих вождей. Они меня часто спрашивали, был ли этот человек бурханом, или божеством, или же только могущественным главарем шайки грабителей, воплощением всевластного демона. Простодушные кочевники до сих пор не могут решить этот вопрос и выдвигают различные объяснения...

Этот странный человек совмещал в себе самые противоположные наклонности. Он строил замки в центре южномонгольской Гоби и изучал трудные для понимания руководства по буддийской метафизике, лично обучал своих людей военному искусству и мечтал о духовном возрождении монгольских племен. Ему приписывали обладание чудодейственной силой, которая, однако, не помогла ему, когда он был смертельно ранен монгольским офицером. В книге «Люди, животные и боги» Ф. Оссендовский¹³⁴ описывает Джа-ламу как ламу-мстителя по имени Туше-гун-лама. Но настоящее имя его было Балдан.

Родился он в Астраханской области на юге России и происходил из Бага-Дэрбэт-улуса. В детстве его привезли в Монголию и отдали в большой монастырь Долоннор. Отсюда он совершил паломничество в далекий Тибет и много лет учился в школе Гоман, или дацане, лхасского монастыря Брайбун*, к одной из общин которого причислены монгольские ламы. Вероятно, именно в этот период он посетил Индию. Он великолепно знал все тибетские монастыри и много рассказывал о своих схватках с бандами голоков¹³⁵. В юности в его характере проявились честолюбие, необузданность нрава и жестокость. Говорят, что во время спора он убил своего друга и, чтобы избежать сурового наказания, был вынужден бежать из Лхасы. По-видимому, это событие явилось поворотным моментом в его жизни. С тех пор он вел жизнь странствующего монаха, полную поразительных приключений, мессианских пророчеств и жестоких деяний. Люди, близко знавшие его, утверждали, что он обладал глубокими познаниями в области буддийской метафизики и тайных тантрийских учений и пользовался большим авторитетом среди высших монгольских лам. По его словам, он заведовал отделом в дацане Чжанчжа-хутухты—духовном заведении, занимавшемся изданием календарей, а также различными астрологическими и метафизическими вопросами. Джа-лама мог бы многое рассказать о своих путешествиях по Индии, Китаю, Тибету и Монголии. Он свободно владел тибетским, монгольским и китайским языками и неплохо знал санскрит и русский. Ламы говорили мне, что Джа-лама учился на юридическом факультете Петербургского университета, но я сомневаюсь в справедливости этой версии. Во всяком случае, это был очень образованный человек, знавший многие страны не понаслышке. Монголы утверждают, что Джа-лама обладал колоссальной силой воли и мог легко гипнотизировать людей.

Первое появление Джа-ламы во Внешней Монголии относится к 1890 году. Профессор А. М. Позднеев в своей работе «Монголия и монголы» дал краткий обзор этого периода его деятельности. Во время посещения большого ламаистского монастыря Амур-баясхаланту Позднеев записал рассказ о великом ламе, который появился в Монголии осенью 1890 года, проехав от пограничного пункта Дзун-Дзилика до Улясутая, а оттуда в Ургу. Джа-лама носил меховую шапку с золотой ваджрой и раздавал золото и червонцы беднякам. Он везде говорил, что он Дэнбэй Жалцзэн, сын Тэмурсаны, который был, в свою очередь, сыном знаменитого Амурсаны. Он говорил также, что он не только потомок Амурсаны, но и его воплощение, и что он пришел, чтобы освободить Монголию от китайского ига. Кочевники верили и, приветствуя Джа-ламу, низко ему кланялись, выражая этим свое глубокое уважение. К Джа-ламе присоединились двое влиятельных монгольских лам, Жалханза-хутухта и Илгусан-хутухта, впоследствии попавшие под слежку китайских властей. Чтобы снять с них

* Другое название — Дрэйпун.

подозрение, двое рядовых лам взяли на себя их вину и, приговоренные китайцами к смертной казни, приняли яд.

Вскоре китайцы арестовали его и перевели в Улясутай. Джа-лама отказался отвечать на вопросы следователя и предъявил китайцам паспорт на имя астраханского калмыка Дэнбэя Жалцзэня. Китайцы ограничились проверкой документов и отпустили Джа-ламу, не осматривая его вещей.

Из Улясутая Джа-лама отправился в Кобдо, где провел несколько месяцев. Из Кобдо он вернулся в Улясутай, а оттуда выехал в Ургу, где был снова арестован и выслан в Кяхту. Целых десять лет о нем не было ничего слышно, но, возможно, именно в этот период он совершал частые поездки в Цайдам¹³⁶ и Северо-Восточный Тибет. Курлык-монголы из Цайдама помнят, как он проходил по западному цайдамскому пути через Махай со своим помощником. По-видимому, Джа-лама никогда не порывал связей с Тибетом и часто бывал в Лхасе. В 1900 году он нанялся проводником в экспедицию П. К. Козлова, направлявшуюся в тибетскую провинцию Кам, под именем Шенраб-ламы. В Нгомчу тибетские власти задержали экспедицию, несмотря на то, что Козлов вез подарки далай-ламе от русского императора. П. К. Козлов поручил Джа-ламе вести переговоры с тибетцами, но он покинул экспедицию и уехал в Карашар в Восточном Туркестане, где остановился у местного торгоутского князя. Из Карашара Джа-лама направился в Кобдо и Ургу, откуда его послали на поиски экспедиции П. К. Козлова. После этого он исчезает еще на десять лет, и нам совершенно ничего не известно о его деятельности в этот период. В 1910 году Джа-лама снова появился в Карашаре. По словам русского купца Краджева, его было не узнать: раньше он отпускал бороду, а теперь был гладко выбрит и носил европейскую военную форму под желтым ламским халатом. Из Карашара Джа-лама направился в Кобдо, а весной 1912 года неожиданно объявился в Хангельцнике в лагере дэрбэтского князя Тумэн-гуна.

Еще в 1890 году говорили, что Джа-лама — «воплощение» Амурсаны, умершего в 1755 году*. Древнее пророчество предсказывало, что во время новой войны монголов с китайцами явится вождь по имени Дэнбэй Жалцзэнь, который продолжит дело Амурсаны и возродит Ойратское государство. Всякий, кто слышал о магическом действии пророчеств на буддистов Центральной Азии, поймет причины успеха Джа-ламы. Его появление в Кобдо вызвало суматоху, и толпы кочевников стекались со всех сторон к вождю, призывавшему к священной борьбе с китайскими угнетателями.

Вскоре Джа-лама собрал большой вооруженный отряд, занявший Ургу и Улясутай**. Когда очередь дошла до Кобдо, Джа-лама потре-

* Амурсана умер в 1757 г. в Тобольске от оспы. См.: Г. С. Горохова. Указ. соч., с. 106.

** Ургу и Улясутай, где находилась резиденция верховного маньчжурского наместника в Монголии, занял не отряд Джа-ламы, а отряды восставших монголь-

бывал передать ему ключи от ворот крепости. Однако губернатор, в распоряжении которого находилось около тысячи солдат и китайских ополченцев, не принял ультиматум. Тогда Джа-лама объявил китайскому гарнизону Кобдо войну. Он быстро собрал пять тысяч всадников и повел их на крепость. И снова, как и много веков назад, монгольские степи сотрясал топот десятков тысяч лошадиных копыт. Здесь были монголы халха в меховых шапках, желтых и багряных халатах, вооруженные карабинами и берданками; монголы чахары в маленьких круглых шапочках и желтых халатах, препоясанные патронташами, отделанными серебром, тувинцы из Урянхая в острокопечных меховых шапках и тулупах; торгоуты с Булгана, повязанные синими платками, в зеленых халатах и кожаных сандалиях. Войском официально командовал князь Сурэн-гун*, но фактически его предводителем был Джа-лама**.

6 августа*** 1912 года, после трехмесячной осады, несмотря на отчаянное сопротивление гарнизона, крепость пала.

Встревоженные успехами повстанцев, китайцы направили в Кобдо войска из Гучэна и Шар-сумэ, но каратели дошли только до местечка Чаган-Донге, в двухстах милях к юго-западу от Кобдо, и остались там зимовать. Монгольские войска заняли позицию у пресвала Улан-дабан. Не решившись перейти в наступление, китайцы повернули обратно. В 1913 году монгольские войска были расформированы. Немецкий путешественник Х. Гонштейн во втором томе книги «Пастбища Монголии» описывает укрепленный лагерь монголов у Улан-дабана. Он не встречался с Джа-ламой, но на него произвели большое

ских аратов. На волне успехов национально-освободительного движения, главной силой которого выступали албаты — государственные крепостные и хамжлага — крепостные светских феодалов, к власти в стране пришла группировка богдо-гэгэна Джэбдзун-Дамба Очирдара-хутухты (1870—1924), 16 декабря 1911 г. издавшего указ о провозглашении независимости Монголии.

Джа-лама, судя по воспоминаниям А. В. Бурдукова, встречавшегося с ним летом 1912 г. в Хангельнике, был скорее всего одним из доверенных лиц группировки богдо-гэгэна, ведших антикитайскую агитацию в Кобдоском округе. Осадой же Кобдо, а затем штурмом города и цитадели руководил народный герой Монголии С. Максаржав (1878—1927), за проявленную при этом доблесть позднее удостоенный почетного звания Хатанбатор («Крепкий, как скала»).

С падением Кобдо чужеземцы были изгнаны с территории Автономной Монголии. Вскоре С. Максаржав отличился при ликвидации вылазки пекинского ставленника Палта-вана, а в 1913 г., отражая происки китайской военщины, нанес поражение агрессорам на территории Внутренней Монголии. Значительной была роль Хатанбатора С. Максаржава и в очищении северо-западных районов Монголии от унгерювских банд в 1921—1922 гг. См. подробнее: Б. Ширендыб. Хатанбатор Максаржав. М., 1980.

* По-видимому, имеется в виду С. Максаржав, обладавший княжеским титулом туслагч-гун. В 1916 г. ему был присвоен титул дархан цин-ван, в 1917 г. — жуи-ван. После победы народной революции в Монголии С. Максаржав отказался от всех своих княжеских титулов. См.: Б. Ширендыб. Указ. соч., с. 14, 15, 34.

** Это утверждение не соответствует истине.

*** Город был взят отрядами С. Максаржава на рассвете 8 июля 1912 г., а цитадель, где засел китайский гарнизон во главе с амбанем, — позднее.

впечатление строжайшая дисциплина в войске и чистота и порядок на стоянке.

За заслуги перед Монгольским государством Джа-лама получил титул туше-гуна, а позднее на реке Кобдо, в шестидесяти милях от города Кобдо, ему доверили целый хошун. Так он стал военным губернатором Кобдо и одним из самых могущественных князей Монголии. В своем хошуне Джа-лама осуществил ряд нововведений, и в этом выразилась противоречивость его натуры. Он начал заниматься земледелием и даже заказал кое-какие сельскохозяйственные машины в России, а его люди строили дома, запасали на зиму сено и носили русскую обувь. Он построил несколько школ и основал образцовый монастырь, зачислив многих лам на военную службу; его войска обучались по всем правилам современного военного искусства. Он старался улучшить породы лошадей и рогатого скота и выписывал племенных животных из России. В то же время он был безжалостен к врагам и редко доверял своим помощникам. Рассказывают, что он лично пытал пленных, вырезая куски кожи на их спинах и выжигая клеймо. Однажды монахи восстали против его порядков, и сразу же несколько лам были запороты насмерть. Все монгольские князья в районе Кобдо боялись Джа-ламы и даже прислуживали ему, подводя к нему коня и придерживая стремена.

Правил Джа-лама хошуном недолго. Из-за стычки с офицером охраны русского консульства в Кобдо его арестовали и выслали в Россию. Прошло какое-то время — и Джа-лама снова появился в районе Кобдо. Слухи о его зверствах дошли до русских властей, и 6 февраля 1914 года капитану Булатову было приказано арестовать воинственного монаха. После нескольких рейдов казаки взяли в плен Джа-ламу и заодно привезли кожу, содранную с двух жертв по его приказу.

Как оказалось, киргизы, кочевавшие в высокогорных долинах Монгольского Алтая, уже несколько лет враждовали с Джа-ламой из-за пастбищ. Ожесточенные распри закончились тем, что киргизский аксакал Хайсан был схвачен Джа-ламой. Семья Хайсана предложила большой выкуп, и Джа-лама согласился его освободить. Когда мать аксакала доставила в лагерь Джа-ламы золото, серебро, драгоценные камни и дорогие меха, тот встретил ее очень приветливо и попросил подождать. Пока он разговаривал со старухой и осматривал богатый выкуп, его подручные сдирали с живого Хайсана кожу. Несчастный скончался во время этой страшной пытки. Затем кожу растянули на бревне и преподнесли потрясенной матери. Старуха потеряла рассудок, а на широком смуглом лице Джа-ламы появилась ухмылка. Такова официальная версия одного из самых жестоких деяний Джа-ламы, память о котором до сих пор жива среди кочевников Монгольского Алтая.

Сначала Джа-ламу заключили в томскую тюрьму на один год, а затем перевели в Якутию. Оттуда его отправили в Астрахань, где он оставался в заключении до 1918 года. Вскоре преступник снова объ-

явился в Монголии, на Селенге. Все бывшие сообщники с радостью встретили его, и после визита к своему другу Жалханзе-хутухте в Улясутай он временно укрылся у другого помощника, Жалцзэня-бэйсэ, в Юго-Западной Монголии. Прослышав о появлении Джа-ламы, правительство Урги велело немедленно его арестовать. Джа-лама был вынужден покинуть пределы Монголии и обосновался на северных склонах Бага-Мацзы-шаня, в 250 милях к югу от Юм-бэйсэ. К Джа-ламе присоединились сообщники, вскоре его лагерь насчитывал около пяти-сот людей.

С этого времени открывается новая глава в биографии Джа-ламы. Бывший странствующий монах и монгольский князь стал главарем шайки грабителей. Он вербовал в свой отряд всех, кто к нему шел: китайских дезертиров, монгольских разбойников, тибетских контрабандистов и торгоутских охотников. С ними он совершал частые набеги на юго-западную монгольскую границу, а также на караванный путь Юм-бэйсэ — Аньси. Несколько лет продолжалась эта блокада важного торгового пути, и в итоге он был фактически закрыт.

В 1919 году Внешнюю Монголию заняли китайские войска, которыми командовал генерал Сюй*, в Урге и Улясутае были размещены гарнизоны оккупантов. Китайцы проникли даже на русскую территорию и захватили пограничные города Кяхту и Троицкосавск, расстреляв при этом многих мирных жителей. Монголы не могли вынести нового нашествия на их землю. На борьбу с завоевателями поднялись отряды монгольских патриотов, и снова активное участие в этой борьбе принял Джа-лама. Весной 1920 года его отряд, поддержанный партизанами, атаковал китайцев в Юго-Западной Монголии и нанес им крупное поражение. Говорят, что позднее Джа-лама действовал вместе с бароном Унгерном фон Штернбергом, который в январе 1921 года вошел в Ургу. После того как войска барона Унгерна летом 1921 года были разгромлены Монгольской народной армией и Монголия была провозглашена республикой, Джа-лама возглавил сторонников свергнутого режима. Он вступил в дружественные отношения с китайскими властями Синьцзяна и Хух-Хото и заключил союз с князем курлыкских монголов Северного Цайдама. Джа-лама все еще пользовался большим влиянием среди кочевников района Кобдо и даже готовился к походу на Ургу.

Заветной мечтой этого авантюриста было создание государства, которое включало бы в себя Монголию, Тибет и Восточный Туркестан. Чтобы укрепить свое положение, он выстроил замок странной архитектуры, уже известный читателям. Профессор Н. К. Рерих зарисовал этот Дэнбэй Жалцзэнь-байшин, или «Дом Дэнбэя Жалцзэня».

Гарнизон крепости состоял из пятисот более или менее дисциплинированных и обученных воинов, вооруженных старыми берданками, немецкими карабинами, пистолетами и японскими винтовками, захва-

* Сюй Шучжэн.

ценными у китайцев. После провозглашения Монгольской Народной Республики и начала преобразований под руководством Монгольской народно-революционной партии крепость Джа-ламы стала оплотом реакционеров, которые называли себя цаган-монголами, или «белыми монголами».

По рассказам, Джа-лама любил благословлять приходивших к нему людей и давать им наставления, пока его сообщники убивали паломников и грабили караваны. Не буду перечислять все его злодеяния, но о некоторых из них следовало бы знать. Один монгольский лама рассказал мне об ограблении каравана, с которым он шел в 1920 году. Много людей было убито на месте, спастись удалось только нескольким ламам, среди которых находился и мой собеседник. Он с ужасом вспоминал о тяжелых испытаниях, перенесенных ими в пустыне, и о том, как один за другим умирали его спутники, обессиленные голодом и жаждой. В крепости Джа-ламы было много узников. Тибетские чиновники и торговцы, монгольские паломники, ламы и пастухи, политические противники Джа-ламы, китайские торговцы из Аньси и Хух-Хото и киргизские аксакалы с Монгольского Алтая — все они должны были собирать кизяк, строить дома, стены и башни в самом центре монгольской пустыни. Одни из них провели целые годы в неволе и даже стали солдатами Джа-ламы, чтобы избежать гибели, другим удалось бежать, большинство же не вынесло издевательств и лишений.

Другой собеседник, цайдамский монгол, поведал мне как-то историю своего пленения и побега из лагеря Джа-ламы. Он шел с тибетским торговым караваном по Гоби, в ста милях к северо-востоку от Аньси. Все было спокойно, как вдруг из-за холмов выскочили всадники, поднялась паника. Бандиты налетели на караван и рассыпались, убивая караванщиков и угоняя верблюдов. Предводитель каравана, богатый тибетский торговец, пал в неравной схватке, защищая свои товары. Уцелевших погонщиков грабители погнали в крепость Джа-ламы, где их заставляли заготавливать топливо и лепить кирпичи. Мой собеседник убил часового и бежал с его винтовкой.

В сентябре 1922 года в Урге был раскрыт политический заговор, к которому оказались причастны многие влиятельные лица, в том числе несколько бывших министров*. В официальном сообщении говорилось, что все они были связаны с Джа-ламой. Нанеся новое поражение войскам барона Унгерна, монголы решили обезопасить юго-западную границу и покончить с Джа-ламой и его бандами. Советско-

* В заговоре принимали участие Бадамдорж — управляющий имуществом и крепостными богдо-гэгэна, бывший премьер-министр Автономной Монголии в 1919 г., Догсомын Бодо — временный попутчик революции, бывший премьер-министр и министр иностранных дел Временного и Постоянного народных правительств Монголии в апреле 1921 — начале 1922 г., и ряд других лиц. Заговорщики пытались войти в связь с Японией и китайским милитаристом Чжан Цзолином, но были разоблачены и по решению суда расстреляны 10 сентября 1922 г.

монгольский отряд пересек Гоби и дошел до Наньшаня, к северу от Кукунора, но бандиты скрылись. Тогда из Урги выступило несколько кавалерийских эскадронов под командованием знаменитого монгольского полководца Балдан-Дорчжэ*. Кавалеристы продвигались медленно, осторожно обходя вражеские посты.

Балдан-Дорчжэ решил взять крепость Джа-ламы с помощью военной хитрости. Оставив отряд в горах, на расстоянии двухдневного перехода от логова грабителей, Балдан-Дорчжэ с одним из кавалеристов поехал в замок Джа-ламы. Они выдали себя за паломников и просили разрешения преподнести Джа-ламе хадак. Как это ни странно, но их пропустили к Джа-ламе. Свидание состоялось в монгольской юрте во дворе крепости. Балдан-Дорчжэ приблизился к ламе с хадаком, в котором был спрятан пистолет, и выстрелил в него в упор. Джа-лама упал замертво. Его сообщники не могли оказать сопротивления, потому что Джа-лама, как и все ему подобные главари, хранил оружие в своей юрте и выдавал его только в случае надобности. Охваченным паникой бандитам оставалось только разбежаться. Отряд Балдан-Дорчжэ занял крепость без единого выстрела; разбойничье гнездо было предано огню.

Имущество и арсенал Джа-ламы были реквизированы, а 2000 овец розданы его пленникам, жившим в полной нищете. Отрубленную голову Джа-ламы насадили на копье и выставили на площади в Улясутае. Из-за седых волос монголы называли ее Цаган-толгой, или «Белая голова». Ежедневно собирались толпы, чтобы поглазеть на нес. Потом голову доставили в Ургу в большой бутылки, наполненной формалином. Какое-то время она переходила из рук в руки, пока где-то не затерялась. Некоторое представление об облике Джа-ламы может дать его портрет, хранящийся в Монгольском научном комитете. Придворный художник изобразил крепкого мужчину средних лет, одетого в роскошный халат. У него широкое скуластое лицо с плоским носом, смуглая кожа и коротко стриженные седые волосы.

В нашем караване был один торгоут с Эдзин-Гола, проживший несколько лет в районе Мацзы-шаня. Он не мог толком объяснить, почему так долго находился в этой кишасей грабителями местности, и мои спутники относились к нему с большим недоверием. Как и все торгоуты, он был прекрасным наездником и метким стрелком, но эти качества каким-то необъяснимым образом сочетались в нем с величайшей трусостью и нерешительностью. Однажды я услышал, как он поет, и мне показалось, что это песня о Джа-ламе. Я попросил его повторить слова, но он категорически отказался и заявил, что не знает никаких песен. На все мои уговоры он отвечал смехом. Когда наступил его черед ехать в ночное, он вскочил в седло и понесся в степь к пасущемуся стаду. И тут я снова услышал песню о Джа-ламе.

* Балдан-Дорчжэ — Балдоржи, сподвижник Д. Сухэ-Батора, участник борьбы монгольских аратов за национальную независимость и народную демократию.

Я узнал мелодию, но не мог различить слов. Торгоут, вырвавшись на волю, пел старую разбойничью песню о Дэнбэе Жалцзэне, воплощенном Амурсане. Эта песня принадлежала пустыне, и, по закону кочевников, ее нельзя было исполнять в присутствии посторонних.

СРЕДИ ЦАЙДАМСКИХ МОНГОЛОВ

Началась наша более или менее оседлая жизнь в высокогорных долинах Шибочэна и Шара-Гола. Местный аксакал не мог пригнать верблюдов с пастбищ раньше августа, а животные, имевшиеся в его аиле, находились в таком плохом состоянии, что нечего было и думать о путешествии в Тибет. Следовательно, в нашем распоряжении оказалось два месяца, июнь и июль; за это время надо было изучить предстоящий маршрут и купить лошадей. Местные монгольские лошади не годились для переходов по Тибетскому нагорью; нам советовали приобрести породистых пони, которые очень выносливы и хорошие вьюхонцы. Мы послали нашего тибетского проводника за лошадьми, мулами и провизией в китайскую деревню Чанма.

Плато, на котором мы расположились, мало подходило для стоянки по двум причинам: во-первых, во время дождей почва раскисала, а во-вторых, в сухую погоду частые северо-восточные ветры несли массу лёсса, который проникал в палатки и покрывал все внутри слоем пыли. Через несколько дней после нашего прибытия аксакал пригласил меня прогуляться по оазису и подыскать подходящее место для лагеря, а также нанести ему визит.

Шибочэн — обширный оазис, простирающийся к северу от Цаган-Чулуту. Он занимает большую болотистую впадину на каменистой равнине, прикрытой с юга и севера горными хребтами. На возвышенных местах, обычно на берегах реки, разбросаны монгольские таборы, или аилы. Летом речные террасы покрываются сочной травой, на многочисленных болотах плещутся стаи водоплавающих птиц. Здесь можно увидеть чаек, серых гусей, уток, чомг, бекасов и серых цапель. Сазис и горные пастбища принадлежат курлыкским монголам. Они проводят здесь зиму и раннюю весну, а в июне переносят свои аилы в широкую альпийскую долину Шара-Гола к югу от перевала Кашкарин.

Когда мы подъехали к табору аксакала, он подал знак и из юрта выскочили мальчики, которые взяли наших лошадей за поводья. На них были тулупы, из-под которых выглядывали зеленые и белые рубашки. Аксакал предложил мне сесть на матрац, остальные члены семьи расположились на полу. Возле небольшого деревянного алтаря с медными изображениями Будды Шакьямуни, Тары и Цзонхапы сидел лама из Амдо в огромных китайских очках, закрывавших большую часть его лба, и читал вслух книгу, лежавшую у него на ко-

Цайдамская монголка

нях. Нам предложили сыр и араку — довольно крепкий напиток, приготовляемый из молока. После долгих переговоров аксакал согласился дать нам своих верблюдов до Нагчу. Он сказал, что поступили тревожные сообщения о набегах голоков и панагов¹³⁷ на монгольские айлы в долине реки Нейжи, и посоветовал усилить экспедиционный конвой. По его словам, в прошлом году курлыкский князь получил приказ не пропускать в Лхасу европейских путешественников. Однако этот запрет не касался экспедиции, так как у нас были тибетские паспорта и сопроводительные письма и, кроме того, с нами ехал тибетский чиновник. Обсудив все вопросы, связанные с предстоящим путешествием в Нагчу, мы отправились на поиски стоянки для лагеря. Все лучшие места уже были заняты монгольскими айлами, но все же нам удалось найти площадку.

Наняв упряжку волов и повозку, мы персезели тяжелые грузы, а легкие выюки перенесли верблюды, предоставленные в наше распоряжение аксакалом. Вскоре мы обосновались на новом месте и занялись своими делами.

Николай Константинович Рерих писал картины, Елена Ивановна со своими юными помощницами разбирала экспедиционный багаж и составляла списки припасов, необходимых для будущего перехода через Тибет. Наш врач, помимо исполнения своих прямых обязанностей, исследовал фауну и флору оазиса. Портнягин был, как всегда, занят починкой уздечек, седел и всякой всячиной, отнимающей массу времени. Я изучал быт местных монголов, их язык и обычаи и расспрашивал их о цайдамских болотах и Тибетском нагорье. Меня интересовали диалекты монгольских племен, скудные сведения о которых можно получить из работ доктора А. Д. Руднева¹³⁸ и Г. Ц. Цыбикова¹³⁹.

Как-то вечером к лагерю подъехал наш тибетский проводник на вороном коне. Он пригнал несколько лошадей и мулов, впоследствии оказавшихся необычайно выносливыми животными. Вскоре нас покинул Портнягин: он уехал в Чанму, а затем в Сучжоу в провинции Ганьсу. Кроме закупки провизии мы поручили ему отправить телеграммы. Он отсутствовал целые две недели и вернулся с парой прекрасных лошадей, а потом снова отправился в Чанму за выючными мулами. Мы решили сформировать караван мулов для перевозки лагерного снаряжения.

В Шибочэне нас одолевала жара; мы поинтересовались, не лучше ли нам спуститься в долину Шара-Гола на летние пастбища. Но нам сказали, что там сейчас мало травы. По-прежнему остро стоял продовольственный вопрос. Во многих районах Ганьсу население голодало, и власти Аньси запретили продажу муки и риса без специального разрешения. Китайские торговцы не терялись; цены на муку росли как на дрожжах. Хорошо хоть, что нам удалось сделать солидный запас ячменной муки.

18 июня мы решили покинуть оазис и перебазироваться в долину Шара-Гола, но аксакал сказал, что верблюды прибыли не все. Постепенно набралось тридцать животных; монголы начали грузить на них снаряжение. По-видимому, с нас хотели взять плату за сорок двух верблюдов, как было условлено, а поставить только тридцать. Мы заявили протест и сказали, что нам совершенно необходимы остальные верблюды. Аксакал почему-то возмутился и пригрозил даже развьючить животных. На это ему было отвечено, что, если он не выполнит условия договора, об этом станет известно князю. Угроза возымела действие: на следующий день наш караван был укомплектован полностью.

Отдыхали мы в ущелье, где протекала небольшая речка. Наш дальнейший путь пролегал по каменистой равнине. У перевала внезапно почувствовала себя плохо Елена Ивановна; мы поставили ла-

герь, а верблюдов с тяжелой поклажей отправили вперед, чтобы они дожидались нас на южной стороне перевала. День выдался солнечный, но холодный, с пронизывающим северо-восточным ветром. Монголы и тибетцы уверяли, что переход через Кашкарин-дабан очень опасен для людей и животных из-за «земляного отравления», или саду, на перевале. Они говорили, что единственный способ спастись от гибели — это жевать во время перехода чеснок или курить крепкий китайский табак. Некоторые монголы жаловались на сильную головную боль. Я думаю, что причиной головной боли, которую кочевники считают признаком отравления, была разреженность воздуха на вершине. Давало о себе знать и воздействие пронизывающих ледяных ветров.

Мы провели в лагере три дня, и 22 июня, когда Елене Ивановне стало лучше, начали восхождение на перевал. Подъем был очень крутой, но летом не особенно опасный. Зимой же, когда весь северный склон покрывается льдом, здесь часто происходят несчастные случаи. С вершины перевала, отмеченной обо, или пирамидой из камней, распаивается изумительная панорама. Особенно поражает впечатление могучая вершина Цаган-Бургусуна, где, по слухам, обитают дикие яки.

Спустившись в широкую долину реки Емахэ, мы остановились неподалеку от бивака наших караванщиков. К югу от реки, за долиной Шара-Гола, высились горы Гумбольдта. В июне в Емахэ мало воды, но, по словам монголов, в июле и августе реку не узнать. На берегах Емахэ водились куланы, и наши охотники вскоре вернулись с двумя превосходными трофеями. Мясо куланов оказалось очень вкусным.

На другой день экспедиция снова была в пути. Мы перешли через Емахэ и оказались на обширном песчаном плато, оцепленном со всех сторон горами. Оставалось только удивляться, где же местные монголы выпасают табуны лошадей и стада рогатого скота. После десятидневного перехода мы достигли самой высокой точки плато, отмеченной пирамидой из камней, и стали спускаться в долину Шара-Гола, лежащую за скалистым хребтом Ихэ-Ула, или «Большая гора». Оставив позади широкое ущелье, заваленное каменистыми осыпями и глыбами, экспедиция очутилась в долине Шара-Гола, расположенной на высоте 9000 футов над уровнем моря. Большую часть ее занимали болота и зыбучие пески.

Место для стоянки мы выбрали неудачно. Люди задыхались от болотных испарений, комары не давали ни минуты покоя, и наутро я отправился на поиски новой стоянки. Подходящее место удалось найти на противоположном берегу реки, у подошвы невысокой горы, где весело журчал ручеек. Во время переправы лошадь тибетского проводника увязла, и ее едва удалось вытащить.

Я не буду описывать лагерную жизнь день за днем. Большую часть времени мы проводили в горах. Горы Хунгу когда-то славилась

своими золотыми приисками. Жили старатели, в основном китайские крестьяне, в пещерах и избегали общения с монголами, относившимися к ним с недоверием. В память о нашем пребывании в этом месте Николай Константинович решил поставить ступу. Вскоре ее белый колокол поднялся среди палаток.

Портнягин пригнал из Махая целый табун верблюдов, и они набирались сил в горах Шара-Гола. Неподалеку от них щипали траву мулы, купленные в Чанме.

28 июля к нам неожиданно присоединился Н. В. Кардашевский¹⁴⁰. Он ехал из Пекина через Гоби, и мы знали, что можем встретить его в пути, но не думали, что это произойдет именно здесь. Кардашевский часто потом рассказывал о своем долгом и опасном путешествии через Гоби и Ганьсу.

Вечером того же дня наш лагерь едва не смыло потоком. В последние дни с гор доносился какой-то странный шум. Местные монголы говорили, что там идут дожди. Вечером шум внезапно усилился, и, прежде чем мы сообразили, что происходит, на лагерь обрушился мощный вал воды. Мы находились в палатке Елены Ивановны и разговаривали с Кардашевским, как вдруг послышались возгласы доктора: «Вода, вода!» Затем раздался грохот, словно над лагерьм разверзлись небеса, и мы увидели ручей, бушующий в широком и глубоком ложе, прорытом буквально в считанные минуты. Мы бросились спасать палатки и провели около двух часов по пояс в воде, сражаясь с ревущим потоком. Благодаря самоотверженности участников экспедиции большинство грузов и палатки удалось спасти, но множество вещей замыло песком. Через три часа река снова превратилась в ручеек с грязной водой, однако местность было не узнать. Пастбище перед лагерьм покрывал толстый слой песка; в склоне горы зиял глубокий яр; в долине солнце отражалось в зеркалах десятков озер. Монголы говорили, что они не помнят наводнения такой силы. Многие из них за несколько часов лишились всего своего достояния.

7 августа лагерь посетил главный лама Цайдама, или ширэту. Он прибыл в сопровождении нескольких чиновников и посланника курлыкского князя, который очень хотел с нами познакомиться. Ширэту привез письмо от князя с изъявлением согласия предоставить нам верблюдов для путешествия в Тибет. В ответном письме мы поблагодарили князя за внимание и сообщили, что караван уже сформирован.

9 августа в лагерь неожиданно приехал китайский чиновник из Синина и предупредил нас о предстоящем визите своего начальника. На другой день мы увидели группу всадников, направлявшихся к лагерью. Местные монголы сказали нам, что китаец намерен взыскать с нас большую пошлину, а если мы откажемся платить, задержит экспедицию силой.

Николай Константинович Рерих приказал мне немедленно принять меры. На палатке профессора был вывешен экспедиционный флаг, у входа встал вооруженный часовой. Николай Константинович

Монгольские ламы. Шара-Гол

и несколько членов экспедиции собрались в столовой, где должны были вестись переговоры; все остальные с винтовками наперевес передвигались по лагерю, создавая видимость своей многочисленности.

Когда чиновник подъехал к лагерю, мы вежливо, но твердо сказали ему, что надо слезть с лошади и здесь же оставить солдат. Чиновник был ошеломлен, но подчинился. Вместе со мной он проследовал в лагерь, где его встретил Николай Константинович. Мы предложили чиновнику сесть у входа. Стоило ему повернуть голову, как в поле его зрения оказывались марширующие стрелки и скачущие всадники. И это продолжалось все время. Он решил, что у нас по крайней мере человек двести конвоя, и сказал шепотом своему помощнику, что мы очень сильны. Затем китаец проверил наши паспорта и нашел, что они в полном порядке. Расспросив нас о предстоящем пути, он выдал письменное разрешение на перевозку грузов по территории, контролируемой губернатором Синина. Южная граница Синина, или провинции Цинхай, проходила у Джэкундэ в Тибете, и чиновник заверил нас, что документ действителен вплоть до этого пункта. Нам пришлось внести небольшую пошлину на верблюдов, после чего гость покинул лагерь, заверив нас в своих лучших намерениях.

Любопытно, как распространяются в Центральной Азии слухи. Инцидент с сининским чиновником вскоре перерос в настоящее сражение между экспедицией и китайскими войсками, в ходе которого

китайцы понесли тяжелые потери. Об этом нам рассказав знакомый китайский торговец из Махая.

За несколько дней до нашего выступления произошло странное событие, встревожившее персонал экспедиции. Был вечер, широкая долина Шара-Гола погружалась в фиолетовую дымку заката. На противоположном берегу реки, резко контрастируя с темными тенями долины, блестели зубцы горной гряды. Это была типичная картина заката в горах Центральной Азии, всегда поражающая путешественника богатством красок. Перед лагерем лежала песчаная пустыня, по которой лениво брели монгольские стада. Вдруг вдаль показались всадник. Спустя какое-то время он влетел на взмыленной лошади на территорию лагеря и потребовал немедленно допустить его к Николаю Константиновичу Рериху. Задержанный часовым, незнакомец отказался назвать свое имя и сообщить о цели приезда. Это был молодой человек в роскошных шелковых одеждах, расшитых золотом и парчой. Никогда еще мы не видели такого великолепного одевания. Кажалось, что таинственный незнакомец сошел с древней тибетской росписи.

Но кем он мог быть? Главarem шайки грабителей, выехавшим на разведку? Тайным доброжелателем? Тем не менее мы решили удовлетворить желание молодого человека и провели его в палатку Николая Константиновича. Войдя, он начал быстро говорить. По его словам, дорога, по которой мы собирались идти, полна опасностей, а в горах к югу от цайдамских болот стояли семьдесят вооруженных всадников, намеревавшихся напасть на экспедицию. «До Элисун-дабана путь свободен, — сказал наш гость, — но на перевале таится опасность»... И он горестно покачал головой. Высказавшись, он исчез так же внезапно, как и появился. Нежданный визит таинственного незнакомца вызвал переполох среди наших монголов. Никто из них не знал, кто он и откуда.

Мы приняли к сведению предостережение молодого человека и усилили конвой, наняв несколько монголов. 18 августа Николай Константинович в последний раз осмотрел грузы и караванных животных и приказал выступать утром следующего дня.

Экспедиция должна была пересечь обширную пустыню на Северо-Востоке Тибета, издавна известную под монгольским названием Цайдам, или «Соленое болото» (по-тибетски Ца-дам). Это целая страна, простирающаяся более чем на двести миль с запада на восток и расположенная на высоте около 8000 футов над уровнем моря. На западе она граничит с возвышенным плато Сырттан, а на востоке постепенно поднимается к плато Кукунор. На севере ее границы замкнуты отрогами Наньшаня, а на юге — Тибетским нагорьем. Пустыни Цайдама, опоясанные дюнами и зыбучими песками, изобилующие солеными озерами и бездонными топями, не могут порадовать путешественника бо-

сатой флорой и фауной. Кое-где в речных долинах зеленеет трава — и это уже хорошо, потому что остальная территория покрыта лёссом и галькой.

На этой неуютной земле с очень скудными пастбищами живут монголы хошуты, заселившие Цайдам в начале XVII века. Именно в этот период великая конфедерация ойратских племен распалась и покинула пастбища на севере Тянь-Шаня. Одни из них под предводительством Ко-Урлюка двинулись на запад, а другие, во главе с Туру-байху*, сыном Ноян-Хонгора, спустились на юго-восток и в 1637 году заняли район Кукунора. Туру-байху был знаменитым Гуши-ханом — приверженцем «желтой веры», установившим иерархическое правление в Тибете.

Административно Цайдам составляет часть района Кукунора, или провинции Цинхай, объединяющего двадцать одно хошутское знамя, причем каждым управляет местный вождь. Собственно Цайдам разделен на пять хошунов, называемых местными жителями Табын-Цайдам, или «Пять Цайдамов»: Кукет-бэйсэ, Курлык-бэйсэ, Барун-цзасак, Цзун-цзасак и Тейжинер. Каждым из них управляет или цзасак, избираемый знатными людьми племени, кроме хошуна Тейжинер, где с 1725 года существует выборный совет из тридцати трех знатных лиц, или тейжи (китайское тайджин). При цинском императоре во главе Цинхая стоял специальный пограничный комиссар, резиденция которого находилась в Синине. Летом 1915 года Юань Шикай¹⁴¹ передал управление Цинхаем, или Кукунором, мусульманскому генералу Ма из Синина, который до сих пор удерживает власть. Китайцы чувствуют себя в этих краях весьма неуверенно, и сининский тунши наезжает в Цайдам только летом. В его полномочия входит взимание налогов и улаживание племенных междоусобиц. Власти Синина занимаются расследованием серьезных преступлений, в том числе и убийств, однако эти их действия являются чисто показательными. Тунши очень часто не ладят с монгольскими кочевниками, которые противятся чрезмерным налогам.

В 1926 году на Шара-Голе произошел примечательный инцидент. Монгольский старейшина отказался платить налоги и выставил тунши из аила. Между сининскими властями и курлыкским князем завязалась переписка, обе стороны обменялись резкими выражениями. И что же? Китайцы вынуждены были признать полунезависимое положение цайдамских племен.

* Туру-байху (Гуши-хан) был предводителем хошутов, поддерживал группировку V далай-ламы. В 1638 г. совершил паломничество в Лхасу, где получил титул «хана веры». В 1642 г., после разгрома войск секты кармапа, отряды Туру-байху заняли Шигацзе. Тогда же в монастыре Ташилхунпо состоялась церемония передачи верховной власти над Тибетом от имени Гуши-хана V далай-ламе. В 1645 г. новое правительство Лхасы приступило к строительству дворца Потала. См. под редакцией: Е. И. Кычанов, Л. С. Савицкий. Люди и боги страны снегов. М., 1975, с. 83—87.

Живя в непосредственной близости от тибетских племен, монголы восприняли их обычаи, одежду и даже язык. Хошуты еще сохраняют свой монгольский тип, обычаи и родной язык, но на юге Цайдама, в районе Тейжинера, можно встретить монголов, отличающихся от хошутов слабым сложением и более тонкими чертами лица, — это смешанный тип амдова, панагов и хошутов. На востоке Цайдама, в районе Кукунора, хошуты постепенно вытесняют более жизнеспособные голоки и панаги — неоспоримые хозяева горной страны к югу от Кукунора. Постоянное давление со стороны воинственных тибетских племен наложило глубокий отпечаток на жизнь монголов-кочевников. Одетый в полумонгольский или полутибетский халат, отделанный мехом, в остроконечной шапке или тибетском тюрбане на голове, с тибетской саблей на боку и европейским карабином за спиной, монгол всегда готов отразить разбойничий набег тибетцев и немедленно перейти к преследованию их. Перевалы через горы на юге Цайдама находятся под постоянным наблюдением, в ущельях стоят монгольские заставы. Приближаясь к границе Цайдама и Тибетского нагорья, сразу ощущаешь эту атмосферу постоянного ожидания опасности.

Из пяти цайдамских племен курлыки наиболее многочисленны. В высокогорных долинах Наньшаня им принадлежит большинство пастбищ, а на равнине — пастбища вокруг соленых озер Ихэ-Цайдам, Бага-Цайдам и Курлыкнор. На северо-западе курлыки занимают значительную часть пустынного плато Сырттан. В долинах Шара-Гола, Ихэ-Халтын-Гола, Бага-Халтына и Ичэгин-Гола кочевых поселений очень мало. На севере владения курлыков граничат с районами Шачжоу, Аньси и Сучжоу. Граница между районом, находящимся под непосредственным управлением Аньси, и территорией монголов проходит к северу от оазиса Шибочэн, где мы повстречали первых хошуты. К югу от Курлыка лежит огромное соленое болото собственно Цайдама, часто называемое местными жителями Шала, что означает «Мертвая пустыня» или «Равнина, непригодная для занятия скотоводством». Курлыками правит наследный князь. Резиденция князя находится возле озера Курлыкнор. Вся территория, контролируемая им, разделена на несколько округов, во главе которых стоят назначенные им аксакалы, или цзангины. По словам монголов, всего курлыков насчитывается около тысячи семей, в большинстве своем кочующих вблизи озер Цайдам, Бага-Цайдам, Курлыкнор и занимающих оазис Махай. Курлыкские монголы ежегодно вносят своему князю налог — десять мексиканских долларов с юрты и выделяют воинов в караулы, заставы и разъезды. Кроме того, они несут всевозможные транспортные повинности.

Кочевникам раздобыть серебро непросто, и, чтобы рассчитаться с князем, они вынуждены продавать лошадей, верблюдов и овец по смехотворно низким ценам. Китайские торговцы хорошо знают об этом и ничем не брезгуют в целях наживы. Что, кроме ненависти, мо-

жет испытывать монгол к китайским купцам, грабящим его соплеменников без зазрения совести? Всеобщее негодование пастухов явилось одной из главных причин монгольской национальной революции 1911 года.

Еще более тяжела воинская повинность, обязательная для всех мужчин, способных носить оружие, в том числе и для лам. Ежегодно на военную службу призывается определенное число воинов в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет. Вооружение рядового кавалериста состоит из винтовки, тибетской сабли и длинного коня. Перевороты, происходившие в последние годы в Китае, выбросили на рынок массу различного оружия, и кочевники воспользовались случаем, чтобы как следует вооружиться. В настоящее время фитильное ружье с дальностью боя около ста метров уже редкость среди цайдамских монголов, многие из которых имеют русские, немецкие и японские карабины, а также русские однозарядные винтовки и австрийские карабины. Улучшение вооружения привело к увеличению числа жертв межплеменных распрей.

Войско, которым командует князь Цэрэн Жаньжун, разделено на эскадроны во главе с цзангинами. Никаких военных учений не проводится, если не считать смотра в июле, когда выдаются призы лучшим стрелкам и наездникам. У каждого эскадрона есть штандарт, или флаг в виде красного треугольника, прикрепленный к длинному шесту. 10 июля 1927 года, во время пребывания на Шара-Голе, мы наблюдали один такой смотр. Сперва участники его сложили на вершине холма огромную пирамиду из камней, затем, спустившись вниз, проделали ряд упражнений как верхом, так и в пешем строю. Стреляли в основном очень метко, так как большинство были опытными охотниками. С верховой ездой дело обстояло хуже, потому что лошади были не обезджены. Смотр закончился празднеством у юрты местного аксакала; как всегда в таких случаях, все очень много пили. Такое воинство не в состоянии вести серьезные боевые действия и пригодно разве что для несения караульной службы.

Курлыки, как и все цайдамские монголы, в основном занимаются скотоводством. Рогатый скот служит главной статьей экспорта; кроме того, множество лошадей, верблюдов и овец ежегодно закупается китайскими торговцами. Цайдамская лошадь — крепкое животное ростом около метра двадцати сантиметров в холке; ее единственный недостаток — слабые копыта. Привыкшая к мягкой соленой почве Цайдама, она совершенно не приспособлена к длительным переходам по твердой, каменистой тропе. Путешественники, отправляющиеся в Тибет, стараются раздобыть тангутских лошадей или сининских пони, которые очень выносливы и к тому же неприхотливы. Еще лучше для этих целей подходят сыртанские лошади. Цайдамский верблюд слабее монгольского, зато он не страдает от разреженности горного воздуха и незаменим при перевозке грузов в Тибете. Особенно хороши верблюды из горных районов Цинхая. Цайдамский верблюд пересек

с нашей экспедицией весь Тибет и после десяти месяцев тяжелого пути благополучно дошел до Гангтока в Сиккиме.

В Цайдаме разводят также овец, но они гораздо хуже монгольских. Верблюжья и овечья шерсть поступает на мировой рынок через европейские фирмы в Тяньцзине, имеющие своих представителей в главных торговых центрах Ганьсу. Посредничая между кочевниками и европейскими коммерсантами, китайцы извлекают из этого большую выгоду. За фунт верблюжьей шерсти они дают монголам фунт плохого промолотой муки, в то время как стоит он не более семидесяти центов. Ведется также незначительная торговля мехами и бурой*. Главный рынок мехов Цайдама — Синин; количество мехов, ежегодно продаваемых на рынках Аньси и Сучжоу, невелико. Лучшие меха поступают из горного района на юге Кукунора. На рынках обычно можно увидеть шкуры волков, медведей, лисиц, рысей и леопардов. Основными торговыми центрами курлыкских монголов являются Аньси, Сучжоу и Шачжоу. Каждый год осенью около большого монастыря Гумбум открывается ярмарка, на которую стекаются сотни паломников и торговцев из Цайдама. Монголы редко посещают Аньси и Сучжоу, торговлю ведут в основном китайцы, наезжающие летом в кочевья. Они продают муку, рис, китайские и европейские свечи, металлические изделия, дешевую ткань и некачественный китайский шелк. Ведется также тайная торговля оружием и боеприпасами.

Китайские торговцы применяют в Цайдаме те же методы эксплуатации, какие практиковались во Внешней Монголии до провозглашения независимости. Их излюбленный прием — умышленное забалование кочевников посредством заниженных цен на скот и долгов. Избегая прямых денежных расчетов сразу же по заключении сделки, китаец получает свободу маневра. Сделка завершается пьянкой; упившийся монгол валяется в юрте, а торговец подсчитывает прибыль. Иногда разъяренные монголы поджигают юрты с товарами, однако это случается редко, потому что китайские торговцы очень хитры. Они носят монгольскую одежду, придерживаются монгольских обычаев, вносят вклады в ламаистские монастыри и даже беспрестанно читают молитвы.

В районе озера Курлыкнор распространено очаговое земледелие. Выращивается здесь в основном ячмень.

Любимое занятие курлыков — охота, объектом которой являются куланы, пасущиеся на склонах гор, а также волки, медведи, лисы и антилопы оронго и ада.

Некоторые аксакалы и зажиточные монголы продают верблюдов торговцам и паломникам, направляющимся в Лхасу или Гумбум. Монгольские паломники, идущие из Аньси, обычно дожидаются у курлыков караванов, отправляющихся в Тибет в октябре. Караванный

* Буря — десятиводная натриевая соль тетраборной кислоты; применяется в кожевенном производстве, стекольном деле и сельском хозяйстве.

сезон открывается в сентябре, когда верблюды находятся в наилучшей форме. В последние годы число монгольских паломников значительно сократилось и дороги в Тибет почти запустели.

Курлыки живут в юртах, которые несколько меньше юрт монголов халха и покрыты войлоком худшего качества. Внутри обычно можно увидеть груды скарба, сваленного у стен. Возле стены напротив входа стоит некое подобие алтаря, перед которым день и ночь горят светильники. В юртах зажиточных монголов иногда попадаются на глаза экземпляры Ганчжура и Данчжура дэргэского издания. Спят курлыки на овечьих шкурах; в богатых юртах пол устлан тибетскими и нинсянскими коврами, а у входа непременно разбросаны кухонная посуда, маслобойки и седла. Здесь же, в юрте, находятся только что появившиеся на свет ягнята. Рядом с юртами стоят шесты, на которых развеваются знамена с молитвами, призванные охранять благополучие семьи.

Осенью курлыки совершают паломничество в монастырь Гумбум, привлекающий их как религиозный центр и как место ежегодной ярмарки. Среди курлыкских монголов довольно много лам; их легко различить по бритым головам. Миряне носят косы. Вопреки уставу ламаистской церкви многие монахи женаты. Те же, кто дал обет безбрачия, живут в монастыре Гумбум или в кочевых монастырях. Недавно возле резиденции князя было начато строительство нового храма; все сомоны внесли пожертвования скотом и деньгами. Их собирал ширэту, духовный наставник князя. Закончив объезд сомонов, ширэту вернулся в монастырь, оставив своего помощника присматривать за новой собственностью церкви.

Цайдамские монголы любят строить каменные дома. В оазисе Махай, Ихэ-Цайдаме и в резиденции князя в Курлыкноре немало складов, сложенных из кирпича; встречаются и жилые здания, принадлежащие богачам. Выглядят эти дома довольно жалко; сразу видно, что их владельцы переняли китайский образ жизни, хотя во дворах и стоят монгольские юрты. Национальная одежда цайдамских монголов напоминает одежду других монгольских племен. Есть что-то величественное в облике монгола, скачущего в степи, что-то очень древнее. На нем обычно рубаха, красная, голубая или желтая, редко белая, теплый халат, синие или коричневые шаровары, на ногах кожаные сапоги. Летом монгол носит легкий халат. Излюбленный головной убор — белая войлочная шляпа с загнутыми вверх полями, обшитыми шелковой тесьмой. Мужчины никогда не расстаются с длинными тибетскими саблями и кинжалами дэргэской чеканки, богато инкрустированными кораллами и бирюзой.

Хозяйство ведут в основном женщины, они же присматривают и за скотом. Единственный наряд монголох — длинный зеленый халат с кусочками красной материи, нашитыми на плечах, и подбитые мехом остроконечные шапки. Девушки завивают волосы в локоны, ниспадающие на лоб, а замужние женщины заплетают их в две длинные

косы. Цайдамские шеголихи носят коралловые ожерелья с серебряными подвесками, купленные в Гумбуме. Большим спросом пользуются медные пуговицы, при таинственных обстоятельствах исчезающие с британских мундиров в Индии, чтобы украсить халат цайдамской модницы.

Монголы очень редко поют, да и то в основном на свадьбах и празднествах по случаю Нового года. Это песни о лошади певца, его семье и о его стаде. В песнях религиозного содержания прославляется красота монастыря и приводятся мудрые слова бакши, или духовного наставника. Из немногих песен исторического характера мне удалось записать балладу о молодости Гуши-хана и о том, как он завоевал Тибет.

Результаты наших лингвистических исследований отражены в большом словаре монгольской лексики и фразеологии, куда также включено несколько песен. Диалект курлыков напоминает диалект хошут, живущих на берегах озера Баграшкуль, возле Карашара в Восточном Туркестане.

Таковы курлыкские монголы, с которыми мы познакомились во время нашего пребывания в Цайдаме в 1927 году.

ЧЕРЕЗ ЦАЙДАМ

19 августа 1927 года я поднялся задолго до зари. Лагерь спал, в тишине отчетливо раздавались размеренные шаги часового и сопение верблюдов, привязанных к кольям. Внезапно из темноты возник силуэт погонщика, пригнавшего лошадей и мулов. Часовой тотчас разложил костер; на фоне колеблющегося пламени из палаток стали выползать коренастые фигуры монголов. Вскоре вереницы нагруженных выюками и поклажей верблюдов уже двигались по долине. Трона постепенно поднималась вверх, и спустя какое-то время долина осталась внизу. Мы шли ущельем, которое должно было вывести нас к перевалу Улан-дабан. Выйдя на луг, развьючили животных ипустили их пастись. Поздно вечером к нам присоединились четверо монголов, державших путь в Махай. Таков местный обычай — путешествовать всегда с кем-нибудь.

Наутро мы продолжили переход вверх по горному ущелью. У подножия перевала виднелись развалины нескольких лагуг и ямы брошенного прииска. Подъем на Улан-дабан оказался нетрудным; мы не потеряли ни одного животного. Пологий спуск привел нас в широкую степь, покрытую скудной травой. После перехода, показавшегося нам бесконечным, мы достигли берега реки Ихэ-Халтын. Здесь нам пришлось задержаться. Караван верблюдов нагнал нас уже поздним вечером. Мы долго любовались заснеженной громадой, вздымавшейся на юго-востоке, и изломанной линией невысоких хребтов на юге, из-

вестных под названием Урго-Дабан-Ула. На юго-западе поднимался горный массив, который местные жители называют Цаган-Оботу. Все эти хребты, замыкавшие долину на юге, относились к системе хребта Кукунор.

Наутро мы выступили в путь пораньше. При переправе через реку вода доходила до стремян, дно ее оказалось илистым и топким. Узкая тропа, петлявшая по ущелью, привела нас к перевалу Чакарин-дабан. Преодолев его, после семичасового перехода экспедиция вышла в долину реки Бага-Халтын. Далеко на юге белели вершины хребта Риттера¹⁴², на западе катились голубые волны Сырттана. За рекой раскинулась обширная равнина, открытая на запад, а на востоке замкнутая горной цепью. Ночевали мы на берегу ручья, впадавшего в пересохшую реку. Ночью термометр показывал —2°, ручей pokrылся ледком.

Следующий привал был в песчаниковом ущелье. На карте русского Генерального штаба это место обозначено как Му-булак, или «Плохой источник», но после 1904 года, благодаря далай-ламе, Му-булак переименовали в Аршан-булак, или «Священный источник». Наутро мы снова были в пути, стремясь поскорее добраться до реки Ичэгин-Гол, где к нам намеревался примкнуть тибетский торговый агент. Какое-то время тропа шла по ущелью, где протекал ручей, берущий начало в Аршан-булаке и впадающий в озеро в шести милях к юго-западу от нашего маршрута. Затем караван вступил на равнину, покрытую густыми зарослями можжевельника и тамариска и постепенно спускавшуюся в сторону реки.

На отличных пастбищах Ичэгин-Гола расположилось несколько монгольских стойбищ. По словам монголов, в дождливый сезон река несет много воды, но сейчас она обмелела.

Нирба¹⁴³ еще не приехал, и мы решили провести дня два в этой цветущей местности.

Нирба прибыл только 29 августа. Его сопровождал тайджи из Махая, который привел с собой для продажи пять великолепных верблюдов и несколько лошадей. Нам пришлось купить этих верблюдов по высокой цене — около 40 долларов за голову. Наш врач осмотрел нирбу и нашел у него остатки плеврита. Он был очень слаб и едва передвигался, но был уверен, что горный климат Тибета его оздоровит и он сможет дойти с нами по крайней мере до Нагчу. Вечером того же дня в лагерь заявился молодой узбек, скупавший шерсть для британской фирмы в Тяньцзине.

30 августа, перейдя через реку, мы пошли по обширной каменистой равнине, понижавшейся в сторону озера Ихэ-Цайдам, видневшегося вдалеке. На юге высились горы Ичэгин-Ула, незаметно переходящие в другую горную цепь, которую местные жители называют Дзасотин-Ула. На севере протянулся скалистый Цайдамын-Ула, сложенный из базальта и гранита. После четырехчасового перехода мы достигли северо-западного берега большого озера Ихэ-Цайдам, за-

ключенного в широкое соляное кольцо. На прекрасных пастбищах, которыми славятся окрестности Ихэ-Цайдама, паслись табуны лошадей и стада рогатого скота, принадлежавшие курлыкскому князю.

Наш следующий переход был коротким. День обещал быть жарким, и мы рано сняли лагерь. Тропа пролежала по солончакам и болотам северного берега озера. Везде, где имелись источники с пресной водой, стояли монгольские юрты. Пройдя шесть миль, мы вошли в Цайдамын-байшин, или «Дом Цайдама», — административный центр озерного района. Здесь находились одноэтажный храм, открывавшийся на время празднеств, несколько складов, принадлежавших местным монголам, и два-три дома, занимаемых китайскими торговцами из Синина. Мы встретили тут старых знакомых: нирбу из Гумбума, бывавшего у нас на Шаре-Голе, и монгольского аксакала из Ихэ-Цайдама, предложившего купить у него верблюдов, что мы и сделали, обзаведясь двумя великолепными молодыми животными. Днем нас посетил гэлон, или ученый лама, возвращавшийся из Лхасы в свой родной монастырь Дайн-Шабден в Монголии. Он хвастался, что был близким другом далай-ламы, и продал нам лошадь за 40 мексиканских долларов. Из-за сильного ветра, несшего тучи песчаной пыли, мы просидели весь день в палатках.

Что можно сказать о дальнейшем пути? Снова пустыня, валы дюн, выгнутых в форме полумесяца, узкое горное ущелье, приведшее нас к перевалу Бага-Цайдам-кутул... Мы поднялись на высоту 10 000 футов и увидели горную цепь, разделяющую бассейны двух соленых озер. Спуск с перевала был пологим. На почь мы остановились на берегах речки с топким дном, известной под названием Татлын-Гол. Недалеко от нашего лагеря находился каменный трон далай-ламы, проходившего здесь в 1904 году. Он был воздвигнут благочестивой паствой, ожидавшей здесь иерарха Тибета. Ночью наших лошадей напугали куланы¹⁴⁴, и они умчались в сторону Ихэ-Цайдамын-Нура. Понски вокруг Бага-Цайдама ни к чему не привели, и двое наших торгоутов поехали к Ихэ-Цайдаму. Мы совершили короткий переход и остановились на юго-западном берегу озера, где обнаружили родник. Торгоуты пригнали взмыленных лошадей только на исходе дня, и нам ничего не оставалось, как провести у озера еще один день. Караван верблюдов, чтобы выиграть время при переходе через безводную пустыню Центрального Цайдама, отправили пораньше. Лошади и мулы могли проскочить пустыню только с ходу. Стоило заночевать в пути — и большинство этих животных, болезненно переносящих солончаковые испарения, погибло бы. Верблюды выдерживают такие переходы лучше, так как могут обходиться без воды по крайней мере дня три.

У Бага-Цайдама к нам примкнули двое лам, которые шли из Сырттана в Лхасу, чтобы принять участие в новогодних празднествах. Они просили разрешения присоединиться к экспедиции, потому что боялись грабителей. Мы не возражали, но предложили им оказывать

посильную помощь нашим караванщикам. У них было шесть хороших лошадей, четыре из которых они продали нам. До Тейжинера, расположенного на юге солончаковой пустыни, нас должны были сопровождать двое местных проводников, хорошо знавших дорогу, в особенности опасные участки у озера Дабасун-Нор.

Прохладным утром голубая гладь озера осталась позади, но воздух еще долго оглашался пронзительными криками множества водоплавающих птиц. Миновав узкое ущелье, загроможденное огромными валунами и каменными осыпями, мы вышли на обширную каменистую равнину. На юге в знойном мареве дремала солончаковая пустыня, на западе залегли низкие песчаниковые горы. Три часа длилась эта попытка: солнце палило нещадно, мы с трудом различали дорогу. Переждав самое жаркое время дня у ручья в ущелье, экспедиция выступила в путь поздним вечером, рассчитывая в течение ночи пересечь пустыню. Шедшие навстречу монголы из Тейжинера сообщили плохие новости: Олун-булак, ручей с пресной водой на противоположном краю пустыни, совершенно пересох, и нам придется идти до Куку-Арала, расположенного гораздо дальше, во владениях тейжинерских монголов. Они были очень встревожены недавними боями на китайско-тибетской границе и долго рассказывали о сражении, происшедшем две недели тому назад.

Пять часов шли мы через пустыню. На западе пылало зарево заката, с востока наплывала холодная фиолетовая мгла. Бесшумно ступали лошади по тропе; в голубом свете огромной луны растянувшийся караван напоминал вереницу призраков. Далеко на юге мерцали загадочные сполохи.

Это был тяжелый переход. Стоило сойти с узкой тропы, петлявшей среди солончаковых ям и бугров, — и лошадь могла получить тяжелое увечье. В четвертом часу утра мы достигли южного края солончаков и решили здесь немного передохнуть. Лошадям и мулам дали по глотку воды; сами прикорнули у костра.

Зарю встретили в пути. День обещал быть жарким, а измученные животные едва передвигали ноги. В полдень у Елены Ивановны Рерих начался сердечный приступ, и мы были вынуждены остановиться среди зарослей можжевельника. В шестом часу вечера караван снова побрел по тропе. Неожиданно сгустились сумерки, и мы едва не потеряли направление. Но всему есть конец! Вскоре выбившиеся из сил люди и животные вышли на берег небольшой речки Жалцзэнь-Гол, где мы и провели весь следующий день.

6 сентября экспедиция была уже в оазисе Куку-Арал. Здесь явно ощущалась близость границы. Монголы разъезжали группами от семи до десяти человек. Все они были вооружены и зорко следили за тропами со стороны гор. Мы выслали вперед дозоры, а для охраны каравана с тыла выделили специальный отряд. Тибетские грабители имеют обыкновение нападать на колонну сразу с обеих сторон.

7 сентября мы снова шли солончаками по Бурейн-Голу, приходу

Нейжи-Гола. Караван растянулся вдоль левого берега реки, поросшего камышом и можжевельником. Повсюду зеленели пастбища; во многих местах, поближе к воде, стояли монгольские айлы. Мы обратили внимание на то, что некоторые семьи жили в обычных палатках. Это были беженцы из долины Нейжи, едва успевшие спастись от мести голоков.

Нам рассказали о причине последней распри. В прошлом году несколько тейжинерских паломников отправились в Гумбум и по дороге совершили набег на табуны голоков. Голоки выследили воров, напали на монгольские стойбища в долине Нейжи и разграбили их. Было убито несколько монголов и голоков и угнано много скота. Вспыхнула межплеменная война. Монголам пришлось покинуть свои пастбища, но голоки настигли их в горах. Тогда монголы откочевали еще дальше, на берега Бурейн-Гола, но голоки не оставили их в покое и здесь. Всего месяц назад во время ожесточенной стычки погибли трое монголов и шесть голоков. У монголов были основания опасаться повторного набега, все вокруг дышало тревогой.

Источник постоянного беспокойства для цайдамских монголов, голоки (в одной транскрипции мго-лог — в буквальном переводе «повернутые головы», в другой — нго-лог, то есть «бунтовщики») представляют собой неоднородную этническую массу. По их собственному признанию, они состоят из панагов, нянжунвов, кампов, беженцев из Амдо¹⁴⁵, тибетцев и даже монголов. Все, кто не желал подчиняться китайцам или тибетцам, издавна находили убежище в верховьях Хуанхэ. Здесь их поглотили местные горные племена, и в итоге возникла новая племенная группа. Голоки не признают ни сининского амбана, ни правительства Лхасы. Правда, в последнее время тибетское правительство приняло строгие меры и заставило их признать свою власть, но так называемые «нижние голоки» еще остаются вне сферы влияния Лхасы и Синина. Оказав упорное сопротивление коннице мусульманского генерала Ма, «нижние голоки» повернули на запад, и их вооруженные отряды появились в горах между Дунгбуре и долиной Нейжи.

В лагере на берегу Бурейн-Гола нас навестили монголы, возвратившиеся из Лхасы, и сообщили, что к югу от гор Дунгбуре стоят тибетские военные посты. Я поехал на разведку и обнаружил, что к лагерю со всех сторон подступали густые заросли можжевельника. Возможный противник мог легко подкрасться и внезапно атаковать нас. На следующий день мы совершили семимильный переход и, миновав несколько полей, засянных ячменем, остановились в каньоне.

9 сентября, уже под вечер, экспедиция поднялась на береговую террасу и вскоре двигалась по пескам пустыни, называемой монголами Глен-шала. Мы пересекли ее в юго-западном направлении и после двухчасового перехода вышли к реке Нейжи. Наш караван верблюдов, выступивший еще в полдень, должен был находиться где-то к западу от этого места. Неожиданно вдали замерцали огни костров.

Вместе с Портнягиным я поехал на разведку. Каково же было наше удивление, когда нас окликнули знакомые голоса. Сделав выговор монгольскому проводнику, мы распорядились навьючить верблюдов и идти дальше. Проводник, однако, потребовал, чтобы кто-нибудь из нас ехал впереди каравана на случай опасности. Мы согласились, и с одним из спутников я поехал по тропе, внимательно осматривая местность. Судя по тому, как была вытоптана степь, здесь не так давно происходил жестокий бой, о котором нам рассказывали монголы. Голоки засели за холмами и, подкараулив монгольский отряд, внезапно напали. Монголы потеряли трех человек (их трупы мы видели на дороге) и, оправившись от замешательства, перешли в яростную контратаку. Шесть голоков было убито, остальные, оторвавшись от погони, скрылись в горах.

В полночь мы остановились в горном ущелье, в теснинах которого клокотала Нейжи. Ставить палатки было поздно, и пришлось провести ночь под открытым небом. В полумиле от нас отдыхал караван верблюдов. Дальнейший наш путь совпадал с маршрутом, по которому шли в свое время Н. М. Пржевальский (1879—1880), В. В. Рокhill (1891—1892)¹⁴⁶ и Г. Ц. Цыбиков (1899). После перевала Кано (12900 футов) мы преодолели ряд песчаниковых хребтов, спускавшихся к реке. Накануне здесь бушевала пурга, и горы утопали в искрящейся снежной пыли. От мысли, что пурга могла застигнуть караван между высоких, почти отвесных берегов Нейжи, становилось не по себе.

Перейдя через полноводную реку Шугейн-Гол, по берегу которой проходит путь на Синиц, мы перевалили через низкий отрог и снова спустились в долину Нейжи. Здесь, на веселой лужайке, окаймленной тальником, вскоре раскинулись наши палатки. Кострища и кучи верблюжьего и чьего-то навоза свидетельствовали, что через это место проходят караваны и поэтому оно могло находиться под контролем грабителей. Ночь я провел на возвышенности, не спуская глаз с тропы. Голоки редко крадут верблюдов, потому что с ними трудно уйти, и обычно угоняют лошадей и мулов. Животных можно спасти, если отрезать у них хвосты. У кочевников Центральной Азии считается позором ездить на лошади с куцым хвостом. Я вспоминаю случай, когда конокрады напали на табун, принадлежавший одному русскому купцу. Лучших лошадей, у которых были обрезаны хвосты, они не тронули, зато угнали всех с длинными хвостами.

11 сентября, перейдя вброд реку, колонны экспедиции поднялись на крутой берег и вышли на широкое песчаное плато, в котором река прорезала глубокий и узкий каньон. Местные монголы пытались перекинуть через реку мост, чтобы сократить путь, но из этого ничего не вышло. После пятнадцатимильного перехода мы остановились для отдыха. Неожиданно Елена Ивановна Рерих заметила в зарослях ивняка верблюдов и людей. Вместе с одним из спутников я отправился на разведку. Мы ожидали встретить паломников или настухов, но,

к нашему удивлению, в пивняке никого не оказалось, и нам удалось обнаружить только затоптанные костры. Кто был здесь? Мирные кочевники или же выслеживавшие нас грабители? Мы прочесали тальники и в конце концов увидели свежие следы лошадиных копыт. Лошади не были подкованы; всадники, по-видимому, ушли за реку. На всякий случай было принято решение удвоить наряды и составить план обороны лагеря. Вечером наши люди обследовали ближайшие окрестности, но вернулись ни с чем.

Утром, продвигаясь по берегу реки, мы заметили двух диких яков. мирно пасшихся в долине. Наши охотники подъехали к животным поближе и, прицелившись, разом выстрелили. Один из быков упал на колени, но тут же вскочил и пригнул свои страшные рога. Мгновение — и яки кинулись на охотников. Всадники повернули назад, но разъяренные быки не отставали. Они набежали на меня, и я выстрелил почти в упор. Один як упал, а другой понесся в сторону гор. Я подумал, что бык мертв, и медленно подъехал к нему, но тяжело раненное животное вскочило и вскоре ушло от погони. За яком тянулся кровавый след, кровь была и на скале, на которую с необычайным проворством поднимался бык. Охотники нередко преследуют раненых животных сутками, прежде чем удастся добить их.

Вскоре на месте очередной стоянки мы снова обнаружили кострища, оставленные несколько часов назад. По-видимому, кто-то шел впереди нас. Навоза вблизи не оказалось, следовательно, здесь стоят не караван. Вероятно, это были два или три всадника, следивших за нашим передвижением. Мы приняли все меры предосторожности.

13 сентября выдался пасмурный день, над горами нависли тяжелые тучи. С правого берега Нейжи, по которому шли колонны экспедиции, открывался вид на снежные вершины и ледники горной цепи Марко Поло, белевшие вдаль. Казалось, ничто не предвещало последовавших вскоре событий. Как всегда, впереди экспедиции двигался небольшой авангард; за ним шел Н. К. Рерих с конвоем; дальше — мулы с легкой поклажей, а на некотором расстоянии от них — караван верблюдов с тяжелым грузом. В арьергарде ехало несколько вооруженных всадников. Но едва мы достигли северного склона перевала Элисун-дабан, о котором нам говорил таинственный гость на Шара-Голе, как вдаль показался отряд всадников. Кто они? Уж не собирались ли они напасть на экспедицию? Много вопросов пронеслось в голове, но раздумывать было некогда.

Всадники неслись наперерез тропе, плато гудело под копытами лошадей. В их руках были винтовки и сабли, а у некоторых пики. Наш монгольский проводник, бледный, размахивая руками, бросился к реке и закричал: «Аранган, аранган!» («Грабители!»). Он был единственным, кто струсил; все остальные проявили необычайную выдержку. Николай Константинович Рерих приказал нам занять позицию на гребне холма, а торгоутам — готовиться к обходу врага с тыла. Столкновение казалось неминуемым. Мы прицелились и ждали коман-

ды, чтобы открыть огонь. Но всадники, кажется, дрогнули. Подняв лошадей на дыбы, они остановились, и мы увидели, как несколько человек спешили и стали совещаться. Видимо, грабители поняли, что из их затеи ничего не выйдет. Вскоре мы разговаривали с их парламентарями. Никогда еще мне не приходилось видеть таких злобных, изуродованных жестокостью лиц. Большинство в банде составляли молодые люди, но главарем был седобородый старец. Превосходство нашего вооружения заставило его изменить намерение.

После короткой остановки мы двинулись дальше. Один из грабителей проговорился, что они ожидают на следующий день подкрепление. На очередной стоянке, уже под вечер, пришлось вырыть окопы и выставить усиленные наряды. К счастью, ночь прошла спокойно.

И до, и после этого события мы часто задавали себе вопрос: кем был таинственный незнакомец, предупредивший нас о грозящей опасности? Ведь благодаря ему мы смогли заблаговременно принять все меры предосторожности и избежать кровопролития.

Утром нам пришлось задержаться в связи с пропажей двух лучших верблюдов. Монголы были уверены, что животных украли бандиты, и решили прочесать окрестности. Вскоре мы услышали выстрел, за которым последовал второй. И тут же на склоне горы показался монгол, гнавший отбившихся от каравана верблюдов. Оказалось, монголы заметили в горах грабителей и стреляли, чтобы их отпугнуть.

Во время перехода к перевалу Нейжи мы были готовы к любым неожиданностям. Наши вооруженные разъезды рыскали впереди, а конвой прикрывал караван с флангов. Крутой склон перевала, покрытый льдом и снегом, трудно дался верблюдам. Они то и дело падали, их пришлось развьючить. Подъем занял целых четыре часа, мы едва добрались до вершины. Здесь нас подстерегала засада, но бандиты, своевременно выявленные дозором экспедиции, благоразумно предпочли ретироваться. Спускались мы с перевала в буран и едва различали дорогу перед собой.

Безрадостным был наш привал на берегу небольшой реки. Животным негде было пастись, они стояли, понуриив головы. Люди раздражались из-за пустяков и то и дело ссорились. В долине голосил штормовой ветер, но стада диких яков как ни в чем не бывало паслись в заснеженной степи. Охота на этих черных мохнатых животных небезопасна. По сигналу вожака быки мгновенно бросаются на стрелка, и тибетцы хорошо это знают. Поэтому они либо преследуют животных, отбившихся от стада, либо стреляют, когда стадо находится в движении. В этом случае их жертвой становятся яки, идущие последними. Для раненого яка не существует никаких преград. Он будет преследовать охотника, вслед за ним карабкаясь на крутые скалы или гоняясь по степи, пока меткий выстрел не остановит его сердце. Наши торгоуты, однако, не выдержали и подстрелили огромного быка, пополнив таким образом запасы экспедиции.

Ночь обещала быть тревожной. Часовые сообщили о появлении

в окрестностях каких-то всадников. Создавалось впечатление, что грабители решили все-таки попытать удачи. В десятом часу вечера ламы пригласили меня в свою палатку. Один из них спал, как-то странно согнувшись, и не отвечал на оклики товарищей. Я сразу понял, что он мертв. Врач констатировал смерть от сердечной недостаточности. Проверая караулы, я пытался ходить побыстрее, чтобы согреться, но это не помогало. Ветер хлестал по лицу и забивал снегом глаза. Вдруг ко мне подбежал часовой и сообщил, что на противоположном берегу реки появились какие-то черные точки. Чтобы выяснить, кто это был, я послал собак. Внезапно собаки громко залаяли, и неизвестные тотчас пустились наутек. Ими оказались медведи.

Утром состоялись похороны ламы. Его тело занесли на вершину холма и, завернув в войлок, оставили на земле. Монголы, очень подавленные смертью ламы, втайне решили сбежать, однако нам удалось их убедить остаться.

В полдень наши колонны шли по широкой каменистой равнине, держа путь к перевалу Ангар-Дакчин*. Преодолели мы его без особых затруднений. Снега здесь не было, а спуск оказался пологим. На юге катились волны песчаниковых холмов. К вечеру мы стали лагерем у подножия невысокого хребта и провели здесь свою первую ночь на Тибетском нагорье.

ВЕЛИКОЕ ТИБЕТСКОЕ НАГОРЬЕ

Нам потребовался двадцать один день, чтобы пройти унылое, негостеприимное плато, лежащее перед Тибетским нагорьем. Широкие равнины нагорья, расположенные на высоте 15 000—16 000 футов над уровнем моря и простирающиеся к югу от Куинь-луна и к северу от Трансгималаев, называются по-тибетски Чанг-Тан, или «Северная равнина». Это страна резко континентального климата. Ураганные ветры и резкие колебания температуры заметно влияют на ее рельеф. Когда-то Тибетское нагорье пересекали высокие горные хребты; сейчас это область выравненных горных цепей и широких межгорных равнин, где пасутся стада диких яков.

Наша первая ночь на Тибетском нагорье прошла в мертвой тишине, изредка нарушаемой лишь стонами тибетского торговца, примкнувшего к экспедиции. «Аро, аро, аро!» («Друг, друг, друг!») — звал он жалобным голосом. Ночью у него был сильный приступ, он чудом остался жив. Наш врач делал все, чтобы облегчить страдания тибетца, но каждое движение причиняло ему боль.

Утром экспедиция шла долиной, оцепленной грядами низких холмов. В долине протекала речушка, которую наши проводники называли Ангар-Дакчин-Гол. После длительного перехода по песчаной

* Т. с. к хребту Марко Поло.

местности мы разбили лагерь на берегу пресного озера, питавшегося летними дождями. Дозорные донесли о всадниках, замеченных на соседних холмах. Нам следовало быть начеку, особенно ночью. Однако и эта ночь прошла спокойно, а когда мы проснулись, то увидели, что все вокруг покрыто снегом. Над головой нависли тяжелые серые тучи, воздух был сырым и холодным. В этом году снегопады начались рано.

Сняв лагерь, мы вышли на песчаную равнину, покрытую скудной травой, и в полдень достигли реки Чумар. Пока мы искали брода, лошадь одного из наших монголов застряла в донном иле. За рекой экспедиции предстояло преодолеть пояс песчаных дюн. Полное бездорожье усугубляло тяготы перехода, но особенно досаждали нам многочисленные норы грызунов, в которые то и дело проваливались лошади и верблюды.

Через три часа мы были у подножия Кукушили. Долгий подъем вывел нас на перевал Кукушили-кутул (высота 14 500 футов); отсюда было видно, как на склонах гор паслись куланы и газели. Спустились мы с перевала долиной речки Кукушили-Гол, по которой бродили стада яков и куланов. Мы остановились на отдых в месте соединения долины с широкой равниной, отделявшей Кукушили от горного хребта Дунгбуре. Вечером неожиданно раздался гул камнепада, и топот тысяч копыт известил о спуске в долину стада диких яков. Огромные самцы-вожаки брели с опущенными рогами, готовые дать немедленный отпор.

Дальнейший наш путь пролегал по песчаной равнине, кое-где местами заболоченной. На юге и юго-западе вздымались снежные вершины хребта Дунгбуре. Караван двигался медленно: верблюды часто падали, а лошади и мулы глубоко увязали в болоте. Неподалеку от Хапчик-Улан-Мурэна¹⁴⁷ мы свернули на юг и обогнули увал. Отсюда открывалась отличная панорама: на севере синела полоса горной цепи Кукушили, на юге, востоке и западе изгибались волнистые холмы. За горами Дунгбуре начиналась территория, контролируемая лхасским правительством, и там могли стоять тибетские аванпосты.

Спускаясь к реке Хапчик-Улан-Мурэн, мы заметили на противоположном берегу какое-то пятно, похожее издали на тибетскую палатку, и решили послать вперед дозорных. Река была шириной примерно в полмили, дно ее было илистым, берега зыбкими. Однако глубина Хапчик-Улан-Мурэна оказалась незначительной, а русло реки распадалось на рукава, извивавшиеся между болотистыми островками. Переправившись на противоположный берег, мы увидели воронку старого гейзера, окольцованную слоями окаменевшей соли. Ночевали мы у подножия северных отрогов Дунгбуре. Во время дневного перехода нам пришлось бросить выбившихся из сил лошадь и мула.

22 сентября 1927 года мы продолжили восхождение на Дунгбуре. Тропа петляла по ущелью, заваленному обломками горных пород, затем сворачивала на юго-восток и пересекала высокий хребет с сильно

заболоченными склонами. За хребтом лежала горная долина, источенная норами полевок. Мы намеревались преодолеть крутой перевал, в пяти милях от которого проходила дорога на Лхасу, но он оказался непроходимым для верблюдов. Поэтому пришлось повернуть на юго-запад и идти по узкому ущелью к перевалу Дунгбуре-кутул. В пути мы видели много разных животных: медведей, диких яков, куланов и тибетских газелей. На перевал экспедиция поднялась без особых затруднений, но спускаться пришлось по ущелью, усеянному валунами. Участников экспедиции, уставших от однообразного ландшафта Кукушили, вдохновили живописные складки гор, теснившие долину со всех сторон. Избегая заболоченных и топких участков, мы держались ближе к скалам.

С утра установилась ясная погода, но внезапно стало пасмурно, и «ворота в Тибет» — две огромные скалы, в щель между которыми тянулась тропа, — встретили нас градом и ураганным ветром. Мы спустились в горную долину и разбили лагерь на площадке со следами костров. На юге белели зубцы хребта Тангла, на севере темнела стена Цаган-Хада.

24 сентября мы продолжили переход в западном направлении и вскоре вышли на широкую песчаную равнину. На юге виднелся могучий Тангла, покрытый вечными снегами, — одна из главных горных систем Тибета; на востоке простиралась равнина, по которой было разбросано множество соленых озер, почему она и называлась Олуннор, или «Много озер». Здесь соединяются два важных караванных тракта: один из Цайдама в Тибет, по которому шли мы, и другой — из Синниа.

Спустя два часа у подножия холмов на юге равнины было замечено какое-то черное пятно. Посланные вперед дозорные вскоре вернулись и сообщили, что это тибетский аванпост. Навстречу нам уже двигался отряд солдат. Подойдя к каравану, старший из них предложил нам предъявить паспорта. После длительного изучения он нашел, что документы в порядке, и обещал немедленно отправить донесение начальнику, стоявшему со своим отрядом на синнинском тракте. Он сказал также, что пошлет гонцов в Нагчу¹⁴⁸, чтобы сообщить о нашем прибытии.

Службу на посту несли десять кочевников из Нагчу. Одетые в серые, почти черные от грязи тулупы, с длинными спутанными волосами, падавшими на плечи, выглядели они неказисто. Их вооружение состояло из тибетских сабель и мушкетов, двое держали в руках длинные пики. Командир, то и дело справляясь о наличии у нас оружия и числе верховых и вьючных животных в караване, приступил к составлению донесения, а солдаты разговорились и сказали, что знали о нашем прибытии несколько недель тому назад. По их словам, за торговым путем ведется тщательное наблюдение, на дороге в Лхасу стоят военные посты, усиленные регулярными частями. Нас особенно заинтересовало известие о задержании в Шэнди четырех русских,

У перевала Танг-ла

шедших из Синниа. Солдаты добавили, что русские ведут сейчас переговоры с правительством о возможности посещения Лхасы.

Уже стемнело, нам пришлось стать лагерем около тибетского поста. Утром мы продолжили путешествие. Тропа, перевалив через низкий хребет, вывела нас на болотистую равнину. Вдали, на берегах соленых озер, паслись стада куланов, тибетских антилоп и газелей. Мы наблюдали даже, как два волка гнались за молодой газелью. Выбившись из сил, они прекратили погоню.

У реки Марчу к нам присоединились двое гонцов с аванпоста. Их низкорослые лохматые лошади едва поспевали за нашими монгольскими скакунами. Вооружены солдаты были длинными тибетскими саблями и старинными мушкетами. Один из них, в войлочной шапке, обшитой по краям красной тесьмой, непрестанно вращал большое молитвенное колесо, спасая свою душу¹⁴⁹. Переправа через реку заняла целый час, да еще пришлось вытаскивать из зыбуна лошадей наших спутников. Поэтому мы решили дать отдых каравану. Солдаты же отбыли в Нагчу.

Наш следующий переход был в сторону Улан-Мурэна. С перевала мы увидели серебряную ленту реки, извивавшуюся в долине. Далеко на юге сияли белоснежные вершины гор Буха-Магнай. Как нам хотелось поскорее попасть в Нагчу, где скоро должна была открыться осенняя ярмарка! На это празднество всегда съезжается множество гостей из Лхасы, Кама¹⁵⁰ и даже из далеких Нгари и Ладака.

Вскоре мы перешли вброд чистую речку с каменистым дном, пересекли покрытую травой равнину и после двадцатимильного перехода спустились в неглубокую впадину. Весь день дул сильный северо-западный ветер, сыпал град и валил мокрый снег. Тибетский торговец снова сдал, и мы опасались, что он не выдержит разреженного воздуха Тангла¹⁵¹. По слухам, на южном берегу Дричу стояли стойбища кочевников, но мы не встретили ни одного жилища.

Вскоре караван был в долине, тибетское название которой Карка. На севере вздымались снежные вершины; порывы холодного ветра возвещали о приближении к ледникам Тангла. В 1904 году, во время своего бегства в Монголию, здесь проезжал далай-лама. На месте, где он останавливался, воздвигнут в его честь каменный трон. К вечеру ледяной северо-западный ветер усилился, и на горы обрушился буран, заваливший снегом все входы и выходы.

С трудом ориентируясь в густом тумане, утром мы поднялись на невысокий перевал, чтобы осмотреться, но из этого ничего не вышло. По совету проводников караван спустился в долину и двигался мили три в юго-восточном направлении, пока не выбрел к стоянке, которую, по-видимому, раньше занимал военный пост. Площадку, очищенную от снега и камней, защищала от ветра низкая стена, сложенная из валунов и дерна. Изрядные запасы топлива сулили долгожданный отдых у костра.

Экспедиция уже лишилась двух лошадей, не выдержавших тяжелой дороги и бескормицы. Гнедой конь Елены Ивановны терял силы, и мы подкармливали его дзамбой (поджаренной ячменной мукой), или цзаммой по-тибетски. Нужно было спешить в Нагчу и немедленно пополнить запасы продовольствия и фуража.

На другой день наши проводники взяли ошибочное направление и мы ушли далеко на запад. Неожиданно впереди показалось стадо домашних яков. Пока наш тибетец-проводник разыскивал пастухов, мы перешли вброд небольшую речку и повстречали тибетского кочевника. Глаза его прикрывали зеленые очки, на боку висела длинная сабля. Он решил, что мы монголы, так как никогда в жизни не видел европейцев, и сказал, что до тропы к перевалу Танг-ла отсюда четыре мили. По его словам, недалеко от Карка выставлен тибетский военный пост, насчитывающий тридцать всадников. Кроме того, мы узнали от него, что в Чунаке¹⁵², на расстоянии пятидневного перехода от нашего лагеря, находится ставка верховного комиссара Хора.

Сопровождаемые кочевником, мы пошли дальше. Тропа сперва поднялась на гребень низкого хребта, затем спустилась в высохшее речное русло. Под немилосердно палившим солнцем заснеженные горы сверкали ослепительно. У Николая Константиновича начался приступ снежной слепоты. От этой болезни страдали также один из наших монголов и тибетец. После тяжелого пятнадцатимильного перехода по тропе, местами занесенной снегом, мы вышли к речушке, бе-

гавшей с хребта Тангла, и расположились на ее зеленых берегах. Скучная трава пришлось очень кстати нашим животным, истомившимся по пастбищу. В пути мы снова видели куланов, газелей и медведей. Один из медведей спустился к каравану и довольно долго шел рядом с мулами, пугая их. Высоко в небе проносились на юг стаи серых цапель.

В последние дни нас стало беспокоить состояние лошадей, купленных в Цайдаме. Острые камни на тропе грозили окончательно обезножить несчастных животных.

2 октября мы начали подниматься к перевалу Танг-ла. Как обычно вышли в путь рано. Над вершинами клубился туман, сквозь который едва проникали солнечные лучи. Заметно похолодало, тропа звенела под копытами караванных животных.

После двухчасового перехода мы поднялись на низкий перевал, не отмеченный на картах этого района. Его вершина была увенчана каменной пирамидой, на флагштоках трепетали полосы разноцветной материи. С перевала караван спустился в горную долину. Нас окружали снежные вершины, четко вырисовывавшиеся в холодном разреженном воздухе; на востоке сверкали соленые озера. Тропа свернула на юго-запад и пересекла еще один невысокий перевал, уставленный восьмью каменными пирамидами.

После двадцатидвухмильного перехода по Тибетскому нагорью мы остановились в местечке с хорошим пастбищем. Ночь выдалась ясная, но очень холодная; наши часовые мерзли в своих тяжелых тулупах. Место этой лагерной стоянки монголы называли Хуйтун ширик («Холодное пастбище»). Ширик — это особая грубая трава, растущая на болотных кочках Тибетского нагорья. Караванные животные охотно поедают ее, почему слово «ширик» употребляется и в значении пастбище. Монгол, которого мы послали на поиски стоянки для лагеря, вернулся со словами: «Ус баина, ширик баина» («Там вода, там пастбище»).

Наутро, в половине шестого, мы уже находились в пути. Воздух был необычайно прозрачным, сверкающие вершины Тангла вздымались перед нами. Поднимаясь по покатой равнине, мы заметили у подножия низкого горного отрога несколько черных палаток кочевников, рядом с которыми паслись стреноженные лошади. Это был военный пост, но никто не пришел узнать, куда мы идем и откуда. Казалось, что здесь никого не было, только голубой дымок, вившийся над палатками, давал знать о присутствии людей. Возможно, мы явились слишком рано, и солдаты мирно пили свой чай с маслом и цаммой.

Подъем был долгим, но не очень крутым. Безмятежность покоя огромного хребта нарушали только куланы, пасшиеся на склонах гор. Перевал Танг-ла считается местом пребывания тридцати трех

божеств, и наши монголы и тибетцы говорили, что погожий день, в который мы переходили Танг-ла, является благоприятным знаком. У тибетских караванщиков существует поверье, что когда в Тибет приходит непрощенный гость, перевал встречает его пронизывающим ледяным ветром и он замерзает*.

Достигнув вершины, все монголы и тибетцы спешились, ламы зажгли благовония и прочли молитву у жертвенных сооружений. В разреженном воздухе их голоса звучали громко и проникновенно. На этом перевале путешественника завораживает великолепие горных хребтов, преграждающих путь к священному городу Тибета.

К сожалению, здесь нам пришлось оставить одну из лучших лошадей каравана, которая совершенно выбилась из сил и не могла идти дальше. Ее забрал юноша-хорпа, державший путь к северу от перевала. Говорил он на странном диалекте, даже наши тибетцы не понимали его. Одет он был в халат из пуру, на ногах у него были матерчатые сапоги, подвязанные под коленями, на голове — серая шерстяная шапка. За спиной у юноши покачивалась винтовка с примкнутым штыком, на поясе висела длинная сабля. Он очень интеллигентно общался с нашим караваном, но незнание языка затрудняло беседу с ним. Два яка, навьюченных мешками с зерном, брели следом за молодым кочевником.

Некоторое время мы шли по берегу речушки, которая впадала в Яграчу, сбегавшую с перевала в юго-западном направлении. После тяжелого двадцатимильного перехода караван остановился на отдых. Рядом с нашим лагерем было много серных источников, почему это место и называлось Чжуцзеньгун («Верхний горячий источник»). В этот день мы потеряли несколько животных: трех лошадей, мула и верблюда. У тибетского торговца снова был сильный сердечный приступ. Стонущего и почти без сознания, его принесли в лагерь около одиннадцати часов вечера. В последнее время наш доктор дежурил возле него почти круглосуточно. Тибетец находился в критическом состоянии и только просил, чтобы ему дали традиционных китайско-тибетских лекарств.

Утром мы продолжали спускаться по речной долине, которая представляла собой широкое горное ущелье. Вскоре нам повстречался небольшой отряд тибетских солдат, вооруженных саблями, винтовками и пиками. Солдаты сообщили нам, что Лхаса опасается нападения китайцев. Вчерашние кочевники, солдаты выглядели совершенными дикарями. У большинства из них не было шапок, их длинные спутанные волосы развеивались на ветру, а грязные овчины кое-как прикрывали тело. С отрядом шли две малорослые лошади, которые везли палатку и походную утварь.

Ночевали мы у подножия скалы на левом берегу реки Ягры. Отсюда в Нагчу ведут две дороги: одна по левому берегу, другая — по правому. Мы решили идти левым берегом, потому что он был бо-

* Название перевала Убаши-хайрхан.

более доступным для тяжело нагруженных верблюдов. Вторым путем обычно пользовались караваны яков.

Утром наш караван снова шел речной долиной. Тропа пересекала низкий отрог и спустилась в широкую долину, которая вскоре сузилась. Дальше начиналось ущелье, прорезавшее невысокий хребет. После пятнадцатимильного перехода мы разбили здесь лагерь, так как надо было щадить животных, еще не пришедших в себя после штурма Танг-ла. Вскоре к нам наведались двое молодых хорпов, вооруженных русскими винтовками образца 1899 года. Они сказали, что четверым иностранцам, задержанным в Шэнди, после двухнедельных переговоров разрешен въезд в Нагчу. Хорпы выразили сомнение относительно того, разрешат ли нам идти дальше на юг, и вскоре уехали. Наши караванщики считали, что эти люди были шпионами, подсланными верховным комиссаром Хора. Нас посетили также две местные женщины, мать и дочь, которые дали нам немного ячьего молока и масла. Мы в свою очередь угостили их туркестанским изюмом. Они поинтересовались, не видели ли мы голоков, и сказали, что эти грабители часто нападают на здешних кочевников. Чтобы обезопасить себя, хорпы вынуждены снимать стойбища и укрываться в горах.

6 октября мы намеревались прийти в Шэнди пораньше, чтобы иметь больше времени для закупок продовольствия. Долина реки, по которой шел наш караван, расширилась, на склонах гор показались отары овец и стада домашних яков. Вдруг мы заметили на тропе людей. Это были солдаты, получившие приказ остановить караван и доложить о нас верховному комиссару Хора. Самое странное, вооружен был только один из них, да и то рогом антилопы, засунутым за пояс. Старший по званию, высовывая язык в знак почтения и жестикулируя, просил нас задержаться на один день в Шэнди. Мы подчинились, так как хотели войти в страну мирно, не прибегая к угрозе силой.

Шэнди — это обширная долина, славящаяся своими пастбищами. Но нам не повезло: караваны, которые обычно дожидаются здесь разрешения следовать в Нагчу, объели и вытоптали всю траву. Кроме того, из-за множества болот воздух в Шэнди был пропитан сыростью.

Вскоре к нам пришли гости. Молодые люди щеголяли в овчинах, обшитых черной тесьмой, и в суконных сапогах. Щеки девушек были нарумянены, а у женщин покрыты черной пастой, защищающей кожу лица от зимних ветров. Их общим желанием было выменять наших монгольских лошадей. Аксакал же, заявившись позднее, долго расспрашивал нас о составе каравана и количестве багажа. Мы сказали ему, что в Нагчу уже отправлено одно донесение, но он заявил, что военный пост в Олунноре подчиняется губернаторам Нагчу, а его начальник — верховный комиссар Хора, который старше губернатора Нагчу по чину.

Вскоре к нам приставили стражу из четырех человек; вблизи лагерь поднялась их белая юрта. Хотя нам и объяснили, что караул вы-

ставлен для охраны грузов и каравана, но было ясно, что солдаты будут следить за каждым нашим шагом. Мы, однако, не возражали, полагая, что такое отношение к нам скоро изменится. Ведь наши паспорта были в порядке, а тибетское правительство вряд ли станет чинить препятствия экспедиции. Однако последняя капля переполнила чашу терпения: нам разрешили покупать у местных жителей молоко и масло, но запретили продавать или менять караванных животных. Это последнее условие нас возмутило, мы выразили протест. Аксакал извинился и сказал, что действует согласно распоряжениям свыше.

Ночью мы зябли, сырой воздух раздражал легкие. Рано утром к нам снова пришел аксакал и сообщил, что скоро придут чиновники от верховного комиссара Хора и губернаторов Нагчу, чтобы обсудить наш дальнейший маршрут. Около десяти часов утра мы услышали позвякивание колокольчиков и заметили вдали двух всадников. Старший из них, сержант тибетской регулярной армии, сошел с лошади у лагеря и вступил в разговор с караульными, потом снова сел в седло и въехал на нашу территорию. Лошадь у него была тибетской породы, седло — английское, меховая шапка — тоже импортная, а поверх мундира были наброшены халат из черного бархата и овчина. Сопровождал сержанта солдат, вооруженный английской винтовкой, убранный хадаками, и опоясанный патронташем. Сержант уселся в одной из палаток и начал писать длинное донесение. Он пересчитал наших животных и попросил открыть некоторые ящики, в одном из которых увидел коллекцию тибетских знамен и другие предметы религиозного культа. По-видимому, это произвело на него большое впечатление, так как он заявил, что вопросов больше у него нет, и пошел к своей лошади. Сержант сказал, что если верховный комиссар разрешит экспедиции идти дальше, то он вернется и будет охранять нас лично. Затем сержант провел два часа в палатке поста, попивая чай с солдатами.

Около двух часов дня мы опять услышали позвякивание колокольчиков, возвещавшее о прибытии новых гостей. На этот раз ими были представитель губернаторов Нагчу, или донир, и двое чиновников. Снешившись, новоприбывшие вошли в лагерь и представились руководителю экспедиции Николаю Константиновичу Рериху, поприветствовав его словом «салам!», а один даже сказал по-английски: «Гуд мornнг». Мы предложили им сесть около палатки Н. К. Рериха, и начался долгий, скучный разговор. Донир претендовал на осведомленность во всем, что касалось иностранцев, и выразил желание получить от нас еще один подробный отчет. Он сказал, что его специально послал для этой цели нагчуский ханпо¹⁵³, и добавил, что его начальник очень серьезный человек, строго наказывающий подчиненных за нерадивое отношение к своим обязанностям. После этого вступления донир попросил нас помочь ему составить донесение. «Что вы собираетесь делать в Тибете?» — спросил он. Мы ответили, что наша экспедиция научная и намерена изучать историю и религию Тибета,

а субсидирует ее ряд институтов, в том числе и американских. «Амери, Амери, Амери-хан», — повторил донир, затем вдруг выхватил ручку и что-то быстро написал на длинном листе бумаги.

Стоя за его спиной, я прочел первые строки донесения, которые меня весьма удивили: «Такого-то числа восьмого тибетского месяца года огненного зайца в Шэнди прибыл король Амери, который будет изучать буддизм и приобретать священные рукописи и изображения святых». Мы пытались объяснить, что слово «американский» нельзя переводить как «Амери-хан», но донир не обратил на это никакого внимания, сказав, что он знает немного монгольский, а всем известно, что слово «хан» означает по-монгольски король, и он абсолютно уверен в правильности своего объяснения. Наше несогласие еще больше убедило его в своей правоте, и донир добавил, что мы скрываем от него подлинное положение своего руководителя, имя которого Амери, а высокий титул — хан. Затем он затребовал фотографии каждого из нас в отдельности и групповой снимок экспедиции и сказал, что все эти снимки вместе с донесением будут представлены верховному комиссару Хора, который прикажет своим помощникам разобратся в нашем деле.

Мы напомнили дониру, что у нас есть тибетские паспорта, которые дают нам право передвигаться по Тибету без всяких препятствий. Но он ответил, что ничего не знает об этих паспортах и его начальство ничего ему о них не говорило. Становилось ясно, что власти не хотели считаться с фактом наличия у нас документов, разрешающих пребывание на тибетской земле, и смотрели на нас как на людей, чуть ли не посягающих на безопасность страны.

Неожиданно к лагерю подъехали солдаты, которые отвозили донесение из Олуннора в Нагчу, и доложили, что вручили его губернаторам. Донир смутился и сказал, что, вероятно, губернаторы изучали донесение и не сочли нужным посвящать в это дело подчиненных. Донир снова пересчитал наших караванных животных и грузы и, свернув свое донесение, покинул лагерь.

Весь следующий день мы ждали ответа от верховного комиссара. Местные кочевники не проявляли к нам никакого интереса, так как им было запрещено торговать и общаться с иностранцами. Молоко, масло и топливо нам приносили старейшины. Мы провели день, осматривая грузы и смазывая раны на боках животных. Аксакал сказал нам, что строгие правила, по которым границу Тибета запрещено переходить без согласия далай-ламы, введены с прошлого года и распространяются не только на иностранцев — монголов или китайцев, но и на тибетцев, возвращающихся на родину из Монголии или Китая.

Вечером в лагерь прибыли двое аксакалов в красных халатах, с саблями в дорожных ножнах у пояса. Они сообщили, что верховный комиссар Хора и губернаторы Нагчу предложили нам идти сперва в Чунак, а затем в Нагчу. Аксакалы собрались было писать новое донесение,

но на этот раз мы решительно заявили, что трех донесений властям более чем достаточно. Они заулыбались и вскоре оставили лагерь.

Назавтра мы поднялись еще до рассвета, и около шести часов утра караван, сопровождаемый двумя аксакалами, пошел на юг. После беспокойной ночи я чувствовал страшную усталость. Огромное нервное напряжение в предыдущие дни, частые ночные дозоры, утомительные переходы и бесконечные переговоры с пограничными властями в течение трех дней — все это как-то сразу дало о себе знать.

Неожиданно аксакалы отказались сопровождать экспедицию дальше, и нам самим пришлось прокладывать путь. А еще через какое-то время как из-под земли выросли всадники и налетели на караван с криком: «Стойте!» Один из них был вооружен саблей и маузером, остальные были препоясаны патронташами. Мы остановились и стали ждать. Довольно скоро вернулись аксакалы и приказали всадникам уступить нам дорогу. Нам показалось странным, что военный пост не был информирован о передвижении экспедиции. После короткой остановки мы снова ступили на тропу. Встречные всадники приветствовали нас словами: «Салам, сахиб!»

На перевале Гамроп-ла у меня случился сердечный приступ. Пульс едва прощупывался, но я не потерял сознание и слышал, как врач говорил: «Он умирает».

Часа через два я пришел в себя. Врач дал мне большую дозу лекарства, стимулирующего сердечную деятельность, и я смог спуститься в лагерь, разбитый в урочище Чунак. Наш помощник монгол упал с лошади, ему помогли добраться до лагеря. Местное население, очевидно, прослышало об экспедиции, и вскоре на территории лагеря собралась толпа, в которой было и несколько лхасских торговцев. Один из них весьма удивил нас, сказав: «Время — деньги».

Ранним утром 10 октября к нам прислали чиновники и передали приглашение посетить лагерь верховного комиссара Хора. Несмотря на большую слабость, мне вместе с Н. В. Кардашевским пришлось сопровождать Николая Константиновича Рериха в качестве переводчика.

Лагерь верховного комиссара находился на северо-востоке урочища. Лошади часто спотыкались, с каждым толчком мне становилось все хуже. Наша группа двигалась в следующем порядке: впереди ехал монгол из состава конвоя с флагом экспедиции, за ним Николай Константинович, Кардашевский и я; трое монголов, вооруженных винтовками, следовали позади, еще дальше ехали тибетские чиновники.

В дороге у меня снова начался сердечный приступ, и тибетский чиновник поскакал в лагерь за врачом. Немного позднее к нам присоединились Елена Ивановна и Портнягин, а Николай Константинович с Кардашевским отправились к генералу. После очередной дозы лекарства я почувствовал некоторое облегчение, но все-таки был не в состоянии сидеть в седле. Вскоре из лагеря генерала прибыли офи-

цар и несколько солдат, которые стали упрашивать меня превозмочь себя. Они пытались даже нести меня на винтовках, но из этого ничего не вышло, и они уехали. Тем временем генерал отправил еще одного курьера. Это был его личный секретарь — молодой тибетец, которого я встречал в Дарджилинге в 1924 году. Я сделал последнюю попытку и взобрался на лошадь нашего доктора. Она шла не спеша, и мы благополучно добрались до ставки.

Лагерь верховного комиссара Хора являл собой скопище черных палаток кочевников. В центре его стояла просторная белая палатка генерала, защищенная высокой стеной из дерна и мешков с аргалом* от ветров Тибетского нагорья. Перед палаткой развевался военный флаг; почетный караул, выстроившись у входа, отдал нам честь. Солдаты были обмундированы по-английски, но команды отдавались по-китайски. Мы спешились, оставили лошадей под присмотром слуг и вошли в палатку. В глаза бросился балдахин из шелка и парчи над головой сановника. На стене висели раскрашенные знамена; в правом углу стоял алтарь работы непальских мастеров.

Верховный комиссар Хора, молодой человек лет двадцати четырех, восседал на приподнятом сиденье, покрытом леопардовыми шкурами. Его длинный халат был сшит из желтого шелка, а парадная меховая шапка выложена драгоценными камнями и увенчана золотым красивым навершием — знаком высокого ранга генерала. Волосы сановника стягивал массивный золотой обруч с большим изумрудом. Перед ним на низком тибетском столике стояли серебряная чаша, чернильница и другие письменные принадлежности. Личный штандарт генерала был прислонен к центральному шесту палатки; там же висела его сабля в зеленых кожаных ножнах. Слева от генерала расположились двое молодых чиновников в меховых шапках и шелковых халатах и тибетский офицер в чине майора. Нам предложили сесть справа — на возвышении, покрытом мехами и коврами. Слуги в пурпурных халатах принесли чай, сухофрукты и индийское печенье. После обычных вежливых расспросов о здоровье, трудностях пути и задачах экспедиции генерал выразил свое восхищение тем, что Николай Константинович Рерих, несмотря на свое высокое положение и почтенный возраст, отважился на тяжелое путешествие в такую, по его словам, незначительную страну, как Тибет. «Мы обязаны хорошо принять вашу экспедицию», — сказал генерал и добавил: — Будучи чиновником четвертого ранга, я имею право связываться непосредственно с его святейшеством далай-ламой, и я сразу же оповещу лхасские власти о вашем прибытии».

Генерал выразил желание посетить сегодня же наш лагерь. Он тут же позвонил майору и отдал ему распоряжение. Приготовления заняли час, все это время генерал расспрашивал нас об экспедиции. Он упомянул имя доктора Фильхнера, который находился в Цомра, ожидая

* *Аргал*, или князья, — сухой навоз.

ответа из Лхасы. Разговор прервал майор, доложивший, что все готово к отъезду. Генерал встал, и мы вышли из палатки, перед которой выстроился отряд всадников. Солдаты отдали честь, стоя в строменах, затем генерал взобрался в английское седло, накрытое сверху тибетским ковром, и процессия двинулась. Впереди ехал солдат с штандартом генерала, за ним волынщики, затем генерал, его свита и мы; замыкал шествие эскадрон. Когда мы покидали ставку, был дан залп из восьми винтовок и оглушительно зазвучали фанфары.

Подъехав к нашему лагерю, солдаты снова отдали честь генералу. Особое внимание верховный комиссар уделил палаткам. Он даже спросил, не можем ли мы продать ему лишние. Затем генерал вернулся в свой лагерь и предложил нам перебраться ближе к его ставке, чтобы облегчить переговоры. Утром следующего дня мы переселились на новое место, находившееся в четверти мили от ставки.

Днем мы снова нанесли визит генералу. Верховный комиссар заверил нас, что дня через два мы сможем продолжить путешествие. Николай Константинович сказал, что Чунак весьма неподходящее место для долгой стоянки. На это генерал ответил, что великие люди Запада, обладая такой же чудодейственной силой, как и «воплощенные» ламы Тибета, могут переносить огромные лишения, и он уверен, что с нами ничего не случится. Генерал добавил, что нельзя задерживать таких выдающихся людей, как профессор Рерих, и ему очень хочется оказать честь экспедиции. Он приказал оркестру ежедневно веселить наши души.

В конце дня генерал со своими помощниками еще раз посетил нас и осмотрел поклажу. «Грузы большого человека должны быть осмотрены офицером высшего ранга, — заметил он. — Вот почему я приехал сегодня». Все наше оружие было тщательно пересчитано, после чего последовало составление длинного послания далай-ламе, проявлявшему большой интерес к экспедиции. Вечером снова играли в нашем лагере волынщики и барабанщики.

Утром генерал угостил нас завтраком, во время которого подавались блюда китайской и тибетской кухни. Несмотря на внешнюю вежливость и дружелюбие чиновников, мы вдруг почувствовали некоторый холодок. Генерал сообщил, что гражданские власти Нагчу отказываются пропустить экспедицию и нам придется ждать официального ответа из Лхасы. По его словам, он делал все, чтобы переубедить губернаторов, но они довольно упрямые люди и не хотят его слушаться. Поэтому ему придется вернуться на зимнюю квартиру в Биру-гомпа, а его люди останутся с нами, пока мы не получим разрешения двигаться дальше, и будут оказывать нам всемерную помощь. Мы напомнили генералу, что у нас есть тибетские паспорта, но он заметил, что тибетский представитель в Урге всего лишь частное лицо. Генерал вызвал местных аксакалов в ставку и взял с них торжественное обещание помогать экспедиции во всем и снабжать ее всем необходимым.

Спорить с ним было бесполезно. Пришлось вернуться в лагерь и ждать ответа из Лхасы, который обещали дать через две недели.

Днем салют из восьми винтовок оповестил местное население об отбытии верховного комиссара Хора из своей ставки. Пышный кортеж приближенных генерала пронесся мимо лагеря экспедиции, оставив нас наедине с надвигающейся суровой зимой.

У ВОРОТ ТИБЕТА. ЗАДЕРЖАНИЕ В ЧУНАКЕ И ГИБЕЛЬ КАРАВАНА

Генерал уехал, ставка опустела. Большинство кочевников из племени хорпа, служивших у него, вернулись в свои стойбища. Остались только аксакалы пяти хорских племен и майор Сунам Дубжиел с отрядом солдат: помогать нам и в то же время не спускать с нас глаз. На территории экспедиции был выставлен пост, караванщикам запретили разговаривать с посторонними. Тибетские солдаты — неопрятные парни в грязных овчинах — следили за каждым нашим движением. Старший из аксакалов, добродушный мужчина с представительной внешностью и приятными манерами, рассказывал, что северная тибетская граница закрыта еще в прошлом году, на дороге из Нагчу в Лхасу стражники останавливают и обыскивают безобидных паломников, идущих из Монголии и со стороны китайской границы, и только цайдамским монголам разрешено передвигаться без ограничений*.

Сунам Дубжиел нанес нам визит и справился о наших нуждах. Он сказал, что ответ из Лхасы поступит скоро, и с увлечением стал повествовать о своих подвигах. Звание майора он получил за участие в осаде Ривочэ в Амдо во время китайско-тибетской войны 1918 го-

* В период Синьхайской революции в Китае на окраинах бывшей Цинской империи, заселенных неханьскими народами, развернулось мощное национально-освободительное движение. Стремясь сохранить контроль над народными массами, феодалы Тибета в марте 1912 г. возглавили антикитайское восстание. В то время как одна группировка феодалов во главе с далай-ламой искала поддержки со стороны английских колониальных властей в Индии, не оставлявших своих далеко идущих замыслов в отношении Тибета, другая, во главе с панчен-ламой, искала контактов с китайскими милитаристами. Общим, что их объединяло, был страх перед ростом политической активности тибетских трудящихся. Со временем раскол в верхах углубился, и в конце 1923 г. панчен-лама с частью своих приверженцев бежал в Китай.

Слухи о возвращении панчен-ламы в Тибет, так беспокоившие собеседников Ю. Н. Периха, выдают их сомнения относительно прочности позиций лхасской партии.

См.: В. А. Богословский. Тибетский район КНР. М., 1978, с. 32—33.

да*. Как оказалось, Сунам Дубжиел помнил даже нашего переводчика китайца Цая, взятого в плен в Ривочэ. Майор советовал перегнать караван на пастбища, расположенные в восьми милях к северо-западу от Чунака, и обещал выделить четырех человек для охраны животных. Поскольку кормов не было, а запасы зерна подходили к концу, пришлось поневоле согласиться. И что же? Многие животные так и не вернулись в лагерь, погибнув от истощения и бескормицы. Нам возвратили одни их хвосты.

20 октября. Весь день бушевал пронизывающий северо-западный ветер. Температура воздуха понижалась, термометр показывал —5°. Вечером прибыл всадник из Нагчу, доставивший письмо от губернаторов с просьбой оставаться в Чунаке.

21 октября. Сегодня Елена Ивановна Рерих простыла и чувствовала себя плохо. К вечеру с юго-запада набежали тяжелые тучи, утром повалил снег. Аксакал, дежуривший в нашем лагере, посоветовал перебазироваться в урочище Шаруген, что в пяти милях от Чунака. Однако мы не могли этого сделать из-за недомогания Елены Ивановны.

Снегопад, лишивший наших животных самого насущного — травы, шел весь день. В горах раздавался гром, словно там шла битва осени с зимой. Ранний снегопад встревожил тибетцев, и майор отправил курьера к известному магу с просьбой остановить ненастье на несколько дней.

23 октября. День выдался тихий и, к счастью, безветренный. Поскольку надежды в скором времени выйти в путь не было, мы хотели перенести лагерь на другое место и лучше подготовиться к зиме. Чунак — это впадина, расположенная на высоте 15 500 футов над уровнем моря и оцепленная с обеих сторон низкими, покрытыми травой холмами, где летом пасутся стада домашних яков и отары овец. К югу от впадины лежит перевал Тасап-ла. Здесь же находится высокая ступа, или чортен, почему урочище иногда называют еще Чортен-тан («Равнина ступы») или Чортен-карпо («Белая ступа»). Местность эта открыта всем ветрам; юго-западный ветер здесь порой до-

* В конце 1917 — начале 1918 г. тибетская армия развернула наступательные операции в Амдо и Каме — областях на северо-востоке и юго-востоке Сикано-Тибетского плато, населенных в основном тибетцами, но контролируемых китайскими властями. В апреле 1918 г. китайцы были изгнаны из крепости Чамдо, а летом — из большей части провинции Сикан. В октябре 1918 г. между Лхасой и Пекином было заключено перемирие.

Активную роль в этих событиях играли британские дипломаты и разведчики. Так, английский представитель Тэйхман находился в ставке тибетского главнокомандующего, а весной 1919 г. прибыл в Пекин для переговоров об установлении тибето-китайской границы.

Китай в этот период находился в состоянии политического хаоса. После подавления путча генерала-милитариста Чжан Сюня, 1 июля 1917 г. пытавшегося реставрировать Цинскую династию, власть в Пекине захватили представители северных милитаристов. Между различными группировками милитаристов шли непрерывные войны, отражавшие столкновения интересов империалистических держав в Китае.

стигает такой силы, что буквально валит с ног. Чтобы утеплить палатки, мы покрыли их войлоком, снятым с вьючных седел. Весь багаж экспедиции сочли благоразумным сложить в центре лагеря. Часовой хорпа должен был охранять его по ночам.

Майор бывал у нас ежедневно. Мы втолковывали ему, что переговоры с тибетским правительством лучше всего вести в Нагчу, здесь же наше положение и без того уже критическое. Майор отвечал, что сам он не вправе распоряжаться и может дать согласие только на поездку кого-либо из наших спутников в Нагчу за провизантом, да и то в сопровождении солдата. Он рассказал также, что между верховным комиссаром Хора и губернаторами Нагчу возникли разногласия, причем последние заняли позицию, явно неблагоприятную для нас. «Вас принял верховный комиссар Хора, и его дело помогать вам в ваших затруднениях. Мы — лица гражданские и не имеем права вмешиваться в распоряжения военных властей», — говорили они. Трудно было понять причину подобного отношения к экспедиции. Происходило что-то очень важное, и хотя майор заявлял, что он отрезан от Лхасы и верховного комиссара снежными наносами на перевалах, тем не менее мы то и дело слышали позвякивание колокольчиков на лошадях гонцов.

Поздно вечером несколько наших монголов и тибетцев достали ячменной водки и напились. Завязалась драка, нам пришлось вмешаться, чтобы восстановить порядок. На большой высоте люди становятся раздражительными и очень трудно поддерживать среди них дисциплину. В лагере же майора всегда можно было купить вина или водки.

24 октября. Утром нас разбудил шум. Это монголы сбрасывали с палаток снег и расчищали дорожки. Приехал майор, чтобы составить перечень наших просьб, и зачитал свое письмо губернаторам Нагчу. Он сказал, что задержка произошла в связи с тем, что чиновники получили строгий выговор от правительства за пропуск нежелательных лиц в Тибет. По его мнению, подарки губернаторам были бы кстати. Мы написали в Нагчу письмо, в котором рассказали о нашем положении, о состоянии здоровья Елены Ивановны Рерих и других членов экспедиции и о нашем твердом намерении идти в Индию кратчайшим путем.

25 октября. Плотный туман укутал горы, снег шел до полудня. Когда немного распогодилось, из Нагчу на север побрели стада яков. По слухам, из-за сильных снегопадов нагчукские горцы спешно переносили свои кочевья в район Тангла, где пастбища еще не были засыпаны метелями.

26 октября. Упорный юго-западный ветер разогнал тучи и туман, и мы радовались солнцу. Мокрый снег и пронизывающий ветер особенно угнетающе действуют на больших высотах. Холодный сырой воздух проникал в палатки, многие сотрудники экспедиции простыли. Наш врач верно предсказал резкую перемену погоды.

Монгол, на попечении которого пребывали вьючные животные, пришел в лагерь и сообщил, что один верблюд пал, а лошади и мулы находятся в очень плохом состоянии. Путешествуя по Тибету, следует брать с собой только молодых верблюдов, потому что старые не могут жевать грубую траву, обычную для пастбищ нагорья.

27 октября. День снова солнечный, но очень холодный. Термометр показывал -20° . В конце дня прибыл курьер из Нагчу с письмом от губернаторов, адресованным лично профессору Н. К. Рериху. Губернаторы благодарили нас за подарки и сообщали, что вскоре надеются получить ответ от правительства. Поскольку нашим делом занимался верховный комиссар Хора, то он и должен нести ответственность за задержку экспедиции. Сами же они правительству ничего не писали.

28 октября. Ночью тяжелые тучи заволокли горизонт, утро выдалось холодное и туманное. Занесенное снегом урочище навезало безрадостные мысли. Из Нагчу вернулся майор и доставил в лагерь припасы. За довольно приличную сумму экспедиция получила четыре мешка муки, один мешок грязного сахара и несколько ящиков свечей. На грани отчаяния мы послали письмо далай-ламе, написанное по-английски, так как знали, что его секретарь когда-то служил в дарджилингском банке.

Ночью к нашему лагерю подкрались волки, но собаки прогнали их. И все же утром солдаты недосчитались одной лошади. В ответ на нашу просьбу устроить облаву майор сказал, что этого не позволяют тибетские законы. Своры голодных бездомных собак, кружившие вокруг лагеря, иногда нападали на людей, и мы сказали майору, что вынуждены прибегнуть к помощи огнестрельного оружия. Он посоветовал нам отгонять собак саблями, как это делают местные жители. Мы решили не спорить с ним и, выходя из лагеря, брали с собой тибетские сабли. Другим нашим бичом были вороны, таскавшие с кухни все, что им подворачивалось. Питались они в основном трупами животных, павших в проходящих караванах.

Однажды Голубкин¹⁵⁴ решил проверить наших вьючных животных и нашел их в плачевном состоянии. Пали лошадь, мул и один верблюд; еще шесть верблюдов находились на краю гибели. Причина бедствия была все та же — нехватка фуража. Лошади и мулы получали ежедневно примерно по фунту зерна, но верблюдам этого было мало, и они быстро теряли силы. Мы просили майора разрешить нам продать некоторых животных, но он ответил, что не может этого позволить, пока не поступит ответ от правительства. Однако ответ не приходил, а дело принимало очень скверный оборот. Многие сотрудники экспедиции жаловались на сердце. У нас не хватало теплой одежды, пришлось покупать войлок и овчины и шить тулупы и зимние сапоги.

Впервые за двадцать два дня мы увидели караван яков с чаем, идущий из Сычуани. Он принадлежал богатому ламе, который сам

вел колонну. Лама был весьма удивлен такой встречей и долго стоял, глядя на нас с недоумением, пока солдат не велел ему двигаться дальше.

В последние годы торговля Тибета с Монголией и Западным Китаем значительно сократилась. Караванов и паломников из Монголии приходило мало, число торговцев из Синина было тоже невелико. Со времени гражданской войны в Китае более предпочтительным оказался морской путь Калькутта — Шанхай, и Калимпонг и Калькутта стали теперь единственными «окнами» Тибета во внешний мир.

31 октября. День выдался солнечный, но утро было очень холодное, столбы дыма словно застыли над лагерем майора. Термометр показывал —25°. Майор нанес нам визит и доставил двадцать два фунта масла, зашитого в выделанную ячью кожу, а также местный войлок плохого качества. Кроме того, мы купили двух яков за тринадцать мексиканских долларов. Майор сказал, что, согласно предсказанию знаменитого мага, правительственный ответ поступит через четыре-пять дней.

На другой день было тепло, ярко светило солнце. Затвердевший снег начал таять, в лагере стояли лужи. Ранним утром вблизи лагеря на север проследовал караван верблюдов. Наши монгольские проводники хотели переговорить с путешественниками, но их остановили солдаты. Я долго говорил с майором, и в конце концов монголам разрешили догнать караван. Как оказалось, это цайдамские монголы и монголы халха возвращались в свои родные кочевья. Вместе с караваном шел алашаньский князь. Он сказал нашим монголам, что власти никак не могут решить, позволить ли экспедиции идти дальше или же завернуть ее назад. Кто-то пустил слух, что экспедицию сопровождает отряд монгольской кавалерии, и тибетцы были этим очень встревожены. Правительство даже направило к границе войска.

По словам князя, положение монгольской колонии в Лхасе незавидное и монголы помышляют выехать из столицы Тибета.

Мы сопоставили рассказ князя с сетованиями хорских аксакалов. Все деньги за продовольствие для экспедиции забирал майор, кочевникам ничего не доставалось, а принудительные поставки фуража и провианта усугубляли и без того тяжелое положение горцев. Становилось ясно, что задержание экспедиции санкционировано не местными, а центральными инстанциями.

Положение нашего каравана было отчаянным. Ежедневно мы лишились лошади или мула. Несчастливым животным перепало не больше фунта зерна в день, сена не было совсем. Ночью голодные животные бродили по лагерю и, предчувствуя гибель, пытались войти в палатки. Утром мы находили у входа окоченевшие трупы. Монголы, очень привязанные ко всему живому, посылали проклятия в адрес властей.

Днем нам передали письмо от губернаторов Нагчу, в котором они сообщали, что сделать для нас ничего не могут, ибо экспедицией занимается верховный комиссар Хора, а посему подарки возвращают. Мы получили мешок риса и три мешка фуража для лошадей, а также известие, что четыре дня тому назад на имя верховного комиссара Хора пришло письмо из Лхасы с печатью правительственной канцелярии. Посланники губернаторов добавили, что через несколько дней в Чунак должно поступить распоряжение генерала. Они сообщили также, что доктор Фильхнер с двумя миссионерами вышел из Нагчу в Ладак и их будут сопровождать местные чиновники. Мы передали эмиссарам очередное письмо к губернаторам и просили их отправить письмо и телеграмму в Лхасу и Индию.

4 ноября. Великолепное утро, но слабый юго-западный ветер нагнал облака. Днем снова снег и туман. Сначала нагчуские эмиссары отказывались взять наши письмо и телеграмму, но потом согласились. В Тибете никто не решится отправить письмо иностранца, пока не получит санкции правительства. Некоторые чиновники делали это тайно, другие, взяв письмо, тут же бросали его на пол, доказывая тем самым свою лояльность. Всевозможные ограничения и слезка до крайности развили подозрительность местного населения. По тибетским законам, о появлении иностранца следует немедленно сообщить первому встречному чиновнику или на ближайший военный пост.

5 ноября. Ночью был сильный снегопад. Палатки утром пришлось откапывать: их так завалило, что они напоминали сугробы. Верблюды, у которых еще оставались силы встать на ноги, пытались стряхнуть с себя снег, но многие так и замерзли лежа. Это было очень тяжелое зрелище. Наши монгольские караванщики говорили: «Тибет — страна бурхана¹⁵⁵, призванного учить состраданию. Но тибетский бурхан не знает жалости к живым существам». По их словам, цайдамские паломники никогда не выходят в путь зимой, ибо в большинстве случаев такое путешествие кончается плохо.

Наш лагерь посетил цайдамский монгол. Он шел из Лхасы с женой и детьми и нес с собой письмо далай-ламы князю курлыков. Его верблюды уже выдохлись, и монгол хотел купить у нас несколько животных. Однако солдаты не допускали его в лагерь, чего они не имели права делать, поскольку, по словам верховного комиссара Хора, мы были не пленниками, а гостями тибетского правительства. Некоторые из наших караванщиков намеревались отправить верблюдов с монголом в Цайдам, но майор заявил, что пока не будет получен ответ правительства, ни людям, ни животным покидать лагерь нельзя. Не сразу удалось нам убедить майора удовлетворить просьбу караванщиков. Монгол сказал, что добираться до Лхасы сейчас трудно, везде стоят войска. Мы уже слышали об этом от караванщиков, по неизвестным причинам задержанным в Нагчу.

6 ноября. Снегопад продолжался всю ночь. Все мы страшно устали и постепенно теряли силы. Согреться в палатках было прак-

тически невозможно. Беспреданно жечь костры мы тоже не могли, так как аргала едва хватало для нужд кухни. Оставалось греться на ходу, прогуливаясь по протоптанной дорожке. После получасового пребывания в палатке надо было выходить на мороз, и так каждый день. Хорошо, что хоть ноги не мерзли: выручала толстая подкладка из войлока.

Наши караванщики донесли, что лошади и мулы умирают мучительной смертью от холода и голода. Скучная трава на пастбище покрывалась на несколько футов снегом, наступила полная бескормица. Ночью пали крупные мул и лошадь, а под утро еще один мул.

Майор доставил десять небольших мешков зерна для лошадей и мешок цаммы для экспедиции. Все это с трудом удалось раздобыть у местных жителей, которые и сами жили впроголодь. Мы еще раз просили у майора разрешения продать уцелевших животных торговцам и паломникам и снова получили отказ. В утешение он рассказал нам любопытную историю.

Наша экспедиция привезла из Сучжоу¹⁵⁶ петуха и двух кур. Мы кормили птиц зерном, но, поскольку его не хватало для выючных животных, отдали их майору. Об исчезновении птиц из нашего лагеря вскоре стало известно губернаторам Нагчу. На их запрос майор отвечал, что, по его наблюдениям, мы люди верующие и животных не убиваем. На это он получил ответ, что его утверждения не соответствуют действительности и, по-видимому, мы просто съели петуха и двух кур. Возмущенный подобной подтасовкой фактов, майор отправил еще одно письмо, доказывая, что птиц отдали ему и они теперь находятся под его присмотром. В горах завывал ветер, а по обледенелым перевалам ползали полуокоченевшие от холода посыльные с письмами о петухе и двух курах, пропавших из лагеря чужестранцев.

7 ноября. Термометр показывал —35°. Напористый юго-западный ветер выстудил палатки. Мы либо ходили по лагерю, либо отогревались у очага в палатке-кухне. Вестей из Лхасы все не было. Закрадывалось подозрение, что лхасское правительство решило погубить наш караван. Стойбища кочевников находились далеко, снежные заносы затрудняли перевозки в Чунак. Аксакалы сказали нам, что они в состоянии ждать еще пять дней, но если и через это время ответа не будет, они поведут экспедицию в Бниру-гомпа, где находится зимняя резиденция верховного комиссара.

Холод усилился, на рассвете термометр показывал —40°. Врач сказал майору, что несколько наших людей сильно простужены и простуда может легко перейти в воспаление легких, если мы не покинем эти высоты. Многие жаловались на сердце. У некоторых монголов распухли лица и конечности, они едва передвигались. Ламы бессвязно бормотали молитвы и жгли благовония. Лхаса их больше не привлекала, они поговаривали о возвращении в Цайдам и Гумбум и вспоминали старые предсказания, по которым со смертью панчен-ламы вера в Тибете исчезнет и останется одна ее оболочка.

Люди становились раздражительными, часто возникали драки. Как-то в лагерь пришел солдат и что-то сказал одному из хорпов. Тот медлил. Тогда взбешенный солдат схватил камень и ударил несчастного по голове. Хорпа упал, а солдат приготовился нанести еще один удар. Однако мы успели оттащить солдата и выдворили его из лагеря. Когда мы с врачом накладывали повязку на голову пострадавшего, начальник поста воскликнул: «Так поступают с теми, кто отказывается выполнять приказания! Да накажет их бог!»

Мы часто видели солдат пьяными, а также за игрой в карты. Возвышенные примеры подвижничества и пламенные проповеди великих реформаторов VIII—XIV веков навсегда забыты праздным потомством. В настоящее время большинство ученых лам тибетских монастырей — выходцы из Монголии и Кама. Население Лхасы ныне проявляет известное безразличие к религии, о чем говорит Чарлз Белл¹⁵⁷ в своей книге о Тибете. Я разговаривал однажды с ученым тибетским ламой, и он сказал мне: «Вы хотите найти настоящих монахов и настоящую религию. Зачем идти для этого в Лхасу? Лхаса — это просто торговый центр, где сама религия стала выгодным делом. Идите в горы! Среди дикой природы вы найдете лам, которые учатся по заповедям благословенного».

Тибет проходит сейчас ту же эволюцию, что и старый Китай. Большинство молодежи, учившейся или бывавшей в Индии, уже загорелось желанием строить жизнь на новой основе и изменить установленный порядок вещей.

9 ноября. Снова холодный день, проведенный в бесконечном ожидании ответа из Лхасы.

К лагерю подошел караван верблюдов, который вели слуги курлыкского князя, и наши монголы побегали приветствовать соотечественников. Солдаты снова хотели их остановить, и опять нам пришлось вмешаться. Оказалось, что караван шел из Курлыка в Лхасу, чтобы забрать золотые списки Ганчжура, заказанные князем несколько лет назад.

Тома Ганчжура, писанные золотом, очень дорогие, и только немногие монастыри и знатные семьи имеют полные собрания священных текстов. Страницы их, окрашенные в черный или темно-голубой цвет, склеены из нескольких листов бумаги. Бич книгохранилищ — воры, выцарапывающие ножом толстые золотые буквы. Меня особенно восхищали изумительные деревянные обложки книг с изображениями Будды и другими тибетскими религиозными символами. Эти тома представляют большой интерес: многие из них датированы и обнаруживают древнюю орфографию. Большие монастыри Ташилхунпо¹⁵⁸ и Лхасы владеют отличными экземплярами Ганчжура, которые за пределами Тибета встречаются крайне редко. Насколько мне известно, золотых рукописей Данчжура не существует.

Мы выразили майору протест и потребовали объяснить действия солдат. Сначала майор не хотел ничего объяснять, но потом вдруг

заявил, что монголы, которые проходили утром, были плохими людьми и нам не следовало говорить с ними. Если бы это слышал князь курлыков!

10 ноября перед рассветом было -20° , а в полдень -10° . Снег начал таять, вокруг палаток стояли лужи. Неожиданно прибыл майор с важными новостями. В письме, полученном им от верховного комиссара Хора, говорилось, что из Лхасы пришел ответ. Правительство ознакомилось с донесением верховного комиссара и ныне занимается рассмотрением нашего дела. Это было первое письмо из Лхасы.

11 ноября. Холодный ветренный день с мокрым снегом. Тяжелые тучи нависли над горами, предвещая ночной снегопад. Главный аксакал района вдруг принес наше письмо, адресованное далай-ламе и отправленное еще 28 октября. Он рассказал странную и неправдоподобную историю о том, что письмо якобы было утеряно посыльным, а потом подобрано каким-то путешественником.

Мы потребовали, чтобы он отправил новое письмо и наказал посыльного за небрежность.

Мимо лагеря на север прошел караван верблюдов. Наши люди беседовали с караванщиками, оказавшимися ламами из Барун-цзасака и Цзун-цзасака в Восточном Цайдаме. По их словам, караван продержали в Нагчу двадцать один день. Ходили слухи, что на Лхасу к северу от Нагчу движутся кавалерийские эскадроны чужеземного генерала. В Нагчу говорили о знатном князе, прибывшем из Китая.

Один из наших монголов приехал в лагерь и сообщил, что пали еще четыре лошади. Мы решили перегнать в лагерь лошадей и мулов и продать их караванщикам. Снова пришлось покупать войлок, чтобы утеплить палатки. По ночам было так холодно, что мы не могли выставить часовых и лагерь охраняли хорпы, привыкшие к здешним ветрам и морозам.

12 ноября. Ночью шел снег, но днем стояла довольно теплая и безветренная погода. Ночью снова пали лошадь, мул и два верблюда. Мы купили еще войлока и накрыли им дрожащих от холода животных. Лошади и мулы напоминали скелеты с длинными гривами и свалявшейся шерстью.

13 ноября. Снегопад принес перемену погоды. День был туманный и теплый, густая дымка окутывала горы. Приехал майор, и мы долго обсуждали создавшееся положение. Он осмотрел наших животных и нашел, что многие из них обречены. Вскоре в Нагчу отбыл посыльный с убедительной просьбой сделать все возможное, чтобы добиться ответа из Лхасы.

14 ноября. Днем сильнейший снегопад завалил наш лагерь, пало много животных. Лагерь окружали трупы лошадей, мулов и верблюдов, на которых пировали вороны и своры собак. Каждое утро караванщики отгаскивали подальше очередные жертвы ночи.

15 ноября. Снегопад продолжался всю ночь, мы с трудом передвигались по лагерю. Верблюды неподвижно лежали под белым сава-

ном, не в силах подняться, а голодные мулы начали объедать друг у друга хвосты и войлочные накидки.

16 ноября. Николай Константинович заболел и слег. Наш врач, сам страдавший от сердечной недостаточности, ничем не мог ему помочь. Я передал майору письмо, в котором сообщил о нашем решении идти в Нагчу, ибо дальнейшее пребывание в Чунаке грозило всем нам гибелью. Теперь майор глаз не кажет в лагерь под предлогом занятости местными делами. Аксакалы посоветовали нам отправить оставшихся верблюдов в Цомра*, местечко по соседству с Нагчу, где держал свой табун курлыкский князь. Они сказали, что там еще можно найти пастбища. Днем пали два мула и верблюд.

17 ноября. Простуда у Николая Константиновича не проходит, состояние его здоровья внушает беспокойство. Я несколько раз послал к майору людей с просьбой зайти, однако он не приходил. Солдаты сказали, что видели его упившимся. На перевале Шаншун-ла снег всаднику по седло, и, конечно, идти туда безумие. Местные кочевники потеряли большую часть рогатого скота; несколько семей, отаборившихся неподалеку от нас, собирались перенести стойбище подальше на север.

18 ноября. После многих дней и ночей с беспрестанными снегопадами выдался холодный и ясный день. С утра до вечера термометр показывал —35°. В Чунак прибыл посыльный с донесением, что письмо из Лхасы ожидается через четыре дня. Николай Константинович все еще болеет.

19 ноября. Ясный, солнечный день. На рассвете пала одна из наших лучших лошадей. Несчастное животное умирало мучительной смертью; голодные собаки сидели вокруг, ожидая конца. Монгол, который присматривал за этой лошастью, совершенно убит горем.

Днем майор вернул наши письма, адресованные далай-ламе и полковнику Бейли¹⁵⁹, и несколько телеграмм, которые мы просили отправить из Лхасы в Индию. Губернаторы в разговоре с ним ссылались на сильные снегопады на перевале Шаншун. Солдат, ездивший в Нагчу за фуражом, вернулся только с двумя небольшими мешками зерна и одним мешком плохой муки. Оставшиеся в живых верблюды, лошади и мулы были обречены. Из-за нехватки зерна и цзаммы пришлось кормить их чурой, или тибетским творогом, то есть тем, что еще можно было раздобыть у местных жителей. Большинство верблюдов мы перегнали в Цомра, оставив в лагере только двух. Чтобы подкормить их, разломали вьючные седла и дали беднякам слежавшейся соломы.

20 ноября. Холодный день. Ночью температура воздуха упала до —40°. Земля глубоко промерзла, подтаявший снег образовал толстую ледяную корку.

22 ноября. Тихое холодное утро сменилось ветреным днем. Юго-западный ветер налетал обычно после полудня и дул не переставая до захода солнца. Невозможно было долго находиться на откры-

* В книге Г. Ц. Цыбикова — Цонра.

том воздухе, в палатках стоял холод. Н. В. Кардашевский из-за ужасной слабости слег, и мы опасались за его здоровье.

На следующий день сильный ветер бушевал с раннего утра, термометр показывал -25° . Ничего не слышно о посыльном, который, по словам майора, находился на пути из Лхасы. Солдаты весь день наблюдали за дорогой, но все было тщетно. Пали еще две лошади, несколько других были на грани смерти. В поисках пищи по лагерю бродили мулы и пожирали все, что худо лежало. У одного погонщика пропал пояс, у другого — меховая шапка. Возможности желудка мула просто поразительны.

К вечеру мороз усилился, но ветер стих; ночь была спокойной, хотя и холодной. Вечером я зашел в палатку солдат и увидел, что они спят, сидя на голой земле. Минувшей ночью они чудом не замерзли в своих рваных овчинах.

24 ноября. Утро — одно из самых холодных на Тибетском плоскогорье: -45° . Замерз серый жеребец нашего тибетского проводника. Своры голодных собак, кружившие вокруг лагеря, сегодня задрали трех овец. Солдаты отгоняли их камнями, но это мало помогало: хищники разбегались только для того, чтобы собраться в другом месте. Ночью мы не могли уснуть из-за их воя и лая. Все время приходилось быть начеку: собаки таскали наши припасы даже из палаток. Местные жители считали, что необычайно сильный снегопад наслан на Тибет в наказание за странное отношение правительства к нашей экспедиции.

25 ноября. Снова морозный день, температура воздуха -25° . Утром мы собрали всех сотрудников экспедиции и приняли решение идти в Индию. Встревоженный майор тотчас явился в лагерь и после долгих переговоров согласился сообщить о нашем намерении губернаторам Нагчу, а также обещал просить их поторопить Лхасу с ответом.

26 ноября. Очень холодный день. Температура воздуха -55° . В флягах замерз коньяк, вышли из строя часы. Чтобы не замерзнуть, мы забирались в спальные мешки и укрывались меховыми одеялами. К утру одеяла промерзали, образуя над постелью некое подобие коврика. Можно было выбраться наружу только тогда, когда солнце немного прогревало воздух. Даже скинуть на ночь шубу или башмаки было непросто: руки и ноги тут же коченели.

И все же наши сотрудники, в особенности монголы, проявляли замечательную выдержку и ни на что не жаловались. Большую часть дня они проводили в холодной палатке, а чтобы согреться, бродили по лагерю, читая молитвы. Тяжело было смотреть на эти ковыляющие фигуры. Лица монголов были изнурены, черты их заострились, а глаза приобрели тот особенный блеск, какой бывает у людей, стоящих у роковой черты. Из-за плохого питания почти все монголы болели цингой. Под конец она поразила и европейский персонал экспедиции, однако европейцы оказались менее восприимчивыми к этой бо-

лезни. Помимо цинги, некоторые монголы страдали от сердечной недостаточности, их руки и ноги невероятно распухли.

Майор сдержал свое обещание и отправил в Нагчу посыльного. Чтобы показать тибетцам, что наше намерение идти в Индию серьезное, мы приступили к починке седел и начали прилаживать грузы. Хорпы с большим интересом наблюдали за этими приготовлениями и говорили: «Конечно, они могут отправиться в Шигацзе. А как это расценит тибетское правительство?»

Распорядок лагерной жизни был довольно однообразным. Вставали мы рано, сразу после рассвета. После завтрака работали: чинили палатки, кормили животных, писали письма. Последнее занятие чередовалось с прогулками по лагерю, благодаря которым удавалось хоть немного согреться. В полдень майор наносил свой ежедневный визит, и мы проводили несколько часов в переговорах. Днем снова прогуливались и работали, сидя в палатках. Было почти невозможно пользоваться пишущей машинкой: пальцы примерзали к клавишам, и приходилось надевать перчатки. Вечером все снова забирались в спальные мешки.

Под вечер 27 ноября суэта в тибетском лагере возвестила о каком-то необычном происшествии. И действительно, вскоре майор прислал письмо с сообщением, что будет у нас утром.

28 ноября. Около полудня приехал майор с письмом от верховного комиссара Хора. После обычных фраз генерал извинялся за возвращение наших писем, адресованных далай-ламе и полковнику Бейли. Он сообщал также, что ответ правительства будет дан через губернаторов Нагчу и отныне нам следует обращаться непосредственно к ним. Сановник, по-видимому, пытался избежать ответственности, однако не исключено, что письмо из Лхасы содержало туманные положения и сам комиссар ничего толком не мог понять. Распоряжения тибетского правительства нередко составляются так, чтобы местный чиновник оставался в неведении относительно подлинных намерений властей. Следуя совету верховного комиссара, мы немедленно отправили посыльного к губернаторам, сообщая в письмах о нашем твердом намерении идти в Нагчу и обсудить с ними вопрос о пути следования экспедиции в Индию.

Поздно вечером из Цомра прибыл лама Ригдзен с двумя верблюдами и сообщил, что пять верблюдов пали, а остальные двенадцать едва дышат. Так легли костыми верблюды нашего каравана. Погибло сорок великолепных животных, в живых остались только четыре. В Цомра был сильный снегопад. По слухам, снег выпал даже в районе монастыря Радэн на южной стороне Шаншуна. Караваны не могли преодолеть перевал, и только курьеры поддерживали связь Нагчу с Лхасой.

29 ноября. Новая потеря: пал еще один мул, а другой куда-то исчез. Караванщики отправились на поиски пропавшего животного и нашли его под снегом у подножия горы.

30 ноября. Облачный день с сильным юго-западным ветром. К полудню ветер стих, ненадолго выглянуло солнце. Голубкин с ламой Кедубом решил выбраться в стойбище, находившееся в трех милях к югу от нашего лагеря, чтобы купить там масла и шкур. Солдаты волновались и упрашивали его никуда не выезжать.

Голубкин и Кедуб вернулись к вечеру и привезли немного масла и тибетского творога. Голубкин сказал, что стойбища кочевников окружены трупами яков и овец, а в окрестностях лютуют стаи одичавших псов.

1—3 декабря. В эти дни морозы ненадолго отступили. На перевалах настало затишье. Через заснеженный Шаншун потянулись караваны. Однако ответа из Лхасы все не было.

4 декабря. Солнечный день. Юго-западный ветер сдул с гор снег и обнажил их западные склоны, но на северных и восточных гребнях остались лежать глубокие наносы. В этот день был тибетский праздник, и майор с солдатами накачивался с самого утра.

7 декабря. Из Нагчу приехал солдат и вернул нам письма, адресованные губернаторам. Они могли отказаться переслать нашу почту в Индию, но того, что они не распечатают писем, направленных лично им, мы не могли себе даже представить. Майор оказался прав: правители Нагчу были тяжелые люди, и я вспомнил, как один торговец как-то сказал нам: «Верховный комиссар Хора человек благородного происхождения, с приятными манерами и речью, а вот губернаторы Нагчу — самодовольные люди». Их поведение, не говоря уже о грубейшей бестактности, казалось очень странным, и мы написали протест на имя верховного комиссара Хора.

8—11 декабря. Рано утром уехал посыльный с нашим письмом. Местные жители осуждали самоуправство губернаторов. В течение последующих дней мы пытались убедить майора перенести лагерь в Биру-гомпа, но он упорно не желал сниматься с места.

Я уже говорил, что на большой высоте очень трудно поддерживать строгую дисциплину. Однажды один из монголов пришел в мою палатку и сказал упавшим голосом: «Вы знаете, наши сабли становятся все острее и острее. Если вы не примете мер, то будет кровопролитие». У монголов и тибетцев бытует поверье, что перед ссорой или сражением ножи и сабли затачиваются сами. Я понимал всю опасность создавшегося положения и зашел в палатку караванщиков. Они сидели вокруг очага, смотрели на острия сабель и о чем-то возбужденно спорили. Как оказалось, двое из них несколько дней назад поссорились из-за лишней чашки чая и все еще не уладили конфликт. Вчера они обнаружили, что их сабли вдруг стали острее, а сегодня и того более. Пришлось отобрать все ножи и сабли и держать их у себя в палатке.

Последние три недели были особенно трудными из-за скрытого

недовольства людей, и мы должны были вести себя предельно осторожно.

12 декабря. Днем снова прибыл майор, мы долго с ним разговаривали. И снова все та же песня, которую мы слышали ежедневно с момента задержанья экспедиции в Чунаке: «Не могу разрешить вам двигаться дальше, пока не будет ответа от правительства». — «Ну, а если кто-либо из сотрудников экспедиции умрет или серьезно заболеет, кто понесет за это ответственность? Думает ли тибетское правительство о возможных последствиях своих незаконных действий?» На эти вопросы майор ничего не мог ответить, печально смотрел на нас и говорил, что, вероятно, тибетское правительство сделает его козлом отпущения. Он добавил, что тибетские обычаи жестоки и тибетцы унаследовали много плохих качеств от своих предков — великанов-людоедов и человекообразных обезьян¹⁶⁰. Тибетцы обычно не скрывают своих недостатков и находят объяснение им в мифологическом рассказе о происхождении тибетской расы.

13 декабря. Николай Константинович решил перенести лагерь к монастырю бон в Шаругене. Это место, по словам проводников, было хорошо защищено от ветров. Об остановке в самом монастыре не могло быть и речи, и мы выбрали ровное место на берегу речушки, впадающей в реку Чунак. Высокий гранитный отрог защищал стоянку от юго-западных ветров, а на юге узкая горная лощина поднималась к перевалу, через который шел один из путей в Нагчу.

15 декабря. Очень холодное утро с пронизывающим ветром. Речка у нашего лагеря неожиданно освободилась ото льда и вышла из берегов. Необычно рано, в семь часов утра, приехал майор и сказал, что он отправится в Нагчу поговорить с губернаторами. Мы приветствовали такой шаг, а сами тем временем решили перенести лагерь в Шаруген и там ждать майора.

Майор добавил, что он едет в Нагчу по собственной инициативе и у него нет на этот счет никаких указаний правительства.

16 декабря. По-видимому, происходит нечто такое, что стараются от нас скрыть. Наш лагерь посетил аксакал, сопровождавший нас от Шэнди до Чунака, и сообщил, что получил указание ехать с майором в Нагчу. Около полудня майор, местный аксакал и наш тибетский проводник отправились в Нагчу. Во второй половине дня мы занялись укладкой грузов, так как собирались на другой день перебазироваться в Шаруген.

17 декабря. Чтобы перенести табор в Шаруген, нам понадобилось семьдесят яков. Большинство яков было полудикими, они сбрасывали вьюки и убегали в горы. Многие ящики оказались сильно поврежденными, и мы не смогли перевезти всю поклажу за один день.

Дорога в Шаруген была свободна от снега, и после двухчасового перехода караван достиг монастыря. К сожалению, мы не могли занять две холодные и сырые комнаты на третьем этаже и поставили

Лагерь экспедиции в Шаругене

палатки около монастыря, в местечке, которое я выбрал два дня назад.

Нас посетил главный лама и угостил всех молоком. Он сказал, что монахи не возражают против нашего пребывания на территории монастыря, но категорически запретил появляться здесь майору. По его словам, майор был плохим человеком, которого рано или поздно накажут боги.

18 декабря. Ночь прошла спокойно, и мы радовались возможности отдохнуть после ураганных ветров в Чунаке. Днем прибыл с оставшимися грузами Голубкин. Он рассказал любопытную историю о крысе, прижившейся в моей палатке и постоянно беспокоившей меня ночью. Когда мы сворачивали палатки, Голубкин видел, как крыса носилась по лагерю в поисках укрытия, а затем куда-то исчезла. Каково же было его удивление, когда он обнаружил крысу между седлом и горбом верблюда, который, вероятно, заблудился в горах и теперь присоединился к нашему каравану.

19 декабря. Стоял солнечный и теплый день, но ночь была очень холодная. Узкую долину, где мы разбили лагерь, окружали со всех сторон высокие горы, и солнце появилось у нас только около девяти утра. До этого лагерь был погружен во тьму. Но вот гребень хребта окрасился золотистым светом, а еще через несколько мгновений солнце залило монастырь. Громкие звуки труб возвестили о том, что ламы приступили к своим занятиям. Мы всегда с нетерпением ждали этого момента и сразу же начинали работы в лагере.

До девяти часов утра было так холодно, что руки примерзали к металлу и даже чай не согревал. Перепады температур здесь очень резкие: в полдень $+20^{\circ}$, а после захода солнца -25 и даже -30° .

Из монастыря пришел солдат и попросил нашего врача помочь жене майора, которая уже несколько дней болела. Молодая женщина сидела в грязной, сырой и холодной монастырской келье с открытыми окном и дверью. Врач нашел у нее воспаление легких. Женщина была обречена, единственное, что могло ее спасти, — это немедленный отъезд из горной местности. На высоте 16 000 футов воспаление легких смертельно, и человеку ничем нельзя помочь.

Чтобы хоть как-то облегчить ее состояние, наш врач дал ей кое-какие лекарства, но шансов на выздоровление у нее не было.

Во время пребывания в Шаругене главный лама показал нам монастырскую библиотеку, где мы осмотрели бонские собрания Ганчжура и Данчжура.

Зажиточный лама, живший в лощине недалеко от лагеря, нанес нам визит и выразил желание завязать деловые отношения с экспедицией. Мы отправили к нему Голубкина, который привез несколько овечьих туш, масла и, главное, молока.

20 декабря. Неожиданно прибыл наш тибетец вместе с таможненным чиновником, который передал приглашение губернаторов посетить Нагчу. Однако приглашение касалось только Николая Константиновича Рериха, Елены Ивановны и меня; остальные должны были ожидать результатов переговоров. Мы ответили губернаторам, что экспедицию разделять нельзя и мы можем идти в Нагчу только в полном составе.

21 декабря. За теплой ночью последовал ветреный день с легким снегопадом. Наш врач еще раз посетил жену майора, которой стало хуже: у нее начался отек легких. В своем письме губернаторы выразили желание ускорить отъезд экспедиции в Индию. По их словам, они очень удивлены задержкой ответа из Лхасы. В Нагчу стало известно, что экспедиция Фильхнера застряла в снегах где-то на пути в Намру или Нагцан.

22 декабря. Из Биру-гомпа прибыл солдат, который вернул нам все наши письма и телеграммы. Верховный комиссар повторял, что дорога в Лхасу завалена снегом и поэтому курьеры не могут одолеть горный перевал. Зная о нашем тяжелом положении, верховный комиссар прислал два мешка муки, четыре мешка цзаммы и десять небольших мешков зерна для животных. Солдат сказал, что в Биру-гомпа никаких писем от правительства не получали.

25—26 декабря. Три прошедшие ночи были исключительно холодными: температура воздуха падала до -35° . Днем мы в основном отсиживались в палатках из-за сильного ветра и снега.

27 декабря. Снова очень холодная ночь. День был ясный, но морозный. Мы потеряли еще двух лошадей, причем одна из них, по-видимому, отравилась тибетским сыром плохого качества. Днем при-

ехал майор и сообщил, что разрешить всей экспедиции идти в Нагчу губернаторы не могут и поэтому они решили сами приехать в Шаруген. Мы послали еще одно письмо в Лхасу с убедительной просьбой к властям принять какое-нибудь решение. По словам майора, в Нагчу очень тяжелое положение. Население голодало, скот косил мор.

28 декабря. Холодный и облачный день. Рано утром Голубкин отправился раздобыть немного баранины и зерна. Вскоре он вернулся с мешком зерна и тремя овцами, которых удалось купить с большим трудом. Местные хорпы сказали, что майор снова запретил им торговать с нами. Днем в лагерь прибыли все местные аксакалы и заявили, что снабжать нас зерном и цзаммой больше не могут. Я отвечал, что им следует обратиться за соответствующими распоряжениями к правительству. Что же касается нас, то мы готовы хоть сегодня уйти отсюда, но тогда аксакалам придется брать на себя всю ответственность. Эти слова возымели действие, и аксакалы только просили нас «поднажать» на губернаторов для получения разрешения идти на юг.

29 декабря. Наш врач еще раз навестил жену майора, у которой не оставалось никаких надежд на перемену к лучшему. Аксакалы хорпов снова по какой-то причине отказались обеспечивать нас провизией, и во всех соседних кочевьях были поставлены часовые, чтобы лишить нас контактов с местными жителями. Для выяснения обстановки мы послали вооруженных разведчиков, и всякий раз, когда они подъезжали к стойбищу, часовые убегали и давали им дорогу. Это свидетельствовало о том, что местные жители только формально выполняли приказы аксакалов. Мне пришлось в довольно резкой форме объяснить с солдатами майора и с аксакалами, и я отправил письмо верховному комиссару, сообщая, что его приказы не выполняются, а население настроено против майора и его солдат. После этого обмена любезностями аксакалы решили не обострять отношений и позволили кочевникам торговать с нами. Майор тоже обещал все уладить.

31 декабря. Рано утром послали еще одну вооруженную группу, чтобы выяснить, к чему привели вчерашние беседы. Оказалось, что местным жителям действительно разрешили торговать с нами, и мы смогли купить мяса и масла. Приехал местный аксакал, который извинился и сказал, что майор снял запрет на торговлю с нами. Сегодня восьмьдесят седьмой день нашего насильственного задержания в Чунаке и последний день тяжелого для нас года.

1—3 января 1928 года. Пронесся слух, что нагчукские губернаторы находятся на пути в Шаруген и на постоянных дворах между Чунаком и Нагчу для них приготовлены лошади. Вообще это беспрецедентный случай, что такие сановники покинули свою ставку ради переговоров с иностранцами, и мы не могли понять, что же заставило их решиться на это.

Майор со своими солдатами быстро терял контроль над местным

населением, и мы заметили в окрестностях монастыря много вооруженных кочевников. По-видимому, хорпам надоело прислуживать майору и его солдатне, жившим за их счет, а также обеспечивать провизией экспедицию.

ХОРПЫ И ИХ СТРАНА

Обширная горная страна к северу от района Нагчу известна под названием Хор, населяют ее кочевники хорпы. Чтобы отличать эту территорию от владений пяти хорских княжеств на сычуаньской границе, ее называют еще Нуб-Хор, или Западный Хор. Границы Нуб-Хора весьма условны, очень часто хорские племена кочуют в сопредельных районах. Южная граница Нуб-Хора проходит вдоль горной цепи с перевалом Тасан-ла (16570), но узкая долина, расположенная к югу от перевала, контролируется племенем паоро. На западе Хорский район граничит с территорией племени Амдо-цонак, подведомственной властям Нагчу. Северной границей района является река Дричу, или верховья Янцзы, к северу от которой простирается пустынное Тибетское нагорье, или собственно Чанг-Тан. На южном берегу Дричу стоят палатки тибетской пограничной заставы. Здесь же пасутся стада яков, принадлежащие пограничникам. На востоке район примыкает к территории, контролируемой властями Синина.

Я попытаюсь охарактеризовать основные черты рельефа этой местности, поскольку подробное описание ее уже дано в предыдущих главах. Нуб-Хор — страна снежных гор и волнистых, покрытых травой холмов, широких заболоченных долин. На востоке ее рельеф более выражен, узкие и глубокие долины этого района напоминают ущелья Восточного Тибета. Могучий Тангла, определяющий орографию Нуб-Хора, разделяет бассейны верхнего течения Янцзы, Дзачу (Меконг) и Салуэна*, этих трех великих рек Азии. Горная область между верхним течением Меконга и Салуэна до сих пор не исследована. Этот район изобилует горячими серными источниками и прозрачными родниками, а долины, поросшие жесткой тибетской осокой, являются пресходными пастбищами для стад рогатого скота и отар.

Климат здесь очень суровый. Частые ураганы и холодная зима, длящаяся полгода, весьма неблагоприятны для жизни. Скот нередко болеет ящуром, и после пурги, в течение нескольких недель заваливавшей пастбища снегом, многие зажиточные семьи разоряются дотла. Весна начинается только в конце апреля или мае, когда вскрываются реки, а оттаявшая земля покрывается нежной зеленью. За весной следует короткое лето, длящееся около двух месяцев, и в это время вы-

* Меконг образуется из слияния трех рек — Дзачу, Нгомчу и Джичу. Верхнее течение Салуэна известно в Тибете под названием Нагчу.

падает основная масса осадков. Дожди начинаются в конце июля и идут весь август. Ясные солнечные дни летом выдаются редко, горные вершины обычно скрыты за тяжелыми тучами. Дождливое лето сменяется осенью с ее ясными безветренными днями и прохладными ночами, столь желанными для путешественников. Я уже говорил об очень резких перепадах температур, характерных для Тибета и других пустынных районов Азии. Эти колебания температуры и ураганные ветры, дующие поздней осенью и ранней весной, способствовали образованию современного рельефа Тибета.

В период китайского господства нынешний район Хора был частью обширной провинции Дзядэ, восточная граница которой доходила до Ривочэ и которая управлялась специальным китайским уполномоченным в Лхасе. Со времени Синьхайской революции 1911 года и провозглашения автономии Тибета Хор стал контролироваться лхасским правительством. Многие авторы почему-то не признают за этим районом права на существование. Так, доктор Свен Гедин в своей работе «Южный Тибет» пишет: «Тибетцы называют тюрков хоррами, или хорпами, а монголов согами, или согпами. Однако вы не встретите ни одного тюрка, пока не окажетесь на северных склонах Куньлуна. В сердце Тибетского плоскогорья нет ни одного тюрка. Там вообще нет никого, потому что часть Тибета, которая называется на картах Хором, не заселена». Исследователи дела Пенна¹⁶¹ и Наин Сингх¹⁶² относят к Хору всю высокогорную область к западу от провинции Тод-Нгари-Корсум, хотя на самом деле это не так.

В тибетских исторических анналах этноним хор, или джя-хор, обычно распространяется на племена монгольского или центрально-азиатского происхождения, которые в VIII—IX веках непрерывно совершали набеги на Тибет, и особенно на его северо-восточную границу. Современные тибетцы называют хорпами кочевников смешанного происхождения, которые живут рядом с панагами, голоками и чангпами в районе Великих озер. Находясь среди хорпов, можно легко различить монгольский, тюркский и даже индоевропейский типы; появление последнего, по-видимому, объясняется примесью иранской или скифской крови...

Я постараюсь описать хорпов, основываясь на своих личных наблюдениях. Хорпы, живущие к северу и югу от хребта Тангла, образуют пять племен, которые называются цэмар, атак-мэмар, атак-томи, кумора и паоро. Наибольший интерес представляет племя цэмар, которым правит бунпо, или вождь в ранге начальника округа, считающийся самым старшим среди хорских вождей. Численность этих племен различна. Если у цэмара насчитывается около тысячи палаток, в которых живут от 4500 до 5000 человек, то племена кумора и паоро имеют примерно по 400 палаток. Племена, населяющие верховья Меконга и истоки Салуэна, более многочисленны, но я уже говорил, что обширный горный район между верхним течением Меконга и Салуэна еще не изучен и невозможно даже примерно определить числен-

ность его населения. Хорские племена пока еще сохраняют свою племенную организацию и пользуются некоторой автономией, которая, однако, идет на убыль под постоянным давлением со стороны Лхасы.

Верховный комиссар имеет звание чиновника четвертого ранга и является главным представителем лхасского правительства. Он улаживает межплеменные распри, следит за сбором налогов и обеспечивает безопасность торговых путей, проходящих по территории Хора. Зимой верховный комиссар переезжает на восток района и отсиживается в каком-нибудь монастыре или городе. Местному населению, обязанному содержать верховного комиссара, его слуг и солдат за свой счет, очень дорого обходится это «отеческое попечение» Лхасы. Летом верховный комиссар обычно разъезжает по округу, и его наезды очень беспокоят кочевников. Племена должны предоставлять в его распоряжение вьючных животных и верховых лошадей, строить постоянные дворы на пути его следования и посылать сотни людей для разных услуг. Мелкие чиновники не дремлют и, закручивая пресс, вымогают взятки деньгами и скотом. Судьи, в свою очередь, берут взятки с чиновников. До верховного комиссара такие дела обычно не доходят. Помогают верховному комиссару два чиновника пятого ранга, занимающие должности советников.

Основное занятие населения — скотоводство, но ведется оно весьма примитивно. Хорпы не признают сенокоса, полагая, что этим они могут нанести вред божествам земли, и зимой животные добывают корм, разгребая снег копытами. Холодными зимними ночами они мерзнут под открытым небом, только самые выносливые из них выживают. Старожилы уверяли нас, что лет тридцать назад здесь было гораздо больше яков и овец.

Яки дают хорпам молоко и шерсть и незаменимы при перевозке грузов в горах. Овечья шерсть поступает в Лхасу через сборщиков налогов и скупается на местах торговцами, которые затем переправляют ее в Индию. Лошадей в районе мало. Выросшие в горах, тибетские лошади более медлительны и в то же время менее послушны, чем степнячки. И хотя их никогда не подковывают, они легко ходят по каменистым тропам и редко выбывают из строя. Семья хорпа-кочевника обычно владеет стадом яков от 20 до 50 голов и отарой от 100 до 300 овец. Лошадей держат только состоятельные хорпы, которыми иногда принадлежат даже целые табуны. Наиболее многочисленные стада яков и табуны лошадей, виденные нами за все время путешествия, были собственностью монастырей или богатых купцов из Нагчу и Лхасы. Например, известный монастырь Дрэйпун* владел большими стадами рогатого и мелкого скота, выпасавшимися близ Нагчу. К северу от Тангла нам повстречалось стадо из 500 яков, принадлежавшее богатому торговцу из Нагчу. Не случайно Хор является

* Другое название этого монастыря — Брайбун.

скровенным владением Лхасы. Лишите Тибет его скотоводческих районов — и он будет обречен на нищету.

Остальные отрасли хозяйства Тибета развиты слабо, страна почти ничего не экспортирует, за исключением некоторого количества тканей и предметов религиозного культа, изготовляемых в монастырях. Все ценные товары тибетского экспорта в Китай, Индию и Монголию — шерсть, кожа, ячьи хвосты и мех — производятся скотоводами. По сути, благосостояние страны зависит от оборванного кочевника, живущего в горах и часто лишенного самого необходимого.

Налоговая политика Лхасы определяется возможностями налогоплательщиков и нуждами правительства. Иногда в виде штрафа район облагается чрезвычайным налогом, иногда после сильных снегопадов и гибели скота налог отменяется. В период китайского господства Хор вносил дань раз в четыре года. Ежегодный налог, взимаемый ныне Лхасой, вызывает недовольство населения Хора. Общепринятая форма торговли — товарообмен, который в основном ведется с Синином и восточными районами Тибета. По территории Хора проходят важные торговые пути Тибета — монголо-цайдамский, сининский и северный ладакский. Все они ведут к Нагчу — главному центру тибетской пограничной торговли.

Лхасские купцы, покрывшие Хор сетью торговых пунктов, все время стараются перевести местную торговлю на юг и поставить хорские племена в зависимость от рынка Лхасы. Несомненно, с закрытием китайско-тибетской границы и при поддержке правительства сфера их деятельности расширится. Интересы крупных монастырей и видных дельцов в Хоре представляет множество мелких торговцев, часть которых находилась даже в Чунаке при ставке верховного комиссара. По меньшей мере странно, как они уживались между собой и ухитрялись поддерживать свое существование.

В обмен на шкуры, шерсть и хвосты яков лхасские и сининские купцы поставляют товары китайского производства. Китайцы завозят шелк, плиточный чай и разные изделия, необходимые в обиходе кочевников. Лхасские торговцы продают в своих лавках китайские и японские медицинские препараты, импортные ткани и эмалированную посуду, которая в последнее время стала пользоваться спросом в отдаленных районах Центральной Азии.

Тибетский торговец обычно проводит время в своей палатке среди тюков и ящиков с товарами. Придя в лавку, кочевники опускаются на корточки у очага, пьют чай с маслом и курят, а помощники торговца расхваливают импортные товары и пытаются сбавить цены на местную продукцию. Здесь же ведется оживленная торговля оружием и военным снаряжением. За спиной хорских всадников можно часто увидеть берданки, японские и английские винтовки или немецкие карабины. Мечта любого тибетца или монгола — иметь пистолет-автомат. Хороший маузер с сотней патронов стоит 400 нгу-сангов, или около 200 долларов. С таким оружием можно спокойно путеше-

вать в местности, кишашей грабителями, и никто не осмелится напасть на вас. Чтобы обмануть бандитов, некоторые предприимчивые люди обзавелись пустой деревянной кобурой, но «рыцари с большой дороги» прознали уже об этой уловке. Помнится, у одного из сотрудников экспедиции был бельгийский браунинг, который он держал в кожаном футляре для маузера. Как-то к нам в лагерь забрел панагский бандит и, взяв нашего спутника под руку, спросил, плутовски улыбаясь: «Вы думаете, что у вас настоящий маузер?»

Но настало время рассказать об обитателях Хора. Живут хорпы в основном к югу от хребта Тангла, на севере их значительно меньше. В последние годы, в связи со стихийными бедствиями, число кочевников сильно сократилось. Одни из них покинули родные горы и ушли в плодородные области Восточного Тибета, другие поселились в окрестностях торговых путей, занимаясь грабежом и вымогательствами.

Когда странствуешь по безрадостному плоскогорью Северного Тибета, невольно думаешь, какая же сила загнала людей в эти глухие дебри. Изю дня в день тянутся безлюдные пустыри, караван постепенно редее, и вдруг наезжаешь на каменную квадратную кладку и кучи навоза: здесь было стойбище, трупы яков подтверждают это предположение. Потом снова целыми неделями ни признаков жилья, ни стад. Налетает снежная буря, горы исчезают в плотном белом вихре. Вы едете, опустив голову и не пытаясь даже стряхнуть с себя снежный саван. Впереди — ни зги, только старые яки как-то отыскивают тропу в белой пустыне. Вдруг сквозь завывание метели пробивается позвякивание колокольчиков, и вскоре из мглы возникают странного вида люди верхом на маленьких лохматых лошадаках, с мушкетами на плече. Всадники спешиваются, и это означает, что они мирные путники, а не грабители. На них большие меховые шапки, лица прикрыты масками из грубой шерсти. Накидки из серой овчины защищают горцев от жестокого ветра.

Оказывается, это кочевники, отправившиеся на охоту за дикими яками. Во время таких поездок они питаются сырым мясом убитых животных и цзаммой. Палаток у них нет, и они ночуют, зарываясь в снег и засыпая в странной согнутой позе. Жак Бако¹⁶³ в своей книге о Восточном Тибете пишет: «Эти кочевники не только спят на корточках, в этой позе они переносят болезни и умирают». На стоянке лошади заслоняют спящих хозяев от ураганного ветра. Если заговоришь с горцами, то услышишь странные гортанные звуки, так не похожие на быструю речь и мягкий выговор обитателей Лхасы.

После такой встречи — снова несколько дней ни души. Но вот на горном склоне показалось огромное стадо черных и коричневых яков. Люди в косматых шкурах бегают среди животных, свистят и издают резкие крики, и длинные нечесанные пряди их волос развеваются на ветру. Где-то неподалеку приютились черные палатки кочев-

ников; стойбище можно легко найти по лаю собак. Вы сворачиваете в защищенную от ветров боковую долину, и навстречу каравану выбегают огромные свирепые псы в широких красных и синих ошейниках. В Тибете выведена особая порода волкодавов, известных в Европе под именем тибетского мастифа. У них длинная шерсть, широкая могучая грудь и массивная голова с мощными челюстями. Они могут легко справиться с волком; я помню пса, который одолел даже снежного барса.

Тибетскую кочевую палатку банаг, или «черную палатку», часто сравнивают с гигантским пауком. Остов ее покрывается войлоком, сваланным из черной ячевой шерсти; держится она на двух вертикально поставленных шестах, а также с помощью натянутых толстых веревок, придающих ей устойчивость во время частых ураганов. Кочевники не признают ни железных, ни деревянных колышков и веревки обычно закрепляют на каменных глыбах. У банага два входа, а вверху отверстие для дымохода.

Банаг вождя состоит из нескольких палаток, поставленных вплотную одна к другой. В таком жилище обитает несколько семей. Обставлены палатки очень бедно. Посередине — очаг, за которым должны присматривать старики, у стен свалены верховые и выючные седла, ящики с маслом и цзаммой, шкуры и деревянные маслобойки. Здесь же находятся ягнята и молодые овцы. Спит семейство на овчинах, которые утром складывают в углу, а ночью расстилают возле очага. Снаружи палатка защищена низкой стеной, сложенной из камней, но чаще из сухого навоза.

Палатки вождей, где обычно принимаются важные гости, покрыты обшивкой из белой ткани, расшитой изображениями «восьми счастливых знаков» буддийского орнамента, реже — «колеса закона» или фигурками львов. Банаги для почетных гостей бывают огромных размеров; говорят, что палатка, которую ставят для путешествующего далай-ламы, вмещает около трехсот человек.

Пол таких палаток всегда устлан дорогими коврами, белым войлоком, матрацами; здесь же стоят низкие столики, заставленные серебряными приборами.

Женщины ведут хозяйство кочевника: доят коров, сбивают масло, готовят тибетский сухой творог, или чуру, и прядут. Мужчины не менее полугода проводят в пути: в начале лета они отправляются во Внутренний Тибет, чтобы доставить правительству дань маслом, шерстью и домотканой материей, а возвращаются только поздней осенью, до больших снегопадов, с запасами ячменя и цзаммы на зиму. В кочевье мужчины стерегут стада яков и отары овец.

Горянки, привыкшие к тяжелой работе, нередко выносливее мужчин и славятся своим трудолюбием по всему Тибету и даже в Гималаях. Их день начинается с того, что они рано встают и, разведя огонь в очаге, принимаются носить воду, если речка или ручей находится поблизости, но обычно берут снег в соседней ложине. Пока кипит

вода, хозяйка спешит выпустить овец из загона, где они коротали холодную ночь под присмотром собак.

Глава семьи в это время встает, набрасывает на голые плечи овечью шкуру и занимает место у очага. Тут же присаживаются на корточках его братья, вместе с ним имеющие общую жену*. В палатке слышится бормотание утренних молитв. По возвращении хозяйки семейство пьет чай с маслом. Смешав с чаем цзамму, получают массу, которую скручивают в маленькие шарики и жуют. Смесь из сухой цзаммы со свежим маслом и творогом довольно вкусна, но хорошее масло бывает у кочевников редко. Оно у них обычно прогорклое; резким запахом его пропитан не только воздух в палатке, но и одежда людей. После завтрака все принимаются за работу. Хозяйка со своими помощницами доит коров, а мужчины уходят на охоту, поручив юношам присматривать за стадом.

Днем женщины прядут, мнут кожи и занимаются другими делами. Вечером, перед заходом солнца, вся семья снова собирается у очага. Хозяйка приносит парное молоко, и семья ужинает. Кроме чая с маслом и цзаммой едят вяленую и сырую баранину, аккуратно срезая с кости мясо. Поужинав, читают вечерние молитвы и иногда восклицают благоговения, привезенные из Лхасы. Мужчины затем рассказывают всякие истории и новости, которые удалось разузнать в проходящих караванах. Некоторые при этом посасывают длинные трубки, завезенные из Синина.

Вечером в банагах можно услышать древнюю балладу о Гэсэре—могущественном правителе-воине, некогда покорившем Тибет. По преданию, Гэсэр должен снова появиться в этой стране, чтобы основать царство справедливости. Трудно забыть этих сидящих на корточках людей, жадно внимающих рассказам о героических подвигах Гэсэр-хана и его семи соратников. Обычно скучное выражение лица кочевника меняется, его глаза загораются каким-то внутренним огнем. До поздней ночи тлеет очаг, тускло освещая согбенные фигуры с головами, опущенными на колени. Длинные пряди черных волос закрывают лица, и только глаза выдают смятение, охватившее души людей.

Трудная жизнь, которую ведут кочевники, лишена самых элементарных удобств. Иногда даже кажется, что они расплачиваются за какие-то свои прошлые грехи. Кочевник никогда не подумает о том, чтобы лечь, расслабив усталое тело. Напротив, он скорчится на мерзлой земле и не шевельнется до самого утра. Я вспоминаю раненого солдата-хорпа, которого мы внесли в палатку и положили на землю, причем голова его оказалась на краю медного котелка. Я хотел передвинуть его голову на матрац, но раненый рывком вернул ее в прежнее положение. Казалось, он не мог себе позволить даже минуты относительного удобства.

Жизнь в горах на высоте 16 000—17 000 футов над уровнем моря

* Явление полиандрии — многомужества.

сказывается на физическом и умственном развитии кочевников. Горцы, живущие в Нагчу и соседнем районе Великих озер, низкорослые и плотные, с широкими скулами и вьющимися волосами; среди же кочевников Северо-Восточного Тибета встречаются рослые мужчины с тонкими чертами лица. Женщины, за редким исключением, приземистые, широколицые и скуластые. Интересен, хотя и необъясним, тот факт, что если тип мужчин меняется в зависимости от племени и местности, то тип женщин остается неизменным во всех районах Тибета. Иностранное происхождение хорпов сказывается в их наружности. В то время как чангпы Озерного района и горцы Трансгималаев в основном брахицефалы, хорпы обычно долихоцефалы. У них орлиные носы, миндалевидные глаза и прямые или волнистые волосы. Вообще хорпы, обитающие к северу от хребта Тангла, и хорпы, живущие южнее, заметно различаются между собой. Среди первых мы часто встречали кавказский тип, некоторые мужчины даже похожи на европейцев. Южные же хорпы представляют собой переходной тип между северянами и круглоголовыми тибетцами центральных провинций. У них в основном раскосые глаза, толстые губы, выступающие скулы и густые волосы. Кожа у северных хорпов светлее, чем у южан, и обычно светло-коричневая. Южные хорпы физически развиты хуже, у них впалая грудь и тонкие руки и ноги. Любопытно, что различия заметны также и в языке. Северные хорпы говорят на диалекте, напоминающем архаические диалекты тибетских кочевников и малопонятном для жителей Лхасы. В последней работе по тибетской фонологии я показал некоторые отличительные черты этих кочевых диалектов, их архаическую форму и характерные особенности, самой поразительной из которых является необычное произношение отдельных префиксов и звонкое произношение древних сонант¹⁶⁴.

Лексика хорпов также значительно отличается от лексики центральнотибетского диалекта. Создается впечатление, что северные хорпы сохранили более чистый этнический тип, а их южные соплеменники восприняли все тибетское. Уровень наших знаний пока не позволяет делать какие-либо выводы относительно этнического сходства племен, кочующих вдоль северной границы собственно Тибета. Знаменитый русский исследователь Центральной Азии Н. М. Пржевальский писал ссылаясь на своего переводчика, что язык тибетцев на севере Нагчу (хорпов) напоминает лхасский диалект и сильно отличается от языка тибетцев в районе Кукунора. Пржевальский оговаривался, что ему не удалось провести лингвистических исследований во время его стоянки на тибетской границе. Фактически хорский диалект на севере Тангла имеет много общего с диалектом панагов района Кукунора и кочевников Северо-Восточного Тибета.

Одежда хорпов небогата. Некоторые из них носят рубашки, но большинство не расстается с тяжелой овчиной, которую во время работы приспускают с правого плеча. Из-под шкуры выглядывают широкие домотканые штаны, заправленные в войлочные сапоги с подо-

швой из невыделанной ячьей кожи. Богатые аксакалы и ламы иногда носят черные кожаные сапоги китайской работы. Монгольские сапоги из черной, желтой или красной кожи, украшенные цветными аппликациями, тоже высоко ценятся и являются одной из статей тибетского импорта. Любимые цвета хорпов — черный, голубой, темно-зеленый и красный. Простолюдины предпочитают черный и темно-голубой цвета. Ламы ходят в меховых халатах с нашитыми кусочками темно-красной материи. Зажиточные аксакалы и чиновники носят халаты из пуру — высококачественной тибетской ткани, как правило темно-красного или темно-фиолетового цвета, пользующейся большим спросом в Тибете и Монголии. Производство пуру находится под надзором правительственных чиновников; правительство же продает пуру внутри страны и экспортирует ее за границу. Зимой мужчины ходят в тяжелых шароварах из овчины; богачи носят также китайские шелковые чулки. Состоятельные женщины любят наряжаться в платья из хлопчатобумажной ткани и широкие шелковые блузы.

Большинство тибетцев только зимой надевают теплые меховые шапки, издали напоминающие папахи сибирских казаков. В ненастье уши их опускаются и застегиваются, закрывая все лицо, кроме глаз. Холодной зимой 1927 года такая шапка спасла меня от многих неприятностей. Летний же головной убор сплетен из соломы и покрыт хлопчатобумажной тканью, края его обшиты красной и голубой тесьмой. Торговцы, часто бывающие на индийской границе, щеголяют в европейских шляпах и форменных фуражках гуркхов.

Большое различие мы обнаружили в прическах. Женщины заплетают волосы в многочисленные косички, стянутые за спиной широкой красной лентой. На ленту нашивается множество серебряных индийских рупий, китайских долларов и тибетских монет. Девушки Хорского района украшают свои прически медными колокольчиками, мелодично позвякивающими при движении. Очень своеобразны овальные повязки женщин, живущих в районе Великих озер. Украшенные бирюзой и серебром, эти повязки напоминают обручи, которыми в древности стягивали волосы русские женщины. В большой моде здесь также большие овальные серьги и ожерелья: коралловые, бирюзовые и серебряные.

Кочевница носит свое богатство на себе, и по этому убранству можно судить об уровне благосостояния ее семьи.

Прическа мужчин проще, но иногда они заплетают волосы в две косы. Аксакалы и богатые скотоводы носят косы ниже колена, а чтобы они были длиннее и толще, в них вплетают конский волос. Кроме того, косы украшают полосками красной материи, на которые нашиваются коралловые, бирюзовые и серебряные подвески. Ламы религии бон¹⁶⁵ бреют голову, а ламы «желтошапочной» секты заплетают волосы в косы.

Зажиточные кочевники, аксакалы и чиновники подпоясывают халаты узкими кожаными поясами с нашитыми серебряными и медными

бляхами. На цепочках висят ножи, мешочки для кремня, игольники и отделанные серебром футляры с палочками для еды.

Хорпы редко расстаются с копьем, длинной саблей и карабином. Старые тибетские мушкеты встречаются редко. Насколько мне известно, во время новогодних празднеств с их помощью отгоняют злых духов.

Большим спросом пользуются сабли, завезенные из провинции Кам в Восточном Тибете. Особенно высоко котируются клинки, уже побывавшие в деле, с пятнами крови на лезвии. Как и в эпических поэмах нашего средневековья, сабли тибетских героев имеют названия. Особенно славятся клинки из так называемого Гэсэр-лхакхана, или храма Гэсэра, находящегося около Джэкундо в Северо-Восточном Тибете. По преданию, Гэсэр оставил в этом храме все свое оружие. Во время последней китайско-тибетской войны много сабель из храма было похищено, и теперь их продают по баснословным ценам. Сабли бывают трех видов. Национальным оружием Тибета считается длинная прямая сабля с широким лезвием, напоминающая меч эпохи средневековья. Носят ее в обшитых черной кожей деревянных ножнах, украшенных серебряными или медными шипами, бирюзой и кораллами, а по краям расписанных цветочным орнаментом и изображениями животных. Эфесы покрывают особой чеканкой или же тонкой желтой или красной кожей. Изучение вопроса о происхождении этих клинков приводит нас к длинным и прямым сарматским* саблям, которые ввозились в Китай во времена Первой династии Хань**.

Не менее распространены короткие сабли, похожие на кинжал, в красивых ножнах. Говорят, что лучшие кинжалы привозят из Бутана и их эфесы покрыты кольчугой. И наконец, известна тяжелая, слегка изогнутая сабля, или соланг, которая подвешивается с левой стороны седла, у ноги всадника. Такие сабли завозятся из Китая, и ими пользуются только офицеры и чиновники.

Другой вид холодного оружия — копья и дротики. У кочевых племен Северо-Восточного Тибета и хорпов длинное копье считается символом войны. Появление красного наконечника копья у палатки вождя предвещает вспышку межплеменной вражды. Древко дротиков вырезается из прочной древесины, импортируемой из Восточного Тибета и Сычуани. Еще одним распространенным видом оружия является праща, которая применяется как на войне, так и в мирное время. Выпасая стадо яков, пастух добивается послушания животных, метая в них камни. В Тибете погонщиков называют «лакто», что буквально означает рука с камнем.

Лук отошел уже здесь в прошлое, и во время нашего пребывания среди хорских племен и других кочевников Тибета мы ни разу его не видели. По словам кочевников, наконечники стрел, которые мы иногда находили в земле, не что иное, как застывшие молнии, и их

* *Сарматы* — скифские племена, выходцы из Поволжья, во II в. до н. э. господствовавшие в степях между Доном и Днестром.

** 206 г. до н. э. — 9 г. н. э.

появление приписывается магическим силам. Аркан, столь распространенный в степях Центральной Азии, хорпам не известен. Чтобы поймать лошадь, они проделывают очень странный маневр, который неизменно оказывается успешным. Кочевник подползает к лошади и нежно касается рукой ее правой передней ноги, затем он слегка трет ногу, постепенно поднимаясь выше, и как только доберется до шеи, хватает лошадь за узду. Этот любопытный способ широко известен в Монголии и Тибете.

Подлинный бич кочевых районов Тибета — шайки грабителей, скитающиеся в окрестностях торговых путей и у зажиточных кочевий. В Северо-Восточном Тибете встречаются даже профессиональные разбойничьи кланы. В такой шайке от 20 до 30 всадников, находится она в постоянном движении, неожиданно нападая на караваны и стойбища. Говорят, что лошади бандитов специально обучены. Стоит всаднику свистнуть — и лошадь ускоряет шаг. Резкий высокий свист заставит ее скакать во весь опор. На таких лошадях не может ездить никто, кроме хозяев.

Когда поблизости появляется шайка грабителей, кочевья спешно переносятся в безопасное место в горах, а вожди собирают вооруженные отряды, чтобы дать отпор незваным гостям. Во время путешествия мы неоднократно встречали возбужденных всадников, несущихся по горным тропам.

Пленных кочевники берут редко, но раненых никогда не бросают на поле боя. Грабителям иногда даже удается уносить с собой тела павших товарищей. После холодных и снежных зим разбой принимает такие масштабы, что правительство посылает в горы специальные регулярные части. Все племена должны нести караульную службу, а в случае войны каждая палатка должна выставить всадника и обеспечить его всем необходимым на месяц. Сигналом к мобилизации служит полоска красной материи, прикрепленная к стреле. Посланный правительством гонец скачет к ближайшему аксакалу и вручает ему стрелу. Ознакомившись с приказом, аксакал пересылает стрелу дальше, и спустя несколько дней в округе появляется множество вооруженных всадников.

Воины Северного и Северо-Восточного Тибета считаются самыми храбрыми в стране. В ходе недавних боев на тибетской границе они снискали заслуженную славу, приведя в трепет китайцев, хотя и понесли ощутимые потери. Охрана протяженной границы требует от правительства значительных расходов, часть их оно перекладывает на местные племена. Вдоль всего хребта Марко Поло, образующего как бы северную границу Тибета, стоят посты, наблюдающие за караванными путями из Монголии и Китая. На таком посту обычно служит от шести до десяти солдат. Они следят за тропами и извещают ближайшие пограничные власти о приближающихся караванах. Нелегкую жизнь ведут гарнизоны этих постов, находящихся иногда в сотнях миль от населенных пунктов Тибета, на высоте 15 000—16 000

футов над уровнем моря. Живут солдаты в черных палатках кочевников, питаются цаммой и мясом диких яков и куланов. Зимой, во время буранов, военные посты совершенно отрезаны от внешнего мира, и немало посыльных-солдат гибнет на обледенелых тропах.

Кочевники Северного, Северо-Восточного и частично Западного Тибета исповедуют древнюю религию бон. Западный Хор издавна является твердыней этой «черной веры». В VIII веке н. э., во время правления царя Трисонг Децэна, религию бон исповедовали и другие племена. Ныне большинство бонских общин находится на Северо-Востоке Тибета, в районе между Дэргэ и владениями голоков, и в Восточном Каме и лссах Конгпо. Известна также бонская община на северном берегу озера Данграум, которую посещал Наин Сингх. Весьма многочисленны бонские монастыри в Западном и Южном Тибете, в провинции Цзан в Центральном Тибете, а также на границе с Непалом. Ближайший к Лхасе монастырь бон стоит в верхней части долины Пэнбо, к северу от тибетской столицы. После насильственной смерти царя Ланг Дармы (IX в.), когда буддизм взял верх, бонские жрецы были изгнаны, а их учение запрещено. С тех пор сфера влияния религии бон переместилась на отдаленные плоскогорья, удержавшись кое-где в провинции Цзан.

Наши представления о религии бон весьма приблизительны. До сих пор многотомная литература бон все еще плохо известна исследователям, и особенно трудно разобраться в сложной терминологии этой религии, уходящей в далекое прошлое. Исследователь, решивший обратиться к услугам жрецов, сразу же сталкивается с почти непреодолимыми трудностями. Во-первых, бонские общины находятся в труднодоступных местах, а во-вторых, бонские адепты¹⁶⁶ вовсе не стремятся посвящать в тайны своего учения чужеземцев. Обычно они заявляют о полном незнании догматов веры и отрицают существование рукописей или печатных текстов. Во время трехмесячной стоянки в районе Хора интересующая нас информация поступала к нам совершенно случайно, главным образом из бесед с кочевниками. Только заслужив полное доверие одного из бонских жрецов, я смог получить доступ в книгохранилище монастыря. Ниже я изложу некоторые результаты своих исследований.

Бон — сложное учение, в котором древние шаманистские представления горной Азии совмещаются с поверьями и обычаями населения Северо-Западной Индии. Восходит ли этот культ природы к индоевропейской древности или, как мне кажется, к доарийскому пласту, пока еще трудно сказать что-либо определенное. Существуют два течения в религии бон: первое отличается поклонением силам природы и сопровождается ритуалами шаманизма, некромантией и иногда жертвоприношениями (ныне вместо людей в жертву приносят овец, коз, а также изображения святых); второе представляет собой ре-

формированный бон, или бон, приспособившийся к буддизму. Доктор Ван Манен¹⁶⁷ справедливо отметил связь между древней формой религии бон и школой Падмасамбхавы. Он пишет: «Это следует понимать в том смысле, что компромисс, осуществленный Падмасамбхавой, привел к взаимным уступкам и приспособлениям, которые затрудняют установить, где начинаются и кончаются чисто природные и буддийские элементы». Ревнителю старой веры поклоняются богам неба и земли, солнца и луны и четырех стран света, и с ней же связан цикл легенд о Гэсэр-хане. Доктор О. Франке в своей ценной монографии о тибетских свадебных песнях показал мифологический характер образов Гэсэра и его супруги Рогмо-гоа, имеющих большое сходство с древними божествами земли. Это учение до сих пор исповедуют странствующие колдуны, совершающие свои моления у грубых каменных алтарей или у менгиров и кромлехов. Иногда каменные алтари стоят на горных вершинах, иногда в уединенных пещерах в глуши. Я убежден, что мегалиты*, обнаруженные нами на пути паломников к горе Кайлас, относятся к добуддийскому периоду истории Тибета, когда поклонение силам природы было здесь повсеместно распространено.

Реформированный бон очень сложен. Он имеет не только всех божеств ваджраяны, или тантрийской формы буддизма, тщательно разработанной Падмасамбхавой, но и своих собственных божеств. Из бесед с бонскими ламами у меня сложилось впечатление, что бонский Кунту-бцанпо занимает в этой секте положение, аналогичное месту Самантамбхадры в тантрийских сектах нереформированного буддизма и Аддибудды в доктрине калачакры (IX—XI вв.). Есть основания считать, что Кунту-бцанпо является духовным отцом реформированного бона. Изображения Матери-Земли, сохранившие многое от древнего образа, можно часто видеть на гау, или амулетах, которые носят бонцы. Кроме этих высших божеств существует много других олицетворений сил природы и злых духов. Древним божеством является, например, Гаруда¹⁶⁸, вероятно относящийся к пантеону древней индо-тибетской разновидности бона. Было бы крайне интересно выяснить происхождение культа Гаруды в связи с многочисленными изображениями орлов и грифонов в искусстве кочевников Центральной Азии и Южной России**. На бонских фресках мы видим бесчисленных «богов

* См. с. 252—253, 266 настоящего издания.

** Изображение орла или грифона встречаются при раскопках древних захоронений на огромных пространствах от Гималаев до Приднепровья. Образ Гаруды или Симурга запечатлен в древнеиндийских и древнеиранских мифах, в мифологии уральских народов и, как считают Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский, «в своей основе восходит к единому и очень древнему источнику...» По мнению этих ученых, прародина этнической общности, из которой вышли предки индоиранских и, возможно, славянских народов, располагалась между бассейном Днепра и Уралом. Здесь зародились многие представления, распространившиеся затем в Индии, Афганистане, странах Центральной, Средней, Малой и Передней Азии (см.: Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский. От Скифии до Индии. М., 1974).

белой стороны» (или добрых) и «богов черной стороны» (или вредоносных).

Вера в добрых духов, или лха, и признание бытия злых демонов, или дрэ, характерны для обеих форм бона. Лха обычно благосклонное божество, но иногда оно бывает суровым, и тогда местным жителям нелегко завоевать его расположение. В одной из бонских общин в провинции Цзан на берегу реки мы увидели огороженные участки невозделанной земли. Зная о нехватке земельных угодий в этом районе, я удивился и спросил у местных жителей, в чем дело. По их словам, лха, обитающий в скалах поблизости, испытывал к этому месту особое пристрастие, и всякий раз после вспашки сильный град побивал посевы. Поэтому, по совету бонского жреца, поля на берегу реки были заброшены, а позднее обнесены каменной оградой.

Многие из этих божеств отличаются свирепым или капризным нравом. Некоторые из них, например, не любят стрельбы: стоит прогреметь в окрестностях хоть одному выстрелу, как тут же разражается гроза с градом. Другие неприязненно относятся к путешественникам, угоняя ночью их лошадей. Поэтому суеверные караванщики принимают особые меры предосторожности.

Все эти бонские божества, вершащие судьбы людей, имеют общее название юндрун лхарнам, или «боги свастики». Слово «юндрун», или свастика, является не только синонимом термина «бон», но часто тождественно и слову «бодхи», что означает просветление.

Легенды о жизни бонского учителя Шенраба¹⁶⁹, на наш взгляд, испытали сильное влияние буддийских преданий. Например, плач старшего брахмана, который не слышит поучений вновь рожденного спасителя, напоминает аналогичный эпизод из жизни Будды — посещение риши Ашитой¹⁷⁰ новоявленного бодхисаттвы. Эпизоды юности Шенраба имеют много общего с соответствующими сюжетами буддийской легенды. Дело Шенраба было продолжено его последователями, которые на фресках обычно изображаются в монашеских одеяниях эпохи нереформированного буддизма. По-видимому, бонские монашеские общины появились лишь в эпоху буддизма, так как прежде в Тибете монастырей не было, и восприняли буддийский монастырский устав.

Бонские монастыри сохранились в провинции Джядэ и на северо-востоке Кама. Известны три монастыря в районе Нуб-Хора и несколько в провинции Цзан, в том числе три монастыря в селении Чату-гомпа. Кроме того, ряд знаменитых монастырей и жилищ, или ритодов, отшельников находится на непало-тибетской границе.

Известные нам бонские литературные памятники можно разделить на четыре основных разряда:

1. Два больших собрания бонских священных текстов (около трехсот томов).

2. Тибетские эпические поэмы, героические песни и несколько намтаров, или житий.

3. Народные песни.

4. Книги заклинаний и руководства по магическим ритуалам.

Многотомная бонская религиозная литература возникла в буддийский период, а именно после IX века. До последнего времени ничего не было известно о существовании бонского Ганчжура и Данчжура, и мы только предполагали, что в монастырях должны храниться собрания бонской литературы. Поэтому обнаружение двух полных собраний священных текстов в монастыре Шаруген, расположенном в четырех днях пути от Нагчу, явилось удачей нашей экспедиции. Бонский Ганчжур содержит 140 томов, причем это собрание не только повторяет структуру буддийской Трипитаки, но и напоминает содержание и оформление томов буддийского Ганчжура. Заглавие каждого текста дается на двух языках. Иногда это язык шаншун, а иногда «язык богов свастики». Эти языки непонятны и, по-видимому, искусственны, так как тибетский язык неизменно называется «языком людей»...

Многие тексты, включенные в бонский Ганчжур, составлены в Северо-Восточном Тибете, некоторые — в хижинах бонских отшельников юго-западнее Шигацзе. При жизни знаменитого монаха-поэта Миларепы (XI в.) на границе с Непалом существовали могущественные бонские общины. До наших дней дошел цикл легенд о религиозных диспутах между Миларепой и бонским вероучителем Наро-Бончуном. Бонский Данчжур состоит из 160 томов. Здесь собраны трактаты, принадлежащие различным бонским мудрецам, о тантрах* бонского Ганчжура, которые, по преданию, были найдены Шенрабом.

Все эти трактаты почти непереводаемы из-за их терминологии. Настоятель монастыря Шаруген говорил мне, что бонцы не признают печатных текстов. Виденные нами рукописи отличались очень красивой каллиграфией, а их древняя орфография имела много общего с орфографией тибетских рукописей, найденных Аурелом Стейном и Полем Пелльо в библиотеке Дунхуана. Вместо туши бонский каллиграф иногда пользуется золотом и серебром, но чаще черными или красными чернилами. В экземпляре из Шаругена первые страницы с заглавием были написаны золотом на плотной черной бумаге. Можно представить, сколько времени уходит на переписку текста. Поэтому рукописные собрания представляют огромную ценность.

Обширный эпос, главным героем которого является знаменитый Гэсэр, собран в 16 томах. Насколько нам известно, этот эпос никогда не издавался, его рукописные экземпляры ревниво оберегаются. Для кочевников Восточного и Северного Тибета легенда о Гэсэре не просто героическое сказание, это воплощение их мечты о лучшем будущем в образе славного прошлого. В эпосе о Гэсэре отложились разные исторические эпохи; воспоминания о них служат фоном, на кото-

* Т. е. о священных текстах.

ром прославляется воинственный хан, некогда правивший на Северо-Востоке Тибета.

А. Грюнведель и Г. Н. Потанин пытались доказать, что сказание о Гэсэре было создано под влиянием легенд об Александре Македонском, широко распространенных на Востоке, и что имя Гэсэр не что иное, как тибетский перевод титула *säiser**. Но, по-моему, этот эпос является самобытным творением кочевников Центральной Азии. Прав Н. Н. Поппе, считающий его родиной Тибет. В эпосе воспеваются доблесть и победоносные походы Гэсэр-хана против хорпов и других племен.

Согласно другой версии, баллада возникла в ламаистской секте и сочинил ее знаменитый тантрийский лама, выходец из северо-восточного Кама. Однажды в момент экстаза он начал петь и спел всю балладу о Гэсэре. Кочевники Кама и Хора полагают, что эпос является поэтическим повествованием о давних войнах.

По мнению некоторых авторов, Гэсэр жил в VIII веке н. э. на границе Монголии с Китаем и был могущественным вождем кочевников в эпоху Сонгцэн Гампо и Трисонг Децэна. Теперь эта территория входит в состав провинции Шэньси. На VII, VIII и IX столетия приходится тибетская экспансия в Восточную и Центральную Азию. Мои исследования убедили меня в том, что ядро эпоса возникло именно в это время и что в него включены эпизоды из эпических произведений кочевников, возможно, домонгольского и дотибетского периода. В своем настоящем виде баллада о Гэсэре, по-видимому, сравнительно позднего происхождения. Это памятник кочевой поэзии, творческое наследие нескольких поколений кочевых племен. Баллада очень популярна в Монголии и даже среди тюркских племен Центральной Азии.

Н. Н. Поппе считает, что монгольская версия баллады о Гэсэре возникла в Южной Монголии, а наличие тибетских слов в монгольском тексте указывает на заимствования из тибетского оригинала. Эта версия была издана в Пекине в 1716 году, в царствование Канси, и впоследствии переведена И. Я. Шмидтом. В Тибете и Монголии ядро эпоса о Гэсэре постоянно обрастает новыми эпизодами, в которых Гэсэр-хан выступает как мессия. Во время пребывания среди кочевников Хора наша экспедиция убедилась, что в многотомном эпосе скоро появится новая глава о Гэсэре, сокрушающем царство зла. Сейчас в Монголии поется немало песен о будущих подвигах Гэсэра, и известный монгольский ученый Ц. Ж. Жамцарано указывает, что устная версия баллады о Гэсэре значительно шире письменной.

Кроме эпоса о Гэсэре среди бонцев, кажется, бытует еще несколько легенд, но ни одна из них не издавалась. Если удастся с ними ознакомиться, эти источники дадут дополнительные сведения о рели-

* Т. е. цесарь (*император*).

гиозной, культурной и исторической эволюции учения бон. Песнопениями бонцев занимался доктор О. Франке в Ладаке и Лахуле, при внимательном изучении их можно будет многое прояснить.

Изучение руководств по магическим ритуалам и сборников заклинаний требует основательного знания бонского пантеона, а также мандалы, или мистической космологии. Ценный материал для реконструкции первобытной формы религии бон содержат бонские Ганчжур и Данчжур.

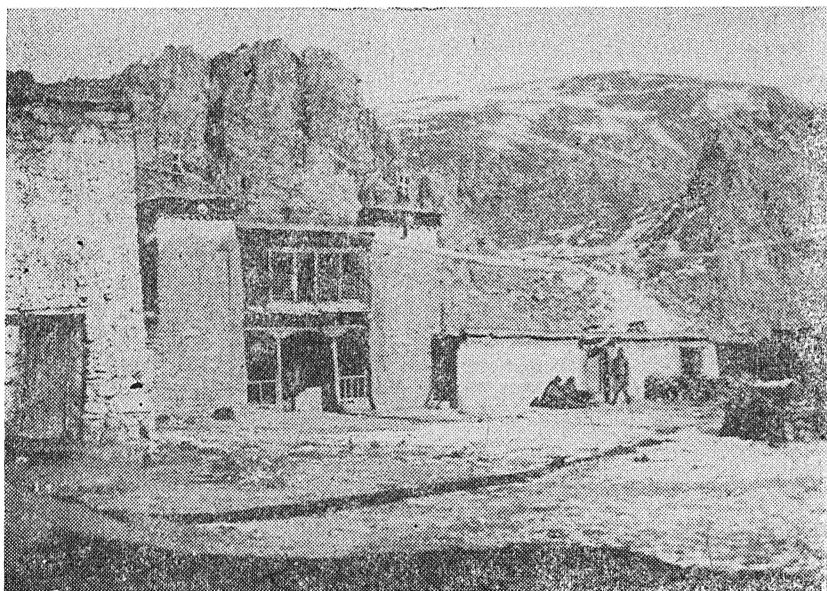
Бонский монастырь Шаруген, построенный двадцать лет назад на средства, которые были собраны среди пяти кочевых племен Западного Хора, расположен в узком ущелье на берегу реки Чунак. На подступах к монастырю стоит высокая ступа, увенчанная рогами яка. (Известно, что обычай возлагать рога и черепа животных на камни со священными надписями, каменные пирамиды и ступы имеет бонское происхождение.) Верхняя часть белой ступы испещрена желтыми, красными и синими полосами, символизирующими три сферы вселенной: высшую сферу богов, среднюю сферу цзанов (духов) и нижнюю сферу нагов (змей).

В монастыре два храма, к которым прилегает небольшой двор, выложенный плоскими каменными плитами. Монахи живут как в кельях, так и неподалеку от монастыря. Настоятель предпочел уединиться в хижине отшельника.

Внутри бонский храм напоминает ламаистский. Те же резные деревянные колонны у входа, да и настенные фрески, на которых изображены божества бонского пантеона, имеют много общего с буддийскими росписями. Буддисты утверждают, что бонцы заимствовали буддийские символы и сюжеты, в то время как бонцы считают, что все было как раз наоборот. Пока что мы не можем решить, какое из этих утверждений соответствует истине. Сходство бонской и буддийской живописи объясняется, возможно, тем, что храмы часто расписывали художники-миряне, которые не придавали значения различиям между бонскими и буддийскими символами. В монастыре Шаруген, например, настенные росписи были выполнены художниками-буддистами, работавшими под руководством настоятеля.

Бонская иконография почти не разрабатывалась, и лишь немногие священнослужители и художники знакомы с ней. Главное место в бонской настенной живописи занимает вероучитель Шенраб, обычно изображаемый в виде озаренного Будды. Он облачен в строгое темнокрасное монашеское одеяние, иногда расшитое золотистым орнаментом. Его левая рука покоится в положении медитации* и держит чашу для подаяний; в опущенной правой руке — бонский скипетр, похожий на буддийскую ваджру¹⁷¹, или дорчжэ, но завершающийся кубом со знаками свастики. Цвет кожи Шенраба коричневатожелтый. Сходство с изображением Шакьямуни очевидно; отличие лишь в бон-

* Медитация — созерцание.

Внутренний двор монастыря Шаруген

ском скипетре. Слева от вероучителя обычно можно увидеть грядущего учителя бонцев в облачении буддийского бодхисаттвы: с золотой диадемой на голове и с золотыми украшениями на плечах, руках и ногах, инкрустированными драгоценными камнями. Его руки покоятся в позе медитации и держат сосуд с амритой¹⁷², над которой надписана буква А, являющаяся бонским эквивалентом ОМ*. Лицо и тело грядущего учителя цвета золотистой охры (цвет бодхисаттвы Майтрейи). Справа от Шенраба часто находится бонский будда-исцелитель. Цвет его тела не темно-синий, как на буддийских изображениях, а светло-желтый, и облачение на нем не будды, а бодхисаттвы. Руки его находятся в положении медитации и держат монашескую чашу с цветком. Обычным персонажем бонских фресок является Великая Мать — двойник Белой Тары. В ее поднятой правой руке — стебель цветка удумбара¹⁷³. Во всех других отношениях бонские и буддийские изображения богини идентичны. Бонский Авалокитешвара с одиннадцатью головами и бесчисленными руками также идентичен

* Магическая формула «Ом-мани-падме-хум», которая высекалась ламаистами на скалах и камнях, укладывавшихся вдоль троп и на перевалах, долгое время переводилась как «О ты, сокровище в лотосе!» Исследования тибетологов показали, что действительное содержание мантры — магическое сочетание мужского и женского начал, «несущее в себе новую жизнь» (А. Н. Кочетов. Ламаизм. М., 1973, с. 119).

ламаистскому, разве что в одной из его рук застыла бонская ваджра со знаками свастики. Цвет кожи богини Ситы на бонских фресках желтый, а не белый, как на буддийских изображениях. Символы, которые богиня держит в своих многочисленных руках, похожи на буддийские, за исключением одной руки, держащей бонскую ваджру со свастикой. Две руки скрещены на груди, в них — проросший плод. (В руках буддийской богини — священный камень, или чинтамани.) Еще одно изображение бонского пантеона — черный Гаруда со змеей в клюве. Гаруда также известен в ламаизме, но, вероятно, это изображение заимствовано у бонцев.

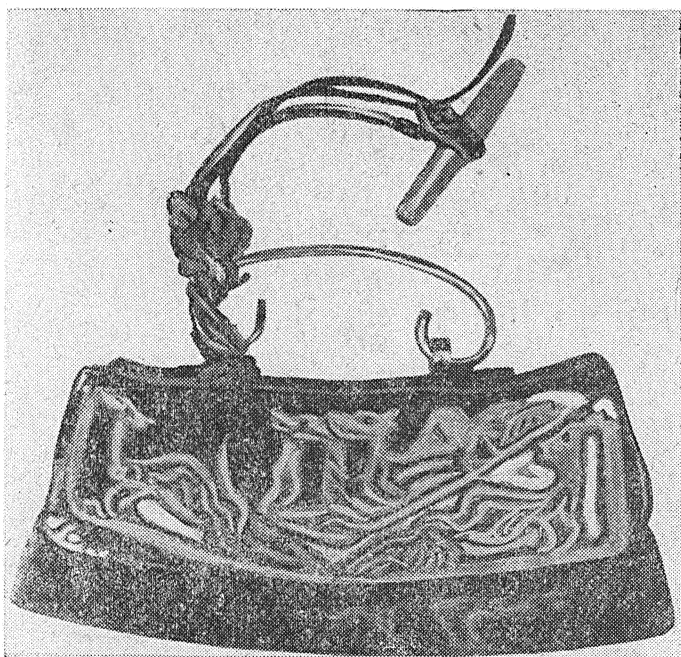
На стене главного зала храма нарисован бонский Ваджрапани¹⁷⁴, держащий в руках Гаруду и ваджру. Настоятель не знал бонского имени этого божества, и трудно сказать, объясняется ли это невежеством бонского священнослужителя или же бонские божества носят те же имена, что и в ламаизме. Остальные стены главного зала покрыты фресками, изображающими бонских Ваджрапани, Ваджракилу¹⁷⁵, Ямантаку¹⁷⁶, Ваджрадхару¹⁷⁷, Балдан-лхамо¹⁷⁸ и даже бонскую разновидность Калачакры¹⁷⁹ в ее умеренном виде. Настоятель сказал мне, что существует много текстов бонской калачакры, и было бы интересно сравнить их с системой калачакры буддизма. Все эти божества держат бонскую ваджру со свастикой и проросший плод, а некоторые — еще и гирлянды цветов. Многие из них восседают на низких тронах, расписанных изображениями львов, орлов и слонов.

На втором этаже храма находится несколько больших комнат, принадлежащих настоятелю монастыря. Настенная роспись их также повествует о легендарной жизни Шенраба, и, зная буддийскую легенду, можно легко идентифицировать те или иные подвиги вероучителя.

Кроме того, в храме есть алтарь — раскрашенный резной деревянный ларец, за стеклами которого видны глиняные изваяния Шенраба. В его правой руке стебель лотоса и книга — чисто буддийские символы, заимствованные бонцами. Сходство этого образа с изображением реформатора буддизма Цзонхапы¹⁸⁰ очевидно. Перед алтарем — серебряные светильники.

Во втором храме хранятся 140 томов бонского Ганчжура, а над полками с рукописями висят маски, в которые обряжаются монахи во время религиозных плясок. По лестнице-бревне с выдолбленными ступеньками можно подняться на плоскую крышу храма, откуда каждое утро раздаются призыв к утренней молитве. Однако мы нечасто видели монахов в храме, ибо главный лама почти все время проводил в своем ритоде, а монахи были заняты домашними делами.

Бонцы не очень строго соблюдают свои обряды, и из лхасского монастыря Сэра в Хор часто приезжают ламы-тантристы, несмотря на известный антагонизм между буддийскими и бонскими монастырями. Считается, что бонские ламы — опасные маги и ночь, проведенная в их монастыре, может принести несчастье. Кстати, смерть жены майора от воспаления легких была воспринята местными жи-

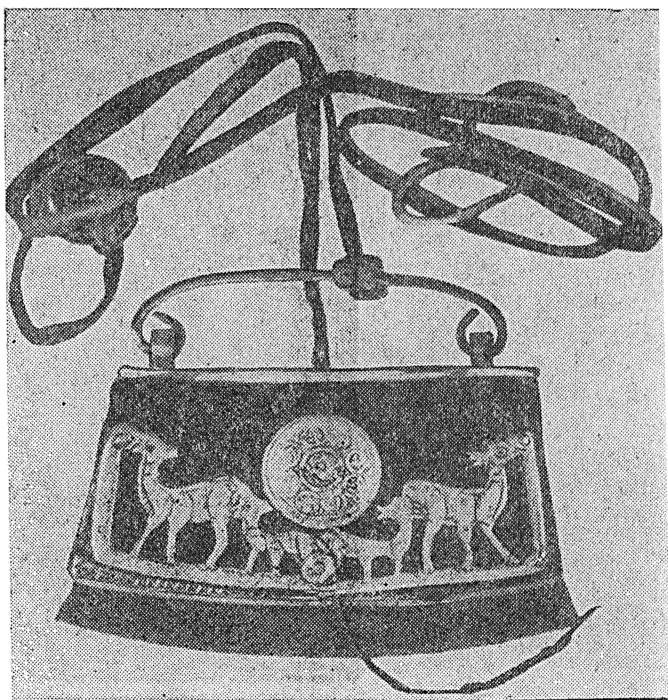

Подсумок для кремня и фитиля. Район Хора

телями как проявление гнева одного из местных божеств. Настоятель монастыря Шаруген, пожилой мужчина с вьющимися волосами и почти негроидными чертами, как-то спросил меня: «Если вы знакомы с буддизмом, то как вы можете интересоваться бонской литературой? Эти учения несовместимы, ибо одно исключает другое». Монголы-буддисты питают глубокую антипатию к религии бон, которую они обычно называют «черной верой».

В районе Хора немало зажиточных бонских лам, владеющих стадами яков, отарами овец и имеющих собственные библиотеки. Живут они в палатках вместе с семьями. Многие из них занимаются торговлей, продавая местным жителям чай и товары, доставленные из Сычуани. Кочевники относятся к ним с большим уважением и неизменно называют их кушо-ринпоче или лама-ла, что значит «уважаемый господин» или «достопочтенный учитель». Бонцы-миряне носят на шее и на плечах амулеты и то и дело вращают молитвенные колесики. Сколо их палаток развеваются флаги с молитвами, а иногда к шестам привязаны ячи и лошадиные хвосты.

Одним из важных результатов нашей экспедиции было открытие «звериного стиля» в искусстве кочевников Северного Тибета. Неко-

Подсумок для кремня и фитиля. Хор

торые рисунки животных очень стилизованы, и, очевидно, появлению этой стилизации предшествовал длительный период развития изобразительного искусства. Художники, создавшие их, отличались острой наблюдательностью и хорошо изучили поведение животных. Как известно, «звериный стиль» характерен для культуры всех кочевых племен горной Азии, но центром ее был Алтай, богатый золотом и железной рудой, с его великолепными лесами и цветущими степями. Трудно сказать, были ли носителями искусства «звериного стиля» представители какой-то одной этнической группы, но я думаю, что решающую роль здесь сыграла общность условий жизни кочевников. Чем еще можно объяснить распространение искусства «звериного стиля» от степей Южной России до границ Китая и от сибирских лесов до могучих Трансгималаев?¹⁸¹ Тибет всегда был открыт для миграций с северо-востока, и предки современных тибетцев вторглись в эту страну именно с северо-востока. Высокие плоскогорья Кукунора¹⁸², расположенные на высоте 10 000 футов над уровнем моря, и окружающая их гористая местность издавна являлись плацдармом для экспансии кочевников. Именно отсюда древние орды, движимые какой-то могучей

силой, уходили на поиски новых пастбищ и проникали в горные долины Тибета.

На протяжении многих столетий тибетские племена имели широкие связи с иранскими и палеоазиатскими племенами. Сейчас установлено, что иранские племена тоже были носителями искусства «звериного стиля». Во времена Ханьской династии (206 г. до н. э. — 220 г. н. э. *) в Китай ввозилось иранское оружие, а вместе с ним и дорогие украшения в так называемом «неозверином стиле» (для отличия от скифского «звериного стиля» южнорусских степей). Первые сведения о проникновении центрально-азиатских элементов в страну, населенную тибетскими племенами (цяны китайских анналов), можно найти в трудах известного историка Сыма Цяня¹⁸³, который писал: «В то время, когда Лаошан, шаньюй сюнну, убил короля юэчжи [иранцев] и сделал из его черепа сосуд для питья, юэчжи жили между Дуньхуаном [теперь Шачжоу] и Цилянem [горы на юго-западе Ганьчжоу], но когда их разбили сюнну, они бежали, пересекли Западный Юань [Фергану], напали на Дася [Бактрию]¹⁸⁴ и завоевали ее. Впоследствии их столица была на севере Куйшюя [Окса]¹⁸⁵, и там находилась резиденция их короля. Те из юэчжей, которые отстали, укрылись среди цянов [тибетцев] в горах Наньшаня, и их называли сяо-юэчжи [малые юэчжи]».

Нас интересует последнее. Юэчжи¹⁸⁶ — это центральноазиатское иранское племя, населявшее современную провинцию Ганьсу и Южный Алашань (были ли юэчжи однородным племенем скифского происхождения или объединением родственных племен, трудно сказать). Потом они перекочевали в горную местность к югу от китайской провинции Ганьсу и постепенно слились с коренными тибетцами, привнеся в их среду свою кочевую культуру, а с ней и традиционное искус-

Изображение оленя на медном амулете

* Падение Ханьской династии точнее датировать 189 г., когда военачальник Цао Цао занял столицу империи Лоян. На обломках Ханьской империи возникли царства Вэй, У и Шу.

Условное изображение оленя

ство кочевников Центральной Азии. На их рисунках можно увидеть длинные тяжелые сабли, которые до сих пор являются любимым оружием тибетских кочевников. П. К. Козлов обнаружил в горах Ноён-Улы фрагменты тканей и металлические предметы с изображениями, выполненными в «неозверином стиле», но никто не подозревал о существовании этого искусства в Тибете. Исследования экспедиции Н. К. Рериха позволили установить, что аналогичный стиль был распространен в районе Дэргэ, а также среди кочевых племен Северного и Северо-Восточного Тибета. Из разных изделий, несущих на себе печать искусства «звер-

рино стиля» и обнаруженных нами у хорпов, мы назовем следующие:

1. Подсумок для кремня и фитиля из района Западного Хора. Он обтянут черной кожей, украшенной медными фигурками животных. Характерная декоративность сближает их с аналогичными предметами центральноазиатского происхождения. В центре подсумка нашита медная бляшка с изображением «восьми счастливых символов»; на другом таком же подсумке — фигурки лисиц, срывающих плоды с дерева. Подобный сюжет с деревом посередине часто встречается в произведениях скифского и сибирского искусства.

2. Медная фибула с двуглавым орлом в круге, найденная в Чинкаре, местечке к западу от Нагчу. Бляшки с аналогичными изображениями, выявленные в курганах на Кубани, восходят к искусству хеттов¹⁸⁷ Малой Азии. Такие фибулы и бляшки в «зверином стиле» мы обнаружили только у хорпов. Подсумки чангпов, обитающих в районе Великих озер, обычно украшаются кораллами, бирюзой, серебряными и иногда золотыми поделками.

3. Изображение бегущего оленя на медном амулете из Дэргэ, ныне хранящемся в коллекции Святослава Николаевича Рериха. С фигуркой оленя совмещены «восемь счастливых знаков» тибетского орнамента, но его закинутая назад голова напоминает мотивы изображений на древних скифских и сибирских предметах.

4. Железные коробочки для перьев, украшенные серебром, на ко-

торых, помимо обычного растительного орнамента, выгравированы также фигурки отдыхающего оленя и лебедя. Изображения отдыхающего оленя, лосей или быков характерны для скифских и сибирских древностей, но фигурка лебедя явно испытала чужеродное влияние. Интересно отметить, что очень похожее изображение птицы с длинной шеей и распростертыми крыльями найдено П. К. Козловым в горах Ноён-Улы. Не вызывает сомнения, что эти изображения имеют один общий центральноазиатский источник и отражают какие-то мифологические сюжеты*.

5. Бляшка со львом из коллекции С. Н. Рериха, еще один шедевр центральноазиатского искусства «звериного стиля». Именно Святослав Николаевич обратил мое внимание на эту железную посеребренную поделку дэргэской работы. На бляшке выгравирован могучий лев с густой гривой. Он сидит на задних лапах и, повернув голову влево, словно прислушивается к чему-то. Внизу изображены стилизованные горы, а фоном служат два стилизованных дерева.

Трудно сказать что-либо о назначении этого предмета, но два прямоугольных отверстия с обеих сторон, по-видимому, сделаны для ремешка. Пряжку можно было носить и на груди, и подвешивать к поясу. Среди ноён-улинских находок П. К. Козлова есть металлическая бляшка с выпуклым изображением стоящего быка с опущенной и повернутой влево головой. Сравнивая эти два изображения, можно легко увидеть их композиционное сходство. Различие только в фоне: на пряжке из коллекции С. Н. Рериха фоном служат два дерева с ветвями, раскинутыми над головой льва, что наводит на мысль о стране с теплым климатом, а на предмете, найденном Козловым, видны две сосны, что говорит о его северном происхождении. Но изображения льва и быка в равной мере типичны для искусства кочевников Центральной Азии. В. Йетс¹⁸⁸ в своей статье о находках П. К. Козлова высказывает мнение, что ноён-улинская бляшка украшала сбрую. Он обращает внимание на некоторые ее особенности, общие и для сасанидской серебряной бляшки, найденной в верхнем бассейне Камы.

Все эти предметы неопровержимо свидетельствуют о древности искусства кочевников Тибета, сумевших сохранить воспоминания о далеком прошлом своей страны. До сих пор обращалось внимание только на религиозное искусство Тибета, на яркие знамена и красивые изделия из бронзы. Теперь открыт новый вид тибетского народного искусства, восходящий к глубокой старине.

* Современные исследователи связывают искусство «звериного стиля» с ираноязычным населением степей Евразии. К V в. до н. э. ираноязычные юэцжи, этнически родственные среднесирийским и южносибирским сакам, вышли к рубежам Китая, но уже к концу III в. до н. э., как пишет М. И. Артамонов, «были изгнаны оттуда хунну (гуннами) на свою основную территорию в степной Джунгарии». Из Джунгарии хунну вытеснили юэцжей в Среднюю Азию. Общими для ираноязычных кочевников «оставались оружие, конское снаряжение и искусство звериного стиля...» (см.: М. И. Артамонов. Сокровища саков. М., 1973, с. 12—13).

Ш аруген, 4 января 1928 года. Ночь была холодная: термометр показывал —30°. К утру холод усилился, и мы мерзли под пологом палаток. В половине седьмого из-за гор выглянуло солнце и немного согрело землю. День обещал быть солнечным. Во время обычной утренней прогулки по берегу замерзшей реки мы увидели грифов, сторожко сидевших на ближайших к монастырю скалах.

Действительно, вечером один из солдат сообщил, что скончалась жена майора. «Сэр, — сказал он, — майор угнетал местных кочевников и причинил много зла вам, поэтому благосклонные боги монастыря наказали его». Несколько дней назад я говорил майору, что на такой высоте и в таких ужасных условиях его жену вылечить невозможно.

Мы слыхали, что губернаторы, посетив Цомра, возвратились в Нагчу. Неожиданно явился посыльный от майора и сказал нам, что сановники намерены быть в нашем лагере завтра. Все обрадовались, полагая, что насильственное задержанье экспедиции подходит к концу. Особенно были довольны местные жители, которым надоел майор со своей солдатней.

Вечером, когда над скалами взошла луна, часовые запели балладу о Гэсэре, сопровождая песню каким-то странным танцем. «Сегодня пришла лошадь Гэсэра, сегодня взойдет солнце и на леднике будет бродить лев», — пели хорпы, тревожа своими пронзительными голосами ночную тишину. Затем они пожелали нам счастливого пути в далекую Индию. Их пение резко прервал начальник: «Не пойте так громко, иначе монахи разгневаются на нас», — сказал он. Песня тут же оборвалась, все разошлось по своим палаткам. Мы долго не могли заснуть и говорили о странном действии, которое оказывала на кочевников баллада о Гэсэре. Кроме того, майор приказал оборудовать ставку для губернаторов и мимо палаток все время ходили люди. В десять часов утра прибыли двое тибетцев: донир и повар губернаторов. Оба были одеты по-тибетски, но вооружены русскими винтовками, украшенными хадаками и разноцветными флажками.

Около полудня общая суматоха возвестила о прибытии губернаторов, которые сразу же проследовали в свои палатки. Через час мы получили от них письмо, уведомлявшее о их визите. Губернаторы явились в сопровождении слуг, несших подарки — два мешка с ячменем, цаммой и чаем. Главным нагчуским начальником был старик лет шестидесяти, облаченный в темно-красный теплый халат. В Тибете ханпо слыл хорошим дипломатом. В юности его определили в монастырь Брайбун, но он вскоре оставил дацан и отправился в странствия по Китаю, а также Монголии и даже Сибири. Впоследствии он провел пять лет на государственной службе в Пекине и семь

лет в качестве тибетского торгового представителя в Синине в провинции Ганьсу. Ханпо свободно говорил по-китайски и знал немного монгольский. Широколицый, с тяжелым подбородком, в темных китайских очках, этот тибетский бюрократ имел репутацию весьма выскомерного человека, с которым трудно иметь дело. По его словам, он находился в отставке и жил в Лхасе, когда тибетское правительство, опасаясь китайского вторжения из Ганьсу, назначило его, преданного слугу, хорошо знающего «восемь великих стран», опекать округ Нагчу. Несмотря на то что он был женат, сам далай-лама дал ему должность цзедуна, на которую могли претендовать только холостые монахи.

Помощник ханпо, гражданский губернатор, тоже отличился на правительственной службе. Это был пожилой мужчина в халате из китайской желтой парчи и в маньчжурской шапке, прошедший большую часть жизни на периферии. Когда тибетцы воевали с китайцами, он занимался мобилизацией в Намру¹⁸⁹. В 1918 году его прикомандировали к миссии Тэйхмана в Каме, и он служил под началом ламы-калона, тибетского главнокомандующего во время китайско-тибетской войны 1917—1918 годов. Перед назначением в Нагчу он был губернатором Конгло. У нас сложилось впечатление, что мы имеем дело с опытными дипломатами, которым тибетское правительство полностью доверяет.

Узнав о задачах нашей экспедиции, ханпо сказал, что ему очень приятно все это слышать, но поскольку Тибет является страной верующих, не связанной с внешним миром, правительство не разрешает иностранцам появляться в собственно Тибете. Мы возразили, сославшись на события 1904 года в Тибете, когда английский отряд был расквартирован в Гьянцзе. Губернатор улыбнулся и стал уверять нас, что все англичане были высланы из Гьянцзе*.

Мы просили его разрешения отправить телеграмму из Лхасы в Сикким, но ханпо сказал, что между Лхасой и Индией телеграфной

* В начале XX в. Великобритания активизировала свою экспансионистскую политику в Восточной и Центральной Азии. Особенно привлекал лондонских политиков Тибет. Заручившись поддержкой Японии и прикрываясь мифом об «угрозе русского вторжения в Индию», 26 июня 1902 г. англичане заняли территорию Джонгского пограничного округа, а через год, в июне 1903 г., в Тибет вторгся вооруженный отряд во главе с майором Янгесбендом и захватил Кампа-цзон. 22 декабря 1903 г. отряд интервентов под командованием генерала Макдональда занял Пари-цзон. 5 июля 1904 г. пала крепость Гьянцзе, 4 августа — Лхаса. Не желая вступать с Янгесбендом в переговоры, далай-лама Агван Лобсан Тубдан-чжамцо (1876—1933) бежал из Лхасы в Монголию.

В связи с заключением англо-русского соглашения 1907 г. весной 1908 г. англичане вывели свои войска из Гьянцзе, долины Чумби и Гартока (Западный Тибет); Лхаса была оставлена ими раньше — 23 сентября 1904 г.

В последующем Агван Лобсан Тубдан-чжамцо занял проанглийскую позицию, а панчен-лама Гэлэг-Намчжал (1883—1937), в 1903—1904 гг. сотрудничавший с англичанами, — прокитайскую.

связи нет*. Губернаторы добавили, что иностранцев, прибывающих на границу Нагчу, они обязаны сразу же высылать обратно в Синин или Ладак, но для нас сделано исключение и тибетское правительство готово рассмотреть нашу просьбу о разрешении экспедиции пройти через Тибет в Индию¹⁹⁰.

Ханпо сказал также, что по указаниям, полученным из Лхасы, власти предоставят нам транспорт и провизию до самой границы Индии. Мы ответили губернаторам, что у нас есть паспорта, выданные тибетским представителем в Монголии, и настаивали на посещении Гьянцзе, где должны встретиться с британским торговым представителем. Однако губернаторы снова сослались на то, что иностранцам не разрешено появляться во Внутреннем Тибете, но можно свободно передвигаться по Внешнему, включающему все провинции к востоку от Чамдо и одну провинцию на западе. Тогда мы заявили, что пойдем в Индию кратчайшим путем, не заходя в Лхасу, Шигацзе и Гьянцзе, и губернаторы попросили нас показать предполагаемый маршрут на карте. Мы проложили путь через перевал Дам-ла, который пересекал территорию Внутреннего Тибета между Лхасой и Шигацзе, а потом выходил на торговый путь Лхаса—Индия в Пари-цзоне.

Эта дорога имела то преимущество, что была короче любой другой и проходила по обжитым районам Тибета, где можно было запастись продовольствием. Когда мы еще раз напомнили губернаторам о своих паспортах, ханпо вдруг воскликнул: «Почему вы придаете такое значение бумажке, выданной жалким нищим?!», а его слуги, стоящие рядом, ехидно засмеялись, пряча ухмылку в рукава своих тулупов. Мы дали понять губернаторам, что если тибетское правительство не признает своего официального представителя в Улан-Баторе, то оно должно поставить об этом в известность монгольское правительство. Губернаторы ничего не ответили на это, но сказали, что им нужно вернуться в Нагчу и послать в Лхасу новое донесение.

К вечеру собрались тучи, предвещавшие перемену погоды. Ночью выпал снег, сильный юго-западный ветер основательно потрепал наши палатки. День выдался ненастный, ветер не стихал до полуночи.

* После поражения антикитайского восстания в Тибете в феврале 1910 г. да-лай-лама, в 1909 г. вернувшийся в Лхасу, бежал в Британскую Индию. Вернулся он в Лхасу в июле 1912 г., после изгнания китайцев из Тибета. В конце 1912 г. в Лхасу вошел трехтысячный английский отряд, что значительно усилило позиции сепаратистов. Вскоре тибетцами был занят город Нагчу. Под давлением англичан Юань Шикай, намеревавшийся превратить Тибет в китайскую провинцию, отказался от карательных акций против правительства Лхасы.

Так что слова ханпо о том, что тибетское правительство не разрешает иностранцам появляться в Тибете, не соответствуют действительности, как и утверждение, что между Лхасой и Британской Индией не существует телеграфной связи. Телеграфная линия, связавшая Лхасу и Дарджилинг, была построена англичанами в 1922 г. (см.: В. П. Леонтьев. Иностранная экспансия в Тибете в 1888—1919 гг. М., 1956, с. 157).

Снова пришли к нам губернаторы и сообщили, что идти через перевал Дам-ла мимо Гьянцзе экспедиции запрещено, но они могут просить правительство позволить нам идти в Сикким через Намру и Сака-цзон. По их словам, все путешествие займет ровно месяц, а Сака-цзон находится в шести днях пути от границы Сиккима. То ли губернаторы хотели обмануть нас, то ли они так плохо знали собственную страну. Однако пришлось согласиться, потому что другого выхода не было, и мы только попросили, чтобы нам разрешили идти через Трансгималаи в провинцию Цзан. Губернаторы обещали передать нашу просьбу правительству. Затем ханпо предложил нам нанести ответный визит и составить перечень всего необходимого для путешествия в Индию.

В пять часов дня мы были во временной ставке губернаторов. Ханпо сидел на корточках у очага, опорный шест его палатки был буквально увешан оружием — русскими винтовками и маузерами. Решив все вопросы, мы вернулись в лагерь. Завывал ветер, глаза залеплял мокрый снег. Наутро губернаторы выехали в Нагчу, а мы начали сборы. Нам разрешили зайти в Нагчу, и местный аксакал поехал в Шаруген за яками и лошадьми.

Только 11 января состоялись похороны жены майора. Дорога была завалена снегом, и прибывший издали лама, совершавший погребальный обряд, потерял в пути несколько лошадей. Тело подняли на вершину ближайшей горы и, разрезав его на куски, отдали на съедение грифам. Тибетцы верят, что тот, кто пройдет по месту, где пролилась кровь, обретает бессмертие. Говорят, что сам далай-лама присутствует при разрезании трупов на скале возле своего ритода, в двух милях к северо-западу от монастыря Сэра.

Портнягин и наш тибетский проводник страдали от цинги. По слухам, в Нагчу начался голод и небольшой мешок цзаммы (весом около двадцати фунтов) стоил очень дорого. Сильнейший снегопад в горах Тангла вызвал цепь бедствий в округе. Кочевники говорили, что такие снега после смерти панчен-ламы выпадают почти ежегодно.

Майор, потрясенный смертью жены, не проявлял никакого интереса к нашим приготовлениям.

19 января все поднялись до рассвета. Четырехмесячное пребывание на земле хорпов завершилось. Н. В. Кардашевский чувствовал себя очень плохо и просил оставить его в Шаругене, но мы уговорили его идти с экспедицией.

Попрошавшись с ламами монастыря и аксакалами, экспедиция вышла в путь. В десять часов мы достигли Чунака и прошли мимо бывшей своей стоянки. Встречный юго-западный ветер очень затруднял продвижение. Во время этого перехода экспедицию постигло несчастье: внезапно скончался один из наших спутников-лам, жаловавшийся на сердце еще в Чунаке. Всевозможные лишения и волнения подорвали его здоровье.

Остановились мы около замерзшей речушки, поставив палатки

неподалеку от двух лагерей голоков. Оказалось, что это паломники, направлявшиеся в Лхасу. На всякий случай мы приняли меры предосторожности, но ночь прошла спокойно. Наутро нам пришлось прокладывать дорогу в снегах, заваливших перевал Тасанг-ла. Подъем был не крутой, но долгий. Небо заволокли тяжелые тучи. Яки и лошади глубоко проваливались в снежной толще, и их то и дело надо было вытаскивать. На перевале мы повстречали несколько караванов с чаем, безнадежно застрявших здесь и потерявших всех своих выючных животных. Спуск был довольно крутым. С северо-запада на юго-восток простиралась узкая долина, в которой жили горцы племени паоро, а в сторону Нагчу уходили бесконечные цепи снежных гор. Уже смеркалось; пришлось стать лагерем у подножия перевала.

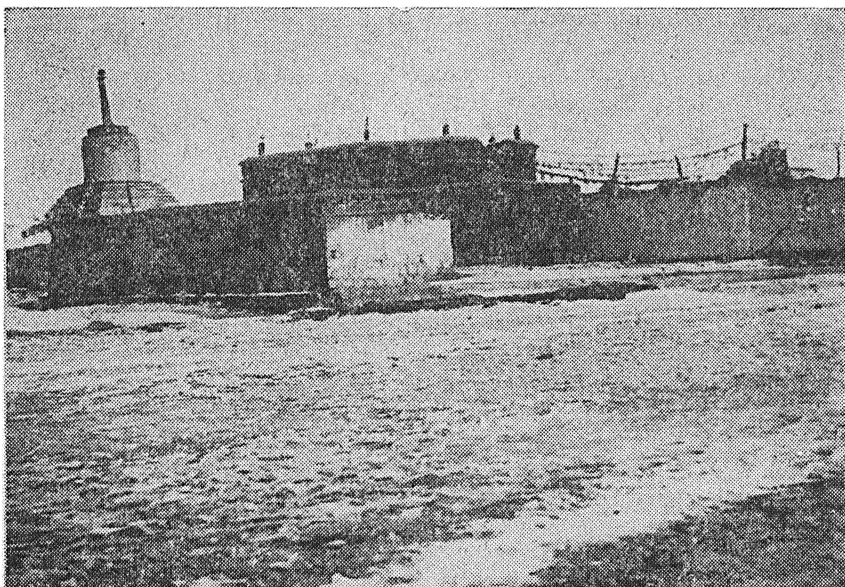
На другой день мы миновали Цомра, где была задержана экспедиция Фильхнера. Вся местность вокруг лежала в снегах. За нами шел караван голоков; несколько кочевников заявили в экспедицию. Мы увидели сильных, рослых парней с грубыми чертами лица. Аксакал племени паоро, сопровождавший нас до Нагчу, на всякий случай предупредил голоков, что я являюсь крупным лхасским чиновником. Мое знание тибетского языка и огромная меховая шапка на голове как будто убедили горцев в истинности его слов. Голоки преподнесли мне хадак и удалились.

Ночью термометр показывал —50°, многие из нас совершенно ооченели. Наутро мы прошли мимо нескольких стойбищ, заваленных трупами яков и лошадей. У некоторых палаток лежало до сорока яков. Снегопад и последовавший за ним голод вызвали опустошение в районе. Миновав небольшой перевал, караван спустился в широкую долину, на юге которой сияли вершины хребта Шаншун. Вскоре мы остановились на берегу реки Нагчу. Толща снежных наносов здесь достигала пяти футов, и пришлось долго расчищать место для палаток. Проводник сказал, что до города Нагчу рукой подать, но животные выбились из сил и следует немного отдохнуть.

Ночью снова был сильный мороз, и мы вышли из палаток только около десяти часов утра. Когда солнце немного прогрело воздух, тронулись в путь и вскоре увидели город Нагчу.

Монастырь Шабден, темной массой нависавший над долиной, словно выплывал из фиолетовой дымки зимнего утра. После часового перехода мы подошли к городу, где экспедицию уже ожидали представители властей. Нас отвели в помещение, считавшееся лучшим в Нагчу после особняка цзэдуна на территории монастыря. В этом доме было шесть сырых комнат, стены их были обиты красной материей, а потолок вымазан дегтем. Из окон, обтянутых промасленной бумагой, дуло, с потолка срывались тяжелые капли дегтя, оставляя темные пятна на одежде и вещах. Здание не отапливалось.

Район Нагчу, названный по реке Нагчу, вытекающей из озера Амдо-Цонак в пятидесяти милях к северо-западу от города, представляет собой обширную местность, простирающуюся к северу от пе-

Крепость Нагчу

ревала Шаншун. На западе Нагчу граничит с узкой полоской земли, принадлежащей лхасскому монастырю Сэра, на юго-западе — с округом Дам, относящимся к провинции Цзан, а на северо-западе — с Намру. Северным рубежом района служит перевал Тасанг, за которым протянулся пояс земли от перевала Тасанг до Камронга (высокогорная долина Чунак с окружающими хребтами), где правит верховный комиссар Хора. Долина Шэнди севернее перевала Камронг и местность к северу от Шэнди до реки Чумар на Тибетском плато тоже относятся к району Нагчу. Такая чересполосица является характерной чертой Тибета и создает большие трудности для путешественников.

Широкая долина, где в ста пятидесяти милях к северу от Лхасы на реке Дречу стоит город Нагчу, окружена невысокими горами. Караваны яков идут отсюда до Лхасы две недели, а всадники покрывают это расстояние за четыре-пять дней. Зимой, когда перевалы завалены снегом, на дорогу уходит восемь дней. Весь район находится под юрисдикцией лхасского монастыря Брайбун, управляет им лама в ранге цзэдуна, одновременно являющийся настоятелем монастыря Шабден в Нагчу. Чиновник, назначенный правительством, помогает ламе в делах.

Город насчитывает примерно восемьдесят каменных домов. Французы М. Гюк и М. Габе¹⁹¹, побывавшие здесь в 1845 году, дали его

описание, в основном сохранившее свое значение и ныне. В центре Нагчу стоит монастырь Шабден, в котором условно числятся три тысячи монахов. В действительности же здесь проживают только сто семьдесят лам. Это характерно для тибетских монастырей вообще: в каждом монастыре ведется журнал, где записаны имена всех монахов, но их число никогда не соответствует реальности.

В одном из помещений монастыря второй этаж занимают комнаты для далай-ламы и панчен-ламы; поодаль расположены храм с большой статуей Будды Майтрейи, двухэтажный дом главного ламы монастыря и кельи братии. Храм, посвященный божеству — покровителю Нагчу, стоит в стороне. Лама-правитель, или нагчуский ханпо, занимает желтый двухэтажный особняк; здесь же, в небольшом дворе, обычно казнят преступников. К северо-западу от монастыря Шабден, на противоположном берегу реки Дречу, находится скромный женский монастырь с ритадами отшельников.

В Нагчу немало лавок лхасских торговцев, сбывающих здесь дешевые английские, немецкие и японские товары. Наиболее распространенной формой торговли является товарообмен; торговцы скупают в основном шерсть, которую затем переправляют в Лхасу и далее в Индию. Нагчу — первый город на великом северном пути, и здесь можно встретить странников из самых разных районов Азии. Однако во время нашего пребывания в Нагчу приезжих из Синина и из земли голоков было мало. Мы не видели также почти никого из Монголии и Сибири. Торговля в Нагчу от этого очень страдала. Снегопады, перекрывшие подступы к Лхасе, нарушили все связи со столицей, цены на товары подскочили, и кочевники, обнищавшие из-за падежа скота, едва сводили концы с концами. Я уже писал о караванах с чаем, застрявших на перевале Тасанг и потерявших почти всех своих вьючных животных. Только в марте, когда снег начал таять, мы увидели караваны яков с грузом ячменя и цаммы, идущие из Лхасы.

В Нагчу ведется торговля привозным плиточным чаем из Индии и из Сунпантина и Синина в Ганьсу. Высоко ценятся китайский шелк и монгольский войлок. Объем местной продукции, поступающей на рынок, незначителен. Недавно одна европейская мехоторговая фирма в Тяньцзине направила в Нагчу своего представителя, но результаты его поездки оказались не обнадеживающими, так как далай-лама издал указ, запрещающий охоту в этом районе.

Нагчу находится на пересечении нескольких важных караванных путей: Монголия — Цайдам — Лхаса; Китай — Синин — Нагчу — Лхаса; Ташилхунпо — Чамдо — Нагчу — Лхаса; Ладак — Нгари — Нагцан — Намру — Нагчу — Лхаса. Это один из важнейших аванпостов Тибета, и все караваны, идущие с севера и северо-востока, еще не так давно останавливались в Нагчу в ожидании разрешения следовать дальше. Однако три года тому назад, опасаясь вторжения китайцев из провинции Ганьсу, тибетское правительство выставило несколько военных постов на северном пути, и ныне путешественни-

ки проходят досмотр в Шэнди, к югу от Тангла. Сравнительно недавно аванпосты Лхасы продвинулись еще дальше на север, вплоть до южного берега реки Чумар, а в 1926 году они стояли даже в Нейжи на юге Цайдама, но вскоре были сняты. Служат на этих постах под командой капрала обычно пять или десять человек, вооруженных мушкетами, а иногда и русскими винтовками, тибетскими саблями и пиками. Конечно, эти военные посты не имеют серьезного оборонного значения для страны, и тибетское правительство это хорошо понимает. Район Нагчу выставляет тысячу всадников, которыми командует начальник провинции. На ежегодном смотре в Нагчу всадники всегда показывают свое искусство стрельбы стоя в стременах, причем последнее упражнение обычно кончается тем, что скачущая лошадь сбрасывает седока. Нерешительные с виду хорпы считаются в Тибете очень храбрыми солдатами, но из общения с ними я вынес впечатление, что в случае серьезного сражения эта так называемая храбрость приведет к бегству с поля боя.

Тибетцы очень гордятся своим Нагчу, и в официальных документах город именуется «величественным снежным дворцом Нагчу», хотя в городе нет ни одного здания, которое можно было бы назвать дворцом, не исключая и резиденции губернаторов¹⁹².

Санитарные условия в Нагчу ужасные: павшие лошади и яки, кучи отходов загромаждают улицы; здесь же, на свалках, роются сотни бездомных собак. Нам оставалось только благодарить судьбу за то, что мы попали в Нагчу зимой. Разговаривая с одним чиновником, я посетовал на страшную грязь в городе. «А что тогда вы скажете о Лхасе?! — воскликнул он. — Здесь, в Нагчу, есть хоть чистая вода, а в Лхасе воду приходится брать из реки, в которую ежедневно сбрасывается масса отходов. Только благодаря попечению его святейшества в городе редки эпидемии».

Мы намеревались как следует обосноваться в доме, где нам предстояло дожидаться окончательного ответа из Лхасы, но цены на железные печи были невероятные — семьдесят долларов за печурку. Н. В. Кардашевский чувствовал себя плохо и предпочел поселиться в палатке около дома. Уже много дней стояла гнетущая пора: утром докучал мороз, днем ураганные юго-западные ветры забрасывали город тучами пыли. Одни сотрудники экспедиции писали дневники, другие пытались согреться, гуляя по двору.

Губернаторы послали новое донесение правительству и просили Николая Константиновича и меня нанести им визит. Они хотели убедить нас, что экспедиция была задержана верховным комиссаром Хора и что лхасское правительство здесь ни при чем. По тибетским законам, военным не разрешалось вести переговоры с иностранцами — это входит в обязанности гражданских властей. В таком случае, отвечали мы губернаторам, правительство должно нести ответствен-

ность за действия своих подчиненных, и если, по их словам, Лхаса не отдавала приказ задержать экспедицию, то мы считаем себя вправе продолжить путешествие на юг и просим предоставить нам здоровых вьючных животных взамен погибших. Наше заявление очень смутило губернаторов, один из них даже вышел из комнаты, не желая, по-видимому, слушать такие речи.

На четвертый день нашего пребывания в Нагчу я отправился с визитом к коллеге ханпо. Пожилой чиновник жил в доме обычной тибетской постройки, и его резиденция была гораздо скромнее хором ламы-правителя. Он сказал мне, что надеется вскоре получить благоприятный, как всегда для него, ответ из Лхасы, и, разговорившись, стал вспоминать эпизоды времен службы, под началом ламы-калона. Так как, по его словам, европейские карты Тибета весьма приближены, тибетскому штабу было крайне трудно планировать свои операции. Я спросил его, какими картами они пользовались, и губернатор ответил: «Картой Азии и глобусом!» Я был поражен и попытался втолковать ему, что карта мира и глобус совершенно бесполезны для военных целей и затруднения тибетского штаба не удивительны. Однако губернатор не соглашался и настаивал на том, что глобус — очень полезная вещь, ибо на нем изображен весь мир. Под конец беседы губернатор посетовал, что у европейцев есть нехорошая привычка делать заметки, разъезжая верхом на лошади по стране, и таким образом собирать всякую информацию.

Днем немного потеплело, хотя ночи стояли все еще очень холодные. В полдень на солнце термометр иногда даже показывал $+32^{\circ}$, но ночью было не менее -20° . На перевале Шаншун начал таять снег, и несколькими торговцам удалось добраться до Нагчу.

На другой день меня вызвал к себе ханпо. В присутствии своего коллеги-чиновника и майора он прочел выдержки из ответа Лхасы, судя по которым правительство ознакомилось с донесением губернаторов и выразило желание узнать подробности нашего предполагаемого путешествия. Оказалось, что тибетское правительство ничего не знало о задержании экспедиции, так как письмо, отправленное верховным комиссаром Хора, затерялось в пути.

Губернаторы решили послать еще одно подробное донесение, и в то время как губернатор-чиновник занимался его составлением, ханпо беседовал со мной. Он, в частности, сказал, что китайский император был последователем далай-ламы и считал свою империю зависимой от Тибета. Ханпо выразил сожаление по поводу последних перемен в китайском правительстве и добавил, что теперь Китай лишился возможности извлекать пользу из советов его святейшества. По его словам, в 1911 году Китай напал на Тибет и в Лхасе появилось множество китайских солдат, однако верховный покровитель Тибета благодаря своей несравненной силе проницательности и с помощью доблестных тибетских войск изгнал зарвавшихся китайцев. Он сказал, что монголы раньше тоже подчинялись лхасскому правительству, но

недавно они попытались поколебать авторитет его святейшества да-лай-ламы и не признали воплощения Джэбдзун-Дамба-хутухты, который был тибетским вице-регентом в Монголии*.

Потом ханпо восторгался удивительным зеркалом доктора Фильхнера, или по-тибетски Филикнера, в котором вся страна видна как на ладони. Он утверждал, что такие зеркала изготовляют только в Германии, и очень хотел приобрести эту диковинку для тибетского правительства, которое имело бы возможность следить за положением в соседних странах, не посещая их. Мне пришлось согласиться, что подобное изобретение было бы очень полезно для Тибета, поскольку страна, в общем, оторвана от внешнего мира...

На следующий день я пошел к гражданскому губернатору, чтобы обсудить с ним дальнейший маршрут. Я сказал ему, что Сака-цзон находится в стороне от дороги в Сикким, а здоровье некоторых сотрудников экспедиции серьезно подорвано во время сиденья в Чунаке. Губернатор заверил меня, что постарается сделать все возможное, чтобы нам разрешили идти от Шенца-цзона к Цангпо.

Днем тибетец принес мне рукописный экземпляр баллады о Гэсэре и саблю из знаменитого дворца Гэсэра, расположенного недалеко от Джэкундо.

7 февраля нас посетил городской нирба, и сообщил, что ответ из Лхасы получен. Мы направились к ханпо, который официально заявил, что Лхаса экспедиции идти в Сикким разрешает и, как только в горах растает снег, предоставит ей необходимый транспорт. Николай Константинович настаивал на немедленном выходе в путь, мотивируя это финансовыми затруднениями экспедиции. Губернатор обещал рассмотреть нашу просьбу и добавил, что правительство сожалеет о гибели каравана экспедиции и намерено провести расследование. Посыльный, доставивший в Нагчу ответ правительства, сообщил, что караван с провизией для экспедиции стоит у перевала через Шаншун.

В последующие дни мы собирали сведения о путях в Сикким. Ханпо не знал географии Тибета и заявил, что Сака-цзон находится почти на границе с Сиккимом и наше путешествие займет один месяц. Местные торговцы, знавшие свою страну лучше чиновников, расстояние от Нагчу до Сиккима исчисляли ста днями пути, что соответствовало нашим расчетам, сделанным на основании данных карт. Мы

* В этих словах ханпо выражено отношение феодально-теократической верхушки тибетского общества к демократическим преобразованиям, происходившим в это время в Монгольской Народной Республике. В 1921—1924 гг. в Монголии изживший себя феодальный государственный аппарат был заменен органами народной власти, была проведена национализация земли, предприятий горной промышленности и связи, упразднены права и привилегии светских и духовных феодалов. Для широких кругов аратов наступило долгожданное освобождение от крепостной зависимости, а для всех трудящихся монголов открылся путь некапиталистического развития. Вскоре, в ноябре 1924 г., I Великий Народный Хурал утвердил первую монгольскую конституцию, провозгласившую Монголию Народной Республикой.

решили не обсуждать больше этот вопрос с губернаторами, так как спорить с ними было бесполезно.

Через несколько дней в Нагчу вернулись аксакалы и доложили, что местные кочевники лишились большей части своего скота, а животные, оставшиеся в живых, настолько слабы, что не выдержат длительного перехода до Намру. Аксакалы преподнесли ханпо хадак и просили его освободить их от обязанностей по обслуживанию экспедиции. Они заявили также, что экспедиция была задержана верховным комиссаром Хора и посему он и должен предоставить нам средства передвижения. Видя такую твердость аксакалов, губернаторы решили обязать их поставить только половину каравана, а остальных животных должны были дать старейшины хорпов. Майор предложил отправить в Цомра солдата за яками, губернаторы обещали ускорить наш отъезд. И хотя приближались новогодние празднества, что, конечно, должно было несколько задержать подготовку к путешествию, все же день выхода был назначен на первое марта.

Тибетский Новый год был не за горами. Везде гнали много вина, и чиновники, открывшие каникулярный сезон, порядком покучивали. Из Лхасы стали прибывать караваны яков; нас поражал малый рост этих животных по сравнению с великолепными рогами, виденными нами на киргизских пастбищах Восточного Туркестана. По вечерам едкий дым расползлся по городу, на улицах росли кучи отбросов. Хотелось поскорее вырваться на волю и уйти к могучим и желанным Гималаям.

16 февраля прибыл сильно запоздавший караван, и к нам явились губернаторы в сопровождении свиты чиновников. Мы заплатили за продовольствие наличными и получили взамен плохую муку, немного цаммы, китайские консервы, какое-то подобие сахара, китайскую вермишель, мороженую репу и мороженные мандарины. После приехавшей цаммы все это казалось деликатесом.

На другой день вечером я посетил ханпо и долго расспрашивал его о местности, по которой нам предстояло идти. По словам ханпо, в течение шести дней мы должны были пересечь округ Нагчу, где двенадцать тысяч человек существовали за счет разведения яков. Далее, в округе Намру, обитало около тысячи семейств овцеводов. Район Нагцана занимали скотоводы, примерно около десяти тысяч человек. Губернатор сказал, что он опасается наступления войск Фэн Юйсяна из Ганьсу и намерен заручиться поддержкой Синина.

20 февраля мы присутствовали на церемонии сжигания тормы¹⁹³, или при приношении жертв местным божествам*, совершаемом накануне Нового года*. Первая церемония состоялась у дома ханпо. Впе-

* Речь идет о сжигании дугжубы (сора), или шестидесятника. «Шестидесятником он называется потому, что служит в течение целого года из 60-летнего периода предотвратителем разных несчастий и бедствий, посылаемых нечистыми духами, врагами людей и религии». (См.: Г. Ц. Цыбиков. Избранные труды, т. 1. Новосибирск, 1981, с. 118).

Улица в Нагчу

реди процессии двое лам несли торму*, за ними шел главный лама в желтой шапке и красной мантии, далее следовали ламы с предметами ритуала, и замыкали шествие ламы-музыканты, оглашая воздух ревом длинных труб и глухой дробью бубнов. Процессию сопровождал отряд местных аксакалов в зеленых и красных тюрбанах и ярких одеждах. После краткого молебна торму под удары в бубен бросили в огромный костер, разложенный на мостовой, аксакалы выстрелили в костер из мушкетов и с криками стали размахивать саблями, а нищие и заключенные, звеня кандалами на ногах, бросились в огонь, вырывая друг у друга горящие куски. Считается, что обладателей частицы тормы пуля не берет.

После этой церемонии мы нанесли визит ханпо. Губернаторы, облаченные в одеяния из парчи, сидели на высоких стульях у стены. Они предложили нам отведать плова и тибетского чая. По новогоднему этикету китайцев и тибетцев все должны веселиться и нельзя вести серьезных разговоров. Ханпо избрал Н. В. Кардашевского объектом своих шуток и, называя нашего спутника «любимым братом»,

* *Торма* — ритуальное изображение. *Сор* состоит из деревянной доски, столбика и вылепленного из теста черепа.

пытался уговорить его подарить ему свои часы. Было бы скучно рассказывать здесь о всех шутках ханпо. Несчастный Н. В. Кардашевский очень устал от этого веселья. Позднее мы побывали у гражданского губернатора, но этот прием прошел более скромно.

21 февраля состоялась большая церемония в монастыре. Через монастырский двор проследовала процессия монахов с настоятелем во главе, колебля воздух мычанием труб. Затем на главной площади Нагчу сожгли торму. До самого позднего вечера продолжалось веселье и гремела беспорядочная стрельба.

22 февраля 1928 года. Сегодня тибетский Новый год. Еще один прием у ханпо — очень нудная процедура с чаепитием и бесконечными новогодними поздравлениями. Вечером в городе стояла мертвая тишина — все жители Нагчу были пьяны и спали. Только нищие бродили по улицам и пели новогодние песни. На другой день губернаторы отправились на вершину ближайшей горы и заложили основание нового обо — ритуал, совершаемый в Нагчу ежегодно. После этого новогодние празднества идут на убыль и все приступают к своим занятиям, хотя чиновники и зажиточные горожане продолжают праздновать Новый год еще целый месяц.

Наши приготовления к путешествию шли своим чередом. Уже были упакованы выюки и ящики с грузом и подкованы лошади. Мы выдавали лошадям ежедневно лишний фунт корма. Гражданский губернатор подарил нам молодую овчарку по кличке Кадру. Эти лохматые стражи высоко ценятся в Тибете, хотя и причиняют много беспокойства, нападая на овец и домашнюю птицу. В Тибете встречается две разновидности собак: крупные и длинноногие, с развитым корпусом и очень подвижные и менее рослые и с виду не такие проворные. Последние напоминают финских собак, выведенных для охоты на белок.

26 февраля двое солдат пришли сообщить, что сегодня должны пригнать яков. Вскоре явился майор и сказал, что собирается покинуть Нагчу. Он был, как всегда, навеселе и спьяну проговорился о том, что накануне нашего прибытия в Чунак гражданский губернатор обсуждал с верховным комиссаром Хора вопрос о въезде экспедиции в Нагчу, но потом гражданский губернатор вернулся в Нагчу и совещался с ханпо. О причине перемены отношения к экспедиции что-либо определенное майор сказать не мог, но считал, что эти действия могли быть вызваны указаниями из Лхасы. Николай Константинович попросил майора задержаться в Нагчу до подхода яков, тот нехотя согласился.

Днем нас неожиданно вызвали к себе губернаторы и сказали, что, по имеющимся у них сведениям, яки сегодня не подойдут и майор должен пока находиться в Нагчу. Сами губернаторы почему-то не могли заставить майора задержаться. За майором послали, и мы явились свидетелями неприглядной сцены: майор и гражданский губернатор спорили и оскорбляли друг друга. Ханпо получал явное удо-

вольствие от всего этого и смеялся, когда майор высказывал чиновнику все, что он о нем думает. Мы заявили, что если через несколько дней в Нагчу не пригонят яков, экспедиция тут же выступит на юг кратчайшим путем. Как и следовало ожидать, яки в назначенный день не прибыли, хотя местные чиновники и аксакалы уверяли нас, что животные будут в Нагчу вечером или ночью.

На следующий день губернаторы снова пригласили меня к себе. Из Лхасы было получено письмо с известием, что правительство собирается начать расследование обстоятельств нашего сиденья в Чунаке и гибели каравана. По словам ханпо, верховный комиссар Хора доложил правительству, что мы пришли в Чунак сами и он нас туда не приглашал. Было ясно, что генерал пытался свалить вину на губернаторов, которые, в свою очередь, вовсе не собирались брать на себя ответственность.

Ночью выпал снежок, но вскоре растаял. Утром я отправился к ханпо и сказал ему, что, если яки на следующий день не придут, мы пойдем через Дам-ла. Губернатор ответил, что полномочий разрешить нам идти этой дорогой не имеет, но в то же время не может и запретить. Судя по всему, нам оставалось полагаться на самих себя. Днем мы вызвали майора и заявили, что, если животных утром не будет, мы немедленно выступаем в Лхасу и ему придется нас сопровождать, так как он тоже ответствен за срыв экспедиции. Майор ответил, что вынуть и подать яков из своего кармана не может; что же касается нашего задержанья, то оно было санкционировано начальством, а у него лично не было причин задерживать экспедицию на такое длительное время. Он напомнил, что болел тогда и у него умерла жена.

Новоприбывшие из Цомра говорили, что яков на пути в Нагчу не видали и ничего о них не слышали. Все это нас очень тревожило. Николай Константинович вместе со мной и Н. В. Кардашевским снова посетил губернаторов. Майор вел себя вызывающе. Он заявил, что верховный комиссар Хора никуда нас не приглашал, никакого сержанта, который осматривал наши грузы в Шэнди, не существовало и в помине, и что он ничего не знал о его приезде в наш лагерь. Услышать такое от майора мы не ожидали. Присутствовавший при разговоре чиновник, заезжавший к нам в Шэнди, подтвердил, что он вернулся в Чунак из Шэнди в сопровождении этого сержанта и что они доложили об экспедиции верховному комиссару Хора. Уличенный во лжи, майор сразу вспомнил сержанта, но тут же придумал версию, по которой сержант, совершив какой-то проступок, якобы бежал из ставки генерала и по дороге заглянул в наш лагерь, чтобы купить у нас лошадей и мулов. Я напомнил майору, что мы здесь не для того, чтобы слушать всякий вздор, и хотим знать, когда же, наконец, пригонят яков из Цомра. Нас не интересовало, получил ли этот сержант приказ осмотреть грузы или же он сделал это по своему усмотрению. Так или иначе, наши грузы проверял военнослужащий тибет-

ской армии, имевший приказ высшего офицера, и эти факты никто не мог отрицать. Мы дали слово разобраться во всем этом деле и найти виновников насильственного задержания экспедиции в Чунаке.

Получив отпор, ханпо решил пойти на компромисс и обещал отправить экспедицию не позднее 6 марта. Он вручил нам даже скрепленное печатью письмо, подтверждавшее его клятву. Воспользовавшись тем, что гражданский губернатор вышел из комнаты для переговоров с аксакалами, ханпо и майор свалили всю вину за задержание экспедиции на него и верховного комиссара. Наш врач передал ханпо медицинское свидетельство, в котором говорилось, что состояние здоровья некоторых сотрудников экспедиции вызывает серьезные опасения, и если нам не разрешат немедленно идти в Индию, то дальнейшие проволочки будут рассматриваться как организованная попытка покушения на жизнь спутников Н. К. Рериха.

Ханпо попросил меня перевести свидетельство, так как оно было написано по-английски, и, ознакомившись с его содержанием, наотрез отказался держать этот документ у себя и тем более посылать его в Лхасу. Он снова заявил, что нас задержал верховный комиссар Хора и документ должен быть адресован ему, но майор наотрез отказался передать свидетельство генералу. После паузы ханпо посетовал, что наша просьба достать лекарства в Гьянцзе Лхасой не выполнена. По его словам, в Тибете мало считаются со здоровьем. Мы поинтересовались, когда же вернут из Лхасы наши паспорта. Ханпо сказал, что дело о паспортах сначала должно быть доложено государственному совету, затем народному собранию и кабинету министров и лишь потом оно поступит к далай-ламе, который решает все вопросы международного значения. Ханпо советовал нам не волноваться и терпеливо ждать.

2 марта губернаторы получили сообщение, что яки прибудут на следующий день или 4 марта.

Наутро мы поднялись еще до рассвета. Двор заполнили аксакалы и погонщики подошедших яков. День прошел в суматохе. Вечером мы закончили сборы и могли, наконец, выступать в путь.

Паспорта из Лхасы нам так и не вернули.

РАЙОН ВЕЛИКИХ ОЗЕР. НАМРУ-ЦЗОН—САКА-ЦЗОН

Стояла еще ночь, однако все сотрудники экспедиции были уже на ногах. Рассвет мягко окрасил небо, в темно-голубой дымке вдаль вырисовывались снежные вершины хребта Шаншун. Столбики дыма поднимались над домами Нагчу, на улицах — ни души. Погонщики яков, или по-тибетски лакто, пили чай с цзаммой, сидя на корточках у больших костров, разложенных у ворот нашего дома. Три часа ушло на завьючивание яков, пока, наконец, караван

не покинул двор. В половине восьмого последняя колонна яков втянулась в узкое ущелье за рекой*, и сразу же выехали мы в сопровождении двух чиновников, которые должны были сопровождать экспедицию до Намру.

Наши монгольские помощники, возвращавшиеся в Цайдам, пожалели нам счастливого пути, преподнеся по обычаю хадаки. Они прослышали о том, что тибетских помощников доктора Фильхнера власти бросили в тюрьму, и опасались такой же участи для себя. Я ходатайствовал за них перед губернаторами Нагчу, и те обещали помочь. Мы выдали монголам обращения к гражданским и военным властям Тибета с просьбой оказывать им содействие, а тибетский лама, шедший в Цайдам, согласился взять их с собой. Я был рад узнать спустя четыре месяца, что все наши люди благополучно добрались до своих родных кочевий.

Перейдя покрытую льдом реку, мы поднялись в горы и навсегда распрощались с Нагчу и его обитателями. По южным склонам низкого хребта на запад пролежала едва заметная тропа. Вот по этой-то дороге в Индию экспедиция и должна была идти много дней.

Солнце прогрело воздух, наши души оттаяли. Мы знали, что дорога будет нелегкой, но трудности предстоящего пути нас не останавливали. Чангтан, или нагорье Северного Тибета, представляет собой высокогорную страну равнин и долин, с запада на восток пересеченную могучими снежными хребтами. Большинство стойбищ, где экспедиция могла заменить притомившихся животных и пополнить припасы, укрывалось в горных долинах. Попробуйте-ка разыскать их в этом царстве камня и снега!

После двухчасового перехода мы поднялись на небольшой перевал на северо-западе хребта. Идти по северному склону было тяжело, лошади часто спотыкались и падали. Спустившись в узкую долину к западу от перевала, где было множество замерзших луж и озерков, мы в полдень вышли к стойбищу кочевников. Здесь нам неожиданно сообщили, что караван яков, следовавший из Нагчу по гребню хребта, находится в двух милях отсюда. Мы тут же выступили и, перебредя заваленную снегом долину, оказались у небольшого стойбища. Однако кочевники сказали, что не видели никакого каравана. Сильный юго-западный ветер вынудил нас остановиться и послать людей на поиски каравана. Задыхаясь в тучах сухого навоза, поднятых ветром в воздух, мы решили перенести стоянку в сторону от стойбища.

Здесь, в горах, нам довелось пробыть около часа, укрываясь под скалами от бешеных порывов ветра. Внезапно появился всадник и сообщил, что наши лошади и верблюды достигли стойбища на южном пути и что яки должны быть там же. Мы сразу повернули назад и еще раз пересекли заснеженную долину. Овчарка Кадру еле пере-

* Цзон Нагчу стоит на реке Дречу, в нескольких километрах ниже города впадающей в реку Нагчу.

двигала ноги, пришлось взять ее к себе в седло. Выйдя к стойбищу, мы увидели первую колонну яков с палатками и остальным снаряжением.

Наконец-то можно было немного отдохнуть после утомительного перехода! Ветер стих, и мы наслаждались покоем. Температура воздуха была -1° . Последняя колонна каравана прибыла в восьмом часу вечера; измученные животные едва дышали. Как оказалось, местные кочевники ждали нас в десяти милях отсюда — в долине небольшой речки. Принимая во внимание поздний час и полное изнеможение животных, следовало позаботиться о ночлеге. В стойбище не было воды и пришлось топить снег. Здесь жил лама из Амдо, охотно помогавший нам в затруднительных случаях. Я спросил его, сколько дней отсюда до границ Индии. Он помахал руками и сказал, что до Индии очень далеко, не менее полугода тяжелого путешествия.

Наутро мы столкнулись с новыми затруднениями. Только после долгих переговоров нам удалось купить лошадь для погонщика верблюдов. Зато утро выдалось замечательное, и мы любовались сверкающими вершинами хребта Шаншун.

После двухчасового перехода по широкой заснеженной долине караван вышел к речке, на берегу которой белела расшитая орнаментом палатка для руководства экспедиции. Несколько черных палаток было отведено для наших помощников и чиновников из Нагчу. После короткой остановки мы снова шли по равнине. Месяц назад переход по этой местности был бы очень тяжелым из-за глубокого снега, но сейчас кое-где уже зеленела грубая трава нагорья. На юго-западе лежал неизвестный нам хребет, по-видимому северный отрог Шаншуна. Перейдя равнину, мы поднялись на низкий хребет и спустились в узкую долину со следами стойбищ. Сильный юго-западный ветер, начавшийся в полдень, затруднял продвижение. Солнце исчезло за тяжелыми серыми тучами, обложившими горизонт.

В час дня мы вышли в широкую долину Патра; горцы помогли нам поставить лагерь в узкой боковой ложине. Это было нелегко, так как вскоре налетел ураган. Все укрылись в палатках, прислушиваясь к голосам разгулявшейся стихии и благодаря судьбу за то, что непогода не застала караван где-нибудь посреди гор. Всю ночь терзал ветер наш лагерь, забрасывая палатки тучами снега и песка, вырывая колышки для растяжек и с треском разрывая канаты. Палатка Н. В. Кардашевского все-таки не устояла под этим страшным напором.

К рассвету ветер улегся и мы немного перевели дух. Уже в шестом часу караван поднимался на низкий хребет на западе, за которым внизу лежала широкая долина, и здесь нас снова настиг ураганный ветер. Наши загорелые и обветренные лица было не узнать, ощущение какой-то подавленности сковывало движения. Некоторое время мы шли по болотистому северному берегу озера Наммар — первого большого озера на пути.

В половине первого мы вышли к очередной стоянке. Местный аксакал поставил для экспедиции несколько палаток, у входа в них лежали кучи аргала. Из ста яков только двадцать, с палатками, были с нами. Остальные, выбившись из сил, задержались у озера Наммар, и следовало дожидаться их подхода. Голубкин, которого последние дни изматывала лихорадка, почувствовал себя хуже; врач прописал ему аспирин и коньяк.

На другой день в половине двенадцатого подтянулась оставшая часть каравана. Погонщики доложили о гибели десяти яков. Я хотел заменить часть животных, но аксакал сослался на суровую зиму и бескормицу и отказал.

В конце концов нам удалось нанять только четырнадцать яков до следующей остановки.

Широкая равнина, где мы все еще находились, называлась Пат-ра. Высокие горные хребты на юге долины постепенно переходили в отроги Трансгималаев. В восемь часов мы сняли лагерь и направились на запад. Обогнув высокую вершину на пути, караван достиг стойбищ, окруженных стенами из аргала. Местные кочевники обычно совершают короткие переходы, чтобы животные могли попасть на скудных пастбищах Тибетского нагорья. Мы хотели идти дальше, но караванщики настояли на своем.

На следующий день было очень холодно, снова поднялся юго-западный ветер. Подъем на покрытый снегом перевал Ламси трудно дался лошадям. Два часа пути по каменистой тропе, пересекавшей гряду низких увалов, порядком утомили животных. Дойдя до узкой заснеженной долины к югу от вершины, где для экспедиции уже были приготовлены три палатки, мы сделали дневную остановку. Здесь проходит граница округа Нагчу, а неподалеку, милях в шести к западу, находится огромное соленое озеро Ньяшинцо. На следующий день экспедиция должна была вступить на территорию, которая контролировалась монастырем Сэра.

В восемь часов утра караван уже поднимался по склонам юго-западного хребта; и вскоре мы вышли на песчаную равнину южнее озера, темно-синее зеркало которого сияло в белой оправе соляных берегов. Местные жители говорили, что в озере живут какие-то «водные коровы», которые иногда появляются на рассвете и мычат. В полдень мы подошли к речушке, впадающей в озеро.

Некоторое время караван продолжал идти вниз по течению реки; у подножия перевала нас остановил гонец из Нагчу и сообщил неприятную новость: открытый лист был задержан одним из аксакалов. Виновником недоразумения оказался парень с внешностью преступника, которого мы решили передать властям. Вечером обнаружилась пропажа прекрасной карашарской лошади Николая Константиновича. В довершение всего ночью разыгрался сильный юго-западный ветер

и изрядно потрепал наши палатки. На рассвете ветер стих и караван вышел в путь.

Преодолев перевал, мы пересекли гряду низких холмов, на склонах которых кое-где зеленела трава. Хорошие пастбища чаще встречаются в местах, покрытых обломками горных пород и лёссом, что в основном характерно для Тибетского нагорья. По пути караван обогнул северный берег соленого озера, отделенного от озера Ньяшинцо низменностью. По-видимому, прежде эти водосмы были связаны между собой, но потом дно меньшего осело и между ними пролегла полоса земли. По словам местных кочевников, путь вокруг озера Ньяшинцо занимал не менее трех дней, или был равен примерно пятидесяти милям. Вблизи озера встречались болотистые участки, поросшие скудной травой. Здесь пасся скот, принадлежащий кочевникам округа, которые, как и все горцы повсеместно, понесли большие убытки минувшей зимой. У ручья на северо-западе долины, где мы стали лагерь, нас удивило почти полное отсутствие диких животных: с тех пор как караван вышел из Нагчу, мы видели только двух куланов. Кочевники говорили, что все копытные ушли далеко на север в поисках пастбищ. И действительно, по пути нам попалось несколько трупов молодых тибетских антилоп, павших от бескормицы.

Местные жители очень мало знали о Намру. Одни из них считали, что до Намру четыре дня пути, другие, — что десять. Аксакал привел еще одно название заинтересовавшего нас озера — «озеро Водяных Коров», но мне так и не удалось выяснить, что же за животные обитали в водоеме. Сначала мы решили, что это выдра, которую мы видели в Чунаке и других местах Тибетского нагорья, но ведь вода в озере была соленой. Я пытался раздобыть шкуру или череп загадочного животного, однако у кочевников таковых не оказалось.

Тронулся караван с места, как обычно, ранним утром и, перейдя широкую долину в юго-западном направлении, миновал несколько озерков. Самое большое из них называлось Чагцо, но некоторые тибетцы называли его Чангцо. Вообще очень трудно установить правильные названия географических объектов, если их сразу несколько. После четырехчасового перехода мы свернули в горную долину, протянувшуюся на северо-запад, и остановились у кочевья. На юго-западе виднелось небольшое озеро Пуцо, откуда местные жители добывали соль. В долине, принадлежавшей большому монастырю Сачжа, или Сакья, в провинции Цзан, почти не было растительности. Печать оскудения лежала на облике местных скотоводов, словно бесплодие земли лишило их последней надежды, еще теплившейся у их соседей на востоке.

Особенно досаждал нам юго-западный ветер, от которого не спасали даже сибирские тулупы. Продолжительные подъемы и спуски изматывали животных. Вскоре мы вышли на холмистую равнину, раскинувшуюся от озера Пуцо на юге до заснеженных хребтов на севере, и поставили палатки на берегу небольшой речушки. Местные кочев-

ники, отказывавшиеся что-либо делать для экспедиции, не желали подчиняться приказам из Лхасы, и сопровождавшие нас чиновники часто с трудом добывали провизию и заменяли лошадей. Проводников приходилось менять ежедневно, так как скотоводы знали местность только на расстоянии однодневного перехода от своего кочевья. Могучие снежные вершины, возвышавшиеся к югу от Пуцо, казались суровыми и неприступными.

Мы сняли лагерь в половине седьмого утра и, поднявшись на скалистый отрог на западе, снова вышли на равнину, покрытую щебнем со слоями лёсса и кое-где травой. Вдали паслось стадо куланов, охота на которых в этих местах строго запрещена. В полдень караван остановился у кочевья; один из чиновников поехал дальше, намереваясь в тот же день достичь Намру-цзона и подготовить замену выючных животных. В Намру вел еще один, более короткий путь по северному берегу озера Пуцо, но там не было жилья.

Местные кочевники-горцы выглядели совершенно иначе, чем хорпы. Среди них превалировал широкоскулый и круглоголовый монгольский тип, однако физически они были менее развиты. Цинга и рахит были здесь обычным явлением.

Сегодня первый теплый день со времени выхода экспедиции из Нагчу: вечером термометр показывал -5° . Мы продолжали идти по равнине в юго-западном направлении и вскоре вышли на хорошие пастбища. Старейшины кочевников жили здесь в каменных домиках, то есть гораздо лучше своих собратьев из района Нагчу. После четырехчасового перехода караван втянулся в каменистое ущелье, поднимавшееся к небольшому перевалу, и сделал остановку. К вечеру тяжелые тучи заволокли небо, повалил мокрый снег, задул холодный ветер. Наутро мы вышли немного позднее, чем обычно, и, поднявшись на перевал северо-западнее стоянки, спустились на обширную щебнисто-песчаную равнину, протянувшуюся далеко на север. Горы, окружавшие равнину, были изъедены юго-западными ветрами, солнцем и морозами. У подножия их лежали морены.

Свернув на запад и миновав скалистый кряж, увенчанный обо, караван направился к высокому хребту на юге и спустя час вступил в горную долину, где находился Намру-цзон — административный центр района. С понятным нетерпением стремились мы увидеть этот город, к которому шли столько дней, но вид его поверг нас в уныние. На берегу речушки столпилось несколько десятков полуразрушенных жилищ, окруженных кучами отбросов и стенами из аргала; в центре селения стоял дом цзонпона¹⁹⁴ — жалкое строение с флагами на крыше. Проводники говорили, что раньше районом Намру управлял вождь, дом которого мы видели у входа в долину, но со времени бегства панчен-ламы здесь был заложен цзон для охраны пути по западному берегу Намцо, или Тенгри-Нура, и в Намру прибыли два лхасских чиновника, представлявших светскую и духовную власть Тибета. По прибытии нас встретили чиновники из Нагчу и несколько

местных должностных лиц. Место для лагеря экспедиции отвели около цзона, но, поскольку там было довольно грязно, пришлось перебраться на противоположный берег реки.

Поставив палатки и развьючив животных, мы довели до сведения цзонпона свое намерение посетить его. Посыльный передал, что цзонпон будет рад нас видеть. Мы снова перешли реку по узкому деревянному мосту и направились в цзон, у ворот которого нас уже ожидали слуги начальника. Двор цзона был завален мешками с шерстью и маслом — натуральным эквивалентом местных налогов; посредине двора стояла черная тибетская палатка. Нам предложили пройти в небольшую комнату, и мы увидели молодого человека лет тридцати, сидевшего на низком стуле у алтаря с глиняной фигуркой Шакьямуни. За алтарем висело несколько живописных изображений Авалокитешвары, Белой Тары и Ямантаки; перед иконами стояли тяжелые серебряные чаши и светильник. Нас не очень удивила коллекция оружия, украшавшая стену напротив окна. Тибетские чиновники — страстные любители оружия. В коллекции цзонпона я насчитал около тридцати русских винтовок, несколько японских винтовок «арисака» и немецких маузеров, — и это кроме разных револьверов и пистолетов! Тут же висели тибетские сабли с орнаментированными рукоятками и ножнами. Я обратил внимание на короткие кинжалы и длинные сабли пехотинцев и тяжелые палаши кавалеристов и спросил цзонпона, зачем ему столько оружия. Он улыбнулся и ответил, что в случае необходимости надо же ему как-то защищать крепость.

Мы сидели на длинной скамье у окна, справа от начальника, на низком столе перед нами был сервирован тибетский чай. Цзонпон приходился братом жене губернатора Нагчу и делал вид, что он наш друг и доброжелатель. Он сообщил, что открытый лист из Лхасы еще не получен и он не знает, как поступить с нами, но поскольку нас рекомендовали власти Нагчу, обещал экспедицию не задерживать. По его словам, писем о караване он не получал и ничего не знал о нашем прибытии. Цзонпон просил дать ему время собрать требуемое число животных. Затем он вызвал местных аксакалов, один из которых заявил, что нам придется заплатить большую сумму, ибо сейчас не сезон для путешествий.

Мы убедительно просили цзонпона не устанавливать непомерно высоких цен на транспорт и подготовить все к завтрашнему дню. Цзонпон поинтересовался, знаем ли мы о том, что недавно в Китае было убито много европейцев, и спросил, какие меры приняты в связи с этим правительства ряда европейских стран*. Я ответил, что

* Задавая этот вопрос, тибетский чиновник явно пытался прозондировать политические настроения участников экспедиции. Если он имел в виду события в Нанкине (конец марта 1927 г.), когда накануне занятия города левогоминьдановскими войсками от рук контрреволюционных банд погибло несколько иностранцев, то его интересовало отношение Рерихов к последовавшей затем интервенции США и Англии, а также к налетам китайских милитаристов на советские дипломатические уч-

китайское правительство должно нести полную ответственность за совершенные на его территории преступления и возместить семьям потерпевших нанесенный ущерб. Затем цзонпон сознался в своей неспособности, поскольку он здесь недавно, а кочевники, которыми на протяжении многих поколений управляли вожди племени, очень неохотно подчинялись чиновнику из Лхасы, и добавил, что бывают даже случаи убийств представителей правительства. Он выразил свое глубокое удивление по поводу того, что правительство отправило экспедицию круглым путем, а не кратчайшим через провинцию Цзан.

После долгих переговоров удалось прийти к соглашению о ценах.

Весь следующий день мы закупали корм для животных, мороженое молоко и баранину. За содействие, оказанное экспедиции, пришлось подарить цзонпону два цейсовских полевых бинокля. Он выразил свою глубокую благодарность и преподнес нам двадцать мешков корма за умеренную плату и пять бараньих туш. Под вечер я пошел к нему и просил его послать с нами опытного человека, хорошо знающего местность, и цзонпон обещал назначить того самого проводника, который сопровождал в Шенца-цзон¹⁹⁵ экспедицию Фильхнера.

18 марта. Ясное утро, обещавшее погожий день. Мы хотели выйти пораньше, пока не налетел ураганный ветер, обычный в горах после полудня, но собрать караван оказалось нелегко. Наконец показались всадники, гнавшие к нашему лагерю яков с дальних северных пастбищ. Несмотря на задержку, мы все же сняли лагерь в десятом часу и направились в сторону перевала Тamar. Идти довелось узким ущельем с довольно крутым подъемом. Большие скопления обломков горных пород напоминали крепости, воздвигнутые для защиты подступов к перевалу.

С перевала мы спустились в горную долину, зажатую со всех сторон высокими хребтами. С вершины открывался вид на озеро Намкацо, лежащее на обширной равнине к северу от перевала. Около разрушенной каменной лачуги, где стояло несколько палаток, нам удалось заменить некоторых животных. Помогли экспедиции в этом наши проводники из Намру, оказавшиеся славными парнями. Главным проводником был скотовод из района Гьянцзе, очень хорошо знавший

реждения в Пекине и Тяньцзине. Возможно, цзонпон пытался с этой же целью завести разговор о Кантонской коммуне (11—13 декабря 1927 г.). Жестоко подавляя восстание рабочих Гуанчжоу, китайские реакционеры совершили нападение на советское консульство, арестовали и расстреляли группу советских дипломатов.

Антисоветская кампания, начатая английскими империалистами, в 1927 г. достигла апогея. В это время с ведома Лондона пекинское правительство опубликовало серию фальшивок, якобы свидетельствовавших о «большевистских происках» в Китае. 27 мая 1927 г. англо-советские отношения были прерваны.

Слухи о «красном Рерихе» дошли и до Тибета, что во многом объясняет отношение тибетских властей к экспедиции. Кроме того, вплоть до последней минуты британская разведка стремилась не пустить экспедицию Н. К. Рериха в Индию. Разрешение было дано только под угрозой международного скандала, который мог бы последовать в случае гибели великого русского художника и членов его семьи.

местность. Носил он темно-лиловый халат с меховой опушкой, на голове у него красовался темно-красный тюрбан. Его помощник удивлял нас искусством, с которым он управлял своим яком.

Узкая тропа, которой стремился придерживаться проводник, вела караван к Натра-ла, следующему перевалу в западном направлении. Ориентирами ему служили молитвенные камни на обочине. Этой тропой обычно пользуются паломники во время ежегодных шествий к священной горе Кайлас¹⁹⁶.

Вершина Натра-ла порадовала нас своеобразным видом, открывавшимся с перевала. На юге поднимался скалистый хребет, у подножия которого плескались волны песчаниковых и известняковых утесов. В лучах утреннего солнца горы переливались оттенками красного, фиолетового, оранжевого и желтого цветов. Эта местность очень напоминала пустынные районы Аравии и унылые просторы Восточного Туркестана. Берега небольшой реки, впадавшей в соленое озеро, лежавшее на равнине, занимали скудные пастбища. С перевала мы спускались по узкой тропе, петлявшей по ущелью в толще песчаников. Еще днем караван стал на отдых поблизости от кочевий. Было тепло и безветренно, но ночью неожиданно похолодало: температура упала до —12°.

20 марта вышли в восемь часов утра и, миновав горный отрог к западу от лагеря, спустились на равнину. Проводники доложили, что экспедиция достигла границы другого района. Место, где мы остановились, принадлежало известному монастырю Ташилхунпо. Здешний аксакал жил в убогой каменной лачуге, окруженной загонами для овец.

21 марта. Лошади, только что пригнанные с пастбищ и всю зиму не ходившие ни под выюком, ни под седлом, доставили нам немало хлопот. Одиравшие животные поднимались на дыбы и лягались.

Кое-как усмирив непокорных горянок, мы пересекли гряду эродированных* песчаниковых и гранитных гор со слоями красного известняка и достигли широкого плато со скудной растительностью. Это плато было излюбленным пастбищем диких животных: мы видели здесь много тибетских газелей. Преодолев низкий перевал, караван оказался в узкой долине, с обеих сторон теснимой песчаниковыми горами. Многочисленные высохшие русла речушек свидетельствовали о значительном количестве осадков, выпадавших здесь в дождливые летние месяцы.

С вершины перевала открывался изумительный вид на долину реки Буху-Цангпо, впадавшей в озеро Селлинг. Из-за красного известняка это место называлось Лунмар.

22 марта вышли пораньше, несмотря на мороз. Пронизывающий юго-западный ветер затруднял продвижение каравана. Сняв лагерь,

* Т. е. подвергшихся эрозии, или процессу размывания, разрушения водой, льдом, морозом, ветром.

мы поднялись на горный перевал Лунмар-ла. Пять миль караван шел по долине в юго-западном направлении, потом повернул на юг и обо-гнул большой гранитный массив. Местные кочевники сказали нам, что этой дорогой проходил панчен-лама в 1923 году¹⁹⁷. После шестнадцатимильного перехода мы разбили лагерь в узкой долине между травянистыми холмами. Место называлось Дорин, или «Длинный камень», из-за интересных мегалитических памятников¹⁹⁸, встречающихся здесь. Это первые памятники такого рода, обнаруженные в Тибете. До сих пор было известно только несколько святилищ древней бонской религии, которые представляли собой грубые каменные алтари и были описаны покойным доктором О. Франке. Мегалитические же памятники Дорина, расположенные в тридцати милях к югу от большого соленого озера Пангонцо, датируются добуддийским периодом тибетской истории. Они состоят из восемнадцати рядов каменных плит. Каждый ряд ориентирован с востока на запад и имеет на западном конце кромлех, или каменный круг из нескольких менгиров¹⁹⁹. Менгиры установлены вертикально, перед ними лежат неотесанные каменные плиты, или алтари. По-видимому, это было святилище какого-то древнего культа, но каковы его возраст и назначение?

Если сравнивать знаменитые мегалитические памятники Карнака в Бретани с мегалитами Тибета, то поражает их удивительное сходство. Карнакские ряды выложены с востока на запад и тоже имеют на западном конце кромлех²⁰⁰. Назначение карнакских памятников остается до сих пор неизвестным, хотя выдвигается много разных предположений. Мне кажется, что ключ к разгадке мегалитических памятников Северного Тибета все же можно найти. Это большое изображение стрелы, выложенное каменными плитами на восточном конце ряда и обращенное наконечником к центру. В древней религии Тибета стрела являлась символом поклонения силам природы, и ритуальное ее назначение связано с культом солнца и небесного огня в виде молнии, знаком которой она и считалась. До сих пор в Тибете носят в качестве амулетов древние медные наконечники стрел, которые, по преданию, не что иное, как молния, поразившая землю и окаменевшая. Надо сказать, что стрела иногда считается символом Гэсэ-хана. Связь культа Гэсэра с поклонением силам природы была доказана доктором О. Франке.

Это важный вывод, так как до настоящего времени происхождение мегалитических памятников не объяснено удовлетворительно. Интересно отметить, что большинство тибетских мегалитов расположено на пути паломников к священной горе Кайлас — местопребыванию богов — и к святыням на непальской границе. В будущей работе о религии бон я хочу показать, что путь паломников в прошлом был путем миграций и как таковой приобрел религиозное значение, сохраняющееся до сих пор. Мегалитические памятники, обнаруженные экспедицией, совершенно неизвестны местным жителям. В Дорине некоторые высокие менгиры в кромлехе сохранили следы жертвоприно-

шений. Местный аксакал сказал мне, что эти камни являются обителью лха, или божества, покровительствующего путешественникам. Ни он, ни кочевники его племени ничего не знали о происхождении мегалитов.

23 марта. Строптивые лошади-горянки, никогда не видевшие верблюдов, испугались и убежали. Не сразу удалось привести их обратно в лагерь. Тропа шла по горному ущелью на юго-запад; с обеих сторон поднимались выщербленные гранитные массивы. Далее путь пролегал по низкому песчаниковому хребту, откуда хорошо просматривалась широкая долина. Близлежащие горы, сложенные из песчаника, были глубоко изрезаны высохшими речными руслами. Здесь мы выявили еще одну группу мегалитических памятников: три менгира, окруженных квадратами каменных плит. Однако плита для жертвоприношений перед самым большим менгиром в центре отсутствовала, и не было заметно следов возлияний масла. По-видимому, святилище было давно заброшено. Тропа поворачивала на юг и повторяла изгибы берега небольшой речки. Путь обозначали многочисленные молитвенные камни.

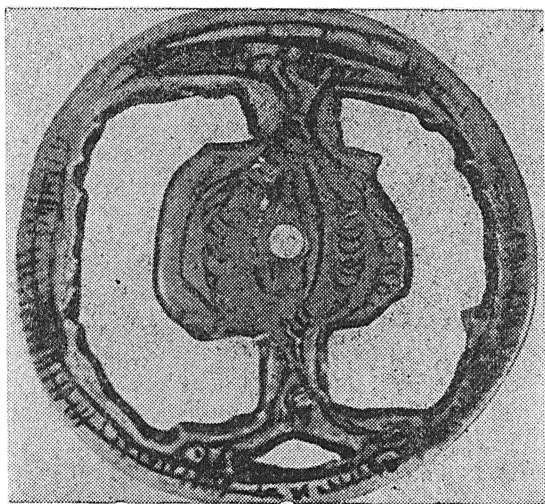
Вскоре мы увидели палатки в ложине.

Осматривая окрестности, поблизости от стоянки Николай Константинович обнаружил несколько надгробий, по-видимому, эпохи неолита, ориентированных на запад. Большие валуны на восточном конце надгробий стояли, по-видимому, в изголовьях. Судя по внешнему виду, захоронения относились к той же эпохе, что и мегалитические памятники. Приходится только сожалеть по поводу запрета вести раскопки; мы ограничились фотографированием и обследованием захоронений.

Нас весьма заинтересовали оштукатуренные каменные лачуги конической формы, служившие кочевникам вместо складов, а также странные головные уборы местных женщин, напоминавшие славянские кокошники. Секрет их изготовления прост: на овальную рамку натягивается черная материя, на которую нашиваются коралловые, бирюзовые, медные и серебряные украшения; среди последних особенно примечательны тибетские серебряные монеты и индийские рупии. Поверх обычной овечьей шкуры женщины носят своеобразную накидку из домотканой материи, собранной на спине в складки. Наряды мужчин проще — тулупы и большие меховые шапки с красным или голубым верхом.

Это место называется Ратри и расположено в двадцати двух милях от Дорина и в четырех днях пути от Шенца-цзона.

24 марта мы несколько задержались и выступили в путь в половине десятого. За грядой песчаниковых гор лежало соленое озеро Гоманцо, в которое впадало несколько горных речушек. Тропа, пролежавшая по северному берегу озера, была довольно опасной из-за зыбучих песков. Миновав озеро, мы вышли на широкую щебнистую равнину со скудной травой, где вдали паслись стада куланов и ти-

Медная фибула. Район Намру,
местечко Чинкар

бетских антилоп. Здесь нас догнал всадник, сообщивший, что к встрече каравана в Нагцане все готово.

Пройдя казавшуюся бесконечной равнину, мы вступили в горное ущелье. В местечке Чинкар для нас уже были приготовлены палатки. Здесь мы нашли много бронзовых наконечников стрел. Как уже говорилось выше, местные кочевники убеждены, что эти стрелы не что иное, как следы молнии, отвердевшей после десяти—двенадцати лет пребывания под землей. Считается, что наконечники обладают чудодейственной силой, и их носят как амулеты.

25 марта Елена Ивановна Рерих нашла интересную медную фибулу с двуглавым орлом в круге. Это изображение часто встречается среди древностей Северного Кавказа и восходит к искусству хеттов Малой Азии. Находка стала важным фактом, доказывающим проникновение центральноазиатских мотивов в искусство «звериного стиля» кочевников Тибета.

Далее караван держал путь по обширной межгорной равнине. Пейзаж был очень однообразный, но вскоре колонны экспедиции вошли в узкую долину на юго-западе. И опять ландшафт неожиданно изменился, и мы пошли по пересеченной местности. В узких лощинах кое-где виднелись стойбища. Дом местного аксакала представлял собой каменное строение, обнесенное стеной из камня-дикаря, с флагами на крыше. Все каменные сооружения в районе либо дома старейшин, либо склады рядовых кочевников. На западе белела длинная

зубчатая стена высокого хребта, вызывавшая ассоциации с крепостью циклопов. После двухчасового перехода караван остановился на обширной равнине, окруженной низкими холмами.

У подножия эродированного массива уже чернело несколько палаток, поставленных для нас кочевниками. Массив назывался Лугтан-Тракна и был самым приметным местом в долине. Вдали паслись стада яков. Упорный западный ветер мешал работать, на разбивку лагеря ушло целых два часа. Я отправился побродить в окрестностях и пришел к выводу, что раньше равнина, несомненно, была дном моря. На это указывали многочисленные окаменелости. После захода солнца с новой силой дохнул западный ветер, и пришлось закреплять колышки палаток, наваливая на них камни и мешки с зерном.

26 марта. День выдался великолепный, мы без особенного труда пересекли равнину, а затем и горную долину. Пологий подъем вывел караван на низкий перевал, с которого последовал спуск в бассейн реки Юндун-цангпо. Рельеф речной долины и зубчатые стены скал, прикрывавших ее с юго-востока, напоминали ландшафт Западного Тибета. Мы перешли реку вброд напротив базальтового массива, на одной из скал которого было высечено заклинание «Ом мани падме хум». Вода доходила до стремян, течение было очень сильным. У берегов еще держался лед. С трудом удалось нам заставить животных сперва погрузиться в ледяную воду, а затем выбраться на лед. Из-за сильной заболоченности противоположного берега караван шел, прижимаясь к скалам. К вечеру мы остановились на левом берегу этой реки, вытекавшей из одного озера на юго-западе и впадавшей в другое на северо-западе.

27 марта снялись с места в семь часов утра. Сначала мы шли по долине реки, потом поднялись на песчаниковый отрог. Здесь мы стали свидетелями одного из чудес природы. Могучие хребты, дремавшие под пологом густой фиолетовой дымки, внезапно осветились восходящим солнцем; скалы заиграли красными, малиновыми и фиолетовыми красками, а пески пустыни у их подножия вспыхнули ярко-красным и золотистым огнем. Это приветствовали нас Трансгималаи, к северным подступам к которым подошел караван.

Как приятно было встретить вскоре первый караван яков с ячменем, направлявшийся в далекие кочевья севера! Торговцы сообщили нам, что еще недавно перевалы к югу от Шенца-цзона были завалены снегом и все караваны из провинции Цзан стояли на южных склонах гор, но сейчас снег быстро тает и путь к северу от Сака-цзона открыт. Это были хорошие новости. Вскоре караван углубился в удивительно живописное ущелье, скалистые стены которого были расписаны фантастическими рисунками. Конечно, это были признаки сильнейших сдвигов земной коры, но воображение невольно вызывало сказочные образы.

После восемнадцатимильного перехода мы разбили лагерь на широкой равнине. Едва успели поставить палатки, как налетел ураганный ветер. Люди сидели, уцепившись за раскачивающиеся шесты своих походных убежищ. Канаты развевались по ветру, колышки носились по лагерю.

У нас произошла неприятность: овчарка Кадру погналась за стадом и загрызла козу. Хозяин явился в лагерь и предъявил свои претензии. Чтобы возместить причиненный ущерб, пришлось заплатить ему. Тибетские овчарки известны своими агрессивными повадками и часто нападают на коз, овец и даже на домашних яков.

К вечеру ураган стих, ночью термометр показывал —2°.

28 марта отправились пораньше, чтобы прийти в Шенца-цзон в первой половине дня. После двухчасового перехода вверх по долине достигли перевала Дигпа-ла, с вершины которого открывался величественный вид на заснеженный массив хребта на юго-западе. Обширная равнина, на которой находился цзон, хорошо просматривалась до самого озера на северо-западе. Спуск с перевала был очень крутой, пришлось спешиться. На южном склоне хребта видели тибетских газелей и куланов. Снега тут не было; он лежал только в лощинах и на северных склонах гор. Перед самой крепостью мы перешли замерзшую реку Шенца, разбивавшуюся здесь на несколько узких рукавов.

Шенца-цзон — административный центр большой провинции, расположенной к северу от Трансгималаев. Мы, уже привыкшие к невзрачному виду тибетских городов, спокойно взирали на несколько десятков строений, сложенных из высушенных на солнце кирпичей, с крышами, покрытыми дерном. Перед домами лежали кучи отбросов. Когда-то эти жилища были побелены, но со временем они стали грязно-серыми. В центре поселения возвышалось двухэтажное здание резиденции губернаторов, которые находились в данное время в Лхасе. Как обычно, это официальное здание было выкрашено в желтый цвет, на углах его развевались черные знамена. Население крепости состояло примерно из пятидесяти человек, многие из которых жили в полной нищете. Здесь не занимались возделыванием земли, и запасы зерна и цзаммы ежегодно доставлялись из долины Брахмапутры. Губернаторов замещали деятели местного самоуправления и их личные слуги, которые боялись взять на себя какую-либо ответственность.

Мы разбили лагерь вблизи поселения. Вскоре к нам явились представители власти. Один из них был рядовым кочевником и для важности носил большие китайские очки, а его коллега ходил в аксаках. Они преподнесли нам хадак и сообщили, что из Лхасы получен лист, в котором указан дальнейший маршрут экспедиции. Мы надеялись, что нам разрешат пройти через Трансгималаи к югу от Шенца-цзона, но наши ожидания не сбылись. Однако и обходная дорога не была лишена интереса: Шенца-цзон — Сака-цзон — Шекар-

цзон — Кампа-цзон — Сикким. Последним тибетским пограничным постом на границе с Сиккимом был Кампа-цзон, откуда пришлось бы, вероятно, идти через Лачэн в Гангток²⁰¹. Гости сказали, что все выючные животные в сборе и экспедиция может выступить хоть завтра. Стремясь запастись зерном до Сака-цзона, мы едва уговорили кочевников продать нам одиннадцать мешков ячменя и сухого гороха, причем стоило все это очень дорого, а также четыре фунта масла и один мешок порамы, или ячменного сахара.

Экспедиции предстояло обогнуть южные берега озер Чяринцо, Нганцэо и Данграюмцо. От Чогчу, местечка на западе Данграюмцо, мы должны были повернуть на юг, пересечь высокие Трансгималаи и выйти к Сака-цзону. Это был трудный путь, в особенности если принять во внимание состояние каравана и наши быстро таявшие средства.

29 марта. Всю ночь громкие возгласы пастухов возвещали с подходе выючных яков, под утро взявших лагерь в черное кольцо. Вышли мы в семь утра, обогнули горный отрог на северо-западе цзона и устремились через каменистую равнину к юго-западному берегу озера Чяринцо. По равнине протекала река Чаглун-кхар, впадавшая в озеро Чяринцо, мы без труда перешли ее по льду. Тропа петляла между моренами, спускавшимся к озеру, и поднималась на низкий горный отрог, за которым лежала сильно пересеченная местность.

Мы преодолели невысокий перевал Лабцзе-Нагри, откуда открывался красивый вид на озеро. Горы подступали к берегам озера, занимавшего впадину длиной в сорок миль на высоте 15448 футов над уровнем моря. Озеро еще не освободилось ото льда, кроме юго-западной части; голубизна ее резко выделялась на фоне ледового покрова. Спускаясь с перевала, мы встретили группу всадников, гнавших перед собой четырех человек со связанными за спиной руками. Это были грабители, недавно убившие нескольких торговцев. Один из солдат рассказал, как это произошло. Торговцы заночевали в палатке кочевников; те их сонных зарезали, а товары присвоили. Однако преступники не смогли замести следы, их нашли и теперь препровождали в цзон для понесения заслуженного наказания. Говорят, такие происшествия здесь случаются часто.

Чаще всего достается торговцам, поэтому все богатые караваны сопровождает вооруженная охрана.

Вечером мы стали лагерем у подножия горного отрога на юго-западе долины. Это местечко, служившее стоянкой для посыльных, называлось Нган-дзом и находилось в пятнадцати милях от Шенца-цзона. Наши палатки изрядно потрепал ураган, мчавший к озеру тучи песка и лёссовой пыли. Здесь стоял лагерь Генри Хайдена²⁰² во время его экспедиции 1922 года.

30 марта. Стали чаще встречаться кочевья. В лощинах и на склонах гор паслись стада домашних яков и отары овец. С перевала Цзун-ла хорошо просматривались белые вершины далеких хребтов.

Отсюда тропа повела нас по гребню хребта, простиравшегося на запад, потом пересекла еще два хребта и спустилась в бассейн озера Сэрацо, расположенного в плоской впадине среди гор. Обогнув северный берег озера, мы вышли из узкого ущелья на равнину, по которой протекала река Паро, впадающая в Чяринцо. Здесь караван сделал остановку. Это местечко называлось Карцзан. Неподдалеку от него виднелись стойбища; у подножия холмов паслись стада домашних яков и табуны лошадей.

В Карцзане экспедицию встретили неожиданно гостеприимно: для нас поставили восемь больших палаток, а Н. К. Рериха приветствовала толпа местных кочевников. На вопрос, чем вызвана такая встреча, нам ответили, что посыльный из Шенца заявил, что на каждом этапе пути экспедиции необходимы восемь больших палаток и триста вьючных животных. Вечером в лагерь пришли странствующие певцы: муж и жена с ребенком. Мужчина играл на струнном инструменте, женщина пела, а ребенок танцевал.

31 марта. Великолепное утро, теплое и безветренное. Мы прошли равнину, форсировали реку Паро и поднялись по узкому ущелью к низкому перевалу Ламлун-ла. Вершина перевала была увенчана несколькими каменными пирамидами, над которыми развевались разноцветные флаги. Постепенный спуск вывел караван на широкую равнину, окруженную низкими известняковыми горами. Кое-где на покрытых лёссом участках зеленела перезимовавшая под снегом трава. Спуск был очень утомительным из-за холодного западного ветра. Горизонт заволокли тучи лёссовой пыли, желтоватая мгла скрыла очертания гор на юге и западе.

1 апреля. В этот день мы решили совершить двойной переход, то есть вместо двух коротких переходов сделать один большой. В шесть часов утра караван уже шел в юго-западном направлении. Дорога была хорошая, ровная. Пройдя двенадцать миль по покрытой щебнем равнине, мы остановились на час в кочевье, чтобы заменить вьючных яков и лошадей, а затем снова вышли на тропу.

2 апреля. Как обычно, мы сняли табор рано, чтобы в тот же день дойти до берегов Нганцэо. Тропа пересекла равнину, а затем гряды низких песчаниковых холмов, круто обрывавшихся к озеру. Стоявшая с утра хорошая погода неожиданно переменилась: начался сильный буран с ураганным ветром и мокрым снегом. Вскоре ветер улегся, густая мгла рассеялась. Мы стояли на гребне горного отрога, простиравшегося в сторону Маджяр-цо. Отсюда караван спустился в узкую долину, где удалось быстро заменить животных...

3 апреля. Тропа пересекала равнину к югу от Нганцэо. После длительного перехода по покрытой щебнем и лёссом равнине мы остановились у подножия низкого хребта. Встреченные нами кочевники почти ничего не знали о соседних районах. Старейший из них вспомнил двух европейцев, побывавших на северном берегу озера. Вероятно, это были Свен Гедин и Генри Хайден. Местные кочевники

никогда раньше не видели верблюдов, и в нашем лагере собралась толпа, чтобы поглазеть на странных животных.

4 апреля. Выступили в путь в шесть часов утра. Много хлопот нам доставили сменные лошади, часть которых не знала седла, а часть остальных, истощенных зимней бескормицей, еле держалась на ногах. Утро было очень теплое: термометр показывал $+12^{\circ}$. Горизонт был подернут дымкой, над озером и горными хребтами клубился густой туман. Тропа вела на юго-запад, через сложную систему хребтов. В стороне долиной, простиравшейся в северном направлении, шел караван наших яков с тяжелым грузом; погонщики яков, несших лагерное снаряжение, избрали более короткий путь по гребню хребта. После семимильного перехода мы достигли низкого перевала, увенчанного каменными пирамидами и молитвенными камнями. Отсюда открывался изумительный вид на огромное озеро Данграюм, одно из самых красивых озер Тибета. На юге белели зубцы величественного хребта Торгот-Гангри.

С вершины перевала тропа спускалась на юг и внезапно, как это часто случается в Тибете, переходила в широкую дорогу, по обочинам которой стояли молитвенные камни. Почва была песчаная, животные ускорили шаг, приближаясь к кочевью — месту очередной стоянки.

Стали мы лагерем на расстоянии мили от юго-западного берега озера — местечко это называлось Лова-намо. Озеро Данграюм, впервые исследованное Наин Сингхом во время его знаменитого путешествия из Ладака²⁰³ в Юго-Западный Тибет и Ассам в 1873—1875 годах, имело сорок пять миль в длину и двадцать пять в ширину.

Мы были первыми европейцами, побывавшими на южном берегу озера Данграюм. Во время своей экспедиции в 1907 году Свен Гедин²⁰⁴ пытался выйти сюда, но в трех днях пути от озера его остановили кочевники по приказу тибетских властей. Пандит Наин Сингх, открывший для науки Данграюм, посетил только его северный берег, частично занятый оседлым населением. На этой низменности выращивается ячмень. По преданию, записанному пандитом, много десятилетий тому назад в долине Ванпо жило могущественное племя, но его покорил лхасский король. Как свидетельствовал Наин Сингх, население Ванпо исповедовало религию бон, а обитатели южного берега озера были буддистами. В 1921 году через Ванпо проходил Генри Хайден.

В Лова-намо многие скотоводы живут постоянно, их палатки обнесены стенами из камней и дерна для защиты от весенних и зимних ураганов. Путь в провинцию Цзан, которым Свен Гедин шел к озеру, был им хорошо известен, чего нельзя сказать о путях в Сака-цзон. Аксакал даже усомнился в том, что в Чогчу сделаны необходимые приготовления, и в тот же вечер мы решили отправить туда одного из представителей властей Шенца-цзона, попросив его ехать как можно быстрее.

Я знал, что от Лова-намо к Сака-цзону можно было добраться

южным путем, пересекавшим перевал Тарко-ла к юго-западу от озера и позволявшим сэкономить десять дней. Кроме того, он проходил через населенный район. Кочевники всегда держат здесь наготове выючных яков и верховых лошадей для правительственной почтовой службы. Поэтому я пытался убедить аксакала отправить экспедицию именно по этому маршруту, удобному как для нас, так и для него, поскольку в этом случае он должен был предоставить нам транспорт только на один этап пути. Он согласился, но в связи с тем, что ему было приказано сопровождать нас до Чогчу, он не мог изменить маршрут. Несмотря на все наши просьбы, аксакал настоял на своем.

День выдался тихий и теплый. В полдень термометр показывал +13°. На болотах к востоку от лагеря мы видели стаи диких гусей и чирков. Заметно повеяло весной, горы уже играли темно-синими и пурпурными красками.

5 апреля. Погода чудесная. Мы двинулись в путь, как только солнце показалось из-за снежных вершин. Это было незабываемое зрелище! Тропа пролежала по южному берегу озера Данграюм, выстланному песком, южнее равнину пересекали лощины. Река Тарко, впадающая в озеро, только что освободилась ото льда, и острые грани льдин резали ноги животных. С большим трудом заставили мы верблюдов войти в быстрое течение, так как они не могли преодолеть своего природного отвращения к воде. На противоположном берегу простиралось широкое плато, поросшее можжевельником — первым кустарником, увиденным нами за шесть месяцев путешествия по Тибетскому нагорью.

Вечер мы встретили у подножия хребта на юго-западном берегу озера. Прозрачный поток, весело сбегавший с гор, утолил жажду яков и лошадей, а верблюды смаковали соленую озерную воду. Всем была бы хороша наша стоянка, если бы не полное отсутствие травы. Здесь рос только можжевельник, который охотно поедали верблюды, но не могли есть лошади. До позднего вечера восхищались мы изумительной панорамой озера и окружающих гор, залитых заревом заката.

6 апреля. Сняли лагерь в шесть часов утра, так как предстоял долгий переход. Шли по юго-западному берегу озера. В некоторых местах тропа была настолько узкой, что верблюдам приходилось подниматься на скалистые карнизы, нависшие над озером, а грузы довелось перебрасывать в несколько заходов. В полдень черные тучи заволокли снежные вершины гор, и вскоре на караван обрушился ураганный западный ветер, повалил мокрый снег.

С большим облегчением укрылись мы в высокогорной долине, где для нас уже были приготовлены одиннадцать палаток. По словам местных жителей, они ждали прихода экспедиции уже семь дней. Караван яков прибыл поздно вечером; мы долго сидели в палатках, слушая завывания бурана.

7 апреля. Ненастный день. Горизонт обложили тяжелые серые тучи. Мы перевалили через низкий песчанниковый хребет на западе

долины и углубились в горы на северо-западе. После трехчасового перехода караван достиг обширной равнины и остановился на берегах небольшого озера, где аксакалы Чогчу уже поставили лагерь и собрали вьючных животных. Их предводитель, весьма неприятный с виду человек, уверял, что они приготовили все необходимое для следования в Ладак, но ему якобы ничего не известно о дороге в Сака-цзон, по которой нам предстояло идти. Дорога в Ладак называлась Чжя-лэм, или «Главный путь», а дорога в Сака-цзон имела только местное значение. По словам аксакалов, мы должны дожждаться гарпона²⁰⁵ Тарко, который примет решение, каким путем идти экспедиции. Однако мы ответили аксакалам, что собираемся выступить завтра и они обязаны сопровождать нас, а если откажутся, будем жаловаться на них в Лхасу. Я добавил, что они не могут не знать дороги в Сака-цзон, потому что власти Сака-цзона брали с них налоги. После долгих препирательств аксакалы решили препроводить нас к гарпону Тарко. Я пытался получить сведения о местности, но только одна старуха припомнила свое паломничество тридцатилетней давности к озеру Манасаровар²⁰⁶ и священным местам на непальской границе. По ее словам, местность к югу от Чогчу была гористой, а Сака-цзон — большое поселение с лавками, где продаются непальские, индийские и лхасские товары. Я усомнился в справедливости ее слов, так как капитан Роулинг²⁰⁷ и Свен Гедин, которые были там, описывают Сака-цзон иначе. Возможно, что старуха была в цзоне на ярмарке и видела временные лавки непальских и лхасских торговцев.

8 апреля. Было около семи часов утра, когда мы направились по обширной равнине Чогчу в сторону гор Тарко-Гангри. По-видимому, вчерашний разговор возымел некоторое действие, потому что утром явились аксакалы и выехали вместе с нами. Они сказали, что в Сака-цзон ведут две дороги: одна через Тарко-ла, а другая — через высокий перевал Сангмо-Бертин. Обширная широтная равнина Чогчу является межгорной низменностью, большая часть которой покрыта песком и лёссом. В пути мы видели стада куланов и тибетских газелей. Главный аксакал выехал заранее, чтобы донести гарпону о нашем прибытии.

После двухчасового перехода аксакалы вдруг остановили караван у подножия горы. Они объяснили это тем, что правитель просил нас задержаться здесь на один день, так как он хотел встретить нас лично. Вскоре прибыл гарпон Тарко — молодой человек лет тридцати, высокий и хорошо сложенный. Он носил халат и тибетскую меховую шапку с красным тюрбаном; с его седла свисала длинная сабля в ножнах, инкрустированных бирюзой и кораллами. Тотчас возле нашего лагеря поднялась белая палатка, расшитая орнаментом, — временная резиденция гарпона. Посоветовавшись с местными аксакалами и проводником, он затребовал наш открытый лист. Мы приняли его в моей палатке, и он выразил глубокое сожаление по поводу того, что экспедицию послали этой дорогой и, таким образом, задер-

жали на три дня. По его словам, более удобным путем была тропа от южного берега озера Данграюм через перевал Тарко-ла к его резиденции в Таркола-Чжяб. Далее следовало идти через перевал Пэн-дон-ла к перевалу Нагпо-Кондро-ла в главной системе Трансгималаев, к востоку от Сангмо-Бертина*.

Поскольку мы уже находились в Чогчу, гарпон считал возможным разрешить нам идти в Сака-Цзон через перевалы Дончэн-ла, Сангмо-ла и ряд других. Мы сразу сообразили, что на самом деле он хотел переправить экспедицию на территорию соседней провинции и, таким образом, избавиться от хлопот. В ответ на мою просьбу переговорить с аксакалом следующего кочевья он заявил, что паспорт выдан нам Лхасой и поэтому мы имеем право путешествовать по территории, подвластной тибетскому правительству, а его район является церковным владением.

В Гангри, как называлось место нашей стоянки, вьючные животные прибывали порознь. Их погоняли диковые с виду парни, которые почти не понимали друг друга, так как говорили на разных диалектах тибетского языка.

Тяжелая жизнь в высокогорье (пастбища на северных склонах Трансгималаев находятся обычно на высоте от 16 000 до 17 000 футов над уровнем моря) отразилась на физическом и умственном развитии местных кочевников. Грудь у большинства мужчин впалая, мускулы слабо развитые, волос на голове мало. Кочевники обычно заплетают волосы в тонкие косички, во множестве спадающие на лоб и спину. Семьи у них небольшие, в кочевьях редко можно увидеть детей. Создавалось впечатление, что численность горцев сокращается. Наш врач наблюдал случаи рахита, особенно среди детей, и ряд других болезней. Десны почти у всех поражены цингой.

Одежда горцев состоит из овчины, наброшенной на голое тело; сапоги из домотканой материи подхвачены ниже колен подвязками. Головные уборы они носят редко, разве что зимой надевают меховые шапки. Мужчины вооружены саблями и мушкетами, иногда современными винтовками. Говорят, что эти кочевники склонны к разбою. Однако грабителей мы не встречали, хотя отрицать их наличие в этих глухих местах трудно.

Кочевники Трансгималаев существуют за счет разведения яков и овец. Лошадей держат только зажиточные семьи. Лето горцы, как правило, проводят в долинах Трансгималаев, а на зиму угоняют скот на север, где меньше снега и лучше пастбища. В Трансгималаях же лишь изредка встречаются небольшие ровные участки земли, поросшие чахлой травой. Идти по этим местам трудно не только из-за наличия множества высоких горных перевалов и бескормицы, но и по причине странной чересполосицы. Например, Чогчу относится к району Нагдана, но платит налоги Сака-цзону; Гангри и гористая мест-

* Об этом районе Тибета см.: В. В. Агибалова, П. В. Ковалев. Обитель снегов. М., 1956.

ность к югу от него подведомственны гарпону Тарко, зависящему от монастыря Ташилхунпо, и так далее.

9 апреля. Долину Чогчу затянула густая серебристая дымка, в которой тонули вершины гор. Выпавший за ночь снег устилал тропу. Перевалив через хребет, караван вступил в лабиринт горных долин, простиравшихся до самой Брахмапутры и являвшихся одним из высочайших водостоков на Земле. Вскоре мы вышли к небольшой, но глубокой реке с узкими белыми берегами. Дно ее оказалось илистым, проводник с трудом нашел подходящее место для переправы. За рекой лежала высокогорная долина Угпа. Мы видели, как гарпон скакал от палатки к палатке, комплектуя караван. В пути к нам присоединились несколько слуг гарпона в красных тюрбанах и с мушкетерами за плечами.

Долина внезапно расширилась, приобретя форму чаши в оправе из скал. Это место называлось Намчэн, и здешний аксакал уже поставил для нас палатку. Он пребывал в растерянности, так как должен был вести экспедицию до Бумпа-чангра. По его словам, нам следовало идти южным путем через перевал Нагпо-Кондро-ла. После разговора аксакала с гарпоном было решено, что аксакал поведет нас в Бумпа-чангра и поставит часть выючных животных.

10 апреля. Караван удалось собрать только в восьмом часу утра. Сняв лагерь, мы поднялись на перевал Мари-Тан-ла (17 300 футов), спустились в бассейн соленого озера Тенгри-Намцо (на картах — Теридамцо) и обогнули его юго-восточный берег. Когда-то озеро занимало огромную площадь, но со временем стало высыхать. Мы видели резвящихся чирков и чаек, оглашавших воздух своими криками; над головой проносились стаи диких гусей, спешивших на север.

Остановились мы в долине, оцепленной с трех сторон высокими скалистыми хребтами и открытой в сторону озера. Оказалось, что письмо, посланное заранее, пришло в назначенное место только два часа назад. Мы не могли отправить нового посыльного, потому что у местных жителей не было лошадей. Однако к вечеру аксакал все же дал знать об экспедиции в Бумпа.

Местные кочевники никогда не видели европейцев. Они бродили возле наших верблюдов и просили дать им немного верблюжьей шерсти, так как, по их словам, шерсть такого странного животного — лучшее средство от болезней и всяких опасностей.

На северо-западном берегу озера стоит монастырь Мэндон-гомпа, принадлежащий секте кармапа.

11 апреля. Обещанных яков не привели, и мы решили выступить на лошадях, оставив Портнягина с грузами на стоянке. Наша кавалькада пересекла долину в юго-западном направлении и втянулась в широкое горное ущелье, поднимавшееся к перевалу Дончэн-ла. После девятимильного перехода мы остановились у подножия перевала. Местные кочевники жили очень бедно; нам с трудом удалось раздобыть немного зерна для лошадей и верблюдов. За последние

несколько дней мы достали только пятнадцать фунтов ячменя. Верблюдов и лошадей приходилось кормить цзаммой, а верблюдам давать еще и болтушку из муки. Нам во что бы то ни стало нужно было дойти до Сака-цзона и пополнить свои припасы, рассчитанные только на неделю пути.

Перепады температуры были очень резкими: перед рассветом термометр показывал -13° , а в полдень на солнце $+40^{\circ}$.

12 апреля. После часового восхождения достигли вершины перевала Дончэн-ла, а затем спустились в долину, на юго-западе оцепленную известняковыми массивами. Мы пошли по долине и вскоре увидели голубую сеть Су-Цангпо (на картах Сома-Цангпо), распадавшейся здесь на несколько узких проток. Су-Цангпо брала начало в Тарко-Гангри и впадала в озеро Тенгри-Намцо. Русло ее было перекрыто мелями, но говорили, что в половодье река несет много воды. Здешний аксакал не мог поставить нам требуемое количество вьючных животных, так как яки находились на далеких пастбищах.

Место, где стоял наш лагерь, называлось Лэкар и относилось к району Нагцана. Аксакал сказал нам, что всего в трех днях перехода на юго-восток от Лэкара расположена долина, где водится много диких животных. День был облачный, но теплый: термометр показывал $+14^{\circ}$.

13 апреля. Ясное, но холодное утро: -5° . Мы пошли по долине на юго-запад и поднялись на низкий песчанниковый отрог. Дальше нам пришлось пересечь ряд долин и щебнистых равнин, протянувшихся у подножия горной цепи. В местечке Сангмо-нгадум никто нас не ждал. Здесь не оказалось ни палаток, ни топлива. Пришлось стать лагерем около убогой палатки пастухов. Под вечер явился аксакал и заявил, что не знал о нашем прибытии. Он слышал о письме, оповещавшем о приходе экспедиции, но думал, что оно адресовано не ему, а другому аксакалу, живущему дальше за горами. Аксакал мог дать нам только тридцать яков; аксакал из Намчэна согласился совершить с нами еще два перехода.

14 апреля. Яков в назначенный час не привели, и Портнягин намеревался снова задержаться, но, к счастью, животных пригнали буквально в последнюю минуту перед выходом.

Путь по ущелью, прорезавшему базальтовый массив, был малочем примечателен. Некоторое оживление привнесли куланы, пасшиеся кое-где на берегах небольшой горной речки.

После шестичасового перехода мы остановились в укрытой от ветров долине на высоте 17 600 футов над уровнем моря. Серые облака накрыли горные вершины; погонщики опасались ночного снегопада. Они уверяли нас, что две недели тому назад перевал был совершенно непроходимым, и сомневались, растаял ли снег и поныне. Все мы немного волновались, так как завтра нам предстояло восхождение на высочайший перевал на пути в Сака-цзон.

Как известно, Трансгималаи образуют водораздел между Гима-

лаями и Тибетским нагорьем. На западе они сливаются с великим Каракорумом, и будущим исследователям еще предстоит узнать, где соединяются эти высочайшие в мире горные цепи. По мнению Свена Гедина, система Трансгималаев сложилась в сравнительно позднюю геологическую эпоху. Строение ее горных хребтов показывает, что образование их было связано с вулканической деятельностью, а наличие многочисленных горячих источников свидетельствует о недавних колебаниях земной коры. Трансгималаи состоят из нескольких хребтов; основным, по-видимому, является тот, на котором находятся перевалы Сангмо-ла (19 094 футов), Сэ-ла (18 064 футов), Кхаламба-ла (17 200 футов), Горин-ла (19 587 футов) и Шаншун-ла. Южные склоны хребтов изрезаны глубокими эродированными долинами, возникшими в результате деятельности индийских муссонов, а северные склоны сливаются с волнистыми плоскогорьями Северного Тибета и получают гораздо меньше осадков, чем южные. На северной стороне снег лежит на высоте около 18 000 футов, и ледники никогда не достигают дна долин.

15 апреля. Ночь прошла спокойно, снег не выпал. Мы встали еще до рассвета и ровно в шесть часов начали подъем на перевал, под стук огромных валунов, то и дело скатывавшихся вниз. В некоторых местах снег еще не сошел, лошади часто проваливались, и их приходилось вытаскивать. После трехчасового непрерывного подъема мы достигли вершины перевала (19 094 футов), на которой стояло несколько каменных пирамид. Отсюда открывалась изумительная панорама, величественная и строгая. На юге виднелось широкое горное ущелье, на западе и востоке высились хребты, спускавшиеся к равнине Лапсару, а к югу от нее вздымались белые главы Канчен-джанги*.

День был пасмурный, над горами нависли тучи. Крутой, но короткий спуск, во время которого довелось спешиться, привел нас в ущелье. На узкой тропе, петлявшей между валунами и замерзшими лужами, лошади постоянно оскальзывались. Спускаясь с перевала, мы заметили стадо диких яков. Животные карабкались по крутому, почти отвесному склону, обрушивая в ущелье камни и тучи песка. Их черные силуэты неожиданно возникли на фоне голубого тибетского неба и так же внезапно исчезли за скалой. Это была картина Тибета, которая знакома каждому, кто путешествовал по его незабываемым горным просторам.

После тяжелого семичасового перехода по каменистой тропе мы спустились в долину. Несмотря на официальное оповещение, никто нас не ждал. Мы отправили посыльных, которые привели двух пастухов. Наш тибетский проводник выразил им свое возмущение, однако пастухи уверяли, что ничего не знали о нашем прибытии. Когда выяснилось, что письмо аксакал получил, мы решили не отпускать яков и лошадей из Сангмо-нгадун до тех пор, пока он не заменит

* См. подробнее: В. В. Агибалова, П. В. Ковалев. Указ. соч.

их новыми. Погонщики сначала запротестовали, но потом вошли в наше затруднительное положение.

Погода стояла теплая, хотя в долине и ощущалось дыхание ледников. Вечером в горах долго не мог утихнуть пожар заката. Вождь не приехал. Было похоже, что он уклонялся от встречи с нами.

16 апреля. Теплая, солнечная погода. Весь день ждали вожда, но он так и не явился. Мы сказали пастухам, что сообщим в цзон о их неподчинении приказам из Лхасы. Эти слова возымели действие, и в конце концов нам обещали дать тридцать яков, остальных должны были предоставить погонщики из Сангмо. Мы также договорились с владельцами лошадей, чтобы они сопровождали нас до Сака-цзона, и доплатили им за услуги. Они были вполне удовлетворены.

В долине, где стоял наш лагерь, жило несколько семей кочевников. В одной из палаток мы встретили двух кузнецов из провинции Цзан.

17 апреля вышли с опозданием. Подвели погонщики яков. Караван пересек равнину на юго-западе и обогнул восточный берег озера Лабчунцо, лежащего на высоте 17 037 футов над уровнем моря. На берегах озера паслись тибетские антилопы. Неподдалеку от стоянки удалось найти еще один комплекс мегалитических памятников, частично погребенный под зыбучими песками. Я попытался раскопать одну из ряда каменных плит, но она сидела глубоко в земле. Мои действия привлекли внимание местных кочевников, которые, как и все тибетцы, следят за тем, чтобы не были потревожены боги земли. О том, какой ритуал совершался перед этими каменными алтарями, мы сможем сказать только после тщательного изучения многотомной литературы бон. Огромные собрания бонских священных текстов, включающие около трехсот томов, до сих пор остаются для нас закрытой книгой. Не исключено, что в результате прочтения их удастся узнать о назначении менгиров, кромлехов и рядов каменных плит*.

По дороге мы встретили вожда. Это был здоровенный малый, наряженный в огромную овчину. По местному обычаю он высунул язык, приветствуя нас, и сказал, что никакого письма о прибытии экспедиции не получал, добавив при этом, что яков у него нет и он ничем не может нам помочь. После долгой беседы мы уговорили его нанять несколько яков в караване с грузом соли. Он согласился и вскоре договорился с торговцами, но потом передумал и решил выделить нам собственных животных.

Мы разбили лагерь в местечке Ронгсэ у подножия хребта. Отсюда в Сака-цзон вели два пути: более короткий — через перевал Луг-ла и более длинный, огибавший горный хребет. Говорили, что перевал все еще завален снегом; поэтому мы решили идти вторым путем. Открытый лист из Лхасы затерялся, и не было надежды его найти. Пришлось написать еще одно письмо и скрепить его нашей пе-

* О происхождении религии бон см.: Б. И. Кузнецов. Кто основал религию бон? — Центральная Азия и Тибет. Новосибирск, 1972, с. 132—134.

частью. Мы тут же отправили вперед посыльного, но и с этим письмом произошло то же самое, что и с первым.

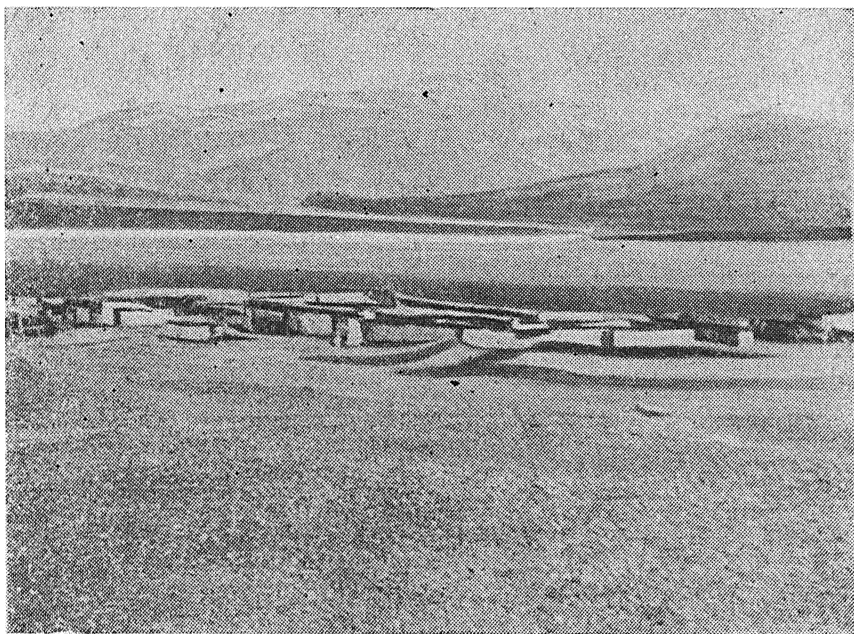
18 апреля мы сняли лагерь в восемь часов утра и пересекли низкий отрог юго-восточнее стоянки. Затем миновали замерзшее озеро и свернули в долину, известную своими горячими серными источниками. Подъем к перевалу Цугчэн-ла (18012 футов) порядком нас утомил. Долина у подножия его была покрыта толстым слоем снега и завалена камнями. Только через четыре часа мы достигли вершины перевала и на мгновение оцепенели. «Бог ты мой! Горам нет конца!» — воскликнул Голубкин, потрясенный грандиозной панорамой сверкавших на солнце пиков.

Спуск был крутой, часть пути мы шли по льду замерзшего ключа. Кое-где встречались нагромождения ледяных глыб, наши неподкованные лошади с трудом пробирались между завалами. Четыре часа подряд плелись мы вниз по ущелью, то и дело переправляясь по ледяным мостам через горные потоки.

Волнистый ландшафт северного Тибетского нагорья остался позади, скалистые горные массивы уступили место царству узких долин и высоких горных хребтов. Дойдя до стыка трех долин, мы повернули на юго-восток и стали лагерем в долине Цугчун, где, по-видимому, экспедицию никто не ждал, и велели посыльным разыскать кого-нибудь из местных жителей. После двух часов ожидания неподалеку показался человек, направлявшийся в нашу сторону. Это был старик с неприятной внешностью, который сразу же заявил, что помогать экспедиции не его дело и правительство не имело права посылать нас в такие богом забытые места. Мы сказали ему, что нам нужно заменить часть каравана, и просили его продать хоть немного топлива и зерна или привести к нам аксакала. Старик ответил, что у него нет ни яков, ни топлива, ни палаток. Наши тибетцы выразили кочевнику свое возмущение и пригрозили ему карами земными и небесными.

Неожиданно явился высокий благообразный мужчина, бывший лама монастыря Чамдо в Западном Каме, а ныне местный аксакал. Он тут же вошел в наше положение и приказал старику раздобыть топливо и палатки.

К вечеру были поставлены две палатки и разложены костры. Явившийся, наконец, вождь кочевников почему-то отказался поставить свою палатку рядом с нашими и остановился поодаль, за невысоким песчаным отрогом. Он обещал прийти в наш лагерь сразу после захода солнца и обо всем переговорить. Аксакал и тибетский проводник нашли его поведение странным и выразили опасение, что вождь может уйти ночью со своими яками. Мы прождали его до десяти часов вечера и решили послать за ним. Один из наших погонщиков вскоре вернулся и сообщил об отказе вождя дать транспорт до Сака-цзона. Что нам оставалось делать? Остановка в таком глухом месте обрекала караван на гибель. Я рассказал о создавшемся положении Николаю Константиновичу, и он потребовал сделать все:

Сака-цзон

возможное для спасения экспедиции. Было решено послать к вождю делегацию, состоявшую из аксакала, меня, Портнягина и тибетского проводника. Поскольку аксакал боялся идти без прикрытия, с нами отбыло несколько стрелков.

Застали мы вождя у костра в окружении тридцати вооруженных кочевников. Едва аксакал приблизился к костру, все вдруг поднялось. Аксакал упрекнул вождя за то, что тот не явился в наш лагерь, чтобы дружески переговорить о деле, и предложил ему все же прийти и обсудить создавшееся положение. Воцарилась зловещая тишина. Среди спутников вождя послышался шепот, и внезапно один из кочевников выхватил саблю из ножен. Портнягин, стоявший рядом, молниеносно поднес ствол револьвера к лицу горца, тот попятился назад. Стрелки были готовы открыть огонь. Вдруг какой-то кочевник не выдержал и сиганул в горы, за ним побежали остальные; вождь остался у костра один. Мы предложили ему пройти в наш лагерь и продолжить переговоры в более спокойной обстановке.

В лагере было беспокойно. Как нам стало известно, кочевники намеревались напасть на экспедицию и вызволить своего вождя. Аксакал еще раз пожурил горца за его вызывающее поведение и предложил ему все мирно уладить. Однако тот совершенно не реагировал на увещевания аксакала. По его словам, у него не было ника-

кой связи с тибетским правительством, которое находилось слишком далеко от его района, и он не обязан помогать экспедиции. Тогда я пообещал передать его в руки лхасских властей, чтобы они во всем разобрались. После длительного молчания вождь повторил свой отказ.

Всю ночь экспедиционная охрана была начеку, так как кочевники несколько раз пытались проникнуть в лагерь. Однако вождь неожиданно передумал и согласился предоставить нам выючных животных при условии, что мы отпустим его и забудем об инциденте. По видимому, он понял, что мы настроены серьезно. На всякий случай его оставили в лагере до утра.

19 апреля сняли лагерь в семь часов утра и пошли в сторону узкой горной ложины, поднимавшейся к перевалу Цугчун-ла (18 000 футов). Недалеко от входа в ложину мы обнаружили еще один кром-лех. Как и в Лапсару, каменные плиты были занесены песком. Аксакал ничего не знал об этих камнях. По его словам, их поставило лха, или местное божество. Подъем на перевал был очень крутой, животные часто останавливались, чтобы отдышаться. С вершины перевала хорошо просматривалась долина, где стоял Сака-цзон. На западе и востоке небосвод подпирали могучие снежные пики Трансгималаев.

Спуск оказался крутым, всем пришлось спешиться. Но вот кончилось широкое ущелье, и мы вышли на равнину, усеянную щебнем и поросшую скудной травой. За низким отрогом чернели строения Сака-цзона. С вершины горы мы бросили взгляд на поселение, которое представляло собой скопление каменных лагун и стояло в месте, открытом всем ветрам. Вблизи цзона нас встретили местные чиновники. На месте стоянки, где уже были натянуты две палатки, экспедицию поджидали местные жители и небольшой отряд солдат. Несмотря на то что необходимые указания из Лхасы чиновники получили, транспорт подготовлен не был, и нас просили задержаться в цзоне на три дня. Цзонпон находился в Лхассе, а его обязанности исполнял казначей цзона, за которым немедленно отправили посылку.

Пришел наш караван в Сака-цзон под вечер; верблюды задержались в горах. Поздним вечером погонщик пригнал в лагерь трех верблюдов и сообщил, что четвертый пал на вершине перевала.

ИЗ САКА-ЦЗОНА В СИККИМ*

20 апреля. Казначей еще не приехал; все отдыхали после трудного путешествия. Лагерь экспедиции находился рядом с трактом Ладак — Нгарн — Сака-цзон — Лхаса, и с раннего утра до

* Заключительная часть главы публикуется с незначительными сокращениями.

позднего вечера до нас доносилось ритмичное позвякивание колокольчиков проходящих караванов. Сака-цзон является не только административным центром обширного района, но и перевалочным пунктом на торговом пути, контролируемом правительством. Население округа состоит исключительно из кочевников, занимающихся разведением яков и овец и выплачивающих подати главным образом маслом, шерстью и шкурами. Налоги собирают лхасские чиновники в девятом месяце тибетского года (октябре—ноябре).

В самом городе не более тридцати каменных и кирпичных домов, среди которых стоит собственно цзон. Службу в цзоне несут тридцать солдат под командованием сержанта, который следит за порядком в районе и выполняет правительственные распоряжения. Отличить солдат от кочевников можно было только по патронташам и полоскам материи, нашитым на правом плече, с номером роты. Гарнизон усилен пехотным батальоном, расквартированным в Тенгри на тибетско-непальской границе.

Ранним утром к нам приехали чиновники из цзона и показали черновик письма в Тенгри с извещением о предстоящем переходе экспедиции. Они намеревались отправить нас к месту, где пришлось бы переправляться через Брахмапутру в двух кожаных лодках, и признались при этом, что лодки никуда не годятся. Мы, естественно, не одобрили такой план и ответили, что лучше идти в Янчжу и переправляться через реку в Чату. В конце концов чиновники согласились, но попросили нас запечатать письмо своей печатью, так как, по их словам, кочевники, увидев печать цзона, станут медлить с выполнением распоряжения. Как это ни странно, местные чиновники очень боялись своего народа и с готовностью прятались за спины иностранцев. Мы сказали им, что в случае задержки экспедиции они будут нести ответственность и цзон обязан снабдить нас всем необходимым.

21 апреля. Солнечный день с легким юго-западным ветром. На берегах речушки, протекавшей неподалеку от лагеря, зазеленела молодая трава. Мы занимались поисками провизии, но раздобыть что-либо было очень трудно. Нам удалось купить только один мешок порамы и мешок ячменя для лошадей.

22 апреля. Второй день закупаем зерно для четырехдневного перехода в Янчжу. Ячмень оказался плохим, перемешанным с камешками. Местные кочевники жаловались, что жители земледельческих районов Тибета подкладывают в мешки с зерном камни, чтобы выручка была побольше. Зерно поступает в цзон главным образом из округа Шекар, кочевые же районы поставляют шкуры, рогатый скот и соль — главные статьи тибетского экспорта.

23 апреля. Снова солнечный день. Постепенно формируется караван. Местные кочевники заверили нас, что мы сможем выйти на другой день.

24 апреля. Встали еще до рассвета, однако вьючные живот-

ные еще не были собраны. Мы с Портнягиным отправились в цзон и привели их в лагерь. Выступили в путь в сопровождении двух чиновников, которые должны были идти с экспедицией до Шекар-цзона. Тропа шла по левому берегу реки, еще не освободившейся ото льда. Около Сака-цзона стоял огромный менгир из серого гранита, окруженный небольшими белыми кварцевыми плитами. На менгире были заметны масляные пятна.

25 апреля шли широкой горной долиной. На берегу небольшого соленого озера видели стаи серых гусей, уток и часк. После часового перехода караван вышел на обширную, покрытую лёссом равнину с прекрасными пастбищами, где паслись стада куланов. Кое-где землю стягивала соляная корка. Лучшие пастбища в Тибете находятся на равнинах и в долинах с засоленной почвой. Мы пересекли пояс дюн с таким мелким песком, что лошади проваливались по колено. На западе виднелась укрытая от ветров долина; у подножия близлежащих гор разбрелись отары овец. Из долины тропа сворачивала в узкое ущелье на юго-востоке, а затем выходила в каньон и долину Брахмапутры. На песчаном берегу реки караван остановился на отдых.

Наконец мы у великой Брахмапутры! Трудно передать чувства сотрудников экспедиции. Первым делом мы напоили измученных лошадей. Место, где стоял лагерь, называлось Кья-Кья; рядом находилась переправа, о чем напоминали две утлые кожаные лодки на берегу. Отсюда по нагорьям можно было пройти к Чату. Местные жители никогда не видели верблюдов и приходили посмотреть на странных животных, важно разгуливавших по берегу.

Язык здешних кочевников имел много общего с диалектом жителей провинции Цзан. Аборигены, побывавшие в нашем лагере, интересовались географией Тибета и расспрашивали о Тенгри-Нуре и о Шенца-цзоне.

День был солнечный. На берегах реки кое-где росла молодая трава. Мы разложили костер из можжевельника и наслаждались его смолистым ароматом.

26 апреля. Лагерь сняли рано, чтобы скорее дойти до земледельческих районов Тибета. Путь пролегал по левому берегу Брахмапутры. Местами утесы спускались к реке, и мы обходили их по воде. Великая река распадалась здесь на несколько рукавов, которые, по-видимому, соединялись во время разлива; течение ее изобиловало водоворотами, а дно было зыбким.

После шестимильного перехода мы свернули в горную долину, простиравшуюся на северо-восток. Дальше нам предстояло преодолеть перевал и спуститься к Янчжу. Тропой вдоль Брахмапутры обычно пользовались только всадники.

Мы остановились на берегу горной речки, впадавшей в Брахмапутру, и обратили внимание на разноцветные скалы ущелья. Темный базальт залегал здесь попеременно с пурпурным известняком; на этом

фоне эффектно выделялись ярко-зеленые пятна можжевельника. В лощинах все еще лежал снег.

27 апреля. Теплая ночь сменилась морозным утром: термометр показывал —6°. Речушка покрылась пленкой льда. Из ущелья тропа сворачивала в боковую долину, лежащую на востоке. После двухмильного перехода мы достигли подошвы перевала Уранг-ла. Подъем был крутой. Лошади часто останавливались, чтобы отдышаться. С седловины перед нами открылась панорама гор, возможно самая грандиозная в мире. Сияя в лучах утреннего солнца, высоко над горной страной возносились зубчатые стены Гималаев. Все мы застыли, потрясенные этим образом космического величия. Ни одно облачко не обволакивало могучих вершин, и снежные гиганты четко вырисовывались в разреженной атмосфере Тибета. За этими пиками лежали знойные равнины Индии.

Вскоре показался полуразрушенный храм монастыря Чату, из окон которого торчали связки соломы. Монастырь окружали грязные кирпичные лачуги, на улочках селения стояли караваны яков, груженные ячменем для кочевников Трансгималаев. Миновав Чату, мы направились в сторону гор, у подножия которых раскинулась деревня Янжу.

Резиденция местного аксакала и три монастыря секты бон с заново выбеленными стенами выглядели опрятнее, чем запущенный монастырь «красношапочной» секты. Мы стали лагерем на берегу речушки и видели здесь диких гусей, казалось, не обращавших никакого внимания на людей. Нас приятно удивила забота властей, выразившаяся в заготовке зерна и даже сена и соломы для каравана. В лагерь пришли местные жители и просили дать им хоть по клочку верблюжьей шерсти для амулетов.

К вечеру гости разошлись, и мы могли спокойно отдохнуть. В лагере осталась только странная женщина с девочкой, бродившая вокруг палаток. На женщине был длинный желтый халат, с ее шеи свисали непальские бусы, а в руках она держала трость и дамару, или бубен, под который исполняются религиозные церемонии. Тело девочки было вымазано в золе, волосы собраны в пучок на макушке. Пришла эта пара из Камбу, горного района около Эвереста²⁰⁸.

28 апреля. В четыре часа утра меня разбудило позвякивание колокольчиков на осликах, везших воду. Эти маленькие лохматые существа поразительно выносливы и способны нести грузы, превышающие их собственные размеры. Утро выдалось ясное и довольно теплое. Горы на юге обволакивала легкая прозрачная дымка.

В ответ на нашу просьбу разрешить нам посетить бонские монастыри ламы сказали, что если в этих монастырях побывают люди другой веры, то могут произойти большие бедствия. Мы не настаивали и осмотрели только монастырь Чату. К сожалению, настоятель увез с собой ключи и мы не смогли побывать в храме. У тибетских монахов есть похвальный обычай проводить одну или две недели тре-

тьего и четвертого месяцев тибетского года (апрель—май) в размышлениях. Видно потому, что настоятель неуклонно следовал этому обычаю, двор монастыря выглядел запущенным, портал храма был разрушен; удивительно, как он еще не обрушился на головы верующих. Нас сопровождал тибетец, который проявлял к нам повышенный интерес. Во-первых, он хотел продать нам лошадь, принадлежавшую его хозяину, а во-вторых, радовался, что может поговорить с иностранцами, к которым относился с большим уважением. По его словам, одним из преимуществ иностранцев было то, что они люди прямые и держат слово, в то время как на его соотечественников ни в чем нельзя положиться. «Послушайте, сэр, — сказал тибетец, — я сейчас говорю с вами, и мне не надо вам врать, но все-таки мне трудно удержаться от этого, и я постоянно напоминаю себе: говори правду, говори правду!» Когда мы спросили его о причине этой странности, он почесал за ухом и сказал: «Глупость».

Около поселения проходил тракт Нгари — Лхаса, на котором не затихало движение. Всадники верхом на мулах и лошадях, караваны осликов с дровами, странствующие ламы и нищие смешались в одном потоке, катившемся по узкой дороге под позвякивание колокольчиков и шелест подошв.

Мы хотели купить вьючных животных для переноса палаток. К нам привели несколько великолепных мулов, но цены за них заломили баснословные: около двухсот мексиканских долларов за мула. Местные жители не брали китайских серебряных долларов, и, поскольку наш запас тибетских медных монет был на исходе, мы испытывали затруднения. Несколько лет назад лхасское правительство ввело бумажные деньги, которые печатались на машинах, заказанных в Индии. Однако это смелое предприятие вскоре лопнуло, и банкноты были изъяты из обращения. Главная причина неудачи состояла в том, что предприимчивые люди в Лхасе нашли это нововведение исключительно удобным и начали печатать деньги собственного производства. Естественно, кочевники, обжегшись на огне, дуют на воду.

Вечером аксакал сообщил нам, что караван будет сформирован к утру.

29 апреля. Все поднялись еще до рассвета, но караван долго не удавалось собрать. Так как горцы держали от одного до двух вьючных животных каждый, буквально все они вызвались сопровождать наши грузы. На семьдесят животных у нас приходилось сорок погонщиков! Новый караван состоял из тридцати яков, двадцати ослов, десяти мулов и десяти лошадей. Двигался он в следующем порядке: впереди шли лошади, потом ослы и мулы, замыкали колонну яки. Местные лошади были совершенно истощены. Две из них легли замертво под своими владельцами еще в лагере, и нам пришлось седлать собственных коней.

Тропа пролежала по левому берегу Брахмапутры. Мы прошли мимо нескольких деревушек, окруженных возделанными полями.

30 апреля. Выступили в семь утра. На обочинах тропы лежали многочисленные молитвенные камни. Мы прошли мимо нескольких разрушенных фортов. Вскоре караван достиг переправы, принадлежавшей монастырю Чату, где через Брахмапутру ходил небольшой паром.

1 мая. Вышли в пять часов утра, следом за караваном яков, чтобы завершить переход до захода солнца. Утро было погожее. Тропа вела по горной долине, лошади то и дело спотыкались о валуны. После трехчасового подъема караван достиг вершины Шару-ла (17600 футов). День выдался ясный, мы видели весь Гималайский хребет с Эверестом, над которым нависли легкие облака. К западу от перевала белел острый конус горы Цзан-ла (21169 футов). По словам погонщиков, несколько лет назад тибетское правительство решило заселить район Тенгри, опустошенный войной с гуркхами²⁰⁹ в 1792 году²¹⁰, и сотням семей было приказано покинуть свои родные селения в центральных провинциях Тибета и переселиться в Тенгри. Здесь люди жили в полной нищете, получая три шо* в день от правительства.

Спускались мы узкой горной долиной, холмистые борта которой напоминали унылые плоскогорья Хора. После восемнадцатимильного перехода решили остановиться на ровном плато у горной речушки. Долина называлась Панг-лун, или «Долина дерна». Погонщик сообщил, что на перевале пал еще один верблюд, сильно сдавший за последние дни.

2 мая. Как обычно, сняли лагерь рано. На фоне темного неба четко выделялись Гималаи. Мы шли по песчаной тропе вниз по долине, где чернели руины старых фортов и сторожевых башен. Погонщики говорили, что это следы непало-тибетской войны 1792 года, когда войска гуркхов заняли Шигацзе и Ташилхунпо и тибетцев вырубал экспедиционный корпус богдыхана Цяньлуна**.

После четырехчасового перехода вышли на обширную равнину. Дальше лежала долина, орошаемая рекой Пунгчу, которую в Непале называют Арун. Куда ни посмотришь — везде болота и солончаки. Остановились в местечке Карчу, где стояло несколько домиков. На горе к северу от поселения находились развалины цзона местного вождя. Некоторые здешние кочевники живут в пещерах, вырубленных в известняковом массиве. Это были первые пещерные жилища, виденные нами в Центральном Тибете. Особенно их много в Южном Цзане и районе Нгари. Нам снова пришлось заменить уставших жи-

* Шо (шоган) — мелкая тибетская монета.

** Переговоры в 1789 г. между гуркхами, тибетцами и маньчжурами, во время которых последние преследовали собственные цели, ни к чему не привели, и в июле 1791 г. гуркхи начали наступление в глубь Тибета. В октябре они заняли Шигацзе. Маньчжуры, стремившиеся добиться признания Непалом отношений вассалитета с Цинской империей, в 1792 г. разбили гуркхов в нескольких сражениях.

вотных. Днем палатки основательно потрепал сильный западный ветер, над горами нависли серые тучи. Вскоре пошел дождь.

3 мая. Ясное утро. В чистом воздухе очертания гор казались подправленными резцом, а их темно-синий и пурпурный колорит — подведенным кистью. Эверест кутался в облака. Мы пересекли равнину в южном направлении, вдоль левого берега реки Пунгчу. Пейзаж ее несколько напоминал ландшафт Гоби.

4 мая. Есть какая-то особенная грусть в характере равнины, простирающейся в сторону Тенгри. Повсюду руины, руины и руины, древние крепости, пустынные деревни, остатки зубчатых стен... Голые скалистые горы по краям долины лишь обостряют впечатление полной заброшенности. И над этим царством развалин вздымаются могучие, сверкающие на солнце вершины Гималаев!

Тенгри — это четвертая по значению крепость Тибета после Лхасы, Шигаце и Гьянцзе. Там стоит гарнизон из пятисот солдат, охраняющий дорогу в Чиронг-цзон и Катманду²¹¹. Восточнее Тенгри находится еще одна широкая долина, по которой проходит торговый путь через Шекар-цзон в Шигаце и Лхасу. Крепость Тенгри была основана маньчжурами после войны с гуркхами, о чем напоминают развалины китайского форта на гребне горы близ деревни. Во время маньчжурского господства в крепости стоял гарнизон из тридцати китайских солдат под командованием лейтенанта, усиленный небольшим отрядом местных кочевников. Ныне цзон не имеет, конечно, никакого стратегического значения, его можно легко окружить с юга. Солдаты с семьями живут в деревне, при входе в которую стоят две разрушенные ступы с ликами божеств-покровителей и причудливыми узорами.

На болотистой равнине было трудно найти подходящее место для лагеря. После долгих поисков мы обосновались около деревни, где нас дождалась толпа местных жителей.

Под вечер приехал аксакал, высокий седовласый мужчина. Он заверил нас, что сформирует караван еще до рассвета и мы сразу же сможем выступить в Мэмо, деревушку между Тенгри и Шекаром. Вечером какие-то вести вызвали переполох в деревне. В форте заиграл горн, и солдаты, находившиеся в нашем лагере, прикипели взглядом к вершине горы. Ошибки быть не могло — сигнал призывал к оружию. Оказалось, что в Каме началась война и правительство мобилизовывало войска. Торговцы из Кама, высокие, мужественные с виду люди, угрюмо говорили о тяжелых временах на своей родине. Солдаты разошлись по ротам. Был получен приказ поддерживать действия правительства Лхасы.

5 мая. Поднялись рано, однако выючных животных не было. Мы с Портнягиным пошли в дом аксакала и заявили, что, если он не раздобудет немедленно животных, ему придется сопровождать экспедицию до Шекара и объясняться с властями. Аксакал приводил в свое оправдание довод, что местные жители не желают ему подчи-

няться и он якобы не может собрать караван без нашей помощи. Аксакал просил нас подождать, пока он выяснит ситуацию. Через полчаса он вернулся со словами, что кочевники высмеяли его и отказались ему повиноваться. Пришлось прийти ему на помощь.

Мы сняли лагерь, как только собрали всех животных, и лишь Портнягин немного задержался, чтобы проследить за выходом последней колонны каравана. В самый последний момент аксакалу вручили стрелу с полоской красной материи. Это был приказ из Лхасы, предписывавший одной роте выступить в поход и соединиться с экспедиционным корпусом в юго-восточной части Кама, а аксакалов обязывавший обеспечивать войска транспортом и провизией. Однако приказ произвел лишь некоторое впечатление на местных жителей, разве что в этот день было выпито ячменного пива больше обычной нормы. Аксакал из Тенгри, прочитав приказ, воткнул стрелу в ящик и сказал, что раз уж он пришел с нами, то пусть следует с экспедицией и дальше. Мы, конечно, отказались его взять, но утром стрелу снова нашли в одном из ящиков. По словам аксакала, так было надежнее, ибо местный посыльный мог ее потерять.

Что же произошло в Каме? Отягощенные чрезмерными налогами, воинственные племена восстали с оружием в руках против лхасских правителей. По слухам, там были убиты губернатор и около шестидесяти тибетских солдат. В Лхасу и Шигацзе срочно стягивались войска, и лхасской казне предстояло вынести это новое напряжение.

Дорога в Шекар пролежала вдоль правого берега реки Пунгчу. Нам было приятно видеть деревушки с участками возделанной земли, крестьян, работавших в поле, слышать крики диких гусей и уток, резвившихся на воде. Помимо гонцов к каравану присоединились вооруженный до зубов лама из Ташилхунпо на великолепном черном муле.

В два часа дня мы подошли к деревушке Мэмо, в которой-то и было строений, что большой дом аксакала да несколько усадеб со службами, расположенными по соседству. Нас встретила жена аксакала. Мы стали лагерем около деревушки, как вдруг явился пьяный тибетский проводник. Елена Ивановна Рерих упрекнула его за нерадивое отношение к своим обязанностям, и это привело тибетца в бешенство. Он побежал по деревне, крича, что мы плохие люди, потому что обвиняем его в пьянстве, тогда как он совершенно трезв, и стал убеждать всех встречных не оказывать экспедиции никакого содействия. В результате мы остались без топлива и корма для животных. С помощью жены аксакала вскоре все удалось уладить, а Николай Константинович распорядился уволить проводника.

Вечером нас посетил лама из Ташилхунпо. Почтенный старец жаловался на деспотическое правление лхасского правительства и сказал, что многие монахи оставили монастырь, а зажиточные семьи в провинции Цзан совершенно обнищали.

Мы сидели у палаток и смотрели на всадников, скакавших по дороге из Тенгри в Шекар. Одни ехали на мулах, другие — на пре-

красных верховых лошадях, которых, как говорили, разводят в Центральном Тибете. Посыльные, отправленные из Тенгри, снова напились, и один из них начал сетовать на тяжелую жизнь тибетского солдата. Он сказал, что его рота только что возвратилась из Кама в Тенгри, а теперь ей снова приказано идти в горы и принять участие в боевых действиях против мятежников.

С Тенгри и районом к юго-западу от него связан один из удивительных эпизодов истории Тибета. Здесь в первой половине XI столетия жил и трудился великий проповедник Тибета Миларепа, святой Франциск страны снегов. На юге Тенгри, в неприступных горных долинах, до сих пор живут ревностные хранители заветов мудреца. Здесь, среди диких гор, еще можно услышать песни* Миларепы и, как гласит предание, прислушиваясь к своему внутреннему голосу, увидеть на стене пещеры его лик.

Паломники ежегодно поднимаются на подступы к Эвересту, чтобы взглянуть на гигантскую расщелину в горе — след падения Наро-Бончуна. Однажды Наро-Бончун, один из выдающихся проповедников «черной веры» в Тибете, вызвал Миларепу на состязание в горы. Миларепа принял вызов. Наро-Бончун, видя, что Миларепа погрузился в свои мысли, воспарил благодаря своей сверхъестественной силе к вершине Эвереста. Но разве могла победить «черная вера»? Внезапно на вершине пика появился сияющий трон, на котором восседал Миларепа, и потрясенный Наро-Бончун упал в глубокую пропасть, признав свое поражение. Так рассказывает легенда, и сотни паломников прославляют мудрость праведника, которому повиновалось все живое на земле.

На пути в Тенгри мы встретили несколько лам, последователей Миларепы, направлявшихся в храм в долине Лачэна²¹². Двое из них несли большой трезубец и трубу из человеческой кости. Белые домотканые халаты лам посерели от пыли; волосы их были стянуты в узел на макушке. Я воспользовался случаем и стал расспрашивать лам о последователях великого проповедника и о знаменитых пещерах в горах. Вопросы чужеземца сначала им показались странными, но постепенно они разговорились. «Братья и друзья Скрытого» — это обычно ученики одного учителя, объединенные общим учением. Живут они в пещерах в горах и узнают друг друга по условным знакам. Постигшее тайное учение «Внутреннего огня», по словам паломников, могут часами сидеть на обжигающем ледяном ветру, не чувствуя холода. Напротив, они ощущают приятное тепло, разливающееся по телу, и иногда видят языки пламени, пляшущие вокруг них. Ламы убеждали меня, что некоторые проповедники, чья жизнь была наиболее безгрешной, способны заставить таять снега на значительном расстоянии от себя. Перед достижением этой стадии «тум-мо» монах должен пройти курс обучения под руководством наставника. Без помощи учителя «тум-мо» считается чрезвычайно опасным, известно много слу-

* О творчестве Миларепы см.: Г. Ц. Цыбиков. Избранные труды, т. 1, с. 80.

Шекар-цзон

чаев умопомешательства. Я слышал о ламе, в течение четырнадцати лет занимавшемся самосозерцанием, покой которого был внезапно нарушен заблудившимся путником. Лама испытал такой шок, что сошел с ума.

Песни Миларепы очень популярны среди населения Тенгри, а предания о его подвигах можно услышать и поныне. В некоторых домах в Тенгри и соседних деревушках мы видели фрески, на которых был изображен Миларепа. С правой рукой, поднятой к уху, он сидит у входа в пещеру, над которой возвышается огромная снежная гора. На нем белое одеяние его секты и цепочка аскета. На подвижника, погруженного в размышления, смотрят газели, леопарды и олени; в облаках парит его учитель Чжэбцун-Марпа с руками, сложенными в мудре созерцания. На других фресках проповедник изображен восседающим среди крутых скал на фоне снежных вершин. Тут же находится богиня Цэрингма, прислуживающая ему. Видно, что подвижник изнурен тяжелой епитимьей²¹³. Эти фрески выполнены довольно грубо, но изумительны по цвету. Время смягчило яркие краски и скрыло недостатки настенной живописи. Подобные изображения Миларепы встречаются часто, но его бронзовых изваяний немного. Нам удалось достать только одну статуэтку очень грубой работы.

6 мая. Вышли в путь рано. В шесть часов утра караван покинул Мэмо и пересек обширную равнину. Обогнув скалистый мыс, мы по-

шли по узкой долине, оцепленной известняковыми хребтами. У небольшой деревушки на берегу Пунгчу дорога разветвлялась. Одна тропа вела по берегу реки к мосту, другая — к броду около деревни, сворачивая затем на северо-восток в сторону гор. Второй путь был значительно короче, и мы выбрали его. Река оказалась глубокой, лошади шли по брюхо в воде, а с осликов пришлось снять часть грузов. За рекой мы пересекли гряду песчаниковых и известняковых гор, затем миновали ряд скалистых утесов. Преодолев два невысоких горных перевала, караван спустился в долину, занятую под посевы ячменя. Вскоре показался Шекар-цзон — одно из живописных мест Тибета. Сам цзон стоит на гребне скалистого массива, ниже прилепилось несколько ламаистских монастырей. У подножия горы раскинулся город Шекар, разделенный на две части небольшой речкой с мутной водой.

Округом Шекар управляли гражданский губернатор и лама. В данный момент губернатор пребывал в Лхасе и всеми делами вершили лама и представитель гражданского губернатора. Лама, молодой человек со спокойными, исполненными достоинства манерами, по видимому, мало интересовался делами цзона, и этими «мелочами» занимался его секретарь. Лама жил не в живописном цзоне на гребне горы, а в неказистом доме в центре города.

По прибытии экспедиции отвели стоянку на южной окраине Шекара, но местные власти проявили к нам полное безразличие, и я целый час провел в переговорах с ними. Затем мы с Николаем Константиновичем нанесли визит ламе, надеясь получить сведения о пути в Кампа-цзон²¹⁴. Лама, сидевший на низком стуле у окна, вежливо справился о нашем здоровье и о трудностях, которые мы испытали в дороге. Разговор поддерживали в основном секретарь ламы и таможенный инспектор из Лхасы. Последний говорил больше всех. Он был когда-то губернатором Нагчу и очень интересовался современным положением в этом районе. Секретарь сообщил, что караван будет готов не раньше чем через три дня. В наши же расчеты входило определить маршевую роту, которая могла перехватить выючных животных на пути следования.

Таможенный инспектор сказал, что необходимые распоряжения отданы несколько дней назад, но жители не успели еще собрать яков. Население было отягощено всевозможными налогами и повинностями, и власти не могли настаивать на немедленном исполнении своих распоряжений, опасаясь беспорядков. Мы просили разрешения идти в Кампа-цзон через Шекар-Дота к северу от Цомо-Тэтунга, но лама советовал идти другой дорогой — через Тинкьи-цзон. По его словам, в Дота нельзя ничего достать, а остановка в Кампа-цзоне обязательна для всех караванов. Мы распрощались, заручившись обещанием ламы сформировать караван к 9 мая.

Вскоре приехал секретарь цзона, который пересчитал грузы и выделил двух крестьян для охраны их ночью. Он сказал, что власти в

первую очередь обязаны обеспечить транспортом маршевые роты, но обещал сделать для нас все возможное. Мимо нашего лагеря прошла, позвякивая колокольчиками, конная колонна из Центрального Тибета. Некоторые торговцы ехали на великолепных лошадях и имели весьма живописный вид. Неподалеку от стана находились поля, и мы с интересом наблюдали, как крестьяне пахали на волах, рога которых были украшены красными кисточками.

7 мая. Утром мы увязывали выюки с провиантом. Цены на продовольствие были немалые. Любопытная публика следила за каждым нашим движением и даже пыталась забраться в палатки. Мы уговаривали людей разойтись по домам, но без успеха. Когда по лагерю стало невозможно передвигаться, мы обратились к властям с просьбой о помощи. Однако чиновники посоветовали нам самим взяться за дело. Как это ни странно, но мне с Портнягиным удалось выставить толпу из лагеря.

Днем к нам приехали чиновники из цзона, и толпа снова прилила в лагерь. Особенно досаждали послушники монастыря, которые приставали ко всем со словами: «У меня пересохло в горле, дайте, пожалуйста, немножко денег на вино».

8 мая. Лама заверил нас, что все идет по плану. Днем к нам неожиданно появились монахи и окружили палатки, с любопытством заглядывая внутрь. Выглядели они очень неопрятно, и я вспомнил отзыв капитана Роулинга о тибетских ламах: «Тело монахов всегда покрыто толстым слоем грязи с жиром, а открытые части тела наводят на мысль, что ламы только что чистили трубы или кочегарки»*.

9 мая. Вечером мы слышали топот стада на главном пути, однако утром оказалось, что это был частный караван с ячменем. В нашем лагере собрались аксакалы и чиновники и заспорили о распределении грузов. Секретарь цзона объехал поселение, сгоняя в лагерь выючных животных. В десять часов утра караван выступил, наконец, из Шекара несколькими колоннами. Мы получили превосходных лошадей, пригнанных с пастбищ. Н. В. Кардашевский ехал на коне серой масти, мне достался вороной. Путь пролегал по левому берегу реки Пунгчу, или Аруна, вдоль которого стояло несколько деревушек. По берегам реки тянулись известняковые хребты.

После пятичасового перехода по берегу Пунгчу мы прибыли в деревню Цона, место дневной стоянки. Уполномоченные цзона, которые должны были сопроводить нас до Тинкы, задержались в Шекаре, и с экспедицией шел только один коновод. В ожидании их прибытия мы стали лагерем на берегу реки. С горы я наблюдал в полевой бинокль за подходом каравана.

Вскоре подъехали монгольские проводники и чиновники из цзона и сообщили, что в шести милях отсюда для нас приготовлены палат-

* К отзывам капитана Роулинга о тибетцах следует относиться критически — слишком много в них спеси колонизатора.

ки. Мы снова оседлали лошадей и поехали вдоль левого берега реки. Стемнело, но лагеря что-то не было видно. Наконец, покрыв расстояние в двадцать восемь миль, мы подошли к старому китайскому постоялому двору, за оградой которого чернела палатка. Это и была обещанная стоянка. Караван с грузом прибыл только в два часа ночи.

11 мая. Из Чунгтю в Ташиганг ведут два пути: один через перевал, северо-восточнее деревни, другой — через равнину и вдоль хребта к юго-востоку от селения. Второй был гораздо длиннее, но зато на нем не было перевалов. Большинство погонщиков предпочли идти через перевал Пха-ла, дорога к которому проходила мимо деревушек, окруженных купами тополей и ив. На перевал вел крутой, но недолгий подъем. Спустившись с перевала, мы оказались в долине, где находился Ташиганг — небольшое селение с настолько узкими улочками, что на них с трудом могли разминуться два всадника. Все дома лепились вокруг резиденции аксакала и издали казались одним огромным строением. Дом аксакала был двухэтажным, с большим двором и конюшней, которой мы сразу же воспользовались. Возле дома уже стояли палатки.

12 мая. Утром аксакал неожиданно отказался переменить лошадей. По его словам, власти Шекара отлично знали, что Ташиганг стоит в стороне от главного пути в Тинкы и не входит в систему правительственных путей сообщения. Сопровождавшие нас чиновники из Шекара в ответ на эти речи только требовали дать им письменное объяснение, что аксакал и сделал. Нам оставалось идти дальше с прежним составом каравана.

Усталые, выбившиеся из сил, мы наконец вышли к цзону Тинкы, расположенному на западном берегу небольшого озера. По соседству с цзоном находилось несколько монастырей и деревушек. Экспедицию встретили чиновники и отвели место для стоянки на восточном берегу озера, где недавно был лагерь альпинистов, совершавших восхождение на Эверест*. Несмотря на заблаговременно посланное извещение, ничего подготовлено не было и нас просили задержаться в Тинкы до 14 мая. Мы согласились, потому что измученный караван нуждался в отдыхе после тяжелого подъема на Гулунг-ла. Севернее лагеря стоял ламаантский монастырь; дамба, насыпанная через озеро, вела прямо к большому каменному квадрату цзона.

13 мая. Утром горы обложили тучи, заморосил дождик. Мы решили подняться в ламаистский монастырь, стоявший на склоне скалистой горы, и обратили внимание на множество культовых камней и разрушенных ступ по обочинам тропы. Сверху открывался вид на рошу, посреди которой раз в год, в четвертом месяце по тибетскому

* Имеется в виду группа английских альпинистов, возглавлявшаяся генералом Ч. Г. Брюсом. Во время этого восхождения на Джомолунгму погибли два альпиниста и два носильщика-шерпа.

календарю, монахи монастыря ведут диспуты и слушают проповеди приезжих ученых лам. Собрание длится десять дней. Монастырь окружен кирпичной стеной с несколькими воротами; двор его вымощен большими каменными плитами. Это филиал знаменитого монастыря Брайбун в Лхасе. Стены храма расписаны фресками с изображениями тысячи будд. Здесь можно увидеть Будду-исцелителя, или по-тибетски Манла, Белую и Зеленую Тар²¹⁵ и некоторых из восьмидесяти четырех аскетов Индии. Фрески выполнены довольно грубо, их художественная ценность невелика. Местами краска осыпалась, на белом фоне стены проступили темные пятна. Однако в иконографическом отношении фрески все же небезынтересны, так как под изображениями написаны имена божеств и святых.

Во дворе нас встретил главный лама монастыря Брайбун, временно находившийся здесь. Вместе с ним мы прошли в храм, где при тусклом мерцании светильников осмотрели позолоченные глиняные изваяния Шакьямуни и двух его главных учеников — Шарипутры и Могалланы²¹⁶. На алтаре, освещенном большим серебряным светильником, стоял Цзонхапа со своими учениками Кхайдуб-чжэ и Чжалцаб-чжэ. Одну стену храма занимал стеллаж с полным собранием Ганчжура и Данчжура старого издания. Остальные стены были расписаны фресками в ортодоксальном стиле. Я заметил также несколько ликов главных «защитников» ламаизма начиная с Ямантаки, огромная статуя которого стояла у входа в храм.

Есть некоторое различие между техникой фресок и обычной живописью на тханках²¹⁷. Фреска — это как бы увеличенная тханка на стене храма с тем же рисунком, композицией и цветовой гаммой. Иногда фрески служат фоном для скульптуры. Я вспоминаю фреску, на которой Будду искушает дьявол в ночь перед достижением полного озарения. Фигура Будды, сидящего в позе созерцания со слегка склоненной головой, была вылеплена из позолоченной глины, а волосы, как обычно, окрашены в голубой цвет. Дьявол изображен сзади Будды. Такое сочетание элементов фрески и скульптуры было известно и художникам Центральной Азии, расписывавшим пещерные храмы Восточного Туркестана и Западного Ганьсу.

По словам настоятеля, в настоящее время в монастыре находилось только сто монахов, остальные разбрелись по стране. У выхода к нам подошел лама и поинтересовался, в какой валюте мы намерены внести пожертвования: мексиканской, китайской или индийской... Мы поняли, что это был казначей монастыря.

Вторую половину дня мы занимались починкой палаток и погрузкой снаряжения.

14 мая. День выдался облачный. Гималаи укутала непроницаемая мгла. Далеко в горах гремел гром, утром был дождь с мокрым снегом. После двухчасовых сборов мы сняли лагерь и вышли с последней колонной каравана. Тропа пролежала по равнине, простиравшейся от Тинкы в сторону Кампа-цзона.

15 мая. Выступили в шесть часов утра, чтобы быть в Кампа-цзоне до полудня. День обещал быть ясным, снега Гималаев сверкали в лучах утреннего солнца. Неожиданно пропала овчарка Кадру. Возможно, ее украли крестьяне. Мы обошли всю деревню, но нигде не обнаружили пса.

У деревни Мэндэ караван переправился через речку Яручу. В это время года река была мелкой, но говорили, что летом она несет много воды. После переправы мы поднялись на низкий хребет и вышли на равнину, где находился Кампа-цзон, одно из живописнейших мест Тибета. Само поселение расположено в узком ущелье, недоступном для ветров. Старый цзон — массивное квадратное здание, окруженное каменными стенами и башнями, — стоит на скалистом утесе и прикрывает подступы к долине. Ныне эта крепость заброшена, и цзонпон живет в небольшом одноэтажном доме возле деревни.

Цзонпон, встретивший нас у селения, сказал, что экспедиции, возможно, придется задержаться здесь на день.

16 мая. Великолепный солнечный день. Утром мы решили осмотреть крепость на утесе и по пути нанесли визит губернатору. Старый цзон производит неизгладимое впечатление и, несомненно, является одним из самых значительных памятников древней архитектуры Тибета. С южной стороны цзона приютился небольшой монастырь, славящийся безгрешной жизнью своих восьми монахов.

Вечером в ущелье появилась черная колонна, и знакомое посвистывание погонщиков дало знать о прибытии каравана. Мы привязали яков и разложили костры.

17 мая. На рассвете животные уже были завьючены и мы двинулись в путь. Губернатор дал нам своих превосходных лошадей и мулов до Тангу. Всего один переход — и экспедиция выйдет к границе Тибета. Еще в Нагчу мы просили тибетское правительство известить британские власти о нашем прибытии. Двухчасовой переход вверх по долине привел нас в деревушку Кьеру. На такой высоте невозможно было заниматься земледелием, и деревня служила перевалочным пунктом для проходящих караванов. Здесь же стоял пограничный пост.

18 мая. Памятный день для всех участников экспедиции. Несмотря на холод, все поднялись до рассвета, и свет костров растопил густую темень. Мы оседлали лошадей, свернули палатки и завьючили мулов. Оставалось подать команду к выходу, однако было решено подождать с час. Наконец первые лучи солнца упали на снежные вершины, вздымавшиеся с обеих сторон Сэпо-ла²¹⁸, и караван покинул деревушку и начал восхождение. Подъем на перевал был довольно пологий, вскоре мы оказались у вершины (на высоте 16 970 футов). Здесь стояла каменная пирамида, обозначающая прохождение линии границы между Тибетом и Индией.

Прощай Тибет, страна ветров, ураганов и не очень гостеприимных правителей! Мы шли в сказочный Сикким с его рододендронами и

гималайским кедром. Долина сужалась, мы шли берегом небольшого озера, откуда брала начало река Лачэн. Неожиданно потянуло смолистым ароматом, однако нигде не было видно сосен. Тропа свернула в узкую долину реки Лачэн, и вдали показались горные склоны, залитые белой и розовой пеной цветущих кустарников.

Под вечер, наведя бинокли, мы различили заросли рододендронов прямо перед собой. Далеко внизу в ущелье, посреди которого бесновалась река, стояла деревушка, столь желанная после трехлетнего путешествия по пустынным районам Центральной Азии. Еще одна миля, и мы слезли с усталых лошадей. У входа в жилище нас ждал приветливый хозяин. Было как-то непривычно снова сидеть в комнатах, сбросив тулупы, сапоги и запыленные меховые шапки. Наши монгольские лошади, пугаясь тени деревьев, становились на дыбы, и их не сразу удалось завести в конюшню. Местные жители никогда не видели верблюдов и удивлялись, как можно ездить на таких животных. Из всего каравана только два верблюда дошли до Сиккима, а один из них, рослый черный красавец, покрыл расстояние более чем в пять тысяч миль.

19 мая. Нам пришлось долго дожидаться старейшины из Лачэна²¹⁹, который обещал привести вьючных мулов и верховых лошадей. Он прибыл в полдень и согласился сопровождать караван до Гангтока. После переговоров мы отдыхали в просторном бунгало.

20 мая. Наутро караван с грузами покинул Тангу, вслед за ним выехали и мы. Какое замечательное место долина Лачэна! Весна была в разгаре, мы с удовольствием ехали по лесу. В Лачэне нашу экспедицию очень приветливо встретила мадам Торнквист из финской миссии. С ее помощью мы достали немного продовольствия и настоящего сахара, которого были лишены очень долго. На другой день в очередном селении нам пришлось ночевать в палатках, так как местное бунгало смыла вышедшая из берегов река. Вообще в долине Лачэна постоянно следует быть начеку: здесь нередки оползни, обрушивающие целые пласты почвы.

24 мая мы прибыли в Гангток, а 26-го направились в Дарджилинг. Трое монголов, так преданно служивших экспедиции во время ее трудного путешествия по Тибету, собирались вернуться на свою родину, в Цайдам, через Лхасу.

В Дарджилинге экспедиция была официально расформирована, и ее участники возвратились домой, унося с собой воспоминания о могучих снежных хребтах, бурных горных реках и бескрайних пустынях.

Несмотря на все трудности и неблагоприятное для путешествия время года, экспедиция завершилась очень успешно, собрав уникальный материал о районах Центральной Азии.

Ю. Н. РЕРИХ

Вместо послесловия

Юрия Николаевича Рериха я знал очень мало, больше слышал о нем. Но несколько встреч с ним запомнились, и в этих встречах я полностью ощутил его необыкновенное воздействие на окружающих, силу его убедительного красноречия и огромность научных знаний, которыми он обладал и которые должны были поразить всякого, потому что мало кто с ним мог сравниться в этом.

В обычной комнатной обстановке он, при всей своей скромности, был необычным. Если бы он сидел не в европейском обыкновенном костюме, а в одеянии восточного мудреца, все приняли бы это за его естественную одежду. В нем жила мудрость Востока, которая невольно сквозила в его речах и жестах.

Беседы эти с очень ограниченным количеством собеседников были как раз обращены к высокогорным областям самой таинственной страны, так много говорившей нашему высокому гостю, — речь шла о Тибете.

Как ни странно, мы должны были, в силу одного задуманного предприятия, погрузиться в эти просторы, нам неизвестные. Однако само предприятие было реальным и участие в нем Юрия Николаевича, как советника, было неминуемо. Речь шла о восхождении на Эверест (Джомолунгму).

Кто, как не он, знал все маршруты высокогорного Тибета, трудности и особенности пребывания в этой стране, где он вместе с Николаем Константиновичем столько пережил и столько видел в своих путешествиях по местам, где не ступала нога европейца.

Слушать его рассказы о Тибете было удивительным удовольствием. Обладая знаниями, необыкновенными для обычного человека, он так искусно рисовал картины быта и природы этой загадочной страны, что вы видели и перевалы, заваленные снегом, где падают верблюды от переутомления и жажды, и пустыни, и скалы, на которых блистают сказочные изображения, и моления паломников в уедин-

ненных священных местах, в окруженных тишиной и тайной пещерах, и опасности пути, и коварство вождей горных племен, и многое такое, что переносило нас из XX века — века атомной и машинной цивилизации — к истокам древности, к пределам каких-то скрытых от нас знаний.

И вместе с тем, какая-то молодость мыслей, какая-то свежесть идей, какое-то всяние мира, влекущие человека на новые высоты просвещения и знания, нам несведомого, говорили о чем-то очень возвышенном, очень человеческом и нужном.

Перед нами вставали древние пути, которые с забытых времен вели путешественников к блистающим вековыми льдами высочайшим горным вершинам, мимо этих подножий надо было пройти к главной высоте — Эвересту, тогда еще никем не побежденному. Было это до восхождения, кстати с юга, Тенцинга и Хиллари; с севера еще никто не побеждал мирового исполина.

Юрий Николаевич был скромн, однако впечатление производил самое неотразимое. И когда позднее я познакомился с его биографией и частью его бесчисленных трудов, его образ поднялся до той высоты, на которой начинается высшее знание и нравственный характер человека является примером для всех держащих высший экзамен на высоте века.

Русский ученый-востоковед — индолог, монголовед, тибетолог, знаток многих языков, Юрий Николаевич Рерих, выдающийся советский ученый, представляет чудо нашего времени.

И то, что он проникал в эти великие области знания с мирной целью, и то, что его авторитет среди азиатских ученых так велик, как ни у кого из европейцев, — свидетельствует о том, что он нес священную миссию братства народов и мира между народами, способствуя их дружбе и взаимопониманию.

Таким я запомнил его и его рассказы о странностях и особенностях Тибета, они живут до сих пор во мне, и я с сердечной благодарностью храню их в своей памяти.

А то, что тогда наше восхождение на Эверест не состоялось по множеству причин, не ослабляет этого воспоминания, потому что мы видели большую высоту человеческого величия — величия знания и нравственного здоровья чудо-человека — Юрия Николаевича Рериха!

*Николай ТИХОНОВ,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии*

12 ноября 1972 г.

7 ноября 1977 г.

КОММЕНТАРИИ

¹ *Дарджилинг* — город в северной части штата Западная Бенгалия (Восточные Гималаи), расположен на высоте более 1800 м. Горный курорт и центр одного из основных чайных районов Индии.

² *Силигури* — город у подножия Гималаев, в штате Западная Бенгалия; стоит на дороге, ведущей к Дарджилингу.

³ *Хазарейцы* — народность, обитающая в основном в Северном Афганистане и Туркмении. Происхождение ирано-монгольское, язык — одно из восточноиранских наречий персидского языка, религия мусульманская.

⁴ *Патаны* — индийское название афганских племен, обитающих на территории современного Пакистана. Этот этноним — искаженная форма от *пахтун*, или *паш-тун*, — самоназвания афганцев.

⁵ *Сринагар (Шринагар)* — главный город штата (в прошлом княжества) Джамму и Кашмир на крайнем северо-западе Индии, расположен в котловине между Малыми и Большими Гималаями; в средневековье — летняя резиденция Великих Моголов. Начальный пункт путешествия Рерихов по Центральной Азии.

⁶ *Нанга-Парбат* — пик высотой 8114 м. в горном массиве на краю Больших Гималаев, обрывающихся к долине Инда. *Каракорум* — горная система, расположенная к юго-востоку от Памира, водораздел рек Инд и Тарим. Протяженность ее более 800 км, высшая точка — горный узел Годвин-Остен (ныне Чогори), достигающий высоты 8611 м над уровнем моря. Также перевал *Каракорум* (5575 м) через одноименный хребет — из долины реки Чапчак (бассейн Шайока) в долину реки Чобру. Переправившись через Чобру, экспедиция поднялась на перевал Сугет (5285 м) и спустилась в долину реки Каракаш, одного из истоков реки Хотан.

⁷ *Ладак*, или *Ладакх*, — хребет и историческая область в Западных Гималаях.

⁸ «*Яркендской или бадахшанской породы...*» *Яркенд* — город в провинции Синьцзян (Китай) на реке Яркенд, правом истоке реки Тарим. *Бадахшан* — горная область на Северо-Востоке Афганистана, занятая отрогами Гиндукуша; административный центр Файзабад; основное население — таджики.

⁹ «*Заскарские пони...*» *Заскар* — горный хребет в Северо-Западных Гималаях, на территории Индии и Китая. Протяженность около 600 км, высота до 7756 м.

¹⁰ *Стейн Аузел* (1862—1943) — крупный английский археолог и востоковед. В 1899—1901 гг. проводил археологические исследования в Восточном Туркестане, в 1906—1908 гг. — в Центральной Азии и Западном Китае; с 1910 г. находился на англо-индийской археологической службе. В 1913—1916 гг. вел археологические изыскания в Иране и Центральной Азии. Опубликовал ряд трудов, сохраняющих свое значение и поныне.

¹¹ «*Сады Нишада и Шалимара...*» *Нишад-багх* и *Шалимар-багх* — кашмирские сады Акбара (годы правления 1556—1605) и Джахангира (г. п. 1605—1627), сохранившиеся до сих пор.

¹² *Великие Моголы* — династия Бабуридов (1526—1858), основанная выходцем из Ферганы Бабуром, потомком Чингисхана и Тимура, завоевавшим Северную Индию в 1526 г. *Великие Моголы* по-индийски Могхулами. Третий Бабурид Джелал-эд-дин Мухаммед, прозванный Акбаром («Великим»), завоевал большую часть Индостана и создал мощную империю. Этот правитель вел большое строительство, стремился объединить индуистов и мусульман. Для могольских садов характерны правильная планировка и регулярная система орошения. При Акбаре начался последний расцвет индийской культуры феодальной эпохи. Его сын Джахангир и внук Шах Джахан (1628—1658) также были покровителями искусства.

¹³ *Гилгит* — река на северо-западе Кашмира, правый приток Инда; в районе города *Гилгита* образует Гилгитский оазис. По долине *Гилгита* пролегает древний караванный путь, связывающий Северо-Восток Афганистана с Индией и Пакистаном.

¹⁴ *Таримский бассейн* — бассейн реки Тарим (Яркенд) в провинции Синьцзян. Длина *Тарима* около 2200 км. До 1923 г. впадал в озеро Лобнор, позднее нижнее течение реки затерялось в песках.

¹⁵ *Бунгало* (д-к-бенгалу по-англо-инд.) — гостиница при почтовой станции, вообще гостиница.

¹⁶ *Зоджи* (*Соджи-ла*) — горный перевал на пути из кашмирского Сринагара в ладакский Лех через массив *Зоджи*. Высота перевала 3529 м.

¹⁷ *Лех* — главный город Ладака.

¹⁸ *Сонамарг* — одно из названий горного массива, простирающегося северо-восточнее города Сринагара.

¹⁹ *Балтал* — невысокий перевал и селение на пути из долины реки Синдху к одному из отрогов горного массива Зоджи.

²⁰ Мирза *Мухаммед Хайдар Доглат* (1499 или 1500—1551) — историк и государственный деятель Моголистана и Восточного Туркестана. В книге «Тарих-и Рашиди» описал историю ханов Моголистана и эмиров Кашгара.

²¹ *Франке О.* — сотрудник миссии Моравских братьев в Лехе. Один из лучших знатоков Западного Тибета и его древностей. Труды: История Западного Тибета. Лондон, 1907; Древности индийского Тибета, т. 1—2. Нью-Дели, 1926—1927.

²² *Мудрец Наропа* — ученик Тилопы, известный проповедник буддизма в Тибете (XIII в.).

²³ *Пашмина*... Кашмирские шали раньше ткались из особенно тонкой шерсти, из пуха тибетских коз, называемой *пашмина*.

²⁴ *Драс* — населенный пункт на реке Шунго. Расположен на пути из долины реки Синдху в долину реки Инд, за перевалом через горный массив Зоджи.

²⁵ *Дарды* — группа народностей индо-иранской языковой семьи, условно объединяемая по языковому признаку. Обитают в Кашмире, Северо-Восточном Афганистане и так называемом Дардистане (область на севере Индии и современного Пакистана). Ныне термин «дарды» считается устаревшим.

²⁶ *Балты* (*балтистанцы*), *ладакцы* и т. п. — собирательные этнонимы разноплеменного населения областей Балтистана, Ладака, бассейнов рек Шайок и Шигар.

²⁷ *Каннингем Александр* — известный английский археолог, автор книг (на англ. языке) «Ступа в Бхархуте» (Лондон, 1879), «Махабодхи, или великий буддийский храм в Бодхгайе» (Лондон, 1892) и других.

²⁸ *Бодхисаттва* — «тот, сущность которого знание». В позднем буддизме (течения махаяны — «великой колесницы») существа, ставшие в результате накопления неизмеримого объема добродетели потенциальными буддами. Достигнув порога нирваны (состояние освобожденности от цепи перевоплощений на основе прекращения действия кармы — закона причины и следствия), отказались вступить в нее ради достижения такого же состояния всеми людьми. Пребывая на небе, время от времени появляются на земле в качестве спасителей. Буддизм течения хиньяны («малой колесницы») признает лишь двух бодхисаттв — Сиддхартху Гаутаму (до того, как он стал Буддой — «Просветленным») и Майтрейю. В махаяне восемь главных бодхисаттв, и среди них Авалокитешвара («Господь, вззирающий с высоты»), якобы воплощающийся в каждом далай-ламе. Майтрея — бодхисаттва, который явится в ближайшем будущем, называется у буддистов грядущим Буддой, или Буддой грядущего мирового периода. Махаяна зародилась в первые века н. э., в кушанскую эпоху, когда в первоначальном буддизме произошел раскол.

²⁹ *Лэндон Персиваль* (1869—?) — специальный корреспондент журнала «Тайм», американский путешественник. Труды (на англ. языке): Лхаса, т. 1—2. Лондон, 1905; Непал, т. 1—2, Лондон, 1928; В Лхасе (Париж, 1906, на франц. яз.).

³⁰ *Мекка* — город на западе Саудовской Аравии, административный и торговый центр Хиджаса, родина пророка Мухаммеда, место паломничества мусульман. В *Мекке* находится древнейший храм Кааба, где хранится священный Черный камень — объект поклонения арабских племен Аравии с незапамятных времен. Ныне

Кааба — самая почитаемая мечеть мусульман-суннитов. Ислам («покорность») — религия, возникшая в Аравии в VII в. н. э. в период разложения родового строя у арабских племен. Ее основатель Мухаммед, или Магомет (570—632), происходивший из знатного рода корейшитов, но из обедневшей семьи, в молодости пас стада и служил в купеческих караванах. Стремясь объединить арабские племена и установить единобожие, уничтожил в Каабе родоплеменные идолы, кроме одного, называвшегося Аллаха, и сохранил Черный камень как общеарабскую святыню. Основал арабское государство в Аравии. Сам Мухаммед у мусульман (т. е. приверженцев ислама) считается пророком (посланником аллаха — единого безличного божества в исламе). После арабских завоеваний в VII—VIII вв. ислам распространился в странах Ближнего и Среднего Востока, став господствующей религией в арабском халифате (во главе которого стоял арабский правитель — халиф). Позже ислам проник в Южную и Юго-Восточную Азию и на Дальний Восток. В настоящее время ислам распадается на множество направлений, сект и толков, важнейшие среди которых сунниты и шииты, а также исмаилиты, ваххабиты, ассасины.

³¹ *Муркрофт Вильям* (около 1770—1825 или 1838) — английский исследователь Центральной Азии. В 1818 г. достиг священного озера Манасаровар в Гималаях и возвратился через Бутан в Калькутту. Во время второго путешествия, в 1819 г., открыл истоки Беаса и Ченаба, посетил Лех. Заключил торговый договор с правительством Ладака, открывший Центральную Азию для английской торговли. В 1822 г. *Муркрофт* достиг Кашмира, в 1825 г. — Кабула и Бухары. По другим сведениям, в 1826 г. прибыл в Лхасу, жил там 12 лет и был убит в 1838 г. при возвращении в Индию.

³² *Лама* — буддийский монах-ламаист в Тибете и Монголии. *Ламаизм* — тибето-монгольская форма северного буддизма (течение махаяны). Основатель ламаистской церкви и секты гелугпа («школа добродетели»), или «желтых колпаков» («желтой» секты в отличие от «красношапочной»), Цзонхапа (1357—1419) был знаменитым тибетским реформатором буддизма, автором многих буддийских сочинений. Главное из них — «Великий путь по ступеням мудрости» как бы подводило итог многовекового пути развития буддийского учения о достижении нирваны. На месте рождения Цзонхапы в области Амдо впоследствии был построен один из наиболее почитаемых ламаистами монастырей Гумбум. Свою проповедническую деятельность Цзонхапа начал в 1394 г; поселившись в окрестностях Лхасы.

³³ *Шакьямуни* — «мудрец из племени шакья», т. е. Будда. Вероятные годы жизни 563—483 до н. э. При рождении получил имя Сиддхартха, происходил из рода Готама (или Гаутама) племени шакья (сакья), центром расселения которых был город Капилавасту в Непале (саки — древние кочевые ираноязычные племена, родственные скифам). Стал именоваться Буддой («Просветленным») после того, как, по преданию, его озарила истина. Это произошло в Бодх-Гайе, когда Готама предавался размышлениям под деревом пиппалом, переименованным буддистами в дерево бодхи («познания»). Позднее на этом месте царь Ашока (268—232 гг. до н. э.) возложил каменную плиту с надписью, сохранившуюся до наших дней. На месте легендарного дерева давно уже посажен другой пиппал, рядом с которым возвышается огромный башнеподобный храм Махабодхи («Великого просветления»), построенный в V—VI вв. н. э. над основанным Ашокой храмом. Место паломничества буддистов и индуистов.

³⁴ *Падмасамбхава* («Рожденный из лотоса») — известный в Тибете йог, выходец из Индии, проповедовавший в Тибете и Гималаях во второй половине VIII — начале IX в. учение тантризма. Основатель секты «красных шапок», некогда господствовавшей в тибетском буддизме.

³⁵ *Спасительница Тара* (очевидно, подразумевается *Белая Тара*) считается женской бодхисаттвой в махаяне и главной богиней в северном буддизме; Великая Мать, милосердная покровительница человечества, супруга (шакти) бодхисаттвы Авалокитешвары.

³⁶ *Монастырь Хеми* — ламаистский монастырь в окрестностях города Леха.

³⁷ *Таши-лама*, или *панчен-лама*, — второй после далай-ламы иерарх ламаистской церкви и правитель одной из провинций Тибета. Считается земным представи-

телем небесного будды Амитабы, или Амитабхи, его воплощением (и потому по духовному рангу выше далай-ламы). Обычно жил в монастыре Ташилхунпо (Шигацзе), почему и назывался Ташин-лама. Настоящий же титул его панчен-ринпоче («ученый — великая драгоценность»).

³⁸ *Далай-лама* (тиб. «океан-лама», в значении «всеобъемлющий») — теократический правитель Тибета и глава ламанской церкви начиная с XVII в. Считается воплощением буддизма Авалокитешвары. Жил в Лхасе, во дворце Потала. В 1904 г. далай-лама XIII (1876—1933) в связи с вторжением английских войск в Тибет бежал в Монголию, а в 1911 г., когда китайцы оккупировали Тибет, — в Индию. В 20-е годы придерживался проанглийской ориентации. Далай-лама XIV (г. р. 1935) в 1959 г., когда в Тибете вспыхнуло антикитайское восстание, эмигрировал в Индию, где и проживает ныне.

³⁹ *Праджняпарамита* — учение о высшем знании; буддийская богиня мудрости. *Юм* — мать (тиб.).

⁴⁰ *Ламаюра* — тибетский монастырь в долине Верхнего Инда, один из центров секты «красных шапок». Поскольку тантрийской обрядности близки многие ритуалы религии бон, Ламаюра служила прибежищем и для приверженцев этой древней религии Тибета.

⁴¹ *Бригунпа* — секта, центром которой является монастырь Бригун.

⁴² *Бон* (*бон-по*) — добуддийская религия Тибета, местами сохранившаяся доныне, особенно в Восточном Тибете, так называемая «черная вера». Для нее характерны поклонение природе (горам, озерам), вера в духов, магические обряды, культ предков и домашних божеств. В более позднее время «черная вера» испытала известное воздействие ламанизма. *Бон-по* называют «черной верой» в отличие от «желтой» (ламанизма) и «белой» (христианства).

⁴³ *Ганчжур* и *Данчжур*... *Ганчжур* — собрание священных текстов буддистов, состоящее из 108 томов. *Данчжур*, в состав которого входят 225 томов, содержит сутры, комментарии, грамматички и другие сочинения.

⁴⁴ *Кхарошхи* — индо-бактрийское слоговое письмо, сложившееся на основе арамейской письменности. Читалось справа налево, позже — наоборот. Известная древнейшая надпись — эдикт императора Ашоки, около 251 г. до н. э. *Брахми* по одной версии связано с письменностью цивилизации Хараппы, по другой — арамейского происхождения, как и *кхарошхи*.

⁴⁵ *Дворец Потала в Лхасе* — резиденция далай-ламы, дворец-крепость на холме Марбо-ри. Замечательный памятник тибетской архитектуры XVII в., один из шедевров мирового зодчества.

⁴⁶ *Дугкар*, или *Дуккар* («Мать Мира»), — богиня плодородия добуддийского происхождения (эпоха матриархата), покровительница человечества, божество, вошедшее в буддийский пантеон в Ладаке.

⁴⁷ *Индо-персидский стиль живописи* — старинное название могольской миниатюры, сложившейся в 1570—1580 гг. в Северной Индии при дворе падишаха Великого Могола Акбара (г. п. 1556—1605). В царствование Аурангзеба (1659—1707) начался упадок этой художественной школы; изжила себя окончательно во второй половине XVIII в. Один из ее источников — миниатюра Ирана (персидской и азербайджанской школ), почему и называлась индо-персидской. В целом могольский стиль отличался своеобразием.

⁴⁸ *«Дом Гэсэра...» Гэсэр-хан* — легендарный монгольский хан, правивший в XI в. В преданиях Центральной Азии известен как народный герой, борец за свободу и счастливое будущее человечества. *Гэсэриада* — гигантская эпопея, тибетская версия которой состоит из 16 томов. Монгольская версия переведена на русский язык и издана в 1935 г. С. А. Козиным.

⁴⁹ *Локапалы* — хранители четырех сторон света Вайшравана, Дхритараштра, Вирудхака, Вирупакша.

Дхармапала (дармапала) — защитник или хранитель закона, веры, борец со злом. В северном буддизме помимо земных будд (из которых последним был Будда Шакьямуни, живший около 563—483 гг. до н. э.) признается еще и существование небесных будд. Это будды созерцания, пребывающие в высшем ми-

ре: Амитабха — Будда Западного рая, белый Вайрочана, синий Акшобхья и другие.
⁵⁰ *Маньчжури* («Очаровательное счастье») — ламаистский бодхисаттва, почитается как божество знания и мудрости. По преданию, проповедовал в Непале, где основал монастырь Манджупатана. *Маньчжури* вошел в пантеон махаяны, по видимому, в IV в. н. э.

⁵¹ *Миларайба*, или *Миларепа* (1040—1123), — буддийский поэт-отшельник, автор сборника гимнов и песен о своей скитальческой жизни. Отвергал схоластику буддийских философских школ и выше всего ставил самосозерцание и экстаз.

⁵² *Несториане* — христиане, последователи *несторианства* — течения в христианстве, возникшего в Византии в V в. Основатель его — *Несторий*, патриарх Константинополя (428—431), бывший прежде священником в Антиохии (Сирия). *Несториане* отрицали понятие «Христа-богочеловека», т. е. единство человеческого и божественного в Христе, проповедуемое ортодоксальной церковью. По *Несторию* Иисус был рожден девой Марией, но возвысился своими добродетелями до состояния посланца бога (мессии). Поэтому в Иисусе Христе человеческое и божественное находятся лишь в относительном единстве. Особенно большое влияние *несторианства* наблюдалось в Сирии. На III вселенском соборе в Эфесе в 431 г. *несторианство* было объявлено ересью. *Несторий* был сослан, его последователи бежали в Иран, Среднюю Азию и Китай. Гонимое в «христианских» странах, *несторианство* широко распространилось в Азии. Общины *несториан* и поныне существуют в Иране, Ираке, Сирии и на Малабарском берегу (Индия).

⁵³ *Наваб* (от араб. *нуваб*) — наместник провинции в Индии (XVII в.).

⁵⁴ «*Долихоцефалы, брахицефалы...*» У *долихоцефала* (греч. «длинноголовый») ширина головы меньше 0,75 ее длины; у *брахицефала* («короткоголовый») ширина черепа больше 0,8 его длины.

⁵⁵ *Караванбаши* — предводитель каравана.

⁵⁶ «*Восемь счастливых знаков буддийского орнамента...*» Если здесь подразумеваются восемь главных символов буддизма, то это: чакра, или «колесо закона», балдахин, зонтик, «нить счастья», лотос, сосуд с амритой, раковина и парные рыбы. В ламаизме «счастливые знаки» группируются вокруг оленя, затем следует лошадь, несущая священный камень, и т. д.

⁵⁷ *Санджу-даван* и *Сугет-даван* — высокогорные (свыше 5000 м) перевалы через северные отроги Каракорума, на пути в долину Хотана.

⁵⁸ *Чортен* — тибетское название ступы (буддийского памятника, имеющего погребальное, мемориальное и символическое значение). Первые ступы появились в Индии как священные хранилища останков Будды. Имели вид массивной полусферы, сложенной из кирпича. Постройки такого типа ступы известны также на Шри Ланке, в Бирме, Индонезии, Монголии и в Средней Азии.

⁵⁹ *Аксакал* — в родовом обществе старшина рода, вообще почтенный, уважаемый человек, также представитель местной власти, выборный глава селения. Этот термин широко распространен у народов Средней Азии и на Ближнем Востоке.

⁶⁰⁻⁶¹ *Даруга* (монг.), или *дарга*, — правитель вообще. В Средней Азии и на Руси во времена монгольского владычества *даругами* называли чиновников Золотой Орды.

⁶² *Даотай* — чиновник для особых поручений в старом Китае.

⁶³ *Ямынь* — здесь канцелярия уездного начальника. Общее название государственных и общественных учреждений разных категорий.

⁶⁴ *Лекок Л.* — немецкий археолог, возглавлял вторую (1904—1905), третью (1906—1907) и четвертую (1907) немецкие экспедиции в Центральную Азию, самостоятельно и совместно с искусствоведом А. Грюнведем изучал памятники района от Турфана до Хами, а также в Кучаре, Карашаре, Комуле, Кокьяре, Хочжу и Маралбаши; занимался также исследованием значения античного наследия в развитии центральноазиатского искусства.

⁶⁵ *Дуньхуан* — древний город в западной части китайской провинции Ганьсу; в I тысячелетии н. э. был важным пунктом на Великом шелковом пути. В 14 км от города расположен буддийский пещерный монастырь Цяньфодун («Пещера 1000

будд») IV в. н. э., состоящий примерно из 480 пещер, в которых сосредоточено множество скульптур и росписей IV—XIV вв. В последних заметно влияние живописи Синьцзяна, впитавшей в себя элементы искусства Индии, Гандхары и Ирана. Воздействие индийского искусства усиливается в VIII в., когда *Дуньхуан* перешел в руки тибетцев. В 873 г. монастырем овладели уйгуры, тоже оказавшие влияние на его живопись. А. Стейн, в 1899 г. исследовавший Цяньфодун, в одной из пещер нашел более 20 тысяч рукописей на языках Китая, Индии, Средней и Передней Азии и около 150 свитков с буддийской иконографией. Многие из них он вывез и передал в Британский музей. В 1914 г. *Дуньхуан* обследовал академик С. Ф. Ольденбург.

⁶⁶ *Аксу* — приток реки Тарим, также оазис и город на этой реке.

⁶⁷ *Синин* — город в центральной части Китая, административный центр провинции Цинхай. Узел караванных путей.

⁶⁸ *«Ильханы и кара-китай...»* *Ильхан* — титул монгольских ханов династии Хулагидов, правившей в XIII—XIX вв. на Ближнем Востоке и в Месопотамии. *Кара-китай* — кочевые племена монголоязычных киданей.

⁶⁹ *Ойраты* — монголы, в XVII—XVIII вв. входившие в объединение западно-монгольских племен (дэрбэтов, бантов, торгоутов, хошутов и др.). В XVII в. одна часть ойратов откочевала в район озера Кукунор, другая — в Россию, где стала именоваться калмыками, третья часть образовала Ойратское ханство, около столетия боровшееся против экспансии маньчжуров.

⁷⁰ *Якуб-бек* (1820—1877) — выходец из Коканда, предводитель антикитайского восстания мусульманского населения Кашгара в 60-х годах XIX в. Основал государство Джетышаар, или Йэттишар, подчинил вновь образованное Дунганское ханство. Придерживался проанглийской ориентации.

⁷¹ *Карашар* — оазис и населенный пункт на северо-восточной окраине пустыни Такла-Макан, у подножия Тянь-Шаня.

⁷² *Марко Поло* (1254—1324) — знаменитый итальянский путешественник XIII в., давший описание Центральной Азии и Китая.

⁷³ *Ганьсу* — провинция Северо-Западного Китая, граничащая с Северо-Восточным Тибетом. Населена китайцами, дунганцами и монголами. Дунгане — распространенное в русской литературе наименование народности, исповедующей ислам и расселенной в Северо-Западном Китае.

⁷⁴ *Хунну*, или *сюнну*, — кочевые монголоязычные племена, вытесненные во II в. н. э. из Центральной Азии в Приуралье. Совместно с местными уграми и сарматами во II—IV вв. образовали племенной союз гуннов, распавшийся после смерти Аттилы (453).

⁷⁵ *Маршал Фэн Юйсян* (1882—1948) — китайский политический и военный деятель. Порвав с группировкой Чжан Цзолина, вступил в гоминьдан, в 1925—1926 гг. сражался против мукденских милитаристов. В 1927 г. примкнул к Чан Кайши, но в 1937 г. выступил за блок с коммунистами. В 1946 г. порвал с Чан Кайши.

⁷⁶ *Пелльо Поль* (1878—1945) — выдающийся французский востоковед, автор трехтомного описания Дуньхуана (Париж, 1914—1920).

⁷⁷ *Левин Сильвен* (1863—1935) — французский индолог, исследователь истории буддизма, древнеиндийской литературы и театра. В 1897—1898 гг. посетил Индию и Японию. В 1921—1923 гг. совершил путешествие по СССР, Индии, Индокитаю, Японии, Корее. Изучал тохарский язык. В работах С. Левина содержится богатый фактический материал.

⁷⁸ *«Клеменц и Березовский...»* *Клеменц Дмитрий Александрович* (1848—1914) — народник, член «Земли и воли», этнограф и археолог. В 1881 г. был выслан в Восточную Сибирь. Начал научную деятельность в Минусинске. Экспедиции Клеменца в Кузнецкий Алатау, Саяны, Урянхайский край, Монголию и Турфан существенно обогатили науку. Один из организаторов этнографического отдела Русского музея. *Березовский Феоктист Алексеевич* (1877—1952) — русский советский писатель, член КПСС с 1904 г. В 1908 г. был сослан в Сибирь. Автор повести «Мать» (1923), романа «Бабы тропы» (1928) и др. Один из организаторов журнала «Сибирские огни».

⁷⁹ *Грюневельд Альберт* (1856—?) — немецкий востоковед. В 1893 г. издал в Германии монографию «Буддийское искусство в Индии». Участвовал в двух первых

(1902 и 1904 гг.) немецких экспедициях в Восточный Туркестан, опубликовал отчеты о них с ценными сведениями.

⁸⁰ *Греко-буддийская*, или *Гандхарская*, школа искусства образовалась на территории древней Гандхары, в которую кроме Северо-Западной Индии частично входил и Афганистан. Наибольшего расцвета гандхарское искусство достигло при кушанах (ок. 20—225 гг. н. э.), эпоха которых представлена множеством памятников буддийской архитектуры (ступы, монастыри) и скульптуры. Творцами искусства Гандхары являлись местные греки и отчасти их индийские ученики, а также приглашенные из греческой Малой Азии скульпторы.

⁸¹ *Окс* — древнее название реки Амударьи. То же Вахш.

⁸² *Торгоуты* — группа западномонгольских племен, кочевавших в Джунгарии.

⁸³ *Хошуты* — западномонгольские племена, обосновавшиеся в Северном Тибете.

⁸⁴ *Шигаце* — крепость вблизи монастыря Ташилхунпо, находится в верхнем течении реки Брахмапутры, юго-восточнее Лхасы.

⁸⁵ *Дас Сарат Чандра Рай Бахадур* — известный индийский исследователь Тибета. В 1879 и 1881 гг. посетил Ташилхунпо и Лхасу. В 1884 г. сопровождал Колмана Маколева в долину Лачена и Сикким, а в 1885 г. — в Пекин. В 1892 г. основал Общество по изучению буддийских текстов. Опубликовал «Повесть о путешествии в Лхасу» и «Повесть о путешествии вокруг озера Палти (Ямдок) и в Лхокха, Ярлунг и Сакья»; в 1902 г. Королевское географическое общество завершило издание его тибетско-английского словаря.

⁸⁶ *Галдан* — монастырь в 30 км к востоку от Лхасы, основанный в 1409 г. Цзонхапой.

⁸⁷ *Лхаса* (тиб. «божественное место») — административный, экономический и культурный центр Тибетского автономного района КНР. Расположена на высоте 3650 м, в долине реки Джичу — притока Брахмапутры. Стала столицей при царе Сонгцэн Гампо (617—649), создателе тибетского государства. Развитие Лхасы как религиозного и политического центра Тибета связано с деятельностью ламаистской секты гелугпа («желтошапочников») в XV—XVII вв. Вблизи Лхасы находятся три монастыря, основанных Цзонхапой.

⁸⁸ *Богдо-Ола* — гора к югу от Урумчи. *Урумчи* — главный город Синьцзяна. Расположен в предгорьях Тянь-Шаня, на торговом пути Хами—Шихо—Чугучак и Хами—Шихо—Хоргос, являющемся продолжением большой караванной дороги Хами—Ланьчжоу. Крупнейший торговый центр Синьцзяна. Население: дунганы, уйгуры, киргизы, маньчжуры, китайцы. Китайское название Дихуа («Приобщение к цивилизации») дано маньчжурами, в 1757 г. поработившими Джунгарию.

⁸⁹ *Грум-Гржимайло Григорий Ефимович* (1860—1936) — один из крупнейших русских исследователей Средней и Центральной Азии, географ и зоолог. В 1884—1890 гг. исследовал Тянь-Шань, Памир и Западный Китай. Автор капитальных трудов о Западном Китае, Западной Монголии, Урянхайском крае и Амурской области.

⁹⁰ *Синьсинься (Шиншинся)* — населенный пункт на пути из Хами в Ганьсу.

⁹¹ *Лавран*, или *Лабран*, — влиятельный ламаистский монастырь, основанный в начале XVIII в. Находится в двух днях пути от Гумбума.

⁹² *Фильхнер Вильгельм* (1877—1957) — немецкий геофизик. В 1926—1928 гг. работал в Китае и Тибете, в 1935—1937 гг. — в Тибете, в 1939 г. — Непале. Результаты своих исследований опубликовал в ряде капитальных трудов. Писал также о культуре народов Центральной Азии.

⁹³ *Озеро Зайсан* — проточное озеро в верховьях Иртыша, на востоке Казахской ССР, занимает наиболее низменные части Зайсанской котловины, расположенной между горами Тарбагатай и Саура с юга и хребтами Алтая с севера.

⁹⁴ *Хутухта* («святой») — высший ранг ламы у монголов, также титул высших иерархов монгольской ламаистской церкви.

⁹⁵ *Богдо-гэгэн* (монг. «августейший свет») — титул главы ламаистской церкви в Монголии. Первым богдо-гэгэном в 1641 г. был провозглашен Ундэр-гэгэн (1635—1724). В период автономии Внешней Монголии (1911—1919) последний, восьмой богдо-гэгэн Джэбдзун-Дамба-хутухта (1870—1924) стал ее теократическим правителем. После монгольской народной революции 1921 г. решающую роль играло

народное правительство. В 1924 г., после смерти богдо-гэгэна, Монголия была провозглашена Монгольской Народной Республикой.

⁹⁶ *Козлов Петр Кузьмич* (1863—1935) — выдающийся русский и советский исследователь Центральной Азии. Участвовал в путешествиях Н. М. Пржевальского и М. В. Певцова. С 1899 г. руководил рядом экспедиций (Монголо-Тибетской и др.) в Центральной Азии. В 1908—1909 гг. открыл в Центральной Монголии развалины города Хара-Хото — одного из крупных культурных центров тангутского государства Си Ся, вывез в Петербург собрание рукописей и книг, насчитывающее 2000 экземпляров, статуи, предметы быта. Им также открыты 212 гуннских могильников в горах Ноён-Улы (Монголия). См.: П. К. Козлов. Монголия и Кам. М., 1947; его же. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М., 1947; его же. По Монголии и Тибету. М., 1956.

⁹⁷ *Цанит (цаннид)* — «учение» или «сущность мудрости» (от «цана» (тиб.) — «мудрость» и «нит» — «сущность») — высшие школы изучения буддизма в больших монастырях. Ламы *цанита* занимаются исключительно изучением высшей догматики махаяны.

⁹⁸ *Гумбум* — крупный ламаистский монастырь, сооружен на месте, где, по преданию, родился реформатор буддизма Цзонхапа (область Амдо, юго-восточнее озера Кукунор).

⁹⁹ *Трипитака* (санскр. «Три корзины», или «Три сосуда») — общее название буддийской канонической литературы, состоящей из трех частей: 1) *Виная-питака* — о правилах приема в буддийские монастыри и нормах поведения монахов; 2) *Сутта-питака* — изложение буддийского религиозного учения в форме изречений и притч Будды и 3) *Абхидхамма-питака* — изложение в форме вопросов и ответов сущности буддийской философии.

¹⁰⁰ См. прим. 45.

¹⁰¹ *Уласутай* — город в центральной части аймака Дзабхан; центр антикитайского восстания монголов в 1899—1901 г.

¹⁰² *Кобдо (Джаргалант)* — город на западе Монгольской Народной Республики, на реке Буянт-Гол, близ озера Хара-Ус-Нур, административный центр Кобдоского аймака. Крупный транспортный узел и важный торговый пункт в годы путешествия Рерихов. Возник на месте крепости, основанной в 1731 г. Состоял из Сангийн-Хото («Каменного города») и торговой слободы, где теперь строится современный город. Река *Кобдо*, протекающая на западе Монгольской Народной Республики, — самая большая в Монгольском Алтае, ее длина 516 км. Зарождаясь на южных склонах массива Табын-Богдо-Ола, протекает через Кобдоские озера и впадает в озеро Хара-Ус-Нур. *Калган* — город в провинции Хэбэй (Китай).

¹⁰³ *Донир* — посол тибетского правительства в Монголию.

¹⁰⁴ *Долоннор (Долунь)* — город в Северном Китае, транзитный торговый пункт на путях между Монгольской Народной Республикой и районами Китая.

¹⁰⁵ *Идам* (тиб. *йи-дам*) — главное божество-хранитель. Первый из идамов — Адибудда, эманулирующий из себя пять дхиани-будд («будд созерцания»): Вайрочану, Акшобхью, Ратнасамбхаву, Амитабху и Амогхасиддху.

¹⁰⁶ *Майдари* — монгольское имя Майтрейи.

¹⁰⁷ *Галько-Гринцевич Юрий Дмитриевич* — русский исследователь Забайкалья; в 90-х годах XIX в. изучал гуннские погребения. См.: Материалы к антропологии и этнографии Центральной Азии, вып. 1. Ленинград, 1926.

¹⁰⁸ *Чжоу и Хань* — китайские императорские династии, правившие: Чжоу с 1027 по 249 г. до н. э., Хань — с 206 г. до н. э. по 189 г. н. э. Первая, или Западная, Хань правила с 206 г. до н. э. по 9 г. н. э. Вторая, или Восточная, Хань — с 25 по 189 г. н. э.

¹⁰⁹ *«Звериный стиль»* — условное название стилизованных изображений зверей, встречающихся на изделиях из металла, кости, дерева, кожи, войлока. Искусство *«звериного стиля»* связано с культурой скифов (I тыс. до н. э.).

¹¹⁰ *Ундар-гэгэн*, он же *Джэбдзун-Дамба-хутухта* — крупнейший монгольский феодал, с конца XVII в. глава ламаистской церкви Монголии, в период экспансии Цинов в Северную Монголию перешел на сторону маньчжурского императора Канси

(1654—1722). Под именем Дзанабазар известен как выдающийся монгольский скульптор конца XVII — начала XVIII в.

¹¹¹ *Тантра* — в общем смысле текст с описанием основ той или иной индуистской культовой практики. Тантризм — «Пятая веда», как его называют последователи, специфическая суть индуизма в его йогических методах достижения высшего сознания, основанных на учении о «шакти» — творческой энергии мира и человека. *Тантризм* является крайней формой секты шактизма, развившегося в шивантском индуизме. Олицетворением шакти в мировом масштабе считается Дэви — супруга божества Шивы. В *тантрах* содержатся диалоги Шивы и Дэви.

В данном случае Ю. Н. Рерих рассматривает *тантризм* как одну из главнейших основ тибетского ламаизма. Сущность его состоит в том, что человек (микрокосм) — копия вселенной (макрокосма), что обуславливает их тесную связь. В тантрической практике применяются медитация, наука о дыхании, священные «мантры» (заклинательные формулы) и «янтры» — мистические символы божества (диаграммы), связывающие макрокосм вселенной с микрокосмом человека. Утверждение *тантризма* в Тибете приписывается Падмасамбхаве.

¹¹² Здесь имеется в виду *мандала* — вписанное в круг изображение вселенной, соответствующее доктрине буддийского тантризма.

¹¹³ *Шамбала* (тиб. *Шам-бха-ла*) — сокровенное учение буддистов Монголии и Тибета о *Шамбале* и ее роли; в центральноазиатской махаяне имеет двойное значение: в символическом смысле это олицетворение времен грядущей правды, победы над злом, человеческого совершенства, век истины и единства человечества, господства истинного учения Будды, век Майтрейи. В конкретном смысле *Шамбала* — потаенное место пребывания в Центральной Азии общины великих «держателей» и «носителей» мира — владыки и его сподвижников махатм.

¹¹⁴ *Ригдан Джэбо (Джапо)* («Красный всадник») — по представлениям ламанстов, 25-й будущий владыка Шамбалы, предводитель буддистов в «северной войне Шамбалы» с неверными и отступниками. Пророчество о начале этой войны связывается с приходом Майтрейи.

¹¹⁵ *Атиша* (980—1054) — индийский проповедник махаяны в Тибете, основатель секты кадампа. Центральная фигура тибетского буддизма XI в., аскет, философ, тантрист, реформатор монастырских уставов. Он же Дипанкра Шриджяна. *Бромтон* (1008—1064) — ученик *Атиши*, основатель монастыря Радэн.

¹¹⁶ *Падмапани* — «Несущий лотос».

Падма на санскрите — лотос.

¹¹⁷ *Сичуань* — провинция в центральной части Китая, на реке Янцзыцзян; административный центр Чунцин.

¹¹⁸ *Пржевальский Николай Михайлович* (1839—1888) — выдающийся русский путешественник и географ, исследователь Центральной Азии. Совершил путешествия в Уссурийский край (1867—1869), Монголию (1870—1873), в Кашгарию (Южный Синьцзян) (1879—1880) в Тибет к истокам реки Хуанхэ и в Кашгарию (1883—1885). Заснял на карту более 30 000 км пути, открыл ряд горных хребтов, озер (Лобнор и др.). Собрал обширные коллекции растений и животных и сведения о населении Центральной Азии. Автор ряда классических трудов о своих путешествиях. См.: Н. М. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае. М., 1947; его же. Монголия и страна тангутов. М., 1946; его же. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор. М., 1947; его же. Из Сайана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. М., 1948; его же. От Кяхты на истоки Желтой реки. М., 1948.

¹¹⁹ *Юм-бэйсэ* — монастырь, ныне населенный пункт на Юго-Западе Монгольской Народной Республики (на северном склоне Гобийского Алтая).

¹²⁰ *Потанин Григорий Николаевич* (1835—1920) — русский путешественник, исследователь Центральной Азии. В 1876—1899 гг. совершил ряд экспедиций в Китай и Монголию, собрал ценнейший этнографический, а также географический и ботанический материал. Известен также как публицист и общественный деятель. См.: Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. 1—4. СПб., 1881—1883; его же. Путешествия по Монголии. М., 1948; его же. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М., 1950.

¹²¹ *Портнягин Павел Константинович* — врач, участник экспедиции.

¹²² Осенью 1926 г., по приезде в Улан-Батор, Рерихи познакомились с сестрами-казаками Людмилой и Раей Богдановыми и приняли их в экспедицию. Впоследствии Людмила Михайловна и Иранда Михайловна Богдановы стали полноправными членами этой замечательной семьи. В письме Ф. Д. Лукину от 19 июня 1933 г. Е. И. Рерих писала: «...Я не была единственной женщиной, участвовавшей в экспедиции. С нами были две молоденькие казачки-сибирячки Людмила и Рая Богдановы, которые действительно оправдали свою фамилию, ибо явились не только незаменимыми помощницами, но и истинными сотрудницами, и сейчас они живут, как члены нашей семьи, в нашем трудовом ашраме (т. е. общине. — С. Т.)».

В 1957 г. вместе с Ю. Н. Рерихом сестры вернулись в СССР. С 1963 г. И. М. Богданова-Рерих заведует на общественных началах мемориальной квартирой-музеем Ю. Н. Рериха в Москве.

¹²³ *Лихтман Морис и Лихтман Зинаида* (ныне *Фосдик*) — друзья и сотрудники Н. К. Рериха по Музею и Институту Рериха в Нью-Йорке, с которыми Н. К. вел переписку во время путешествия. Участвовали в экспедиции на Алтай.

¹²⁴ *Хадак (хатык)* — «плат счастья» или шарф, вручавшийся уважаемым лицам.

¹²⁵ *Позднеев Александр Матвеевич* (1851—1920) — русский маньчжурист и монголовед. В 1883 г. издал монографию «Монгольская летопись Эрдэни Эрихэ». В 1899—1904 гг. профессор и директор Восточного института во Владивостоке. В 1876—1878 гг. и в 1892—1893 гг. путешествовал по Монголии. Его фундаментальный труд «Монголия и монголы» (т. 1—2, 1896—1898) сыграл большую роль в становлении отечественного монголоведения.

¹²⁶ «*Люди хор*» (тибетск. *хор-па*) — обитатели области Хор, расположенной к северу от водораздела Янцзы и Хуанхэ. Старинное название ее Амдо. В этногенезе *хорпов* принимали участие как монгольские, так и тюркские племена.

¹²⁷ *Джа-лама*, или *Дже-лама*, — буддийский монах Джамби-Джамцан Амурсан-ев, калмык по происхождению. Во время событий 1911—1912 гг. в Монголии участвовал в осаде города Кобдо. В начале 20-х годов собрал разбойничью шайку, грабившую население Западной Монголии. Убит в 1922 г.

¹²⁸ «*Колесо закона*» и *два оленя* — символы первой проповеди Будды в Оленьем парке.

¹²⁹ *Хошун* — монгольская территориально-административная единица в прошлом, также отряд воинов из определенного *хошуна*.

¹³⁰ В 1904 г. далай-лама бежал в Монголию в связи с вторжением в Тибет английского военного отряда и попыткой подчинить страну Британской империи.

¹³¹ *Эндрюс Рой Чэпмен* — американский исследователь и путешественник. С 1935 по 1941 г. директор Музея естественной истории. Участвовал в экспедициях на Аляску (1908), в Нидерландскую Восточную Индию (1909—1910) и в Северную Корею (1911—1912), снова на Аляску (1913). После 1914 г. специализировался на исследовании Центральной Азии. В 1917—1930 гг. участвовал в экспедициях в Юго-Западный и Северный Китай, Тибет, Бирму и в Монголию. Автор книг «Через Монгольские равнины» (1921), «По следам древнего человека» (1926), «Новое покорение Центральной Азии» (1932) и других.

¹³² *Каррутерс Дуглас* — английский исследователь Центральной Азии, автор книги «За Каспием. Натуралист в Центральной Азии» (Лондон, 1949).

¹³³ *Амурсана* — князь независимого Ойратского ханства. Возглавлял вместе с халхаским князем Чингуиновым антиманьчжурское освободительное движение. Напеся в 1756—1760 гг. удар по ойратам, маньчжуры уничтожили более полумиллиона западных монголов. Амурсана бежал в Россию, где и умер.

См.: В. С. Кузнецов. Амурсана. Новосибирск, 1980.

¹³⁴ *Оссендовский Фердинанд Антони* (1876—1940) — польский путешественник и писатель. Несколько лет прожил в Восточной Сибири. В годы гражданской войны в Монголии занимал реакционные позиции.

¹³⁵ *Голоки* — непрочные объединения монголо-тибетских родов на Северо-Востоке Тибета.

¹³⁶ *Цайдам* — обширная полупустынная котловина в провинции Цинхай (Китай), расположенная между главным хребтом Куньлуня на юге и горами Наньшаня и Алтынтага на севере на высоте 2700 м.

¹³⁷ *Панага* — один из родов, входящих в объединение голоков.

¹³⁸ *Руднев Андрей Дмитриевич* (1878—1958) — русский монголовед, первый учитель Ю. Н. Рериха.

¹³⁹ *Цыби́ков (Цыби́ков) Гонбо́чжа́й (Гомбо́чжа́й) Цэ́би́кович* (1873—1930) — бурят по национальности, этнограф и языковед. В 1899 г. окончил Восточный факультет Петербургского университета. В 1900—1901 гг. исследовал Тибет (по заданию Русского Географического общества) под видом паломника. В его книге «Буддист-паломник у святых Тибета» (1919 г.) всесторонне описана жизнь тибетцев. Принес около 300 тибетских книг. Автор работ по монгольской и тибетской филологии. Перевел на бурятский язык некоторые статьи и речи В. И. Ленина.

См.: Г. Ц. Цыби́ков. Избранные труды, т. 1—2. Новосибирск, 1981.

¹⁴⁰ *Кардашевский Н. В.* — участник экспедиции Н. К. Рериха.

¹⁴¹ *Юань Шикай* (1859—1916) — реакционный китайский политический деятель. После свержения маньчжурской династии стал президентом Китая. В дальнейшем установил режим военной диктатуры.

¹⁴² *Хребет Риттера*, или *Дакэн-Дабан*, — горный хребет в Китае, в западной части Наньшаня, провинция Цинхай. Протяженность 200 км, высота до 5926 м. В центральной части покрыт ледниками. Из европейцев первым *Дакэн-Дабан* в 1879 г. исследовал Н. М. Пржевальский, назвавший его в честь немецкого географа К. Риттера.

¹⁴³ *Нирба* — казначей.

¹⁴⁴ *Кулан* (кирг.) — однокопытное животное из семейства лошадиных, по-тибетски — кианг.

¹⁴⁵ *Амдо* — старинное название обширного района на Северо-Востоке Тибета, один из культурных центров Тибета и Монголии эпохи средневековья. Узел важных путей торговли и паломничества. Горная страна, лежащая на высоте от 3,5 тыс. до 5 тыс. м над уровнем моря.

¹⁴⁶ *Рокхилл Вильям Вудвил* (1854—1915) — американский дипломат и путешественник. С 1884 г. на дипломатической службе в Пекине и Корее. В период с 1888 по 1892 г. побывал в Китае, Монголии и Тибете. В 1905 г. — посланник в Китае. Автор книг «Путешествие Вильяма Рубрука» (Лондон, 1900), «Страна лам. Заметки о путешествии через Китай, Монголию и Тибет» (Лондон, 1891).

¹⁴⁷ *Улан-Мурэн* — верхнее течение р. Янцзы. *Нейжи, Нейчи или Найчи*, — перевал через восточную оконечность Куньлуня, на пути из Цайдама к истоку Янцзы.

¹⁴⁸ *Нагчу* — город в Восточном Тибете, у реки Нагчу (Салуэн), важный узел караванных путей.

¹⁴⁹ *Молитвенное колесо*, или *мельница (ча-кор по-тибетски)*, состоит из металлического цилиндра, иногда серебряного с позолотой и полудрагоценными камнями. К цилиндру прикрепляется цепочка с грузом. Рукоятка — в виде прямой палки, вставленной в полую трубку. Цилиндр украшен резными изображениями священных символов, здесь же высечена формула «Ом мани падме хум». Внутрь вкладываются бумажные полоски с молитвами. Вращение колеса равносильно прочтению молитвы. Некоторые *молитвенные мельницы* вращаются водой или ветром. Применяются только в культе ламаизма.

¹⁵⁰ *Кам*, или *Кхам*, — историческая область на Юго-Востоке Тибета.

¹⁵¹ *Тангла* — высокий хребет в Тибете, простирающийся с запада на восток, от озера Куропаток до хребта Далай-ламы.

¹⁵² *Чунак* — местность, расположенная в двух днях перехода от Нагчу.

¹⁵³ *Ханпо (хамбо)* — главный лама в монастыре, настоятель, то же, что аббат в западноевропейском монастыре.

¹⁵⁴ *Голубкин А. А.* — заведующий хозяйством экспедиции.

¹⁵⁵ *Бурхан* — божество, святой, у монголов-буддистов также изображение Будды или святых; Белый Бурхан в сказаниях Алтая — Майтрея, Будда будущего века мира и справедливости; у монголов-буддистов также священное изображение Будды.

Бодхисаттв и ламаистских святых. На свитках, называемых тханками, *бурханы* написаны красками. Наиболее древние из них отличаются своеобразными художественными достоинствами, что в немалой мере объясняется синтезом достижений живописи Китая и Индии.

¹⁵⁶ *Сучжоу (Усянь)* — город в провинции Цзянсу (Китай), вблизи озера Тайху, центр шелковой промышленности.

¹⁵⁷ *Белл Чарлз Альфред* (1870—1940) — британский политический эмисар в Центральной Азии (1913—1935). Автор книги «Тибет, прошлое и настоящее» (Оксфорд, 1924).

¹⁵⁸ *Ташилунпо (Ташилхунпо)* — монастырь вблизи Шигагце, резиденция панчен-ринпоче, или панчен-ламы, называвшегося также Таши-лама.

¹⁵⁹ *Бейли Фредерик Маршман* — полковник, политический уполномоченный Лондона в Сиккиме. В 1925 г. руководил британской агентурой в Тибете и Синь-зяне. По его указанию экспедиция Н. К. Рериха была задержана на пять месяцев в северных районах Тибета, в результате чего погибли пять участников экспедиции и почти весь караван. См. об этом статью Л. В. Митрохина «Преступление в Гималаях», опубликованную в журнале «Soviet Land» (1972, № 14—15).

¹⁶⁰ Известно несколько мифов о происхождении тибетцев. По одному из них, их прародителями якобы были горная ведьма и самец обезьяны. На самом деле предки тибетцев — цянские племена, с глубокой древности населявшие юго-восточные районы провинции Ганьсу, юго-западную часть провинции Шэньси и северо-западную провинции Сычуань. В этногенезе тибетцев кроме цянов принимали участие древнемонгольские, тюркские и иранские племена.

¹⁶¹ *Делла Пенна ди Билли Франческо Оливеро Орацио* (1680—1745) — монах из ордена капуцинов в Италии. В числе четырех капуцинов отправился в 1708 г. из Катманду (Непал) в Лхасу. Так называемая «Тибетская миссия» субсидировалась Ватиканом. В 1711 г. миссионеры покинули Лхасу и обосновались в Чандер-нагаре, не добившись обращения тибетцев в христианство. В 1714 г. делла Пенна вторично, на этот раз с двумя монахами, прибыл в Лхасу, где в 1725 г. стал преемником местной миссии. Построил в Лхасе небольшую церковь и миссионерский дом. На открытии храма присутствовало 11 христиан (главным образом горцы из Непала) и был «великий лама Лхасы» Семпа Чамбо. В 1733 г. делла Пенна переехал из Лхасы в Катманду, а в 1738 г. с девятью капуцинами отправился из Рима в Тибет через Париж с письмом и подарками от папы далай-ламе. Прибыл в Лхасу в 1740 г. Всего делла Пенна пробыл в Тибете 22 года. Умер в Патане (Непал).

¹⁶² *Сингх Нани* (1826—1882) — индийский геодезист. Первым определил местоположение Лхасы, которой впервые достиг в 1866 г., исследуя район озера Манасаровар и реки Цанпо, и вторично — в 1874 г. В 1867 г. пересек Тибет с запада на восток. В 1877 г. был награжден золотой медалью английского Королевского географического общества.

Тенгриноор (Тенгри-Нур) — большое озеро близ северных склонов хребта Ньенчен-Тангла, на высоте 4627 м.

¹⁶³ *Бако Жак* (1877—?) — французский востоковед, исследовал Тибет в 1906—1907 и 1909—1910 гг. Опубликовал книгу «Жизнь тибетского поэта Миларепы» и другие работы.

¹⁶⁴ *Сонанты* (лат. «Sono» — «звучу», «звучащий») — особая категория звонких согласных, выступающих в качестве вершины слога; в узком значении сонанты — сонорные согласные.

¹⁶⁵ См. прим. 42.

¹⁶⁶ *Адепты* — приверженцы.

¹⁶⁷ *Ван Манен Иоганн* — английский исследователь Индии и Тибета. Известны его книги «Меньшие тибетские тексты», «Песня восточной снежной горы» (Калькутта, 1919), статья «О бонских иконах» (1922) и другие труды.

¹⁶⁸ *Горуда* — в индийской мифологии божественный царь пернатых, изображается в виде получеловека и полуптицы (орла или коршуна), одно из олицетворений огня и солнца, исконный враг и истребитель змей (нагов), относимых к водной стихии. Является ваханом (перевозчиком) «хранителя мира» Вишну.

¹⁶⁹ *Шенраб (Шенрап)* считается основателем религии бон и «спасителем» у бонцев.

¹⁷⁰ *«Риши Ашита...» Риши* — древнеиндийские святые, мудрецы и поэты; некоторым из них приписывается создание тех или иных гимнов Ригведы, эпоса (Рамаяны, Махабхараты). Среди имен *риши* встречаются и мифические, но часть их принадлежит историческим личностям.

¹⁷¹ *Ваджра* (молния) — атрибут многих персонажей религии ламаизма. Имеет вид короткого жезла с перехватом посредине (для руки) и с двумя одинаковыми концами в виде венцов, реже двух полых ажурных шаров. С ваджрой в руке изображается ряд гневных форм ламаистских бодхисаттв, «стражей веры» и некоторых демонов.

¹⁷² *Амрита* — нектар богов, напиток бессмертия. То же — священный напиток *сома*, приготавливавшийся из особого растения и служивший у ариев для жертвенного возлияния богам. Бог Луны *Сом* одновременно был божеством этого напитка.

¹⁷³ *Цветок удумбара* — цветок одного из фикусов (*Fikus glomerata*) соотносимый с пятым буддой из семи последних будд, включая исторического седьмого Будду Сиддхартху Гаутаму Шакьямуни.

¹⁷⁴ *Ваджрапани* — «Несущий ваджру».

¹⁷⁵ *Ваджракила* — имя одного из будд в ламаизме.

¹⁷⁶ *Ямантака* — популярное божество ламаизма, считается гневным воплощением (аватарой) бодхисаттвы Маньчжушри, покровителя знания и учения, слышит «защитником веры» (дхармапала) в ранге бодхисаттвы. Изображается в ужасающем виде, со свирепой мордой, с множеством рук и ног.

¹⁷⁷ *Ваджрадхара* — форма проявления Адибудды, «исконного» Будды, первопринци мира и «хранителя всех тайн».

¹⁷⁸ *Палден (Балден)-лхам* — в религиях ламаизма и бон Матерь Мира. В мифологии Тибета — целительница и одновременно божество разрушительных сил. В индуизме ее прототипом является богиня Кали — супруга (шакти) великого божества Шивы. *Лхам* — хранительница веры (джармапала) в ламаизме и покровительница Лхасы.

¹⁷⁹ *Калачакра* — здесь одно из божеств религии бон (бон-по), изображается держащим ваджру бонской формы; вообще религиозная система в индуизме и буддизме.

¹⁸⁰ См. прим. 32.

¹⁸¹ *Трансгималаи* (транс — лат. trans — «сквозь», «через», означает за, по ту сторону) — обширнейшая область, примыкающая с севера к Главному (Большому) Гималайскому хребту и простирающаяся от озера Манасаровар до поворота Брахмапутры на юг, в Индию.

¹⁸² *Кукунор* — большое озеро северо-западнее Синни.

¹⁸³ *Сыма Цянь* (прибл. 145—86 гг. до н. э.) — древнекитайский историк, в трудах которого получили освещение некоторые страницы прошлого народов Центральной Азии.

¹⁸⁴ *Бактрия (Бактриана)* — историческая область в Азии к северу от Гиндукушского хребта, по обе стороны Амударьи, с главным городом *Бактра* (средневековый Балх, ныне Вазирабад в Афганистане). *Бактрия* простиралась от Гиссарского хребта до Гиндукуша и от Ирана до Памира (территория южных районов современных Таджикской ССР, Узбекской ССР и Северного Афганистана). В 250 г. до н. э. здесь возникло Греко-Бактрийское царство, включавшее также Согд и Маргиану. В период 190—180 гг. до н. э. оно сильно расширило свои владения. Между 140 и 130 гг. до н. э. Греко-Бактрийское царство было завоевано тохарами и область носила название Тохаристан. С I в. н. э. *Бактрия* вошла в состав Кушанского царства, а позднее стала частью государства эфталитов.

¹⁸⁵ *Куйшуй* — Оксус. То же Амударья.

¹⁸⁶ *Юэчжи* — название (в китайских источниках) одного из тохарских племен, завоевавших между 140 и 130 гг. до н. э. Греко-Бактрийское царство, после чего эта область стала именоваться Тохаристаном.

¹⁸⁷ *Хетты* — группа племен Центральной и Восточной Малой Азии, создавших

в первой половине II тысячелетия до н. э. мощное государство и высокую культуру. В XIII в. до н. э. государство *хеттов* распалось.

¹⁸⁸ *Йетс Вальтер Персиваль* (1878—1957) — известный английский востоковед, профессор Лондонского университета в 1932—1946 гг., председатель Китайского общества в 1940—1945 гг., почетный вице-президент Королевского азиатского общества. Автор книг «Китайская бронза» (1925), «Каталог китайских и корейских бронзы, скульптуры...», т. 1—3 (1929—1932) и других трудов. В 1926 г. опубликовал статью о находках П. К. Козлова в Хара-Хото.

¹⁸⁹ *Намру, или Намру-цзон*, находится к западу от озера Тенгриноор.

¹⁹⁰ В конце концов тибетские власти разрешили экспедиции выйти в путь, минуя Лхасу и Шигацзе, через озерный край Тибета — южнее озер Селлинг и Данграюмцо на Сака-цзон, Тенгри-цзон и Шекар-цзон. Сака-цзон — населенный пункт в верховьях реки Брахмапутры, на пути в столицу Непала Катманду; Тенгри-цзон находится в отрогах Большого Гималайского хребта, севернее Джомолунгмы (Эверест); Кампа-цзон — вблизи северной границы Сиккима.

¹⁹¹ «М. Гюк и М. Габел...» М. Хьюк (1813—1860), *Джозеф-Иосиф Габел* (1810—1863) — французские миссионеры из конгрегации лазаристов. В XIX в. занимались исследованием Тибета. Проехали из Северного Китая через Монголию к тибетской границе и оттуда — в Лхасу, которой достигли в 1846 г. Покинув через два с половиной месяца столицу Тибета (из-за интриг китайского резидента), вернулись в Китай. М. Хьюк прожил в Китае около одиннадцати лет: с 1839 по 1844 г. и с 1847 по 1853 г. Из трудов его наиболее известны «Воспоминания о путешествии в Татарию, Тибет и Китай в 1844, 45 и 46 гг.», т. 1—2 (Париж, 1854).

¹⁹² К этому можно добавить, что долину реки Нагчу тибетцы называют «землей лакомства», а саму реку — «рекой вкусной воды» (см.: Е. И. Кычанов, Л. С. Савицкий. Люди и боги страны снегов. М., 1975, с. 13).

¹⁹³ *Торма* — обряд, совершаемый под Новый год; ритуальные изделия из теста в виде трехгранной пирамиды.

¹⁹⁴ *Цзонпон (цзонпен)* — начальник округа, города или крепости в Тибете.

¹⁹⁵ См. прим. 190.

¹⁹⁶ *Кайлас* — здесь вершина в Главном Гималайском хребте, высотой 6714 м. Относится к системе хребта того же названия. По индуистским преданиям, на вершине Кайласа находится обитель и рай Шивы. Место паломничества индусов.

¹⁹⁷ Таши-лама бежал из Ташилхунпо в 1923 г., когда разногласия его с далай-ламой резко обострились. Путь панчен-ламы пролегал через Нагчу, где его едва не настигла вооруженная погоня из Лхасы. От тибетцев Н. К. Рерих слышал о жестокой расправе с родственниками Таши-ламы.

¹⁹⁸ *Мегалитические памятники (дольмены, кромлехи, менгиры), или мегалиты*, — сооружения III—II тысячелетия до н. э. Состоят из огромных камней, имеющих культовое назначение. Чаще встречаются в Западной Европе и на территории СССР — на Кавказе, в Крыму и Сибири.

¹⁹⁹ *Менгиры* — один из видов мегалитических памятников. Это обычно вертикально врытые в землю длинные камни, иногда образующие целые ряды. Встречаются в Европе, Северной Африке и Индии, а также на территории СССР.

²⁰⁰ *Кромлехи* — сооружения из крупных каменных глыб, поставленных вертикально и отдельно друг от друга, в виде круглых или квадратных оград. Относятся к неолиту и бронзовому веку. Встречаются преимущественно в Северной Франции и Англии.

²⁰¹ *Гангток* — столица Сиккима, расположенная на левом (восточном) берегу реки Тисты (Тишты), конечный пункт экспедиции Рерихов. С 1975 г. княжество Сикким — 22-й штат Индии.

²⁰² *Хайден Генри Губерт* (1869—1923) — директор Геологической инспекции Индии. Исследовал район Кампа-цзона и другие местности в Тибете. Собрал коллекцию окаменелых ископаемых. Участвовал в Тибетской пограничной комиссии в 1903—1904 гг. В 1907—1908 гг. оказал услуги афганскому эмиру. Опубликовал в соавторстве с полковником Буррардом «Очерк географии и геологии Гималайских гор и Тибета».

²⁰³ *Ладак (Ладакх)* — северо-восточная часть территории штата Джамму и Кашмир, расположенная между Гималаями и хребтом Куньлунь на высоте около 3000 м. Населена ладакцами, или ладакхами, большинство которых придерживается ламанизма. Главный город Ладака Лех.

²⁰⁴ *Гедин Свен* (1865—1952) — шведский путешественник, исследователь Востока. Путешествовал по Персии и Месопотамии. В 1893—1902 гг. исследовал северо-западную часть Центральной Азии и Тибет, описал Трансгималаи. В 1927—1935 гг. изучал Китай, Монголию, Западный Тибет и Восточный Туркестан. Написал ряд книг о своих экспедициях.

²⁰⁵ *Гарпон (гарпен)* — представитель администрации монастыря в его владениях. Под юрисдикцией гарпона из Тарко находился целый район.

²⁰⁶ *Манасаровар* (или *озеро Нагов*) — огромный водоем, расположенный на высоте 4557 м к юго-востоку от горы Кайлас. Из этого озера вытекает один из основных притоков Инда река Сатлеж. В Индии и Тибете *Манасаровар* считается священным озером, к его берегам совершают паломничества из Тибета и Индии. *Наги* — змеи. В индунтской и буддийской мифологии *наги* обитают в мире преисподней, где владеют полным сокровищ дворцом Пotalа.

²⁰⁷ *Роулинг Сесиль Годфрей* (1870—1917) — бригадный генерал, во время вторжения английских войск в Тибет в 1904 г. командовал Гартонской экспедицией. Автор книг «Великое плато» (1905), «Страна Новая Гвинея» (1913).

²⁰⁸ *Эверест* (тибетское название *Джомолунгма*, непальское — *Сагарматха*) — высочайшая вершина мира, высота ее 8848 м.

²⁰⁹ *Гуркхи (гурки)* — потомки раджпутов, переселившихся из Индии в Непал. Прежде это наименование относилось к английским колониальным войскам, набранным в Непале; ныне гуркхами называют себя также и другие местные народности этого района.

²¹⁰ «*Непальская война 1792 г...*» Гуркхские войска летом 1791 г. снова вторглись в Тибет (перед этим в 1788 г.) и опустошили страну. Причиной конфликта послужили меры правительства Лхасы, направленные на предотвращение утечки серебра из Тибета в Непал.

²¹¹ *Катманду*, или *Катхманду*, — столица гималайского государства Непал, расположенная в долине Катхманду на реке Вишнумати на высоте 1337 м над уровнем моря.

²¹² *Река Лачэн* — приток реки Тисты в Сиккиме.

²¹³ *Епитимья* — здесь аскеза, например пост, вообще налагается церковью как наказание.

²¹⁴ См. прим. 190.

²¹⁵ *Тара Белая* считается женской бодхисаттвой, главной богиней в буддизме, Великой Матерью Мира, богиней милосердия, покровительницей человечества.

Тара Зеленая — «борец со злом» в ранге бодхисаттвы.

²¹⁶ *Шарипутра и Могаллана* — два выдающихся ученика Будды; над их прахом в Санчи (Индия) воздвигнута ступа. В ее реликварной камере найдены два каменных ящика, в которых хранилась шкатулка с именами этих подвижников на крышке.

²¹⁷ «*Небольшое различие между техникой фресок и обычной живописью на тханках...*» Фреска пишется водяными красками по сырой штукатурке (итал. fresco — «свежий»); тханки же писались по загрунтованному мелом полотну преимущественно минеральными красками, растертыми в порошок и смешанными с водой и особым клеем. Следовательно, техника живописи здесь совершенно различная и есть основание говорить о технике стенописи, а не фрески, так как в стенописи применяется и нефресковая техника.

²¹⁸ *Сэпо-ла* — перевал у восточной оконечности массива Канченджанги.

²¹⁹ *Лачэн* — населенный пункт на севере Сиккима у реки Тисты (Тишты)

О Г Л А В Л Е Н И Е

Академик А. П. Окладников, В. Е. Ларичев. <i>Предисловие</i>	5
В. Е. Ларичев. <i>Слово о Юрии Николаевиче Рерихе</i>	11
<i>От автора</i>	29
Кашмир—Ладак	31
Из Леха в Хотан. Великий каракорумский путь	46
Хотан	61
Хотан — Кашгар	75
Великий северный путь в Урумчи	84
Урумчи и Джунгария	96
Монголия	103
Подготовка к путешествию	121
Улан-Батор — Юм-бэйсэ	126
По юго-западной Гоби	137
Воинственный Джа-лама	148
Среди цайдамских монголов	156
Через Цайдам	168
Великое Тибетское нагорье	176
У ворот Тибета. Задержанье в Чунаке и гибель каравана	189
Хорпы и их страна	206
Нагчу	230
Район Великих озер. Намру-цзон — Сака-цзон	244
Из Сака-цзона в Сикким	270
Николай Тихонов. Ю. Н. Рерих. <i>Вместо послесловия</i>	286
С. И. Тютчев. <i>Комментарий</i>	288

Рерих Ю. Н.

Р42 По тропам Срединной Азии. — Хабаровск: Кн. изд., 1982. — 304 с., ил. — («Первопроходцы»).

Первая публикация на русском языке путевых записок Ю. Н. Рериха, участника Центральноазиатской экспедиции (1923—1928) выдающегося русского художника Н. К. Рериха. Книга Ю. Н. Рериха хорошо дополняет книгу его отца «Алтай — Гималаи», изданную в Москве в 1974 г., а также «Из литературного наследия» (М., 1974), «Зажигайте сердца» (М., 1975) и «Избранное» (М., 1979) Н. К. Рериха. Фотографии, опубликованные в книге Ю. Н. Рериха, переданы издательству И. М. Богдановой-Рерих.

Книга «По тропам Срединной Азии» выходит к 80-летию со дня рождения Ю. Н. Рериха.

**Р 80102—51
M160(03)—82**

ББК 87.8

7

Р42

Юрий Николаевич Рерих

ПО ТРОПАМ СРЕДИННОЙ АЗИИ

Редактор В. С. Шевченко

Художественный редактор А. В. Колесов

Технические редакторы Е. С. Польщикова,

Н. Б. Хохлова

Корректоры В. М. Сосновская,

О. В. Коренькова

ИБ № 735

Сдано в набор 30.06.81. Подписано к печати 06.05.82. ВЛ 08468. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. 22,23 усл. печ. л. 22,69 уч.-изд. л. 23,11 усл. кр.-отт. Тираж 30 000 экз. Заказ 149. Цена 1 р. 50 к. Хабаровское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31. Типография № 1 краевого управления издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

ХАБАРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

